ДЖОН ДУГЛАС,
прототип героя сериала **MINDHUNTER**,
и **МАРК ОЛШЕЙКЕР**

ОСОБЫЙ
ОТДЕЛ ФБР
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
СЕРИЙНЫХ
УБИЙСТВ

ОХОТНИК ЗА РАЗУМОМ

Annotation

ТЕПЕРЬ СЕРИАЛ NETFLIX.

Легендарный профайлер ФБР Джон Дуглас, прототип Джека Кроуфорда из «Молчания ягнят», раскрывает мрачные тайны самых жестоких серийных убийц и преступников.

За двадцать пять лет работы в Отделе содействия расследованиям специальный агент Джон Дуглас стал легендой ФБР, первым начав беседовать с серийными убийцами, чтобы понять их мотивы, привычки и слабости, – и тем самым заложив основы криминального профилирования. Он преследовал самых жестоких маньяков своего времени: охотника на проституток в лесах Аляски, убийцу детей в Атланте и Убийцу с Грин-Ривер, дело которого едва не стоило ему жизни.

С поразительной детализацией Дуглас рассказывает о расследованиях, анализируя сцены преступлений, воссоздавая действия убийц и жертв, выявляя их привычки и предсказывая следующие шаги. Через интервью с Чарльзом Мэнсоном, Тедом Банди и Дэвидом Кемпером Дуглас демонстрирует, как его новаторский подход позволял вычислять и ловить опаснейших преступников. Захватывающая и пугающая, эта книга раскрывает, как работает разум убийцы – и как его можно перехитрить.

«Джон Дуглас – блестящий специалист… Он знает о серийных убийцах больше, чем кто-либо еще во всем мире». – *Джонатан Демм, режиссер фильма «Молчание ягнят»*

«Когда дело доходит до тру-крайма, ни у кого нет таких историй, как у Джона Дугласа». – *Philadelphia Inquirer*

- Джон Дуглас, Марк Олшейкер
  -
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3

    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

Джон Дуглас, Марк Олшейкер Охотник за разумом. Особый отдел ФБР по расследованию серийных убийств

John E. Douglas and Mark Olshaker
MINDHUNTER: INSIDE THE FBI'S ELITE SERIAL CRIME UNIT
Copyright © 1995 by Mindhunters, Inc.
Оригинальное издание опубликовано издательством Scribner, импринтом Simon & Schuster, LLC (США).
© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*** * ***

Сотрудникам отдела поведенческих наук
и отдела содействия расследованиям ФБР,
Куантико, Вирджиния, настоящим и будущим, —
моим товарищам в нелегком пути

Зло скрой хоть в преисподней,
Но выползет оно на суд людской…

Уильям Шекспир. Гамлет (пер. П. Гнедича)

Пролог
Наверное, я в аду

Наверное, я в аду. Это было единственным логическим объяснением. Меня раздели догола и связали. Боль была невыносимой. Мои руки и ноги резали острыми ножами. Что-то совали во все отверстия тела. Я задыхался и давился предметом, торчавшим у меня из глотки. Острые штуки затолкали мне в уретру и в анус; казалось, меня разрывают на части. Я тонул в собственном поту. Потом я понял, что происходит: меня пытают все убийцы, насильники и растлители малолетних, которых я засадил в тюрьму. Теперь я был жертвой и не мог сопротивляться.

Я хорошо знал, как действуют такие парни: я видел это сотни раз. Они стремятся доминировать над своей добычей и манипулировать ею. Хотят решать, жить ей или умереть, – а если умереть, то как именно. Они будут поддерживать во мне жизнь, оживлять всякий раз, как я отключусь и приближусь к смерти, стараясь причинять при этом максимум страданий. Они могут делать это множество дней подряд.

Они хотят показать мне, что я в их власти, что я полностью зависим от них. Чем больше я буду кричать и молить о пощаде, тем сильней подпитаю и возбужу их кошмарные фантазии. Если я начну умолять или звать мамочку с папочкой, это их только заведет.

Такова моя расплата за шесть лет, что я ловлю худших людей на планете.

Мое сердце отчаянно колотилось, я весь горел. Меня пронзила жуткая боль – кто-то протолкнул острую штуку еще глубже в мой пенис. Все мое тело содрогнулось в агонии.

Боже, прошу тебя, если я еще жив, дай мне умереть быстро. А если мертв, спаси скорей от адских мук!

Потом я увидел яркий белый свет – точно такой, о котором рассказывают люди, пережившие клиническую смерть. Я ожидал увидеть Христа, или ангелов, или дьявола – об этом я тоже слышал. Но нет, передо мной был только яркий белый свет.

Но я услышал голос – ласковый, успокаивающий, самый сладкий из всех, что мне приходилось слышать.

Джон, не волнуйтесь. Мы стараемся вам помочь.

Это было последнее, что я запомнил.

– Джон, вы меня слышите? Не волнуйтесь. Успокойтесь. Вы в госпитале. Вы очень больны, но мы стараемся вам помочь.

Вот что на самом деле сказала мне медсестра. Она понятия не имела, слышу ли я ее, но продолжала повторять это, стараясь меня успокоить, снова и снова.

Хотя тогда я понятия не имел, где нахожусь, я лежал в палате интенсивной терапии Шведского госпиталя в Сиэтле – в коме и на аппаратах жизнеобеспечения. Мои руки и ноги привязали к кровати. К телу шли трубки, катетеры и провода. Врачи опасались, что я не выживу. Был декабрь 1983-го, и мне было тридцать восемь лет.

История началась тремя неделями ранее на другом конце страны. Я был в Нью-Йорке, читал лекцию по криминальному профилированию перед аудиторией из 350 сотрудников Департамента полиции Нью-Йорка, транспортной полиции, а также департаментов Нассау, Лонг-Айленда и округа Суффолк. Я выступал с этой лекцией сотни раз и мог прочесть ее от начала до конца на автопилоте.

Внезапно мой разум начал блуждать. Я продолжал говорить, но весь покрылся холодным потом и подумал: *как, черт подери, я справлюсь со всеми этими делами*? Я только-только закончил с делом Уэйна Уильямса – убийствами детей в Атланте – и с Убийцей с 22-м калибром в Баффало, как меня вызвали на дело Лесного убийцы в Сан-Франциско. Я консультировал Скотленд-Ярд по делу Йоркширского потрошителя в Англии. Постоянно мотался на Аляску, где работал над делом Роберта Хансена – пекаря из Анкориджа, который похищал проституток, увозил их на своем самолете в лес и там охотился на них. Мне надо было найти серийного поджигателя синагог в Хартфорде, Коннектикут. А через неделю лететь в Сиэтл помогать следственной группе с убийствами на Грин-Ривер – самой большой серией убийств в истории Америки, жертвами которой были преимущественно проститутки и бродяги с шоссе Сиэтл – Такома.

В последние шесть лет я разрабатывал новый подход к криминальному анализу и был единственным сотрудником отдела поведенческих наук, занимавшимся исключительно оперативными делами. Все остальные в основном преподавали. На мне одновременно

висело примерно 150 активных расследований, и я находился в командировках около 125 дней в году. На меня давили копы на местах, сами испытывавшие громадное давление со стороны местного сообщества и семей жертв, которым я искренне сочувствовал. Я старался расставлять приоритеты, но новые обращения поступали ко мне день за днем. Мои коллеги в Куантико шутили, что я вроде проститутки – не могу сказать клиентам нет.

Во время той лекции в Нью-Йорке, продолжая говорить о разных типах личности преступников, я мыслями перенесся в Сиэтл. Я был в курсе, что отнюдь не вся следственная группа хочет видеть меня там – так было всегда. В любом крупном расследовании, куда меня приглашали оказать новую услугу, которую большинство копов и даже начальство в Бюро до сих пор считали недалеко ушедшей от колдовства, мне приходилось сначала ее «продавать». Я должен был убедить их, не проявляя при этом самоуверенность и дерзость. Должен был дать понять, что знаю, какую серьезную, профессиональную работу они проделали, и в то же время внушить скептикам, что ФБР может помочь. А самое ужасное, в отличие от обычных агентов ФБР, действующих по принципу «только факты, мэм», я имел дело с *мнениями*. Я жил в постоянном сознании того, что, если ошибусь, собью расследование с пути и погибнут еще люди. Мало того, это будет последний гвоздь в крышку гроба моей новой программы по криминальному профилированию и анализу, в которую я вложил столько сил.

Некоторые поездки были настоящим испытанием. Я несколько раз летал на Аляску – через четыре часовых пояса, а потом еще на легком самолете прямо над водой, так что приходилось стискивать зубы и молиться. Едва добравшись и переговорив с местной полицией, я снова прыгал в самолет и мчался назад в Сиэтл.

Приступ паники длился примерно с минуту. Потом я сказал себе: *А ну, Дуглас, соберись! Возьми себя в руки*. И смог это сделать. Не думаю, что кто-нибудь в аудитории заподозрил неладное. Но я не мог избавиться от ощущения, что со мной вот-вот произойдет нечто страшное.

По этой причине, вернувшись в Куантико, я пошел в службу персонала и подписал бумаги на дополнительное страхование жизни и доходов на случай инвалидности. Не могу сказать, что именно

заставило меня это сделать, кроме туманного, но неотступного предчувствия беды. Я был измотан физически, слишком много тренировался и пил, пожалуй, больше обычного в попытке справиться со стрессом. У меня начались проблемы со сном, а когда я все-таки засыпал, меня будили звонки от людей, нуждавшихся в моей неотложной помощи. Засыпая, я надеялся, что во сне меня посетит прозрение насчет какого-нибудь из дел, которые я вел. Оглядываясь назад, я понимаю, что уже тогда было ясно, к чему все идет, но в любом случае я ничего не мог с этим поделать.

По дороге в аэропорт я притормозил возле начальной школы, где Пэм, моя жена, занималась с детьми с проблемами обучения, чтобы сказать ей о дополнительной страховке.

– Почему ты мне это говоришь? – спросила она, обеспокоенная. У меня раскалывалась голова; Пэм заметила, что мои глаза покраснели и вообще я выгляжу странно.

– Я просто хотел, чтобы ты все знала, прежде чем я улечу, – ответил я. Мы с ней растили двух дочерей; Эрике тогда было восемь, а Лорен – три.

Я взял с собой в Сиэтл двоих новых спецагентов, Блейна Макилвейна и Рона Уокера, чтобы ввести их в курс дела. Мы прилетели ночью и заселились в отель «Хилтон». Распаковывая чемодан, я понял, что захватил с собой только одну черную туфлю. То ли я забыл вторую, то ли потерял ее где-то по пути – так или иначе, ее не было. На следующее утро мне предстояло выступить с презентацией в Департаменте полиции округа Кинг, и я решил, что без черных туфель никак не обойтись. Я всегда старался хорошо одеваться, а из-за переутомления и стрессов черные туфли к костюму превратились для меня практически в наваждение. Поэтому я бросился на улицу и кое-как отыскал открытый обувной магазин. В отель я вернулся еще более измученным, но с подходящей парой черных туфель.

Назавтра была среда, и я выступал с презентацией перед полицией, представителями порта Сиэтла и двумя местными психологами, которых привлекли к расследованию. Все спрашивали о составленном мною профиле убийцы, о том, не может ли преступников быть двое, к какому типу личности он – или они – может принадлежать. Я попытался донести до них, что в делах такого типа

психологический профиль не имеет принципиального значения. Я хорошо представлял себе тип убийцы, но был уверен, что под описание подойдет множество людей.

Более важным в той серии убийств была, как я им объяснил, *проактивная* техника, подразумевавшая, что усилия полиции и прессы будут направлены на то, чтобы заманить убийцу в ловушку. Например, я предложил полиции несколько общественных собраний, чтобы обсудить преступления. Я был почти уверен, что убийца придет на одно или более из них. Я также считал, что это поможет ответить на вопрос, имеем мы дело с одним или несколькими преступниками. Еще я предлагал опубликовать в прессе статью, где бы говорилось, что нашелся свидетель одного из похищений. Я считал, что так мы заставим убийцу воспользоваться собственной проактивной стратегией и явиться с объяснением, почему его могли видеть поблизости. Единственное, в чем я был уверен, – человек, стоящий за этой серией, сам не остановится.

Потом я дал команде рекомендации, касающиеся ведения допросов потенциальных подозреваемых – как тех, на которых они выйдут сами, так и разных сумасшедших, непременно возникающих в поле зрения полиции при громких расследованиях. Макилвейн, Уокер и я провели остаток дня, объезжая места, где убийца выбрасывал трупы, и к вечеру, когда мы вернулись в отель, я был выжат как лимон.

За выпивкой в баре отеля, где мы пытались немного расслабиться перед сном, я сказал Блейну и Рону, что плохо себя чувствую. У меня по-прежнему болела голова, и я предположил, что подцепил грипп, поэтому попросил их прикрыть меня в полиции на следующий день. Я подумал, мне будет лучше отлежаться, так что, когда мы распрощались, я повесил на дверь табличку «не беспокоить», а своим коллегам сказал, что встречусь с ними в пятницу утром. Последнее, что я помню, – как сидел на кровати, пытаясь раздеться, и чувствовал себя просто ужасно.

В четверг двое моих агентов отправились в окружной суд Кинга дальше рассказывать о стратегиях, намеченных мной. Как я и просил, они весь день меня не беспокоили, чтобы я отошел от гриппа.

Но когда я не явился на завтрак в пятницу утром, они забеспокоились. Позвонили мне в номер – ответа не было. Они пришли и начали стучать в дверь. По-прежнему тишина.

Встревоженные, они попросили у менеджера ключ, поднялись и отперли дверь, но на нее оказалась наброшена цепочка. Из номера до них донесся слабый стон.

Они выбили дверь и ворвались внутрь. Я лежал на полу, как они выразились, «в позе лягушки», частично одетый – похоже, пытался дотянуться до телефона. Левая половина моего тела содрогалась в конвульсиях; Блейн сказал, что я весь горел.

Из отеля позвонили в Шведский госпиталь, откуда немедленно выехала скорая. Блейн и Рон по телефону передали им мои показатели: температура 41, пульс 220. Левую сторону у меня парализовало; в скорой судороги продолжились. В отчете впоследствии указали «синдром кукольных глаз» – они были открыты и расфокусированы.

Как только мы приехали в госпиталь, меня обложили льдом и начали внутривенно вливать огромные дозы фенобарбитала, чтобы остановить судороги. Доктор сказал Блейну и Рону, что таким количеством снотворного, что мне ввели, можно было усыпить половину Сиэтла.

Он также сообщил моим агентам, что, несмотря на усилия врачей, я, скорее всего, умру.

– Выражаясь простым языком, – сказал доктор, – его мозг поджарился до корки.

Было 2 декабря 1983 года. Моя новая страховка вступила в действие сутки назад.

Начальник нашего отдела Роджер Депью поехал в школу к Пэм, чтобы лично сообщить ей новости. Они с моим отцом Джеком сразу же вылетели в Сиэтл, оставив девочек с моей мамой Долорес. Двое агентов из полевого офиса ФБР в Сиэтле, Рик Мэзерс и Джон Байнер, встретили их в аэропорту и привезли прямиком в госпиталь. Там-то они и узнали, насколько все серьезно. Врачи постарались подготовить Пэм к моей смерти и сказали, что даже если я выживу, то, скорее всего, останусь овощем – еще и слепым. Верующая католичка, она пригласила священника, чтобы меня соборовать, но он, узнав, что я пресвитерианин, отказался. Блейн и Рон вытолкали его из палаты и нашли другого, не такого щепетильного, которого и попросили прийти помолиться за меня.

Неделю я пролежал в коме, между жизнью и смертью. Правила отделения интенсивной терапии позволяли навещать больных только

членам семьи, поэтому мои коллеги из Куантико, Рик Мэзерс и другие из офиса в Сиэтле стали представляться моими близкими родственниками.

– Большая у вас семья, – язвительно заметила одна медсестра, обращаясь к Пэм.

И это не было только шуткой. В Куантико мои коллеги, возглавляемые Биллом Хэгмайером из отдела поведенческих наук и Томом Коламбеллом из Национальной академии, устроили сбор средств, чтобы Пэм и мой отец смогли побыть со мной в Сиэтле подольше. Полицейские со всей страны делали свои взносы. Одновременно уже велась подготовка к перевозке моего тела в Вирджинию для похорон на военном кладбище в Куантико.

В конце первой недели Пэм, мой отец, агенты и священник встали в круг возле моей кровати, взялись за руки – меня взяли тоже – и стали молиться надо мной. Той ночью я вышел из комы.

Помню, как я удивился, увидев Пэм с отцом рядом, и как долго не мог понять, где нахожусь. Поначалу я не мог говорить; левая половина лица не слушалась, и левая сторона тела еще была частично парализована. Речь возвращалась постепенно, но говорил я с трудом. Через некоторое время я начал шевелить левой ногой, движение стало возвращаться. Горло ужасно болело от трубки, через которую я дышал. Меня перевели с фенобарбитала на дилантин для контроля за судорогами. После многочисленных обследований, снимков и пункций спинномозговой жидкости мне наконец поставили диагноз: вирусный энцефалит, осложненный последствиями стресса и общей ослабленностью организма. Мне повезло остаться в живых.

Однако выздоровление было медленным и тяжелым. Мне пришлось заново учиться ходить. Появились проблемы с памятью; чтобы помочь мне запомнить фамилию лечащего врача, Сигал – «чайка» на английском, – Пэм принесла мне фигурку чайки из морских ракушек на деревянной подставке. В следующий раз, когда доктор зашел меня осмотреть и спросил, помню ли я, как его зовут, я пробормотал:

– Конечно, доктор Чайка.

Несмотря на заботу, которой меня окружили, процесс реабилитации меня сильно раздражал. Я никогда не мог подолгу

усидеть на месте. Директор ФБР Уильям Вебстер позвонил поддержать меня. Я сказал ему, что вряд ли в будущем смогу стрелять.

– Об этом не беспокойтесь, Джон, – ответил он. – Нам нужна ваша голова.

Я не сказал ему, что и от головы, кажется, тоже ничего не осталось.

Наконец я выписался из Шведского госпиталя и приехал домой – за два дня до Рождества. Прежде чем уйти, я подарил персоналу отделения интенсивной терапии благодарственные таблички за все, что они сделали для спасения моей жизни.

Роджер Депью встретил нас в аэропорту Далласа и довез до дома во Фредериксберге, где меня ждали с американским флагом и гигантским транспарантом «Добро пожаловать домой, Джон». Я похудел килограммов на пятнадцать; дочери Эрика и Лорен были так расстроены моим видом и тем, что я сижу в инвалидном кресле, что с тех пор боялись любых моих командировок.

Рождество выдалось невеселым. К нам пришло несколько друзей: Рон Уокер, Блейн Макилвейн, Билл Хэгмайер и еще один агент из Куантико, Джим Хорн. Я начал вставать из инвалидного кресла, но ходить мне было трудно, и разговаривать тоже. Я постоянно плакал и не мог полагаться на свою память. Когда Пэм или отец возили меня по Фредериксбергу, я не мог понять, какие здания новые, а какие были там давно. Я чувствовал себя так, будто перенес инсульт, и гадал, смогу ли когда-нибудь вернуться на работу.

Я очень сердился на Бюро за то, через что был вынужден пройти. В предыдущем феврале я обращался к заместителю директора Джиму Маккензи. Я сказал, что не могу работать в таком темпе, и попросил людей себе в помощь.

Он отнесся ко мне с сочувствием, но ответил как обычно:

– Ты же знаешь, как у нас все устроено. Надо уработаться вусмерть, чтобы на тебя обратили внимание.

Мало того что я не получал поддержки, благодарности от Бюро тоже было не дождаться. Даже наоборот. Хотя в предыдущем году я рвал задницу, чтобы поймать убийцу детей из Атланты, мне вкатили выговор за статью в газете «Ньюпорт ньюс», Вирджиния, сразу после ареста Уэйна Уильямса. Репортер спросил меня, что я думаю об

Уильямсе как о подозреваемом; я ответил, что он «подходит» и, если полиция постарается, он «подойдет» и к другим убийствам из серии.

Хотя фэбээровское начальство само попросило меня дать интервью, мне сказали, что я не имел права так высказываться о текущем деле. Они заявили, что меня предупреждали перед интервью журналу «Пипл» несколькими месяцами ранее. Как типично для этих бюрократов! Меня вызывали в отдел профессиональной ответственности в штаб-квартире в Вашингтоне, и через полгода бюрократических разбирательств я получил письменный выговор. Позднее я получил благодарность – тоже письменную – за то дело. Такое вот признание за помощь в раскрытии серии убийств, которую пресса уже окрестила «преступлением века».

Тем, чем мы занимаемся на работе, затруднительно делиться с кем бы то ни было, даже с женой. Когда целыми днями смотришь на мертвые изуродованные тела, особенно детские, это не хочется тащить домой. Ты не можешь воскликнуть за обеденным столом: «У нас сегодня было классное убийство на почве секса. Давай-ка я тебе о нем расскажу!» Вот почему полицейские часто женятся на медсестрах – они хотя бы отчасти понимают характер нашей работы.

Тем не менее, отправляясь с девочками в парк или в лес, я частенько ловил себя на мысли: *Тут все выглядит так, как при том-то убийстве, где мы нашли восьмилетку*. Как бы я ни дрожал за их безопасность с учетом всего, что успел повидать, я не мог себя заставить эмоционально вовлекаться в мелкие – хотя и важные – детские проблемы. Когда я возвращался домой и Пэм говорила, что одна из девочек упала с велосипеда и пришлось накладывать швы, у меня перед глазами вставал протокол вскрытия ребенка ее возраста, и я думал о швах, которые пришлось наложить патологоанатому, чтобы подготовить тело для похорон.

У Пэм был свой круг знакомых, интересовавшихся местной политикой, которая нисколько меня не трогала. С моими командировками на нее ложилась львиная доля ответственности за воспитание детей, оплату счетов и ведение хозяйства. Это была одна из многих проблем в нашем браке, и я понимал, что, по крайней мере, старшая дочь, Эрика, ощущает царившее в доме напряжение.

Я не мог избавиться от неприятного чувства, что Бюро сделало все это со мной. Примерно через месяц после возвращения домой я

жег во дворе сухие листья. Повинуясь внезапному импульсу, я сгреб все копии профилей, которые были у меня дома, все статьи, которые написал, выволок их на улицу и швырнул в огонь. Я испытал чуть ли не катарсис, избавившись от этой макулатуры.

Несколько недель спустя, когда я смог опять сесть за руль, я поехал на Национальное кладбище Куантико посмотреть, где меня собирались хоронить. Могилы там располагались по датам смерти, и если бы я умер первого или второго декабря, то получил бы самое невыгодное место – рядом с девушкой, которую зарезали на дороге неподалеку от нашего дома. Я работал над ее делом, и убийство до сих пор оставалось нераскрытым. Стоя там и размышляя, я вспомнил, сколько раз советовал полиции установить наблюдение на кладбище, потому что убийца может туда прийти. Какой иронией было бы, установи они наблюдение сейчас и прими меня за подозреваемого!

Четыре месяца после того приступа в Сиэтле я пробыл на больничном. У меня образовались тромбы в ногах и в легких – осложнение после болезни и долгого лежания в постели, – и я до сих пор с трудом ходил. Я не знал, смогу ли продолжать работать и хватит ли у меня уверенности, если даже смогу. Тем временем Рой Хейзелвуд взял на себя мои текущие расследования, кое-как совмещая это с преподаванием.

Впервые я вернулся в Куантико в апреле 1984-го, чтобы выступить перед собранием из пятидесяти профайлеров, сотрудников полевых офисов ФБР. Я вошел в аудиторию в тапочках – мои ноги до сих пор сильно отекали от тромбов, – и агенты со всей страны встретили меня стоячей овацией. Их реакция была спонтанной и искренней, ведь эти люди лучше, чем кто бы то ни было, понимали, чем я занимаюсь и чего пытаюсь достичь в Бюро. Впервые за много месяцев я чувствовал, что оценен по достоинству. А еще чувствовал, что вернулся домой.

Месяц спустя я снова приступил к работе.

Глава 1
Внутри разума убийцы

Поставить себя на место охотника.

Вот что мне надо было сделать. Вспомните фильмы о живой природе, например льва на равнинах Серенгети. Он смотрит на гигантскую стаю антилоп возле водопоя. И каким-то образом – мы видим все его глазами – выделяет из тысячи животных одно. Лев приучил себя чуять слабость, уязвимость – нечто, отличающее эту антилопу от остальных и делающее ее идеальной жертвой.

То же самое касается и людей. Если ты один из них, каждый твой день превращается в охоту. Ты ищешь жертву и возможность напасть. Например, ты оказался в торговом центре, где бродят тысячи посетителей. Ты идешь в салон видеоигр; там человек пятьдесят ребятишек. Тебе надо быть охотником, быть профайлером, чтобы присмотреть подходящую добычу. Надо прикинуть, кто из этих пятидесяти детей наиболее уязвим, кто больше годится на роль жертвы. Ты оцениваешь, как эти дети одеты. Ты должен уметь считывать их невербальные сигналы. У тебя всего несколько секунд, поэтому ты должен быть в этом очень, очень хорош. Принимая решение, ты должен знать, как по-тихому вывести ребенка из торгового центра, не вызвав ни малейших подозрений, – притом что его родители тут же, на пару этажей ниже. У тебя нет права на ошибку.

Такими преступниками движет охотничий инстинкт. Если замерить у одного из них гальваническую реакцию кожи в момент, когда он сосредоточен на потенциальной жертве, думаю, эта реакция будет ровно такой, как у льва в саванне. И неважно, говорим мы о маньяке, охотящемся за детьми, юными девушками, стариками, проститутками или любой другой конкретной группой, или о тех, у кого нет предпочитаемого типа жертв. В каком-то смысле все они одинаковые.

Но между ними есть и различия, которые как раз и дают ключ к их индивидуальности. Эти различия подарили нам новое оружие для раскрытия определенных типов насильственных преступлений, а также для выявления, поимки и судебного преследования виновных.

Большую часть своей профессиональной карьеры спецагента ФБР я потратил на разработку этого оружия и именно о нем рассказываю в книге. Любое тяжкое преступление, совершенное с начала времен, ставит нас перед принципиальным, фундаментальным вопросом: какой человек мог сотворить такое? Профилирование и криминалистический анализ, которыми мы занимаемся в отделе содействия расследованиям ФБР, направлены на решение этого вопроса.

Поведение отражает индивидуальность.

Не всегда бывает легко – и никогда не бывает приятно – представлять себя в роли этих людей и внутри их разума. Но именно этим занимаемся мы с моими сотрудниками. Стараемся почувствовать, что значит быть каждым из них.

Все, что мы видим на месте преступления, рассказывает нам нечто об НС – на полицейском жаргоне «неизвестном субъекте», – который это преступление совершил. Стараясь исследовать максимальное количество известных нам преступлений и беседуя с «экспертами» – самими преступниками, – мы учимся интерпретировать эти подсказки, как врач, оценивающий симптомы, чтобы поставить диагноз. И если врачу для этого требуется изучить различные проявления болезни, то мы делаем свои заключения на основании паттернов, которые также изучили заранее.

Однажды в начале 1980-х, когда занимался опросами убийц, сидящих в тюрьмах, для нашего научного исследования, я как-то сидел в кружке жестоких преступников в старинной тюрьме штата Мэриленд в Балтиморе – каменном готическом здании. Каждый из присутствовавших представлял для меня определенный интерес: там были убийца полицейского, детоубийца, наркоторговцы и рэкетиры, – но больше всего мне хотелось поговорить с каким-нибудь убийцей и насильником насчет его модус операнди, и я спросил других заключенных, не знают ли они кого.

– Ага, есть тут такой Чарли Дэвис, – отозвался один из них, но остальные возразили, что он вряд ли станет говорить с федералом. Кто-то побежал в тюремный двор позвать его. Ко всеобщему удивлению, Дэвис явился и присоединился к кружку скорее из любопытства или скуки, чем по каким-то еще причинам. В чем я наверняка убедился в ходе своих изысканий, так это в том, что у заключенных куча времени и мало возможностей его занять.

Обычно, когда мы проводили интервью в тюрьме – а в них и состояла суть исследования, – старались заранее узнать о преступнике как можно больше. Мы изучали материалы дела, фотографии с места преступления, отчеты о вскрытиях, протоколы заседаний суда – все, что могло пролить свет на его мотивы или особенности личности. Это необходимо еще и для того, чтобы не позволить объекту играть с вами в игры развлечения ради. Но в данном случае, конечно, я не готовился, потому решил принять это как данность и постараться воспользоваться возможностью.

Дэвис оказался двухметровым громилой слегка за тридцать, чисто выбритым и вообще довольно ухоженным. Я начал со слов:

– У вас передо мной фора, Чарли. Я не знаю, что вы натворили.

– Убил пять человек, – ответил он.

Я попросил его описать места преступлений и то, что он сделал с жертвами. Так выяснилось, что Дэвис был водителем скорой помощи. Он душил женщину, бросал ее труп на обочине дороги на своем участке, делал анонимный звонок и отвечал на вызов – забирал тело. Когда он клал жертву на носилки, никто не знал, что убийца тут, среди сотрудников спасательных служб. Такая степень контроля и влияния заводила и возбуждала его больше всего. Подобные сведения о техниках и приемах убийства всегда давали мне немало подсказок.

Например, удушение указывало, что он – убийца спонтанный и в первую очередь его интересует изнасилование.

Я ему сказал:

– Вы поклонник полицейской работы. Хотели сами быть копом, представителем власти, а вместо этого занимались пустяковой работой, не соответствовавшей вашим способностям.

Он засмеялся и ответил, что его отец служил в полиции лейтенантом.

Я попросил его описать свой модус операнди: он замечал красивую молодую девушку и следил за ней, пока она не заедет, например, на парковку ресторана. Через отцовские контакты в полиции пробивал номера ее машины. Потом, зная имя владельца, звонил в ресторан и просил передать ей, что она оставила включенными фары. Девушка выходила, и он ее похищал – заталкивал в свою или в ее машину, надевал наручники и увозил.

Он описал по порядку все пять убийств так, словно заново проживал их. Когда он добрался до последнего, то упомянул, что прикрыл жертву, сидевшую на переднем сиденье. Об этой детали он сообщил в первый раз.

В этот момент я решил переломить ход разговора и обратился к нему.

– Чарли, – сказал я, – давайте теперь я о вас расскажу. У вас проблемы в отношениях с женщинами. Когда вы впервые убили, у вас были еще и финансовые трудности. Вам было под тридцать, и вы понимали, что ваши способности не соответствуют вашей работе, все вокруг раздражало вас и выводило из себя.

Он вроде как кивнул. Неудивительно: пока я не сказал ничего, о чем нельзя было догадаться.

– Вы крепко выпивали, – продолжал я. – Задолжали денег. Ссорились с сожительницей (о сожительнице он не упоминал, но я был уверен, что он жил с кем-то). По вечерам, когда становилось совсем невыносимо, вы выходили на охоту. Вам надо было на кого-то выплеснуть злость.

Я видел, как меняется язык тела Дэвиса, как он открывается. Опираясь на ту скудную информацию, что он предоставил, я продолжил:

– Но с той последней жертвой все вышло нехарактерно для вас. Вы проявили снисхождение, не как с остальными. После изнасилования вы позволили ей одеться. Прикрыли ее с головой. Вы не поступили так, как с предыдущими четырьмя. В отличие от остальных, ее вы пожалели.

Когда вас начинают слушать внимательней, вы понимаете, что задели нужную струну. Я знал это по тюремным интервью и неоднократно использовал при допросах. Я увидел, что полностью завладел его вниманием.

– Жертва сказала вам нечто, заставившее испытывать раскаяние за ее убийство. Но вы все равно ее убили.

Внезапно он побагровел, как свекла. Казалось, он впал в подобие транса – я видел, что у себя в голове он опять вернулся на место преступления. Он неохотно признался, что, по словам женщины, у ее мужа были серьезные проблемы со здоровьем и она очень за него волновалась; тот тяжело болел, возможно, умирал. Не исключено, что

с ее стороны это была уловка, а может, и нет – я не проверял. Но это определенно оказало влияние на Дэвиса.

– Но я был без маски. Она видела мое лицо, так что пришлось ее убить.

Я сделал паузу, а потом сказал:

– Вы что-то взяли у нее, правда?

Он снова кивнул: да, кошелек. Он вынул оттуда фотографию жертвы с ее мужем и ребенком под новогодней елкой и оставил себе.

Я никогда раньше не встречался с этим парнем, но успел составить представление о нем, поэтому сказал:

– Ты ходил к ней на могилу, Чарли, да ведь?

Он опять покраснел, подтвердив мое предположение о том, что он следил за освещением дела в прессе и знал, где похоронена жертва.

– Ты пошел туда, потому что насчет этого убийства тебя мучила совесть. И ты кое-что принес на кладбище с собой и положил на могилу.

Остальные заключенные притихли, ловя каждое мое слово. Они никогда еще не видели Дэвиса таким. Я повторил:

– Ты что-то принес на могилу. Что это было, Чарли? Ты принес тот снимок, да ведь?

Он только кивнул и повесил голову.

Это вовсе не было колдовством или фокусом с вытаскиванием кролика из шляпы, как могли подумать остальные. Моя догадка был основана на подготовительной работе, исследованиях и опыте, который мы с коллегами накопили и продолжали накапливать. Например, мы подтвердили, что убийцы, в соответствии с распространенным убеждением, зачастую навещают могилы жертв, но не обязательно по тем причинам, которыми это объяснялось ранее.

Поведение отражает индивидуальность.

Одной из причин, по которым наша работа по-прежнему необходима, является изменчивая природа насильственных преступлений. Мы все знаем о преступлениях, связанных с наркотиками, которые совершаются в большинстве крупных городов, и злоупотреблении огнестрельным оружием – нашем национальном бедствии. Однако ранее большинство преступлений, особенно тяжких насильственных, совершалось между людьми, знакомыми друг с другом.

Затем картина изменилась. Еще в 1960-х процент раскрываемости убийств в нашей стране был выше девяноста. Теперь это не так. Несмотря на впечатляющий прогресс науки и технологий, несмотря на пришествие компьютеров, несмотря на повышение качества подготовки полицейских и наращивание ресурсов, количество убийств возрастает, а процент раскрываемости снижается. Все больше преступлений совершаются «незнакомцами против незнакомцев», и в большинстве случаев у нас нет мотива, с которым можно работать, – по крайней мере, мотива очевидного или «логичного».

Традиционно мотивы большинства убийств и насильственных преступлений были для правоохранительных органов ясны. Преступление являлось крайней степенью проявления эмоций, которые испытываем мы все: злобы, зависти, ревности, алчности или мести. Когда эмоциональная проблема решалась, преступление или серия преступлений заканчивались. Жертва погибала, но это было все – обычно полиция знала, кого и что надо искать.

Но в последние годы на первый план вышел новый тип преступника – серийный, который не останавливается, пока его не поймают или не убьют, который учится на собственном опыте и совершенствует свои методы от преступления к преступлению. Я сказал «вышел на первый план», потому что до какой-то степени он был с нами всегда, задолго даже до 1880-х и лондонского Джека-потрошителя, которого обычно считают первым современным серийным убийцей. И я сказал «он», потому что по причинам, к которым мы еще вернемся, практически все серийные убийцы – мужчины.

Серийное убийство – гораздо более древний феномен, чем мы себе представляем. Легенды о ведьмах, вампирах и оборотнях, скорее всего, являлись способом истолковать ужасы столь невероятные, что никто в маленьких европейских и ранних американских городах не осмелился бы признать их делом человеческих рук, как с легкостью признаем мы сейчас. Монстров считали порождениями сверхъестественного – никак не людьми.

Серийные убийцы и насильники традиционно признаются самыми грозными, неуловимыми и жестокими преступниками. Отчасти это можно объяснить тем, что их мотивация сложней тех базовых факторов, которые я перечислил выше. В результате у них

складываются причудливые паттерны поведения, отчуждающие их от нормальных человеческих переживаний: сострадания, чувства вины и мук совести.

Иногда единственный способ поймать их – научиться думать как они.

Если вы решили, что я собираюсь выдать тайные техники ведения расследования и предоставить потенциальным маньякам пошаговое руководство, что делать, а что нет, позвольте сразу же вас разубедить. Я буду говорить о том, как мы разработали поведенческий подход к криминальному профилированию, анализу и стратегии судебных действий, но сделать из этого пошаговое руководство я бы не сумел, даже поставив перед собой такую цель. Во-первых, у нас уходит целых два года, чтобы подготовить уже опытных, успешных агентов, отобранных ко мне в отдел. Во-вторых, неважно, что знает или не знает преступник, – чем больше он старается сохранить свои действия в тайне или сбить нас со следа, тем больше он оставляет поведенческих зацепок, с которыми мы можем работать.

Как выразился Шерлок Холмс, герой рассказов сэра Артура Конан Дойла, много десятилетий назад, «в необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины». Иными словами, чем больше поведения мы наблюдаем, тем более точный профиль и анализ можем предоставить полиции, ведущей расследование. Чем точнее профиль, с которым работает местная полиция, тем эффективнее она отсекает потенциальных подозреваемых и выходит на настоящего преступника.

Что приводит меня к еще одному дисклеймеру о нашей работе. В отделе содействия расследованиям, входящем в Национальный центр анализа тяжких преступлений ФБР в Куантико, мы не ловим преступников. Я повторю: *мы не ловим преступников*. Преступников ловит местная полиция, и с учетом невероятного давления, под которым она находится, большинство ее представителей справляются на редкость хорошо. Мы же стараемся *помочь* местной полиции в выборе направления расследования, а затем предлагаем проактивные техники в досудебной работе с обвиняемым. Когда они его ловят – еще раз подчеркну, *они*, а не *мы*, – мы разрабатываем стратегию, которая позволит обвинению в полной мере раскрыть личность подсудимого на процессе.

Мы делаем это, основываясь на своих исследованиях и особом опыте. Обычный департамент полиции на Среднем Западе, на территории которого произошла серия убийств, зачастую сталкивается с ними впервые, мы же повидали сотни, если не тысячи, подобных преступлений. Я всегда говорю своим агентам: «Хочешь понять художника, посмотри на картины». За годы работы мы насмотрелись на множество «картин» и побеседовали с самыми искушенными «художниками».

Мы начали систематически развивать отдел поведенческих наук ФБР, позднее ставший отделом содействия расследованиям, в конце 1970-х – начале 1980-х. И хотя большинство книг, описывающих и прославляющих нашу работу, вроде знаменитого «Молчания ягнят» Тома Харриса, полнятся вымыслами и преувеличениями, наши предшественники – действительно в большей степени литературные герои, нежели реальные сыщики. Огюст Дюпен, детектив-любитель из классической новеллы Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг» 1841 года, может считаться первым в истории криминальным профайлером, а сама новелла – описанием первого применения проактивной техники, когда профайлер обличает истинного преступника и оправдывает невиновного, посаженного в тюрьму за его убийства.

Как мужчины и женщины, работающие в моем отделе полтора столетия спустя, По понял ценность профилирования в случаях, когда улик оказывается недостаточно для раскрытия особенно жестокого и внешне лишенного мотивов преступления. «За отсутствием других возможностей, – пишет он, – аналитик старается проникнуть в мысли противника, ставит себя на его место и нередко с одного взгляда замечает ту единственную (и порой до очевидности простую) комбинацию, которая может вовлечь его в просчет или сбить с толку».

Есть еще небольшое сходство, достойное упоминания. Мсье Дюпен предпочитал работать один в своей комнате с задернутыми шторами – отгородившись от солнечного света и вторжений внешнего мира. Мы с коллегами находимся в таком же положении, хотя и не по своему выбору. Наши кабинеты в Академии ФБР в Куантико помещаются в подвальном этаже без окон, изначально предна значавшемся под защищенную штаб-квартиру правоохранительных служб на случай национальной угрозы. Иногда мы называем себя

Национальным *подвалом* анализа тяжких преступлений. Находясь в двух метрах под землей, мы говорим, что закопались глубже, чем покойники.

Английский романист Уилки Коллинз попробовал себя в роли профайлера в таких новаторских произведениях, как «Женщина в белом» (роман основан на реальных событиях) и «Лунный камень». А бессмертное творение сэра Артура Конан Дойла, Шерлок Холмс, открыл криминальный следственный анализ всему миру, применив его в тускло освещенном газовыми фонарями викторианском Лондоне. Наивысший комплимент, который будет счастлив услышать любой из нас, – сравнение с этим вымышленным персонажем. Для меня было истинной честью, когда несколько лет назад, во время работы над делом об убийстве в Миссури, в газете «Сент-Луис глоб демократ» меня назвали «современным Шерлоком Холмсом из ФБР».

Любопытно отметить, что в тот же период, когда Холмс разгадывал свои запутанные и загадочные дела, вполне реальный Джек-потрошитель убивал проституток в лондонском Ист-Энде. Два этих персонажа, стоящие по разные стороны закона – как и по разные стороны границы между реальностью и вымыслом, – настолько завладели воображением людей, что во многих современных историях о Шерлоке Холмсе, которые пишут поклонники Конан Дойла, прославленный сыщик раскрывает убийства в Уайтчепеле.

В 1988 году меня попросили проанализировать преступления Джека-потрошителя в передаче на государственном телевидении. Позднее в своей книге я еще коснусь этого НС – самого знаменитого в истории криминалистики.

Понадобилось более столетия после выхода «Убийства на улице Морг» По и полвека после Шерлока Холмса, чтобы поведенческое профилирование перенеслось со страниц книг в реальную жизнь. В середине 1950-х Нью-Йорк терроризировал взрывами Чокнутый подрывник, ответственный за более чем тридцать терактов за пятнадцатилетний период. От него пострадали такие знаковые достопримечательности, как Центральный и Пенсильванский вокзалы и мюзик-холл «Радио-Сити». Тогда я был еще ребенком и жил в Бруклине, но хорошо помню это дело.

Исчерпав все средства, полиция в 1957 году обратилась к психиатру из Гринвич-Виллидж доктору Джеймсу Э. Брасселу,

который изучил фотографии с мест взрывов и тщательно проанализировал письма подрывника в прессу. Врач пришел к нескольким детальным заключениям насчет его общих поведенческих паттернов, например, что преступник – параноик, ненавидит своего отца, является предметом обожания матери и живет в Коннектикуте. В конце составленного им профиля Брассел наставлял полицию:

Ищите человека крупного. Средних лет. Рожденного за границей. Принадлежащего к Римско-католической церкви. Он не женат. Живет с братом или сестрой. Когда найдете, высока вероятность, что на нем будет двубортный костюм. Застегнутый на все пуговицы.

По намекам в некоторых письмах можно было предположить, что преступник – недовольный бывший или нынешний служащий компании Consolidated Edison, обеспечивавшей город электричеством. Сравнив профиль с целевой группой, полиция вышла на Джорджа Метески, работавшего в Con Ed в 1940-х, до начала терактов. Приехав в Уотербери, Коннектикут, чтобы арестовать крупного, неженатого, средних лет католика, полицейские обнаружили лишь одно отклонение от профиля: он жил не с братом или сестрой, а с двумя сестрами, старыми девами. Детектив отправил его переодеться перед отъездом в участок, и несколько минут спустя Метески вышел из своей спальни в двубортном костюме, застегнутом на все пуговицы.

Объясняя, как он пришел к своим невероятно точным заключениям, доктор Брассел сказал, что обычно психиатр обследует пациента, а потом пытается сделать обоснованные предположения о том, как тот отреагирует на какую-либо ситуацию. При составлении профиля, заявил Брассел, он обратил этот процесс вспять – попытался сделать предположение насчет личности человека на основе его поступков.

Оглядываясь на дело Чокнутого подрывника с наших текущих позиций спустя почти сорок лет, можно сказать, что раскрыть его было достаточно просто. Но в свое время оно стало поворотным пунктом в развитии науки, превратившейся в поведенческий анализ, и доктор Брассел, позднее сотрудничавший с Департаментом полиции Бостона в деле о Бостонском душителе, выступил настоящим первопроходцем в данной области.

Хотя его часто называют *дедукцией*, на самом деле метод, которым пользовались вымышленные Дюпен и Холмс, а также настоящий доктор Брассел и те, кто последовал за ним, был скорее *индуктивным* – исследованием отдельных элементов преступления и построением на этом основании более широких заключений. Когда я в 1977-м пришел в Куантико, инструкторы в отделе поведенческих наук, в том числе его основатель Говард Тетен, начинали применять идеи доктора Брассела к расследованиям, о которых им сообщали полицейские, посещавшие курсы Академии ФБР. Но в те времена это было сродни гаданию – их выводы не подкреплялись научными исследованиями. Таково было положение, когда я включился в работу отдела.

Я говорил о том, как важно для нас иметь возможность примерить на себя шкуру убийцы и его образ мысли. Благодаря своим исследованиям мы установили, что не менее важно – хотя болезненно и мучительно – примерять на себя и роль жертвы. Только владея обоснованными предположениями о том, как конкретная жертва могла отреагировать на страшные вещи, происходившие с ней, мы могли по-настоящему понять поведение и реакции преступника.

Чтобы узнать преступника, посмотри на преступление.

В начале 1980-х из департамента полиции небольшого города в Джорджии к нам поступило тревожное дело. Симпатичная четырнадцатилетняя девочка, участница команды болельщиц местной старшей школы, была похищена с остановки школьного автобуса в ста ярдах от ее дома. Тело жертвы, частично одетой, нашли несколько дней спустя в уединенной аллее, где любили встречаться парочки, примерно в десяти милях от городка. Девочка подверглась сексуальному насилию; причиной смерти являлся удар тупым предметом по голове. Рядом лежал большой камень с запекшейся кровью.

Прежде чем приступить к анализу, я решил как можно больше узнать о жертве. Мне удалось выяснить, что она, хотя была очень привлекательной, выглядела на свои четырнадцать лет, а не на двадцать один, как многие девочки-подростки. Все, кто ее знал, уверяли меня, что она не была распущенной или излишне кокетливой, никогда не употребляла наркотики или алкоголь и со всеми держалась дружелюбно. В отчете о вскрытии упоминалось, что до изнасилования жертва была девственницей.

Все это было ценнейшей информацией для меня, потому что с ее помощью я мог понять, как жертва могла вести себя в момент похищения, а затем сделать выводы, как преступник реагировал на ее действия в их общей ситуации. Я сделал вывод, что убийство *не было* запланированным, а являлось спонтанной реакцией на удивление (спровоцированное извращенными представлениями нападавшего о себе) от того, что девочка не встретила его с распростертыми объятиями. Это приблизило меня к пониманию личности убийцы, и в составленном профиле я рекомендовал полицейским сосредоточиться на мужчине, подозреваемом в изнасиловании, которое было совершено в другом городке, неподалеку, годом ранее. Понимание жертвы помогло мне также разработать для полиции стратегию допроса этого подозреваемого, который, как я и предсказывал, ранее уже проходил проверку на детекторе лжи. В дальнейшем я еще расскажу об этом захватывающем и душераздирающем деле подробнее. Сейчас же достаточно будет упомянуть, что тот человек признался и в убийстве, и в предыдущем изнасиловании. Его приговорили к казни, и сейчас он находится в камере смертников.

Когда мы в академии обучаем элементам криминального профилирования и анализа агентов ФБР и сотрудников правоохранительных органов, то стараемся заставить их думать обо всей истории преступления в целом. Мой коллега Рой Хейзелвуд, много лет преподававший этот курс, прежде чем уйти в отставку в 1993-м, разбивал анализ на три вопроса и три фазы – что, почему и кто.

Что произошло? Сюда относится все, что имеет значение с точки зрения поведения преступника.

Почему это произошло именно так? Почему, к примеру, труп посмертно изуродовали? Почему не взяли ничего ценного? Почему не было взлома с проникновением? Каковы причины всех значимых поведенческих реакций в процессе совершения преступления?

И это, наконец, приводит нас следующему.

Кто мог совершить данное преступление по данным причинам?

Вот какую задачу мы ставим перед собой.

Глава 2
Фамилия моей матери была Холмс

Девичья фамилия моей матери была Холмс, и мои родители чуть было не выбрали для меня такое же второе имя вместо более прозаичного Эдвард.

Помимо этого, если оглянуться назад, мало что в моих ранних годах указывало на будущее охотника за разумом или криминального профайлера.

Я родился в Бруклине, Нью-Йорк, на границе с Куинсом. Мой отец Джек был печатником в «Бруклин игл». Когда мне было восемь, он, обеспокоенный ростом преступности, перевез нас в Хэмпстед, на Лонг-Айленде, где стал председателем лонг-айлендского профсоюза типографов. У меня одна сестра, Арлен, на четыре года старше, и с самого детства она была звездой нашей семьи – и в учебе, и в спорте.

Я в учебе не блистал – получал обычно тройки-четверки, – но был вежливым и дружелюбным, поэтому учителя в начальной школе Ладлама меня любили, несмотря на слабую успеваемость. Больше всего меня интересовали животные, и в разное время я держал собак, кошек, кроликов, хомячков и змей – мама терпела их только потому, что я говорил, будто хочу стать ветеринаром. Раз уж мое увлечение было связано с будущей карьерой, она старалась его поддерживать.

В школе у меня проявилась способность рассказывать истории, в значительной степени повлиявшая на мой выбор профессии следователя. Детективам и криминалистам постоянно приходится на основе разрозненных и внешне не связанных между собой улик строить цельный нарратив, поэтому способность к сторителлингу в нашем деле – важный талант. Особенно это касается расследований убийств, где жертва не может рассказать свою историю.

В те времена я часто использовал свой талант, чтобы не делать домашних заданий. Помню, однажды, в девятом классе, я поленился и не прочел роман для устного пересказа в классе. Поэтому, когда пришла моя очередь (до сих пор не понимаю, как у меня хватило дерзости так поступить), я выдумал название несуществующего романа, сочинил фамилию несуществующего автора и начал

рассказывать историю группы туристов, сидевших как-то ночью вокруг костра.

Я придумывал на ходу, а сам прикидывал: *сколько еще я смогу продолжать?* Уже появился медведь, подкрадывавшийся к туристам и готовый напасть, – и в этот момент я потерял нить событий. Я сбился и был вынужден признаться учителю, что все сочинил. Наверное, во мне заговорила совесть: все-таки я не закоренелый преступник. И вот я стою, признавшись в мошенничестве, понимая, что сейчас буду унижен на глазах у одноклассников, и представляю себе, что скажет мама, когда узнает.

Но, к моему изумлению, учитель и остальные дети были в полном восторге от моей истории. Я признаюсь, что выдумал ее, а они требуют: «Закончи! Доскажи, что было дальше». Что же, я досказал и получил пятерку. Долгое время я не рассказывал об этом своим детям, чтобы они не решили, будто преступление вознаграждается, но с тех пор я усвоил: если ты сможешь продать людям свои идеи и вызвать у них интерес, они тебя поддержат. Это помогало мне бессчетное количество раз, когда надо было убедить начальство или местный департамент полиции в ценности наших услуг. Но, должен признаться, речь о том же самом таланте, которым пользуются мошенники и опасные преступники.

Кстати, мои вымышленные туристы спаслись, что было довольно неожиданно с учетом моей любви к животным. Дальше, готовясь стать ветеринаром, я три лета провел на молочной ферме в сельской местности штата Нью-Йорк, участвуя в программе подготовки абитуриентов Корнелла, поддерживаемой университетским факультетом ветеринарии. Это была отличная возможность для городских подростков пожить на природе; в обмен на такую привилегию я работал по семьдесят-восемьдесят часов в неделю за пятнадцать долларов, пока мои школьные приятели дома поджаривались на Джонс-Бич. Если больше мне ни разу в жизни не случится подоить корову, я не буду об этом сильно жалеть.

Благодаря физическому труду я был в отличной форме для спорта – еще одной моей всепоглощающей страсти. В старшей школе Хэмпстеда я был питчером бейсбольной команды и защитником в американском футболе. Сейчас мне кажется, что тогда-то у меня и проявились задатки профайлера.

В бейсболе я быстро сообразил, что сильные броски и точные подачи – это лишь половина дела. У меня был мощный фастбол и вполне приличный слайдер[1], но ими владеют большинство школьных питчеров[2]. Очень важно сбить с толку бэттера[3], а для этого, как я вскоре разобрался, надо держаться самоуверенно, чтобы он чувствовал себя максимально некомфортно, стоя на площадке. Годы спустя я использовал тот же прием, когда начинал разрабатывать свои техники допроса.

В старшей школе я вырос до метра девяноста и использовал это к своей выгоде. С точки зрения талантов мы были средненькой командой в хорошей лиге, и я понял, что питчеру надо вести остальных за собой и задавать тон. Для старшеклассника я неплохо владел собой, но решил не давать противникам об этом узнать. Я хотел казаться беспокойным и непредсказуемым, чтобы бэттер не застывал на площадке как вкопанный. Я хотел, чтобы он думал, будто рискует быть сметенным с нее подачей психа, стоящего в восемнадцати метрах от него.

В Хэмпстеде была хорошая футбольная команда, в которой я, со своими 85 килограммами веса, играл линейным защитником. Здесь я тоже понял, что психологический аспект может дать нам преимущество. Я подумал, что смогу отражать атаки самых крупных парней, если буду скалить зубы, рычать и вообще вести себя как безумец. Очень быстро остальные наши защитники переняли мою тактику. Позднее, когда я участвовал в процессах по делам об убийстве и защита выдвигала аргумент о невменяемости подсудимого, тот опыт всегда напоминал мне: если кто-то ведет себя как маньяк, это еще не значит, что он себя не контролирует.

В 1962 году мы сражались со школой Ванта за Большой кубок турнира старших школ Лонг-Айленда. Они перевешивали нас почти на двадцать килограммов каждый, и мы понимали, что из нас запросто могут выбить все дерьмо и отправить домой. Поэтому перед игрой мы придумали разминку, целью которой было сбить с толку и напугать наших противников. Мы построились в две линии и, стоя напротив, принялись выталкивать с поля – а практически мутузить – друг друга. Все это сопровождалось грозным рычанием, стонами и криками боли. По лицам игроков Ванта было ясно, что мы добились нужного

эффекта. Похоже, они думали: «Если эти придурки такое вытворяют друг с другом, одному богу известно, что они сделают с нами».

На самом деле весь эпизод был постановочным. Мы заранее потренировались в бросках, чтобы как можно громче ударяться о землю, нисколько при этом не пострадав. А когда дошло до самой игры, мы старались поддерживать такой же сумасшедший вид, чтобы казалось, будто нас ненадолго выпустили из психушки и затолкают назад, как только закончится матч. Мы шли ноздря в ноздрю, но, когда пыль над стадионом осела, наша команда победила со счетом 14:13 и получила Большой кубок 1962 года.

Мое первое соприкосновение с «силовыми структурами» – собственно, мой первый опыт профилирования – случилось, когда мне было восемнадцать и я устроился на работу вышибалой в бар и клуб в Хэмпстеде под названием «Газлайт-Ист». Я оказался так хорош, что позднее получил такую же должность в серф-клубе на Лонг-Бич. В обоих местах моими основными обязанностями было не впускать несовершеннолетних – иными словами, всех, кто был младше меня, – и предотвращать или пресекать драки, неизбежно возникающие в заведениях, где подают алкоголь.

Стоя у дверей, я требовал удостоверение у каждого, чей возраст вызывал сомнения, а потом спрашивал дату рождения, чтобы проверить, совпадет ли она. Это стандартная процедура, к которой все обычно готовы. Редко подросток, отправляющийся в клуб с поддельным удостоверением, не удосуживается запомнить указанную там дату. Глядя прямо им в глаза, я задавал вопрос – это срабатывало прежде всего с девушками, у которых в этом возрасте все-таки есть совесть. Но те, кому очень уж хочется попасть внутрь, могут тебя обмануть, если сконцентрируются и хорошо сыграют свою роль в эти несколько мгновений.

На самом деле я присматривался к каждой компании подростков еще на подходе к дверям, пока они стояли в очереди, – я отмечал, кто из них готовится к вопросу, следит за своим языком тела, выглядит нервозным или неуверенным.

Пресекать драки было сложнее, и тут я полагался на свой спортивный опыт. Если противник читает в твоих глазах, что ты непредсказуем, и если ты ведешь себя откровенно дерзко, он, даже будучи крупнее тебя, подумает дважды, прежде чем ударить. Если им

кажется, что ты нисколько не беспокоишься за свою безопасность, тебя считают гораздо более грозным противником. Почти двадцать лет спустя, когда мы проводили в тюрьмах собеседования со знаменитыми серийными маньяками, мы поняли, что обычный убийца гораздо опаснее во многих смыслах. В отличие от серийного маньяка, который выбирает только ту жертву, с которой, по его мнению, может справиться, а потом принимает хитроумные меры, чтобы избежать преследования, обычный убийца полностью сконцентрирован на своей «миссии» и готов умереть, лишь бы она осуществилась.

Еще один способ сделать так, чтобы у человека сложилось о тебе особое мнение – например, что ты достаточно безумен для самых непредсказуемых поступков, – это не выходить из роли, даже когда на тебя вроде бы никто не смотрит. Когда я допрашивал Гэри Трэпнелла, знаменитого грабителя и угонщика самолета, в федеральной тюрьме в Мэрионе, Иллинойс, он заявил, что может обмануть любого тюремного психиатра, изобразив какое угодно психическое заболевание по моему выбору. Ключ к успеху, шепнул он мне, вести себя так постоянно, даже когда ты один в камере, чтобы на осмотрах тебе не приходилось делать усилие, притворяясь, – оно-то тебя и выдаст. Поэтому задолго до того, как я получил доступ к мнениям «экспертов», я вроде как уже пробовал «мыслить как преступник».

Когда мне не удавалось запугиванием предотвратить драку в баре, я использовал свои любительские техники профилирования, чтобы избегать опасных ситуаций. Я выяснил, что благодаря наблюдениям за поведением и языком тела могу предсказать, кто из посетителей склонен ввязаться в бой. С такими я всегда действовал первым, используя фактор неожиданности: выволакивал нарушителя порядка на улицу, прежде чем он понимал, что, собственно, произошло. Я всегда говорю, что сексуальных убийц и насильников привлекает доминирование, манипулирование и контроль – именно их я и пытался освоить, только в другом контексте. По крайней мере, я чему-то учился.

Выпустившись из старшей школы, я не утратил желания стать ветеринаром, но мои оценки никак не позволяли мне поступить в Корнелл. Лучшим, что я смог найти, была похожая программа в Университете Монтаны. Поэтому в сентябре 1963-го парнишка из

Бруклина и Лонг-Айленда отправился в сердце штата просторных небес.

Где его ожидал культурный шок.

«Привет из Монтаны, – писал я в одном из первых писем домой, – где мужчины – это мужчины, а овцы ужасно нервные». Монтана воплощала для меня все стереотипы и клише жизни западного фронтира, и к ее жителям я подходил с позиций парня с востока. Я вступил в местное отделение братства «Сигма-фи-эпсилон», состоявшее почти исключительно из местных, среди которых я оказался белой вороной. Я стал носить черную шапку, черную одежду и черные ботинки, а еще отрастил длинные бакенбарды, подобно персонажам из «Вестсайдской истории», – примерно так, по всеобщему мнению, следовало выглядеть ньюйоркцу.

На танцы местные приходили в ковбойских нарядах и плясали тустеп[4], я же в последние несколько лет не пропускал ни одного выступления Чабби Чекера[5] по телику и был знаком со всеми мыслимыми вариантами твиста. Поскольку моя сестра Арлен была старше меня на четыре года, она сделала из меня своего постоянного партнера для танцевальных тренировок, и в колледже я быстро стал для всех учителем танцев. Я ощущал себя миссионером, оказавшимся в далеких краях, где никогда не слышали английского языка.

Я и раньше не блистал в учебе, теперь же мои оценки достигли исторического минимума, так как меня интересовало что угодно, кроме лекций. В Нью-Йорке я успел поработать вышибалой, но в Монтане употреблять спиртное разрешалось не с восемнадцати лет, а только с двадцати одного, и это как будто отбросило меня назад во времени. Но не остановило.

Первое столкновение с законом произошло, когда мы с одним парнем из братства позвали покататься двух девиц, живших в приюте для незамужних матерей. Для своего возраста они были весьма зрелыми; мы остановились у бара, и я пошел купить упаковку пива.

Бармен попросил показать удостоверение, и я вытащил из кармана поддельную карточку воинского учета. Из своего опыта вышибалы я извлек уроки, и подделка была идеальная.

Парень посмотрел на карточку и хмыкнул:

– Бруклин? Вы все там на востоке такие здоровенные ублюдки, да?

Я вроде как самодовольно хохотнул, но все в баре на меня обернулись – свидетелей было хоть отбавляй. Я вышел на парковку, и мы поехали дальше, потягивая пиво. Одна из девиц поставила банки под заднее стекло машины, а я и не заметил.

И тут я услышал полицейскую сирену. Нас остановил коп:

– Вылезайте.

Пришлось вылезти из салона. Он начал нас обыскивать, и, хотя я понимал, что обыск незаконный, сопротивляться было себе дороже. Когда он наклонился, его пистолет и дубинка оказались от меня на расстоянии вытянутой руки; на мгновение в моей голове промелькнула безумная мысль схватить дубинку, ударить его по голове, вырвать пистолет и бежать. К счастью, я этого не сделал. Понимая, что коп вот-вот доберется до удостоверения, я потихоньку перепрятал его себе в трусы.

Он отвез нас четверых в участок и рассадил по разным комнатам; я весь вспотел, понимая, к чему идет дело и что другой парень может меня сдать.

Один из офицеров сказал мне:

– Ну, приятель, рассказывай. Если бармен не спросил у тебя удостоверение, мы поедем туда. У нас с ним и раньше бывали проблемы.

Я ответил:

– Там, откуда я родом, мы ни на кого не доносим. Это не в нашем стиле.

Я изображал Джорджа Рафта[6], но на самом деле думал: *Естественно, он спросил мое удостоверение, и я показал ему подделку!* Тем временем карточка сползла так низко, что царапала мне причинные места. Я боялся, что нас разденут и обыщут еще раз – кто знает, как принято тут, на фронтире! Быстро взвесив ситуацию, я схватился за живот и сказал, что мне надо в туалет.

Меня отпустили одного, но я же смотрю кино, поэтому, добравшись до туалета, я глянул в зеркало, боясь, что за мной наблюдают с другой стороны. Я отвернулся, потихоньку вытащил карточку из трусов и наклонился над раковиной, притворяясь, что меня тошнит, после чего зашел в кабинку и смыл фальшивое удостоверение в унитаз. Гораздо более уверенный, я вернулся в кабинет; все закончилось штрафом в сорок долларов и испытательным сроком.

Во второй раз я столкнулся с полицией Бозмена на второй год учебы, и мне пришлось куда хуже.

Мы катались с двумя парнями с востока и одним из Монтаны. Мчались с нарушением скоростного режима на «Студебеккере» 1962 года, у нас в машине было пиво, на улице валил снег. За рулем сидел парень из Бостона, я – на пассажирском сиденье, местный – между нами. Парень за рулем проехал знак «Стоп», и, конечно, за ним стоял полицейский. Кажется, это особенность жизни в Монтане: сколько бы ни говорили, что копов вечно нет, когда они нужны, в Бозмене в 1965-м все было наоборот.

И вот этот член братства, идиот, сидевший за рулем, – поверить не могу! – не тормозит на сигнал полицейского. Тот бросается за нами в погоню.

Каждый раз, когда мы поворачиваем за угол и на секунду коп теряет нас из виду, я выбрасываю из машины банки с пивом. Мы продолжаем мчаться и оказываемся в жилом квартале. Скачем по лежачим полицейским: *бум-бум-бум!* Дорога перекрыта – наверное, коп по рации предупредил своих. Мы выскакиваем на газон, я кричу:

– Останови чертову машину! Дай мне выйти!

Но этот идиот продолжает ехать. Машину заносит, снег валит как сумасшедший, а прямо за нами воет сирена.

Мы вылетаем на перекресток, он бьет по тормозам, машину разворачивает на 360 градусов, и меня выкидывает из салона. Я цепляюсь за дверцу, моя задница волочится по снегу, и вдруг кто-то орет:

– Бежим!

Мы бежим. Все в разных направлениях. Я оказываюсь в переулке, вижу там пустой грузовик и забираюсь внутрь. На бегу я сдернул черную шапку, на мне двусторонняя куртка, черная и золотая, поэтому я снимаю ее и выворачиваю золотой стороной наружу, для маскировки. От бега мне жарко, стекла кабины запотевают. Я думаю: *вот дерьмо, они же меня заметят!* Я боюсь, что в любой момент могут появиться хозяева грузовика, не исключено, что у них есть пистолеты. Я протираю на стекле кружок, чтобы выглянуть наружу: вокруг брошенной нами машины снуют люди, подъезжают полицейские экипажи, носятся служебные собаки – полный комплект. Вот они направляются в переулок, свет их фар падает на грузовик, я готов

наделать в штаны… Поверить не могу: они проезжают мимо, а я остаюсь там!

Я крадучись возвращаюсь в колледж, где всем уже известно о нашем приключении, и узнаю, что двоих парней с востока, как и меня, не поймали, но парень из Монтаны не сумел убежать и все разболтал. Он назвал имена, и за нами пришли. Когда меня забрали, я сказал полицейским, что пытался выскочить из машины, был сильно напуган и просил парня за рулем остановиться. Водителя, бостонца, сажают в тюрьму – пружинная сетка без матраца, хлеб и вода, все в этом роде, – а мне опять невероятно везет, и меня приговаривают еще к 40 долларам за хранение алкоголя и испытательному сроку.

Но они сообщают в колледж, сообщают родителям, которые выходят из себя, к тому же в учебе я по-прежнему не преуспеваю: скатился на двойки и не сдал зачет по риторике, потому что прогуливал занятия. Я на самом дне, ведь красноречие всегда было моей сильной стороной, и не представляю, как выкарабкаться из этого болота. К завершению второго года учебы становится ясно, что моим приключениям в западной глубинке пришел конец.

Если вам показалось, что все мои воспоминания из того периода – сплошные ошибки и провалы, вам не показалось. Я вернулся домой из колледжа, пред очи сильно разочарованных родителей. Мама особенно расстроилась, поняв, что ветеринаром я не стану. Как обычно, я не знал, что с собой делать, снова занялся спортом и на лето 1965-го устроился спасателем. Лето закончилось, в университете меня не ждали, и я нашел работу в оздоровительном центре при отеле «Холидей-Инн» в Пачоге.

Вскоре после того, как я начал там работать, я познакомился с Сэнди – официанткой из коктейль-холла. Она была настоящей красавицей, жила одна с маленьким сыном, и я с ума по ней сходил. Она великолепно выглядела в коротеньком форменном платье коктейль-холла. Физически я по-прежнему был в отличной форме благодаря упражнениям и тренировкам и, похоже, ей нравился. Я жил дома, и она постоянно мне звонила. Отец говорил:

– Кто тебе названивает в любое время дня и ночи? И постоянно в трубке плачет ребенок!

Живя дома, я не располагал особыми возможностями для свиданий, но Сэнди сказала, что для работников отеля действуют

большие скидки на незабронированные номера. Поэтому однажды мы заселились в такой номер вместе.

На следующее утро, в ужасную рань, зазвонил телефон. Она взяла трубку, и я услышал:

– Нет! Нет! Я не хочу с ним говорить!

Сонный, я спросил:

– Кто это?

Она ответила:

– Ресепшен. Говорят, пришел мой муж, он уже поднимается.

Сон как рукой сняло. Я воскликнул:

– Твой муж? В каком смысле твой муж? Ты не говорила, что все еще замужем!

Она напомнила, что не говорила и обратного, а потом объяснила, что они разошлись, но еще не оформили развода.

«Какая разница», – подумал я, уже слыша шаги этого маньяка в коридоре.

Он заколотил в дверь:

– Сэнди! Я знаю, что ты там, Сэнди!

В комнате было окошко в коридор, заложенное стеклянными блоками, и он стучал по ним, грозя расколотить вдребезги. Я прикидывал, безопасно ли будет спрыгнуть – номер находился на втором этаже, – но окон на улицу не было.

Я спросил:

– Он носит с собой оружие? Пистолет?

– Иногда носит нож, – ответила она.

– Ну прекрасно! Просто прекрасно! Мне надо выбраться отсюда. Открывай дверь.

Я застываю в боксерской стойке. Она распахивает дверь. Муж врывается в комнату. Сразу кидается ко мне. Видит мой силуэт в полутьме – наверное, я показался ему огромным и мощным, – поэтому передумывает и останавливается.

Тем не менее он кричит:

– Ты, сукин сын! А ну проваливай отсюда!

Решив, что достаточно поиграл в мачо за последние сутки – еще ведь раннее утро, – я вежливо отвечаю:

– Да, сэр. Как раз это я и собирался сделать.

Мне снова повезло выбраться из переделки целым и невредимым. Но я не мог закрывать глаза на прискорбную правду – моя жизнь летела к чертям. Мало того, я случайно поцарапал переднее крыло отцовского «Сааба» на красном MGA моего приятеля Билла Тернера.

Рано утром в субботу мама вошла в мою комнату с повесткой: меня желали видеть в призывной комиссии. Я поехал в Уайтхолл на Манхэттене на медосмотр с еще тремястами парнями. Мне велели поприседать, и мое колено громко захрустело – из-за футбольной травмы мне удалили коленный хрящ, как Джо Намату, но у него, очевидно, адвокат был лучше. Решение по моему делу отсрочили, но затем я получил уведомление, что все-таки нужен Дяде Сэму. Вместо того чтобы испытывать удачу в армии, я по-быстрому записался в ВВС, хотя это и означало четыре года службы, решив, что возможности для образования там лучше. Возможно, это как раз то, что мне надо. Уж точно я не извлек максимума из образовательных возможностей Нью-Йорка или Монтаны.

Была и другая причина записаться в ВВС: шел 1966-й, и война во Вьетнаме набирала обороты. Я не увлекался политикой, разве что вслед за отцом, продолжавшим службу в профсоюзе, считал себя демократом и поддерживал Кеннеди. Но вероятность получить пулю за принципы, которых я толком не понимал, нисколько меня не привлекала, и я вспомнил, как механик из ВВС однажды рассказывал мне, что их войска единственные, где офицеры – пилоты – идут в бой, в то время как рядовые просто обеспечивают им поддержку. Не собираясь становиться пилотом, я решил, что это мне подходит.

Меня послали в Амарилло, Техас, в учебную часть. Наш рейс (так в ВВС называют класс в учебке) состоял из пятидесяти человек – либо ньюйоркцев, как я, либо южан из Луизианы. Инструктор гонял нас, северян, как чертей – по большей части оправданно. Я старался держаться южан, дружелюбных и не таких заносчивых, как мои соотечественники из Нью-Йорка.

Для большинства молодых людей учебная часть – серьезное испытание. После суровой дисциплины, насаждаемой тренерами в контактных видах спорта, и разгильдяйства последних лет приемчики нашего командира были для меня открытой книгой. Его попытки психологического влияния и промывания мозгов я видел насквозь, поэтому учебку прошел легко и просто. Я быстро зарекомендовал себя

метким стрелком из M16 – вероятно, сказывался опыт школьного питчера. До ВВС я стрелял только подростком по уличным фонарям из воздушного ружья.

В учебной части я тоже приобрел репутацию сорвиголовы. Накачанный благодаря силовым тренировкам, наголо обритый, я получил кличку Русский Медведь. На другом рейсе был парень с такой же репутацией, и кому-то пришла в голову блестящая идея, что поединок между нами будет полезен для морального духа в части.

Поединок стал большим событием. По силам мы были примерно равны, каждый не хотел уступать ни на йоту. Закончилось все тем, что мы избили друг друга до полусмерти, а мне в третий раз сломали нос (первые два – в школьной футбольной команде).

Как бы то ни было, я закончил третьим из пятидесяти человек на рейсе. После базовой подготовки я прошел тесты, которые показали, что я хорошо подхожу для школы радиоперехвата. Но там не было свободных мест, а мне не хотелось ждать начала следующего курса, поэтому меня сделали секретарем-машинистом, хотя печатать я не умел. На военно-воздушной базе Кэннон открылась вакансия в отделе персонала, и я поехал за сотню миль в Кловис, штат Нью-Мексико.

Там я целыми днями печатал DD214s – приказы о демобилизации – двумя пальцами под командованием идиота-сержанта, постоянно говоря себе: *пора отсюда выбираться.*

И опять мне сильно повезло. Рядом с отделом персонала находилась спецслужба. Когда я это говорю, большинство думает о спецназе – каких-нибудь зеленых беретах. Но это была другая спецслужба – спортивная. С моим бэкграундом это была идеальная позиция, чтобы защищать страну в пору нужды.

Я начал вынюхивать, подслушивать под дверью и однажды услышал, как кто-то в кабинете возмущается:

– Вся программа летит к чертям! У нас нет подходящего человека.

«Вот оно!» – подумал я. Постучал в дверь, вошел и заявил:

– Привет, я Джон Дуглас, позвольте, я вам расскажу о моем бэкграунде.

Говоря, я посматривал на них, отслеживая реакции и мысленно составляя профиль человека, который был им нужен. И вдруг понял, что подхожу, потому что они переглянулись, словно восклицая: «О чудо! Он именно тот, кого мы ищем». Так что меня перевели из отдела

персонала, и с этого дня я больше не должен был носить форму, а еще мне платили сверху как вольнонаемному за руководство спортивными программами, и я имел право подать заявление на 75-процентную компенсацию оплаты высшего образования, если буду учиться по вечерам и выходным, что я и сделал, поступив в Восточный университет Нью-Мексико в Порталесе, в двадцати пяти милях от базы. Поскольку мне надо было исправить среднюю оценку «два» из колледжа, я должен был получать одни пятерки, чтобы оставаться в программе. Но впервые в жизни я чувствовал, что мне есть к чему стремиться.

Я так хорошо представлял ВВС в столь требовательных видах спорта, как теннис, футбол и бадминтон, что меня сделали ответственным за поле для гольфа на базе и магазин спортинвентаря, хоть я не забил ни одного мяча в лунку. Зато я великолепно смотрелся, когда в свитерах «Арнольд Палмер» организовывал турниры.

Но однажды в магазин заглянул командующий базой, желавший знать, какое сжатие мяча лучше для турнира, который состоится у нас следующим. Я понятия не имел, о чем он говорит, и, как на пересказе книги в девятом классе, оказался разоблачен.

– Какого черта ты вообще управляешь полем для гольфа? – хотел знать командующий.

Меня немедленно сняли с гольфа и перевели в женский лапидарий, отчего я был в восторге, пока не узнал, что речь о гранильной мастерской. Также я должен был отвечать за мастерскую керамики и бассейн при офицерском клубе. Я частенько думал о том, что наши офицеры летают во Вьетнаме, рискуя быть сбитыми, а я, рядовой, расставляю стулья и подаю полотенца их кокетливым женушкам, учу их детишек плавать и получаю дополнительные деньги, пока мне оплачивают высшее образование!

Вторая моя обязанность возвращала меня во времена работы вышибалой. Бассейн находился рядом с офицерским баром, обычно полным молодых пилотов, которых присылало на обучение тактическое авиационное командование. Неоднократно мне приходилось разнимать разбушевавшихся пьяных драчунов, отрывая их друг от друга и от себя.

На втором году службы в ВВС, учась на бакалавра, я узнал о местной ассоциации, занимавшейся детьми с инвалидностью. Им

нужна была помощь со спортивными программами, и я вызвался волонтером. Раз в неделю в сопровождении персонала ассоциации из гражданских я возил полтора десятка детишек кататься на роликах, играть в мини-гольф или боулинг – в общем, заниматься разными видами спорта, чтобы у них развивались физические навыки и способности.

У большинства из них были серьезные проблемы со здоровьем: слепота, синдром Дауна, тяжелые поражения моторных функций. Мне приходилось нелегко, когда я катался, к примеру держа под мышками по ребенку, на роликовых коньках, стараясь, чтобы они ничего себе не повредили, но это мне очень нравилось. Собственно, мало какая работа в жизни приносила мне такое удовольствие.

Когда я раз в неделю подъезжал на машине к их школе, они выбегали приветствовать меня, толпились вокруг и все мы дружно обнимались. В конце наших еженедельных выездов все они с грустными лицами меня провожали. Я чувствовал, что получаю такую отдачу, столько любви и дружбы, сколько никогда не получал из других источников, поэтому начал приезжать к ним по вечерам читать сказки.

Эти дети представляли разительный контраст со здоровыми, так называемыми нормальными детьми, с которыми я работал на базе и которые привыкли находиться в центре внимания и получать от родителей все, чего ни пожелают. Мои «особые» дети гораздо больше ценили то, что для них делалось, и, несмотря на инвалидность, всегда вели себя дружелюбно и стремились к приключениям.

Незаметно для меня за мной во время выездов с детьми постоянно следили – думаю, тот факт, что я об этом понятия не имел, многое говорит о моей наблюдательности. Мою «производительность» оценивали сотрудники кафедры психологии Восточного университета Нью-Мексико, которые затем предложили мне стипендию на четыре года для обучения специальной педагогике.

Хотя я подумывал о психологии труда, мне нравились дети, и я решил, что это может быть неплохой выбор. Я смогу остаться в ВВС и продолжать службу в этой сфере. Я передал предложение университета совету по персоналу базы, которым руководили гражданские, но по вдумчивом размышлении они решили, что ВВС не нуждается в сотрудниках с квалификацией по специальной педагогике. Я подумал, что это довольно странно, потому что на базе была куча

членов семей военнослужащих, но решал не я. Пришлось отказаться от мыслей о карьере педагога, но волонтерскую работу, которая мне так нравилась, я не бросил.

На Рождество 1969 года я собрался съездить домой повидать семью. Мне предстояло проехать сто миль до Амарилло, чтобы сесть на самолет в Нью-Йорк, но мой «Фольксваген-Жук» был в неподходящем состоянии для подобной поездки. Поэтому мой лучший друг в части Роберт Лафонд поменялся со мной, отдав свой «Кармэнн-Гиа» для поездки. Я не хотел пропускать рождественскую вечеринку в спецслужбе, но только так мог добраться до Амарилло и успеть на самолет.

Когда я сошел с трапа в Ла-Гуардия, меня встретили родители. Они выглядели встревоженными, даже шокированными, и я не мог понять почему. В конце концов, я нашел свою дорогу в жизни, и у них не было причин в очередной раз во мне разочароваться.

Оказалось, что они получили сообщение: неопознанный водитель погиб поблизости от базы на «Фольксвагене», подходящем под описание моего. Пока они не увидели, как я схожу с самолета, они не знали, жив я или мертв.

Выяснилось, что Роберт Лафонд, как многие другие парни, на рождественской вечеринке напился и отключился. Люди, которые там были, сказали мне, что несколько офицеров и вольнонаемных дотащили его до моей машины и вставили ключ в замок зажигания, поэтому, немного придя в себя, он решил уехать с базы. Шел сильный снег, дороги обледенели, и он лоб в лоб врезался в джип, где сидела жена офицера с ребенком. Слава богу, они не пострадали, но Роберт в моей хлипкой машинке ударился о руль, вылетел в лобовое стекло и погиб.

Это меня потрясло. Мы были очень близки, и я не мог отделаться от мысли, что ничего бы не случилось, не отдай он мне свою хорошую машину. Когда я вернулся на базу, мне пришлось собирать его личные вещи, упаковывать их и отправлять семье. Я несколько раз ездил посмотреть на мою разбитую машину; по ночам мне снилась авария. Я был с Робертом в тот день, когда он покупал рождественские подарки родителям в Пенсаколу, Флорида, – подарки прибыли по почте в тот же день, когда офицеры ВВС явились сообщить им о смерти сына.

Но я не только скорбел, но и злился как черт. Взяв на себя роль следователя, которым мне предстояло стать, я расспрашивал очевидцев, пока не сузил круг до двух человек, которых считал виновными. Я ворвался к ним в кабинет, схватил обоих и прижал к стене. Избил одного за другим. Меня пришлось отдирать от них. Я был в такой ярости, что плевать хотел на военный трибунал. С моей точки зрения, они убили моего лучшего друга.

Трибунал мог иметь неприятные последствия, поскольку я собирался официально обвинить тех двоих в гибели Роберта. К тому времени американское вторжение во Вьетнам пошло на спад, и тем, кому оставалось несколько месяцев до конца службы, предлагали досрочное увольнение. Поэтому, чтобы сгладить ситуацию, отдел персонала демобилизовал меня несколькими месяцами раньше.

Еще находясь на службе, я получил степень бакалавра и поступил на магистерскую программу по психологии труда. Теперь мне приходилось жить на пособие демобилизованного в подвальной квартирке без окон за семь долларов в неделю в Кловисе, сражаясь с полчищами водных клопов размером с ладонь, которые переходили в атаку всякий раз, как я возвращался домой и включал свет. Не имея больше доступа к инфраструктуре базы, я вступил в дешевый обшарпанный спортивный клуб, атмосфера и декор которого роднили его с моим жилищем.

Осенью 1970-го я познакомился в клубе с парнем по имени Фрэнк Хейнс, оказавшимся агентом ФБР. Он работал в одиночку агентом-резидентом в Кловисе. Мы подружились, тренируясь вместе. Он слышал обо мне от вышедшего в отставку командующего базой и начал уговаривать подать заявление в Бюро. Честно говоря, я никогда не рассматривал для себя карьеру в правоохранительных органах. По окончании университета я планировал заниматься психологией: работа в большой компании, решение вопросов с персоналом, психологическая помощь и минимизация стресса гарантировали мне обеспеченное, предсказуемое будущее. Единственным моим контактом с ФБР был случай в Монтане, когда украли сундук, который я послал домой. Один из местных полевых агентов допросил меня, подозревая, что я мог это подстроить, чтобы получить страховку. Но подозрение не подтвердилось, и если ФБР занималось подобными делами, то работа в нем меня не привлекала.

Однако Фрэнк настаивал, считая, что из меня выйдет хороший спецагент, и продолжал подталкивать меня. Несколько раз он приглашал меня на ужин, познакомил с женой и сыном, показал свой пистолет и чек с зарплатой – у меня не было ни того ни другого. Приходилось признать, что Фрэнк по сравнению со мной жил как король. Так что я решил попытаться.

Фрэнк остался в Нью-Мексико, и годы спустя наши пути пересеклись, когда я приехал свидетельствовать в суде: женщину жестоко убили, а тело сожгли, чтобы замести следы. Но осенью 1970-го я о таком и помыслить не мог.

Фрэнк отослал мое заявление в полевой офис в Альбукерке. Оттуда мне пришли тесты на знание законов для кандидатов без юридического образования. Несмотря на спортивные достижения и накачанные мышцы, мои 99 килограммов веса на десять превышали норму при росте метр девяносто по стандартам ФБР. *Единственным* сотрудником Бюро, которому позволялось превышать весовые стандарты, был его легендарный директор Джон Эдгар Гувер собственной персоной. Две недели я сидел на одном желатине и вареных яйцах, чтобы сбросить вес. Мне пришлось трижды постричься, прежде чем я стал достаточно презентабельным для фото на удостоверение.

И вот в ноябре я получил пробное назначение и стартовую зарплату в 10 869 долларов. Наконец-то я выбрался из своей угнетающей подвальной комнаты без окон. Интересно, что я подумал бы тогда, узнав, что большую часть своей карьеры в Бюро проведу в другом подвальном помещении без окон, изучая куда более угнетающие истории.

Глава 3
Ставки на дождевые капли

П*робуют многих, отбирают единиц.*

Это постоянно напоминали нам, новобранцам. Почти все, заинтересованные в карьере в правоохранительных органах, мечтают стать специальными агентами Федерального бюро расследований, но только лучшим предоставляется эта возможность. Долгая и внушающая гордость история организации восходит к 1924 году, когда малоизвестный юрист при правительстве по имени Джон Эдгар Гувер был поставлен во главе коррумпированного, недофинансированного и плохо управляемого Бюро. И тот же самый мистер Гувер – которому на момент моего поступления было семьдесят пять лет – продолжал управлять безмерно уважаемым органом, которым оно стало, причем управлять железной рукой. Поэтому все мы знали: подвести Бюро нельзя.

Телеграмма от директора приказывала мне явиться в кабинет 625 в старое здание Почты США на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне к девяти утра 14 декабря 1970 года, чтобы начать курс обучения, длящийся четырнадцать недель, в ходе которого я должен был превратиться из обычного гражданина в специального агента ФБР. Для этого я приехал к родителям на Лонг-Айленд; отец так гордился мной, что поднял перед домом американский флаг. С учетом моих занятий в предыдущие несколько лет у меня не было приличной гражданской одежды, поэтому отец купил мне три официальных темных костюма – синий, черный и коричневый, – белые сорочки и две пары ботинок, черные и коричневые. Потом он сам отвез меня в Вашингтон, чтобы я ни в коем случае не опоздал в первый день на работу.

С порога нас стали погружать в ритуалы и традиции ФБР. Специальный агент, проводивший церемонию присяги, велел нам поднести к глазам свои золотые значки и смотреть на них, произнося текст. Мы все говорили хором, глядя на женщину с повязкой на глазах и с весами в руке, торжественно клянясь защищать Конституцию США от поползновений врагов, внутренних и внешних. «Ближе

держите! Ближе!» – напоминал специальный агент, пока нам не пришлось таращиться на значки перед самым своим носом.

Мой класс новобранцев состоял исключительно из белых мужчин. В 1970-х чернокожих агентов-мужчин в ФБР были считаные единицы, а женщин не было совсем. Так продолжалось весь срок правления Гувера, и даже из могилы он продолжал оказывать на Бюро свое потустороннее, но мощное влияние. Большинству мужчин было от двадцати девяти до тридцати пяти лет, поэтому я в свои двадцать пять был одним из самых младших.

Нас наставляли проявлять бдительность и беречься советских агентов, которые попытаются скомпрометировать нас и выведать наши секреты. Эти агенты могли быть повсюду. Наиболее настороженно следовало относиться к женщинам. Промывание мозгов оказалось столь эффективным, что я отменил свидание с одной исключительной красавицей, работавшей в том же здании, которая сама пригласила меня на ужин. Я боялся, что это подстава и что меня проверяют.

Академия ФБР на военно-морской базе в Куантико, Вирджиния, еще не была до конца достроена и не действовала в полную силу, поэтому там мы проходили только физическую и стрелковую подготовку, а в классе занимались в здании старой почты в Вашингтоне.

Первое, что внушают каждому новичку, – агент ФБР стреляет только с целью убить. Соображения, на которых основана эта политика, простые: если ты берешься за оружие, ты уже принял решение стрелять. А если ты принял это решение, ситуация достаточно серьезная, чтобы оправдать стрельбу, соответственно, достаточно серьезная и для того, чтобы лишить кого-то жизни. В моменте у тебя нет роскоши планировать свой выстрел или времени предаваться ментальным упражнениям; пробовать просто остановить противника или свалить с ног – слишком рискованно. Нет смысла рисковать – ни собой, ни потенциальной жертвой.

Нас обучали уголовному праву, анализу отпечатков, расследованию преступлений – насильственных и интеллектуальных, техникам ареста, обращению с оружием, рукопашному бою и истории роли Бюро в правоохранительной сфере. Предмет, который мне больше всего запомнился, мы проходили в самом начале курса; он назывался «обращение с ругательствами».

– Двери закрыли? – спросил инструктор, после чего раздал нам всем список. – Я хочу, чтобы вы как следует запомнили эти слова.

В списке, насколько я помню, содержались такие жемчужины англосаксонского лексикона, как *говно*, *трахать*, *куннилингус*, *минет*, *член* и *членоголовый*. От нас требовалось выучить список наизусть, чтобы, встретившись с этими словами в работе – например, во время допроса подозреваемого, – мы знали, как поступить. А именно: проследить, чтобы любые отчеты, содержащие эти слова, были переданы стенографистке непристойностей – я не шучу! – а не обычной секретарше. Стенографистками непристойностей работали женщины постарше, зрелые и закаленные, способные лучше справляться с шоком от подобных словечек и фраз. Помните, в те времена в Бюро работали мужчины, да и общество в 1970-х было чувствительней, чем сегодня, по крайней мере в гуверовском ФБР. Нам даже дали тест на правописание этих слов, после чего листы собрали и – предполагаю – измельчили, прежде чем выбросить в корзину.

Несмотря на подобные глупости, мы все идеализировали свою будущую работу – борьбу с преступностью – и считали, что внесем в нее весомый вклад. Примерно на половине курса подготовки меня вызвали в офис заместителя директора по обучению Джо Каспера – одного из доверенных лейтенантов Гувера. Люди в Бюро называли его Добрый Призрак, но прозвище было ироническим, а не дружеским. Каспер сказал мне, что я хорошо справляюсь в большинстве областей, но отстаю по «внутриорганизационной коммуникации» – методологии и номенклатуре, с помощью которой общаются между собой разные отделы Бюро.

– Что ж, сэр, я хочу быть лучшим, – ответил я. О чересчур ретивых новобранцах говорили, что у них «синий огонь из задницы»; это могло помочь в продвижении, но также делало тебя меченым. Если «синий» преуспевал, его ждала великолепная карьера. Но если он допускал промашку, его падение обсуждалось очень долго и широко.

Каспер, может, был грубоват, но отличался прозорливостью; за долгое время работы он повидал «синих» в огромных количествах.

– Хочешь быть лучшим? Вперед!

Он всучил мне толстенный том с терминологией и приказал выучить ее всю к возвращению с рождественских каникул.

Чак Ландсфорд, один из двух наших консультантов в академии, прознал о том, что случилось, и подошел ко мне.

– Что ты ему сказал? – спросил он.

Я объяснил.

Чак закатил глаза. Мы оба знали, что это мне аукнется.

На каникулы я поехал домой к родителям. Пока остальные члены семьи праздновали, я сидел с головой погрузившись в изучение терминологии. Каникулы не удались.

Когда в начале января я вернулся в Вашингтон, все еще горящий «синим огнем», мне пришлось пройти письменный тест по изученной информации. Не могу выразить, какое облегчение я испытал, когда другой наш консультант, Чарли Прайс, сказал, что я выполнил его на 99 процентов.

– На самом деле на сто, – по секрету признался он, – но мистер Гувер говорит, никто не совершенен.

Примерно на половине четырнадцатинедельной программы у нас спросили насчет предпочтений по первому назначению. Большинство агентов ФБР трудятся в пятидесяти девяти полевых офисах по всей стране. Я понимал, что распределение представляет собой нечто вроде шахматной партии между новобранцами и штаб-квартирой, поэтому, как всегда, попытался представить себя на месте соперника. Я был из Нью-Йорка и возвращаться туда особо не хотел. Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Майами, может, Сиэтл и Сан-Диего казались наиболее желанными направлениями. Если я выберу не самый востребованный город, то с большей вероятностью буду назначен именно туда.

Я выбрал Атланту. И получил Детройт.

После выпуска каждому из нас выдали постоянное удостоверение, шестизарядный смит-вессон 10-й модели 38-го калибра, шесть пуль и приказание как можно скорее убраться из города. Штаб-квартира очень волновалась, что новенькие натворят дел в Вашингтоне, прямо под носом у Гувера, и всем не поздоровится.

Кроме этого, мне вручили брошюрку под названием «Как выжить в Детройте». Расовая сегрегация была там самой выраженной в стране – последствие беспорядков 1967 года, – и город мог претендовать на титул столицы преступности с больше чем восемьюстами убийствами в год. По факту у нас в офисе действовал мрачноватый тотализатор – мы ставили на то, сколько точно убийств будет зафиксировано до

конца года. Как большинство новых агентов, я был полон вдохновения и энтузиазма, но очень скоро понял, во что ввязался. Я четыре года провел в ВВС, но ближе всего к боям был, когда лежал в госпитале на базе рядом с раненым ветераном Вьетнама – мне оперировали нос после многочисленных травм, полученных на футбольном поле и на боксерском ринге. До Детройта я ни разу не оказывался в положении врага. ФБР много где ненавидели: его агенты наводняли кампусы колледжей и вербовали осведомителей по всему городу. Со своими мрачными черными машинами мы были как меченые. Во многих кварталах люди швырялись в нас камнями. Их немецкие овчарки и доберманы тоже нас не любили. Нам говорили не соваться в некоторые районы без оружия и надежного тыла.

Местная полиция также на нас злилась. Она обвиняла Бюро в перехвате дел, публикации пресс-релизов до окончания следствия и включении преступлений, раскрытых полицейскими, в фэбээровскую статистику. Любопытно, что в мой первый год, 1971-й, было нанято около тысячи новых агентов и груз нашего практического обучения лег не на плечи Бюро, а на местных копов, вынужденных взять нас под свое крыло. Значительной частью своих успехов мое поколение специальных агентов, бесспорно, обязано профессионализму и щедрости полицейских офицеров по всей территории США.

В городе постоянно происходили ограбления банков. По пятницам, когда в банки завозили наличные для выплаты зарплаты, обычно случалось два-три вооруженных ограбления – порой до пяти. Пока в банках Детройта не начали устанавливать пуленепробиваемые стекла, количество погибших и раненых было ужасающим. У нас был случай, снятый на камеру наблюдения: управляющего застрелили в упор за рабочим столом, практически казнили, пока перепуганные супруги, обратившиеся за займом, просто сидели напротив и смотрели. Убийце не понравилось, что управляющий не смог открыть для него вход в сейфовое хранилище. Страдали не только банковские служащие, распоряжавшиеся десятками тысяч долларов наличными. В некоторых районах сотрудники Макдоналдсов рисковали ничуть не меньше.

Меня назначили в отдел реагирования, занимавшийся преступлениями, которые уже произошли, в том числе ограблениями банков и шантажом. В этом отделе я работал в команде НПИП:

незаконного побега с целью избежания преследования. Это оказалось отличным опытом, потому что наша команда постоянно находилась в действии. Помимо ежегодного тотализатора на количество убийств, мы соревновались, кто в отделе произведет больше арестов в течение дня. Мы были как конкурирующие торговцы подержанными машинами – старались продать побольше за установленное время.

Чаще всего нам приходилось иметь дело с так называемой 42-й категорией: военными дезертирами. Вьетнамская война разделила страну надвое, и большинство тех парней, так или иначе выбравшись оттуда, отнюдь не собирались возвращаться. Категория 42 совершала больше всего нападений на сотрудников правоохранительных органов – из всех типов беглецов.

Мое первое столкновение с НПИП произошло, когда я проследил армейского дезертира до автомастерской, где он работал. Я представляюсь и думаю, что он спокойно пойдет за мной. Вместо этого он выхватывает самодельную заточку с ручкой, обмотанной черным скотчем, и бросается на меня. Я отскакиваю, едва не получив удар. Бросаюсь на него, швыряю на застекленную дверь гаража, потом на пол, придавливаю коленом и приставляю к голове пистолет. Управляющий мастерской кричит, что я забираю его лучшего работника. *Господи, во что я ввязался?* О такой ли карьере я мечтал? Стоит ли такая жизнь того, чтобы рисковать своей шкурой? Психология труда начинает играть новыми красками.

Преследование дезертиров часто приводило к эмоциональным сценам и создавало напряженность между военными и ФБР. Иногда мы исполняли ордер на арест, отыскивали парня и хватали прямо на улице. Разъяренный, он останавливал нас и демонстрировал оторванные пальцы или искусственную ногу, а потом сообщал, что получил за них «Пурпурное сердце» или «Серебряную звезду» во Вьетнаме. Такое случалось регулярно: дезертиры, возвратившиеся в часть сами или доставленные принудительно армейскими силами, отсылались во Вьетнам в качестве наказания. Многие из них затем отличались в боях, но военные нам ничего не сообщали. Официально они оставались ушедшими в самоволку. Это чертовски осложняло нам работу.

Еще хуже было прийти по зарегистрированному месту жительства дезертира и услышать от его родителей – в слезах и праведном гневе, –

что он героически погиб. Мы охотились за мертвецами, погибшими в боях, потому что военные не потрудились поставить нас в известность.

Вне зависимости от профессии, когда оказываешься в поле, начинаешь понимать, как многому тебя не учили в университете или на переподготовке. Вот например: что делать с пистолетом в разных ситуациях, включая поход в общественную уборную? Оставить его на ремне, спускающемся до пола? Или попытаться повесить на дверь кабинки? Какое-то время я клал его на колени, но от этого сильно нервничал. С подобными затруднениями сталкивается каждый из нас, но их как-то неудобно обсуждать с более опытными коллегами. Через месяц службы это стало настоящей проблемой.

Переехав в Детройт, я купил себе еще один «Фольксваген-Жук», который по иронии стал самой популярной моделью у серийных убийц. Тед Банди ездил на «Жуке» – в том числе по нему его и опознали. В общем, как-то раз я остановился возле местного торгового центра, собираясь купить себе костюм. Зная, что буду примерять разные, я решил оставить пистолет в безопасном месте. Поэтому сунул его в бардачок и отправился в магазин.

Заметьте, что у «Фольксвагена-Жука» есть несколько необычных характеристик. Двигатель у него располагается сзади, а запаска – в багажнике спереди. Поскольку в те времена запаски были ходким товаром, а их кража не представляла труда, их воровали постоянно. В конце концов, колеса-то всем нужны! Ну и конечно, багажник моей машины открывался из бардачка.

Уверен, об остальном вы уже догадались. Я прихожу и вижу, что стекло в машине разбито. В моей версии этого изощренного преступления злоумышленник разбил окно машины, залез в бардачок, чтобы открыть багажник и вытащить запаску, но увидел добычу пособлазнительнее. Я делаю такой вывод, потому что пистолет пропал, а запаска осталась на месте.

«Вот же дерьмо! – говорю я себе. – Еще и месяца не пробыл на службе, а уже поставляю оружие врагам!» Мне прекрасно известно, что потеря оружия или значка – это немедленный выговор с занесением в личное дело. Поэтому я обращаюсь к старшему в нашей команде Бобу Фицпатрику. Фицпатрик – здоровенный парень, настоящая отцовская фигура. Он элегантно одевается и считается в Бюро живой легендой. Он понимает, что я попал, и знает, как мне

несладко. О потере оружия необходимо доложить в офис директора – просто великолепно с учетом того, что это будет первой записью в моем личном деле. Он говорит, надо подойти творчески: написать, например, что я берег общественный порядок и не хотел напугать продавцов, которые могли увидеть пистолет и решить, что их грабят. Фицпатрик заверил меня, что повышения в ближайшие несколько лет новичкам все равно не дают, поэтому выговор не причинит мне особого вреда, если в дальнейшем я проявлю себя с наилучшей стороны.

Это я и попытался сделать, хотя мысли о том пистолете преследовали меня еще долго. Смит-вессон 10-й модели, который я сдал в оружейную Куантико почти четверть века спустя, уходя в отставку из Бюро, был тем самым, который мне выдали после потери первого. Слава богу, тот пистолет не всплыл ни на одном преступлении. Фактически он исчез без следа.

Я жил с еще двумя холостыми агентами, Бобом Макгонигелом и Джеком Кунстом, в меблированном таунхаусе в Тейлоре, Мичиган, южном пригороде Детройта. Мы все сдружились, а Боб впоследствии был моим шафером на свадьбе. А еще – настоящим маньяком. Даже на работу он носил вельветовые костюмы и лавандовые рубашки. Кажется, он единственный в ФБР не боялся Гувера. Позднее Боб перешел на работу под прикрытием, где костюм вообще не требовался.

Он начинал в Бюро клерком и до должности спецагента дошел «внутренними путями». Многие лучшие сотрудники ФБР начинали клерками, включая нескольких, нанятых мной для отдела содействия расследованиям. Но в определенных кругах бывших клерков недолюбливали, как будто у них были привилегии при отборе в агенты.

Боб был великолепен в так называемых наводящих звонках. Это была проактивная техника, которую мы использовали для поимки преступников и которая оказывалась особенно полезной, когда подключался элемент неожиданности.

Боб мастерски изображал разные акценты. Если подозреваемый принадлежал к мафии, он прикидывался итальянцем. Для «Черных пантер»[7] мог сойти за уличного хулигана. Изображал исламиста, грубияна-ирландца, еврея-эмигранта, белого из Гросс-Пойнта[8]. Он не

только имитировал голоса, но и подражал дикции и использовал лексику, соответствующую персонажу. В этом он был так хорош, что однажды позвонил Джо Делькампо – еще одному агенту, о котором вы прочтете в следующей главе, – и убедил того, что он – чернокожий бандит, желающий стать информатором ФБР. В то время на нас сильно давили, заставляя привлекать больше осведомителей в городе; Боб назначил встречу с Джо, который считал, что наткнулся на золотую жилу. На встречу никто не пришел, а на следующий день в офисе Джо сильно разозлился, когда Боб приветствовал его тем же голосом, которым говорил по телефону!

Моей работой было арестовывать плохих парней, но вскоре я заинтересовался мыслительным процессом, стоящим за преступлением. Я задавал арестованному вопросы: например, почему он выбрал тот банк, а не этот или что заставило его остановиться на этой конкретной жертве? Мы все знали, что грабители предпочитают нападать на банки в пятницу после обеда, потому что в это время там больше всего наличных. Но мне хотелось разобраться, какие соображения влияют на планирование и осуществление грабежа.

Я не выглядел особенно угрожающе; как и в университете, люди охотно открывались мне. Чем больше вопросов я задавал этим парням, тем больше понимал, что успешные преступники – хорошие профайлеры. У них обычно был продуманный и разработанный профиль того типа банка, который они предпочитали. Некоторым нравились банки рядом с крупными транспортными магистралями и шоссе, чтобы легче было убегать; так они оказывались за много миль от места преступления до начала погони. Некоторым нравились маленькие удаленные отделения, в том числе временные, в трейлерах. Многие посещали банк заранее, чтобы определиться с диспозицией и узнать, сколько человек там работает и какого количества посетителей можно ожидать в определенное время. Иногда они ходили по всем отделениям, пока не находили то, где не было сотрудников-мужчин, и грабили именно его. Здания без окон на улицу считались лучшими, поскольку свидетели снаружи не могли заметить ограбление, а свидетели внутри не видели машины, на которой уезжал грабитель. Опытные практики считали, что записка с требованием денег куда лучше, чем объявление вслух с размахиванием пистолетом; при этом

они не забывали забрать записку с собой перед уходом, чтобы не оставлять улик. Лучшей машиной для побега считалась угнанная, а лучшим сценарием отхода было припарковать ее перед банком заранее, чтобы на нее не обратили внимания. В банк ты приходишь пешком, а после ограбления уезжаешь. Грабитель, особенно удачно поживившийся в конкретном банке, мог какое-то время следить за ним и, если условия там не менялись, повторить ограбление через несколько месяцев.

Из всех общественных учреждений банки лучше всего защищены от ограблений. И все равно я неоднократно поражался тому, как часто персонал забывал вставить пленку в камеры наблюдения или выключал сигнализацию, а потом не удосуживался активировать снова либо пользовался тревожной кнопкой так часто, что полиция начинала реагировать гораздо медленней, считая вызов ложным срабатыванием. Это было все равно что написать на вывеске: «ОГРАБЬТЕ НАС!»

Однако стоило начать профилировать эти случаи – я тогда еще называл так данный процесс, – и становились видны паттерны. А заметив паттерны, можно начинать применять проактивные меры для поимки плохих парней. Например, если ты повидал множество ограблений и поговорил с достаточным количеством грабителей, чтобы понять, что привлекло их в каждом из случаев, ты можешь дать рекомендации по улучшению защитных мер во всех отделениях банка, за исключением одного. Естественно, это отделение ставится под плотное наблюдение полиции и ФБР с переодетыми агентами внутри. Собственно, ты подталкиваешь грабителя выбрать именно этот банк и ждешь его там. Когда мы начали применять эту проактивную тактику, процент раскрываемости ограблений пошел вверх.

Чем бы мы ни занимались в то время, мы делали это под бдительным оком Дж. Эдгара Гувера, как наши предшественники с 1924 года. Сейчас, когда назначения делаются как в игре в «музыкальные стулья», а общественность судит и выносит приговор, сложно представить себе степень влияния, которое Гувер оказывал не только на ФБР, но и на правительство, прессу и общественность в целом. Если кто-то хотел написать книгу или сценарий о Бюро – как, например, бестселлер Дона Уайтхеда 1950-х «История агента ФБР» или популярный фильм Джеймса Стюарта, основанный на этой книге, – либо снять сериал, как «ФБР» Ефрема Цимбалиста –

младшего, – ему надо было получить личное разрешение и благословение мистера Гувера. Члены правительства находились в постоянном страхе, что у директора «на них что-то есть», особенно когда он звонил и предупреждал дружеским тоном, что ФБР «наткнулось» на неприятный слушок, распространению которого он будет препятствовать всеми средствами.

Но нигде влияние Гувера не сказывалось сильнее, чем в полевых отделениях ФБР и в управлении Бюро. Общепринятым фактом считалось то, что престиж ФБР зависит лично от него. Он практически в одиночку превратил Бюро в тот мощный орган, которым оно являлось, и неустанно боролся за увеличение бюджета и повышение зарплат. Его обожали и боялись, и если ты что-то имел против него, то держал это при себе. Дисциплина была строжайшей, а региональные инспекции превращались в кровавую баню. Если инспекторы не находили достаточно просчетов, требовавших исправления, Гувер мог заподозрить, что они недостаточно скрупулезно исполняют свою работу, а это означало, что каждая инспекция должна увенчаться определенным количеством выговоров – вне зависимости от того, есть для них основания или нет. Это было все равно что план по штрафам за нарушение ПДД. Дошло до того, что ответственные спецагенты, ОСА, находили козлов отпущения, которых в ближайшем будущем не ожидало повышение, чтобы выговоры не очень повредили их карьере.

Однажды – после страшного взрыва в федеральном офисе в Оклахома-Сити в 1995 году это уже не кажется забавным – после инспекции в ФБР поступил звонок о заложенной бомбе. Его проследили до телефонной будки возле здания, где располагалось полевое отделение. Начальство отдало приказ увезти будку на экспертизу и сравнить все отпечатки на монетах в аппарате с отпечатками сотрудников отделения – их было 350 человек. К счастью для всех нас, здравый смысл возобладал, и экспертизу делать не стали. Но это наглядный пример того, какое напряжение создавала политика мистера Гувера.

На все существовали стандартные оперативные процедуры. Хотя мне никогда не доводилось встречаться с мистером Гувером лицом к лицу, у меня был (и остается) его фотопортрет с личной подписью, стоявший на столе в кабинете. Существовала стандартная процедура даже для получения такого портрета начинающим агентом. ОСА

говорил тебе написать его секретарю восторженное письмо, где говорилось бы, как ты гордишься тем, что являешься спецагентом ФБР, и как восхищаешься мистером Гувером. Если письмо выходило удачным, ты получал фотографию с автографом и наилучшими пожеланиями, чтобы все видели: у тебя есть личные связи с директором.

Насчет некоторых других процедур нельзя было сказать, являются ли они прямыми директивами Гувера или просто чрезмерно ретивой интерпретацией его пожеланий. Например, от всех в отделении ожидали переработок, и каждый старался превысить их среднее количество. Думаю, вы уже поняли дилемму. Месяц за месяцем, как в какой-то безумной пирамиде, часы продолжали нарастать. Агенты, приходившие в Бюро с чистыми помыслами и высоким моральным духом, оказывались вынуждены приписывать себе рабочее время. Никто не осмеливался выйти на перекур или выпить кофе. Как менеджеры по продажам, агенты не позволяли себе пройтись по офису или даже позвонить домой. Каждый придумывал себе способы сбежать на волю: я, например, работал над своими делами в закутке в общественной библиотеке.

Одним из величайших последователей Евангелия от Святого Эдгара был наш ОСА Нил Уэлш по кличке Виноградина. Уэлш был здоровенным парнем, около метра восьмидесяти пяти, в очках в толстой роговой оправе. Он отличался решимостью и стоицизмом – но отнюдь не теплотой и дружелюбием. Он сделал отличную карьеру в Бюро, возглавляя, помимо прочего, полевые отделения в Филадельфии и Нью-Йорке. Ходили слухи, что он займет место Гувера, когда (я бы сказал – если) неизбежный день в конце концов наступит. В Нью-Йорке Уэлш сформировал группу, которая впервые эффективно использовала федеральный закон о сговоре для коррупционной и рэкетирской деятельности против организованной преступности. Но у нас в Детройте мы действовали по всем правилам.

Вполне ожидаемо, Уэлш и Боб Макгонигел столкнулись лбами, и произошло это однажды в субботу, когда мы были дома. Бобу поступил звонок: Виноградина хочет видеть его немедленно вместе с начальником нашей команды Бобом Фицпатриком. Макгонигел идет к нему, и Уэлш заявляет, что кто-то использовал служебный телефон для звонка в Нью-Джерси. Пользоваться телефоном в личных целях

запрещено. То, что он сделал, можно истолковать двояко, но в ФБР ошибки толкуются не в пользу служащих.

Уэлш, обычно резкий, начинает издалека, прибегая к проверенной технике допроса:

– Итак, мистер Макгонигел, что насчет тех звонков по телефону?

Боб начинает признаваться во всех звонках, которые может припомнить, потому что боится, нет ли у Уэлша на него чего-нибудь серьезного, надеясь удовлетворить жажду крови у начальства, сдав какую-нибудь мелочь.

Уэлш встает во весь свой впечатляющий рост, наклоняется над столом и с угрозой тычет в него пальцем:

– Макгонигел, вот что я вам скажу: у меня два аргумента против вас. Во-первых, вы бывший клерк. Ненавижу гребаных клерков! Во-вторых, если я еще когда-нибудь увижу вас в лавандовой рубашке, особенно во время инспекции, то буду гнать вас пинками до самого конца Ист-Джефферсон-стрит. А если когда-нибудь увижу вас у телефона, то сброшу в лифтовую шахту. А теперь вон из моего кабинета!

Боб выходит как побитый, убежденный в том, что его уволят. Нам с Джеком Кунстом искренне его жаль. Но на следующий день Фицпатрик говорит мне, что после ухода Макгонигела они с Уэлшем хохотали так, что чуть не надорвали себе животы.

Годы спустя, когда я возглавлял отдел содействия расследованиям, меня неоднократно спрашивали – с учетом всего, что мы знаем о криминальном поведении и анализе, – может ли кто-нибудь из нас совершить идеальное убийство. Я всегда отвечал «нет»: даже при всех наших знаниях поведение после преступления все равно нас выдаст. Я считаю, что инцидент между Макгонигелом и Уэлшем доказывает: даже успешный агент ФБР не может выстоять под давлением мастера допроса.

Кстати, с того момента, как Боб вышел из кабинета начальника в ту субботу, он носил исключительно белые рубашки… белейшие в городе, пока Нила Уэлша не перевели в Филадельфию.

Успехи Гувера в получении финансирования от государства через конгресс во многом объяснялись статистикой, которой он и правда мог похвастаться. Но для того чтобы обеспечить эти цифры, полевым агентам приходилось трудиться не покладая рук.

В начале 1972-го, гласит история, Уэлш пообещал боссу сто пятьдесят арестов за незаконное букмекерство. Очевидно, на тот момент эта категория преступлений требовала повышенного внимания. Мы разработали целую операцию с сетью информаторов, прослушкой и тактическим планированием, кульминацией которой стало воскресенье Суперкубка, главный для незаконных ставок день в году. «Ковбои Далласа», проигравшие «Балтиморским кольтам» годом раньше, играли с «Дельфинами Майами» в Новом Орлеане.

Аресты букмекеров следовало производить с молниеносной быстротой, потому что они используют горючую бумагу (которая мгновенно воспламеняется) или бумагу из картофельного крахмала (которая растворяется в воде). Операция обещала быть непростой, потому что весь тот день шел дождь.

Мы тогда арестовали более двухсот букмекеров. В какой-то момент у меня в машине на заднем сиденье оказался арестованный в наручниках, которого надо было доставить во временный изолятор, куда мы всех их отправляли. Он был очаровательным, очень дружелюбным. А еще красивым: прямо как Пол Ньюман. Он мне сказал:

– Когда-нибудь, когда все это закончится, надо будет встретиться сыграть в ракетбол.

Он охотно шел на контакт, поэтому я начал задавать ему вопросы, как грабителям банков:

– Почему вы этим занимаетесь?

– Мне нравится, – отвечал он. – Вы можете всех нас арестовать сегодня, Джон. Но это погоды не сделает.

– Но для такого умного человека, как вы, заработать деньги легальным способом куда проще!

Он покачал головой, словно я никак не мог понять. Дождь полил еще сильнее. Он покосился в сторону, на боковое окно машины.

– Видите две эти капли? – Он показал пальцем. – Давайте вы поставите на то, что левая стечет с окна раньше правой. И все. Никакой Суперкубок не нужен. Достаточно двух дождевых капель. Вы не сможете нас остановить, Джон, сколько ни старайтесь. Таковы уж мы.

Для меня эта короткая встреча была как гром среди ясного неба. Откровение, ниспосланное свыше. Если оглядываться назад, это может

показаться наивным, но внезапно все, о чем я спрашивал, все мои исследования относительно грабителей и других преступников – все стало предельно ясно.

Таковы уж мы.

Есть что-то врожденное, глубоко укорененное в разуме и психике преступника, заставляющее его действовать определенным образом. Позднее, когда я начал изучать разум и мотивацию серийных убийц, когда начал анализировать их преступления в поисках поведенческих подсказок, я искал тот элемент или набор элементов, которые выделяли преступление или преступника и показывали, *каков он*.

Позднее я придумал термин *почерк*, чтобы описать этот уникальный элемент, это личностное побуждение, присутствующее всегда. И использовал его в сравнении с традиционным понятием «модус операнди», который гибок и может меняться. Эта концепция легла в основу того, чем мы занимаемся в отделе содействия расследованиям.

Как выяснилось, сотни арестов, произведенных нами в воскресенье Суперкубка, ни к чему не привели: суд отверг эти дела из-за технической ошибки. В спешке, которой сопровождалась операция, ордеры на обыск подписал помощник генерального прокурора, а не сам прокурор. Но ОСА Уэлш исполнил обещание и предоставил цифры Гуверу, так что они оказали должное воздействие на Капитолийский холм[9]. А я получил инсайт, который стал поворотным пунктом в моей карьере в правоохранительных органах, благодаря всего лишь двум каплям дождя.

Глава 4
Между двумя мирами

Дело касалось угона через границу штата грузовика со скотчем J&B примерно на сто тысяч долларов. Была весна 1971 года, и я уже полгода работал в Детройте. Кладовщик со склада предупредил нас, куда направляются угонщики, чтобы получить деньги за краденое спиртное.

Это была совместная операция ФБР и полиции Детройта, но планировали ее обе организации по отдельности. Встретились лишь представители руководства, и что они между собой порешили, особо не разглашалось. Поэтому когда пришло время осуществлять арест, никто толком не знал, что делают другие.

Все происходило ночью на окраине города, возле железнодорожных путей. Я вел одну из машин ФБР, рядом со мной сидел старший моей команды Боб Фицпатрик. Информатор был его; следователем по делу назначили Боба Макгонигела.

И вот мы слышим по рации:

– Хватайте их! Хватайте!

Я ударяю по тормозам, перегораживая грузовику дорогу. Водитель открывает дверцу, выскакивает наружу и бросается бежать. Я и агент в другой машине тоже выскакиваем, я выхватываю пистолет и мчусь за ним в погоню.

На улице темно, мы все в обычной одежде – никаких костюмов с галстуками, – и мне никогда не забыть, как сверкнули на меня белки глаз полицейского, который наставил на меня дробовик и заорал:

– Стоять! Полиция! Бросай оружие!

Нас разделяют какие-то несколько метров, и я понимаю, что он вот-вот в меня пальнет. Я застываю, постепенно осознавая тот факт, что любое неверное движение будет стоить мне жизни.

Я уже готов бросить пистолет и поднять руки, когда слышу крик Боба Фицпатрика:

– Он из ФБР! Он агент ФБР!

Полицейский опускает дробовик, и я инстинктивно снова бросаюсь в погоню за шофером. Адреналин кипит в крови, я нагоняю

беглеца одновременно с другим агентом. Мы валим его на землю и надеваем наручники – грубей, чем следовало бы, но я слишком возбужден. Те жуткие несколько секунд, когда я думал, что мне вот-вот снесут башку, были одним из самых кошмарных моментов, которые мне довелось пережить. Много раз с тех пор, пытаясь представить себя на месте жертвы убийства или изнасилования, залезть к ней в голову, чтобы понять, о чем она думала и как могла действовать в момент нападения, я заставлял себя вспомнить собственный страх, и это помогало мне по-настоящему встать на точку зрения жертвы.

Пока мы, новобранцы, рвали задницы, чтобы произвести как можно больше арестов, старики, похоже, придерживались того мнения, что не имеет смысла раскачивать лодку – тебе платят одинаково вне зависимости от того, подставляешься ты под пули или нет, – и что инициатива хороша для коммивояжеров. Поскольку у нас приветствовалось, чтобы агенты как можно больше времени проводили вне офиса, рассматривание витрин, сидение в парке и чтение «Уолл-стрит джорнэл» стали любимыми занятиями некоторой части агентского состава.

«Синий огонь» в моей заднице подсказал мне написать докладную с предложением ввести прогрессивную систему премий для поощрения наиболее продуктивных работников. Я подал ее нашему ПОСА, помощнику ответственного спецагента, Тому Нейли.

Том вызывает меня к себе в кабинет, закрывает дверь, берет докладную со стола и ласково мне улыбается.

– О чем ты беспокоишься, Джон? Ты и так получишь одиннадцатую зарплатную категорию, – говорит он и рвет бумажку надвое. – А потом двенадцатую. – И рвет ее еще пополам. – И тринадцатую.

Снова рвет листок, уже откровенно хохоча.

– Не раскачивай лодку, Дуглас, – советует он напоследок, прежде чем бросить обрывки в мусорную корзину.

Пятнадцать лет спустя, когда Дж. Эдгара Гувера уже не было в живых, ФБР приняло систему прогрессивных премий. Причем внедрили они ее почему-то без моей помощи.

Одним майским вечером – на самом деле я помню, что это была пятница после 17 мая, по причинам, которые очень скоро прояснятся, – я был с Бобом Макгонигелом и Джеком Кунстом в баре, где мы обычно

отдыхали, – через дорогу от офиса, под названием «Гараж Джима». Там играла рок-н-ролльная группа, мы все слегка перебрали с пивом, и внезапно в бар вошла очаровательная юная девушка с подругой. Она напомнила мне молодую Софи Лорен, одетую в самый модный по тем временам наряд – коротенькое платье голубого цвета и сапоги высотой чуть ли не до пупка.

Я крикнул ей:

– Эй, голубенькая! Подходи к нам!

К моему удивлению, они с подругой и правда подошли. Ее звали Пэм Модика, и мы начали перекидываться шутками и флиртовать. Оказалось, что у нее день рождения – двадцать один год – и они отмечают наступление легального возраста употребления спиртного. Похоже, она оценила мое чувство юмора. Позднее я узнал, что ее первое впечатление обо мне было такое: симпатичный, но малость чудной – все из-за моей короткой стрижки военного образца. Мы ушли из «Гаража Джима» и остаток ночи шлялись по барам.

За следующие несколько недель мы хорошо узнали друг друга. Она жила в Детройте и окончила Першинг-Хай – школу почти исключительно для чернокожих, выпускником которой был знаменитый баскетболист Элвин Хейз. Когда мы познакомились, она училась в Университете Восточного Мичигана в Ипсиланти.

Наши отношения развивались стремительно – правда, отчасти за счет социального веса Пэм. Был 1971 год, война во Вьетнаме еще шла, и в кампусах колледжей фэбээровцев терпеть не могли. Многие ее друзья не хотели иметь с нами ничего общего, считая, что я – засланный казачок, отчитывающийся об их деятельности перед властями. Сама мысль о том, что кому-то может прийти в голову вести за этими малолетками слежку, была смехотворной – если не принимать в расчет того, что ФБР в те времена и правда таким занималось.

Помню, как пришел к Пэм на лекцию по социологии. Я сидел на заднем ряду, слушая лектора – молодого, радикально настроенного ассистента профессора, этакого крутого, своего в доску. Он постоянно бросал на меня взгляды – ясно было, что мое присутствие ему не по душе. Любой сотрудник ФБР автоматически считался врагом – даже бойфренд одной из его студенток. Оглядываясь назад, я понимаю, как можно раздразнить человека, просто оставаясь самим собой, и мы в моем отделе использовали это в свою пользу. В одном деле о жестоком

убийстве на Аляске мой чернокожий коллега Джуд Рей заставил ответчика-расиста выйти из себя во время дачи показаний, просто усевшись рядом и дружелюбно заговорив с его девушкой.

Во времена учебы Пэм в колледже там действовал серийный убийца, хотя тогда мы еще не использовали этот термин. Первое убийство он совершил в июле 1967-го – тогда из кампуса пропала девушка по имени Мэри Флешер. Ее полуразложившийся труп нашли месяц спустя. Мэри зарезали ножом, отрубили ей руки и ноги. Год спустя было найдено тело Джоан Шелл, студентки Мичиганского университета, в близлежащем городке Энн-Арбор. Ее изнасиловали и нанесли около пятидесяти ножевых ранений. Еще один труп обнаружили в Ипсиланти.

Убийства, ставшие известными как «мичиганские», продолжались, и девушки в обоих университетах жили в страхе. Каждое найденное тело носило следы кошмарного насилия. К моменту, когда в 1969 году был арестован студент Мичиганского университета Джон Норман Коллинз – практически случайно, собственным дядей, капралом полиции Дэвидом Лейком, – шестеро студенток и одна тринадцатилетняя девочка погибли от его рук.

Коллинза судили и приговорили к пожизненному заключению за три месяца до моего прихода в Бюро. Но я часто задумывался о том, что, обладай Бюро нашими нынешними познаниями, убийцу поймали бы раньше, пока он не натворил столько дел. Даже после ареста Коллинза его призрак продолжал наводить ужас в обоих кампусах, как Тед Банди – уже реальный – в других колледжах несколько лет спустя. Поскольку Пэм никак не могла забыть о тех убийствах, они стали и частью моей жизни тоже. Вполне вероятно, что, скорее всего, хотя бы на подсознательном уровне, когда я начал изучать, а потом ловить серийных убийц, Джон Норман Коллинз и его невинные красавицы-жертвы все еще преследовали меня.

Я был на пять лет старше Пэм, но, поскольку она училась в колледже, а я уже работал, да еще и в правоохранительных органах, мы как будто принадлежали к разным поколениям. На публике она часто держалась со мной и моими друзьями немного застенчиво, и, боюсь, мы иногда этим пользовались.

Однажды мы с Бобом Макгонигелом обедали вместе с Пэм в отеле в центре города. Мы оба были в темных костюмах и ботинках, а

Пэм – в обычном наряде скромной студентки. Когда мы спускались на лифте в холл, он останавливался, казалось, на каждом этаже, и входили новые пассажиры.

Примерно на полпути Боб оборачивается к Пэм и говорит:

– Хорошо позабавились сегодня, правда? В следующий раз, как будем в городе, непременно тебе позвоним.

Пэм смотрит в пол, стараясь не реагировать, но тут встреваю я:

– И тогда *с меня* взбитые сливки, а *с тебя* – вишенки.

Остальные пассажиры переглядываются, неловко переминаются, и тут Пэм разражается хохотом. Все таращатся на нас троих как на компанию извращенцев.

Пэм собиралась ехать на осенний семестр по обмену в Ковентри, Англия. В конце августа, когда она улетала, я уже понимал, что она – та девушка, на которой я хочу жениться. Мне не приходило в голову спросить саму Пэм, питает ли она ко мне ответные чувства. Я просто предполагал, что иначе и быть не может.

Во время ее отсутствия мы постоянно переписывались. Я много времени проводил в доме ее семьи на 622 Аламеда-стрит, близ ярмарки штата Мичиган. Отец Пэм умер, когда она была еще маленькой, но я пользовался благосклонностью ее матери Розали, так что несколько раз в неделю ужинал у них и составлял психологический профиль самой Розали, а также братьев и сестер Пэм, чтобы лучше понять, что они собой представляют.

В тот же период я познакомился с другой девушкой, которую Пэм впоследствии называла (хотя никогда не видела воочию) «девицей с гольфа». И снова мы познакомились в баре – похоже, я тогда постоянно зависал в разных заведениях. Ей было чуть за двадцать, симпатичная, недавно окончила колледж. Едва ли не сразу после знакомства она настояла, чтобы я пришел к ней домой на ужин.

Выяснилось, что живет она в Дирборне – там находилась штаб-квартира компании «Форд», где ее отец занимал руководящий пост. У них большой каменный дом с бассейном, оригиналами знаменитых картин и дорогущей мебелью. Ее отцу под пятьдесят, и он – образчик успешного корпоративного управленца. Мать грациозна и элегантна. Мы сидим за обеденным столом в окружении младших брата и сестры моей новой подруги. Я составляю профиль их семьи, оценивая

приблизительные размеры их капитала. Одновременно они оценивают меня.

Все идет как-то слишком хорошо. Они явно впечатлены, что я – агент ФБР: желанная перемена после настороженного отношения кружка Пэм. Но, естественно, эти люди – настоящие снобы, как мне и показалось на первый взгляд. Я начинаю нервничать; ясно как день, что меня собираются женить.

Отец девушки расспрашивает меня о семье, корнях, военной службе. Я рассказываю, как отвечал за спортивную часть на базе ВВС. Потом он говорит, что владеет вместе с приятелем гольф-клубом близ Детройта. Расписывает свои поля и лужайки, и моя оценка их состояния резко возрастает.

– Джон, ты играешь в гольф? – спрашивает он.

– Нет, – отвечаю я и глазом не моргнув, – но очень хочу научиться.

Все, кажется, ясно. Мы расходимся. Я остаюсь ночевать на диване в подвальной комнате. Посреди ночи меня, притворяясь лунатичкой, посещает моя новая знакомая. Может, роскошь их дома, а может, инстинктивный страх подставы, преследующий всех агентов Бюро, или агрессивность девушки, как и всей ее семейки, меня отпугивают. На следующее утро я ухожу, поблагодарив за гостеприимство и потрясающий ужин. Кажется, шанс на богатую жизнь я упустил.

Пэм вернулась из Англии за несколько дней до Рождества 1971 года. Я решил задать ей наконец самый главный вопрос, а для этого требовалось купить кольцо с бриллиантом. В те дни у Бюро имелись контакты с продавцами практически чего угодно – магазин, где я приобрел кольцо, был крайне признателен нам за раскрытие кражи и давал агентам существенную скидку.

Но даже со скидкой самый большой бриллиант, который я мог себе позволить, не превышал весом 1,25 карата. Я прикинул, что, если положить его в бокал с шампанским, я покажусь Пэм куда более романтичным, а камень – куда более крупным, наверное карата с три. Я отвел ее в итальянский ресторан на Эйт-Майл-роуд рядом с ее домом и планировал, как только она отлучится в дамскую комнату, опустить кольцо в ее бокал.

Но она так и не отлучилась. Поэтому на следующий вечер я опять отвел ее в тот ресторан – с тем же результатом. У меня уже был богатый опыт слежки, требовавшей часами сидеть в машине и терпеть

сцепив зубы, так что я искренне восхитился моей невестой. Правда, я не исключал, что это нечто вроде знака свыше – а не рановато ли мне еще жениться?

В следующий вечер был канун Рождества, и вся семья собралась в доме ее матери. Сейчас или никогда, решил я. Мы пили «Асти Спуманте», ее любимое. Наконец-то она на минутку отошла на кухню. Вернувшись, села мне на колени, мы подняли тост, и, если бы я ее не остановил, Пэм проглотила бы кольцо вместе с «Асти». Какие там три карата – она вообще не заметила кольца, пока я не ткнул в него пальцем. Вдруг это тоже был знак?

Тем не менее главным было то, что я все подготовил – как при допросах, – чтобы получить желаемый результат. Подгадал момент, когда она будет окружена членами семьи, которые меня обожали, так что у Пэм просто не оставалось другого выхода, кроме как ответить «да». Она так и сделала. Свадьбу назначили на следующий июнь.

На второй год большинство агентов-холостяков отправляли в Нью-Йорк или Чикаго, исходя из соображения, что им там будет проще, чем женатым. У меня никаких особых предпочтений не было, и я получил назначение в Милуоки – вроде бы нормальный город, хотя я никогда там не был и даже не знал толком, где он находится. Я должен был переехать в январе и обустроиться, а Пэм предстояло присоединиться ко мне после бракосочетания.

Я поселился в апартаментах Джуно-Виллидж, на Джуно-авеню, недалеко от полевого офиса Милуоки на Норт-Джексон-стрит. С тактической точки зрения это оказалось ошибкой, ведь, что бы ни случилось, ответ был один:

– Вызовите Дугласа. Он всего в трех кварталах.

Еще до моего переезда в Милуоки женщины в офисе прознали, что я не женат. В мои первые недели они сражались за возможность записывать под мою диктовку, хоть мне и нечего было особенно диктовать. Все так и крутились вокруг меня. Но спустя несколько недель, когда выяснилось, что я помолвлен, их интерес растаял, как прошлогодний снег.

Атмосфера в полевом отделении Милуоки была копией детройтской, даже более того. Моим первым ОСА там был Эд Хейс, которого все называли Шустрый Эдди. Он был вечно красным, как

свекла (Хейс скончался от гипертонии вскоре после выхода в отставку), и расхаживал по офису, громко щелкая пальцами и крича:

– А ну все вон! Вон отсюда!

Я спросил:

– И куда мне идти? Я только перевелся. У меня ни машины, ни расследований.

Он выпалил в ответ:

– Мне плевать, куда ты пойдешь. Убирайся из офиса.

Я и убрался. В те дни, прогуливаясь по Висконсин-авеню или сидя в библиотеке, можно было запросто встретить нескольких агентов, бродивших там, потому что им некуда было податься. Довольно скоро я купил себе следующую машину, «Форд-Торино», у продавца, тоже кое-чем обязанного Бюро.

Наш следующий ОСА, Херб Хокси, перевелся из Литл-Рока в Арканзасе. У всех ОСА были проблемы с набором персонала, поэтому Хокси прибыл уже на взводе. Каждому полевому отделению назначалась месячная квота набора агентов и вольнонаемных.

Хокси вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что я буду отвечать за рекрутинг. Обычно на него назначали холостых мужчин, потому что работа подразумевала разъезды по всему штату.

– Почему я? – спросил я.

– Потому что последнего пришлось срочно переводить. Хорошо еще, что не уволили.

Тот парень катался по местным старшим школам и приглашал девушек на секретарские позиции. Гувер был еще жив, и агентами женщин тогда не нанимали. Он задавал им стандартные вопросы, к которым добавлял еще кое-какие, уже от себя, в том числе: «Девственница ли вы?» Если ответ был «нет», он приглашал кандидатку на свидание. Родители школьниц начали жаловаться, и ОСА пришлось по-быстрому его перевести.

Я начал вербовать персонал по всему штату. Очень скоро я превысил квоту в четыре раза. Я считался самым успешным рекрутером в стране. Проблема состояла в том, что я был слишком хорош. Меня ни за что не перевели бы на другую должность. Когда я сказал Хербу, что больше не хочу этим заниматься, что я пришел в ФБР не для того, чтобы набирать персонал, он пригрозил отправить меня в отдел гражданских прав: разбирать жалобы на полицейские

участки за жестокое обращение с подозреваемыми и заключенными или за дискриминацию меньшинств. Естественно, такая работа в Бюро тоже не пользовалась популярностью. Вот тебе и награда за перевыполнение нормы!

Поэтому я заключил сделку: согласился поддерживать высокие показатели рекрутинга, если Хокси назначит меня своим заместителем, предоставит служебную машину и рекомендует в Административную программу поддержки правоохранительных органов, которая оплатит мне продолжение высшего образования. Я понимал, что не собираюсь всю жизнь работать в поле – мне нужна была магистерская степень.

В офисе ко мне и без того относились с подозрением: всех, кто так стремился к образованию, считали отъявленными либералами. В Висконсинском университете в Милуоки, где я поступил в вечернюю магистратуру по педагогической психологии, ко мне относились не менее подозрительно – тамошние профессора отнюдь не стремились заиметь агента ФБР на своих семинарах, а у меня не хватало терпения на всякие психологические тонкости («Джон, пожалуйста, представься своему соседу по аудитории и расскажи ему, кто такой Джон Дуглас на самом деле»).

Как-то раз мы все сидели в кругу; круги в те времена пользовались большой популярностью. Внезапно я понимаю, что никто не говорит со мной. Я пытаюсь участвовать в беседе, но меня игнорируют. Наконец я просто спрашиваю:

– Ребят, в чем проблема?

Оказывается, у меня из кармана торчит ручка от металлической расчески, которую остальные принимают за антенну – вроде как я записываю семинар и транслирую его в штаб. До сих пор не устаю поражаться самомнению и паранойе этих людей!

В начале мая 1972 года Дж. Эдгар Гувер мирно скончался во сне в своем доме в Вашингтоне. Рано утром по всем отделениям разослали телетайпные сообщения. В Милуоки ОСА собрал нас, чтобы огласить новость. Хотя Гуверу было далеко за семьдесят и он возглавлял ФБР чуть ли не вечно, никому не верилось, что он когда-нибудь умрет. Теперь, когда король был мертв, мы все гадали, кто придет ему на смену. Л. Патрик Грей, заместитель генерального прокурора и преданный сторонник Никсона, был назначен исполняющим обязанности директора. Поначалу он завоевал популярность благодаря

нововведениям – в частности, разрешил нанимать женщин-агентов. Но когда его политические взгляды разошлись с интересами Бюро, он быстро покатился под откос.

Несколько недель после смерти Гувера я занимался набором персонала в Грин-Бэй, и тут мне позвонила Пэм. Она сказала, что священник хочет поговорить с нами обоими перед свадьбой. Я решил, он собирается переманить меня в католицизм, чтобы получить пару очков перед своим католическим руководством. Однако Пэм – ревностная католичка, и ее растили в почитании к вере. Так что я понимаю: она всю душу из меня вытрясет, если я не подчинюсь.

Мы вдвоем приезжаем в церковь Святой Риты, но сначала она заходит к священнику одна. Это напоминает мне полицейский участок в Монтане, когда нас с приятелями развели по разным кабинетам, чтобы сверить наши истории. Наверняка они планируют стратегию моего с ним разговора. Когда меня наконец тоже приглашают, первое, что я говорю:

– Хотите вдвоем наброситься на ни в чем не повинного протестанта?

Священник молодой и дружелюбный – ему едва за тридцать. Он задает мне разные общие вопросы вроде «что такое любовь?». Я пытаюсь профилировать его, чтобы понять, существует ли конкретный правильный ответ. Чувствую себя как на экзамене на аттестат – никогда не знаешь, достаточно ли ты подготовился.

Мы обсуждаем контрацепцию, воспитание детей – все в этом роде. Потом я сам расспрашиваю его, каково это – быть священником: соблюдать целибат и не иметь собственной семьи. Священник кажется симпатичным парнем, но Пэм мне говорила, что Святая Рита – строгая традиционная церковь, и ему, наверное, со мной немного неловко, я ведь не католик. Впрочем, не знаю. Я пытаюсь сломать лед, когда он вдруг спрашивает:

– Как вы познакомились?

Моя обычная реакция на стресс – юмор; я всегда шучу, чтобы разрядить напряжение. Вот она – возможность, думаю я и не могу устоять. Я придвигаю свой стул ближе к нему.

– Видите ли, святой отец, – начинаю я, – вам ведь известно, что я – агент ФБР. Уж не знаю, что Пэм рассказывала вам о своем прошлом…

Говоря это, я постепенно придвигаюсь к нему еще ближе, глядя прямо в глаза – прием, отрепетированный на допросах. Я не хочу, чтобы он смотрел на Пэм, потому что не знаю, как она реагирует.

– Мы встретились в одном месте… называется «Гараж Джима», это такой бар, где танцуют топлес. Пэм там тоже танцевала и была ну очень хороша! А больше всего меня поразил ее танец с кисточками на сосках… она ими вертела в разные стороны! Вот честное слово – на это стоило посмотреть.

Пэм хранит мертвое молчание, видимо не зная, что сказать. Священник внимательно слушает.

– Ну вот, и она, значит, крутит этак кисточками все быстрее и быстрее, а потом внезапно одна отрывается и улетает в зал. Все за ней бросаются, я вскакиваю с места, в прыжке ловлю кисточку и возвращаю Пэм. И вот мы здесь.

От изумления у него отваливается челюсть. Он мне верит – ровно до тех пор, пока я не сдаюсь и не начинаю хохотать. Прямо как с моей выдуманной книгой в начальной школе.

– То есть все это неправда? – осторожно интересуется святой отец.

К этому моменту Пэм ломается тоже, мы хохочем и трясем головами. Уж не знаю, доволен он или разочарован.

Боб Макгонигел был моим шафером. Утро свадьбы выдалось дождливым и сырым, мне не терпелось покончить с формальностями. Я подговорил Боба позвонить Пэм в дом ее матери и спросить, не знает ли она, куда я подевался. Естественно, она отвечает нет, и Боб «признается», что прошлым вечером я не пришел ночевать. Он, мол, боится, не дал ли я заднюю. Сейчас мне трудно поверить, что у меня было такое кошмарное чувство юмора. Конечно же, Боб рассмеялся и выдал нас, но я был немного разочарован чуть ли не полным отсутствием реакции со стороны Пэм. Позднее она мне призналась, что была настолько занята приготовлениями и так боялась, что от влажности ее вьющиеся волосы встанут дыбом, что исчезновение жениха беспокоило ее меньше всего.

Когда в тот день мы с ней в церкви обменялись кольцами и священник объявил нас мужем и женой, меня сильно удивило, что у него нашлись для меня добрые слова.

– Я впервые встретился с Джоном Дугласом лишь позавчера, и он заставил меня крепко задуматься о том, как я отношусь к собственным религиозным убеждениям.

Одному богу известно, что я такого сказал, чтобы погрузить святого отца в столь глубокие раздумья, но ведь пути Его неисповедимы! В следующий раз историю про кисточки на сосках я рассказал священнику, когда Пэм в Сиэтле собралась меня соборовать. И он тоже купился.

У нас был коротенький медовый месяц в Поконосе – ванна в форме сердца, зеркала на потолке, все дела, – после чего мы поехали на Лонг-Айленд, где мои родители устроили в нашу честь праздник: мало кто из членов моей семьи смог приехать на свадьбу.

После того как мы поженились, Пэм переехала в Милуоки. Она окончила колледж и стала учительницей. Все молодые учителя начинали с должности подменного преподавателя в городских школах с плохой репутацией. Одна считалась особенно неблагополучной. Учителей там толкали и пинали, было даже несколько попыток изнасилования новоиспеченных учительниц. Я наконец избавился от обязанностей рекрутера и работал в команде оперативного реагирования – в основном на ограблениях банков. Несмотря на неминуемые опасности своей работы, я больше беспокоился за Пэм. У меня, по крайней мере, был пистолет. Однажды четверо учеников затолкали ее в пустой класс, стали лапать и приставать. Она закричала и смогла убежать, но я пришел в ярость. Хотел даже собрать еще парочку агентов, заявиться в школу и надрать ублюдкам задницы.

Моим лучшим другом в те времена был агент Джо Делькампо, работавший со мной вместе на ограблениях. Мы постоянно болтались в пекарне на Окленд-авеню, возле кампуса Висконсинского университета в Милуоки. Пекарню держала семейная пара, Дэвид и Сара Голдберг, и очень скоро мы с Джо сдружились с ними. По сути, мы стали для них как сыновья.

Бывало, мы по утрам являлись спозаранку и, не снимая кобуры с пистолетом, помогали им ставить в духовку бейглы и булки. Мы завтракали, уезжали, ловили парочку беглых преступников, отрабатывали несколько зацепок по другим делам, а потом возвращались на ланч. Мы с Джо оба тренировались в спортивном клубе Еврейского общественного центра, поэтому на Хануку и

Рождество подарили Голдбергам членские карты. Постепенно другие агенты тоже стали собираться у Голдбергов, и мы закатывали там вечеринки – даже с участием ОСА и ПОСА.

Джо Делькампо был умным парнем, знал несколько языков и прекрасно стрелял. И однажды его меткость стала причиной одной из самых странных и неоднозначных ситуаций, в которых мне когда-либо приходилось принимать участие.

Как-то зимой мы с Джо допрашивали в офисе подозреваемого, когда к нам поступил звонок от полиции Милуоки: сообщение о захвате заложников. Джо весь день не спал – был на дежурстве, – но мы все равно бросаем нашего подозреваемого, чтобы он малость охолонул, и мчимся на место.

Добравшись, мы оказываемся перед домом в тюдоровском стиле и узнаем, что подозреваемый Джейкоб Коэн в бегах и обвиняется в убийстве офицера полиции в Чикаго. Он только что подстрелил спецагента Ричарда Карра, который пытался его схватить у него дома, в жилом комплексе, окруженном недавно обученной командой спецназа ФБР. Этот псих прорвался сквозь периметр спецназа, получив две пули в задницу. Схватил парнишку, сгребавшего снег, и вбежал с ним в дом. Так у него оказалось трое заложников – взрослый и двое детей. Взрослого и одного ребенка он выпустил, теперь у него только парнишка лет десяти примерно.

Естественно, все уже на грани. На улице жуткий мороз. Коэн зол как черт, тем более что у него полная задница свинца. ФБР и полиция Милуоки обвиняют друг друга. Команда спецназа в гневе, потому что это их первое крупное дело, а они упустили преступника и позволили ему прорваться сквозь периметр. ФБР в целом жаждет крови, потому что он завалил одного из наших. А полиция Чикаго, уже прознавшая, что у нас их подозреваемый, предупреждает, чтобы в него не стреляли – это право только за ними.

ОСА Герб Хокси прибывает на место и совершает еще несколько – по моему мнению – ошибок в дополнение к тому, что уже наворотили остальные. Во-первых, хватается за мегафон, отчего оказывается в позиции диктатора. Куда лучше было бы использовать телефонную связь – она дает больше гибкости, позволяя обсудить все один на один. Во-вторых, предлагает себя в заложники в обмен на мальчишку.

В общем, Хокси садится за руль фэбээровской машины. Полиция ее окружает, и машина задним ходом въезжает на стоянку перед домом. Тем временем Делькампо командует мне подсадить его на крышу дома. Вы помните – дом в тюдоровском стиле, так что скаты крыши крутые, да к тому же все обледенели, а Джо целую ночь не спал. Единственное оружие, которое у него при себе, – короткоствольный магнум 357-го калибра.

Коэн выходит из дома, обхватив рукой голову мальчишки и крепко прижимая его к себе. Детектив Бизли из Департамента полиции Милуоки выступает вперед из цепи копов и говорит:

– Джек, мы предоставляем тебе все, что ты просил. Отпусти мальчика!

Делькампо тем временем примостился на коньке крыши; полиция видит его там и понимает, что он собирается сделать.

Объект и заложник подходят ближе к машине. Повсюду снег и лед. Внезапно мальчик поскальзывается, и Коэн ослабляет хватку; Делькампо с крыши прицеливается. Памятуя о коротком стволе – из-за него пуля может отклониться выше, – он целится в шею и стреляет.

Прямое попадание – поразительная меткость – прямо по центру затылка объекта. Коэн валится на землю, но никто не может сказать, в пуле дело или в том, что мальчик при падении увлек его за собой.

Три секунды спустя вся машина изрешечена пулями. В перекрестном огне детектива Бизли ранят в ахиллово сухожилие. Мальчик ползет на четвереньках перед машиной, и та давит его – Хокси ранило осколком стекла, и он потерял управление. К счастью, мальчик пострадал несильно.

Вечером по телевизору показывают, как ответственного специального агента Герберта Хокси на каталке вывозят из реанимации; из уха у него течет кровь, и он на ходу делает короткое заявление для прессы: «Внезапно я услышал выстрелы, пули засвистели повсюду. Кажется, в меня попали, но это ничего, я в порядке…» ФБР, Господь Бог, семейные ценности, яблочные пироги – и так далее и тому подобное.

Но это еще не конец. Полицейские едва не разрывают Делькампо на куски за тот выстрел. Спецназовцы тоже возмущаются, потому что он их выставил в нелестном свете. Они обращаются к ПОСА Эду

Бесту, но тот защищает Делькампо, говоря, что Джо спас ситуацию, сложившуюся по их вине.

У Коэна от тридцати до сорока входных и выходных отверстий от пуль, но он все еще жив, когда его грузят в скорую помощь. К счастью для всех заинтересованных сторон, его разыскивали живым или мертвым.

Агент Карр чудом выжил. Пуля Коэна пробила его плащ, попала в плечо, срикошетила от трахеи и застряла в легком. С тех пор Карр берег тот плащ с пулевым отверстием как зеницу ока и с гордостью носил чуть ли не ежедневно.

Мы с Делькампо составляли великолепную команду, если не считать регулярных приступов смеха, с которыми у нас никак не получалось бороться. Однажды мы были в гей-баре: пытались найти информаторов по делу о скрывающемся убийце-гомосексуалисте. В баре темно, нашим глазам требуется время, чтобы адаптироваться. Внезапно мы понимаем, что все взгляды устремлены на нас, и начинаем спорить, кто из нас им больше понравился. Потом видим над баром вывеску: «Тяжелого парня найти хорошо» – и разражаемся гомерическим хохотом, как двое придурков.

Мы были готовы посмеяться в любой ситуации. Как-то расхохотались, разговаривая со стариком в инвалидной коляске, пациентом дома престарелых, а в другой раз – допрашивая элегантного бизнесмена средних лет, у которого парик сполз на лоб. Особого повода нам с Джо не требовалось. Это может показаться глупостью, но в действительности способность везде находить что-нибудь забавное – ценный талант. Когда постоянно видишь убийства и трупы, особенно детские, разговариваешь с сотнями, если не тысячами, жертв и их семьями, когда кажется, что ты уже повидал все самое страшное, что одни человеческие существа творят с другими, очень полезно уметь посмеяться над какой-нибудь ерундой. В противном случае можно сойти с ума.

В отличие от большинства парней, поступающих на работу в правоохранительные органы, я никогда не был фанатом оружия, но еще со времен службы в ВВС хорошо стрелял, вот и решил, что может быть интересно какое-то время поработать в спецназе. Свое подразделение было в каждом полевом офисе ФБР. Работа была с

частичной занятостью; пятерых членов команды вызывали в случае необходимости. Меня назначили снайпером – тем, кто размещается подальше и стреляет с расстояния. У остальных ребят в команде был боевой опыт – они служили кто в рейнджерах[10], кто в зеленых беретах[11], – я же учил плавать жен и детей пилотов. Командир Дэвид Коль со временем стал заместителем начальника Куантико – он-то и предложил мне возглавить отдел содействия расследованиям.

В одном деле – попроще выверта Джейкоба Коэна – преступник ограбил банк, устроил с полицией погоню и заперся в складском помещении. Вызвали нас. Он на складе сначала разделся, потом оделся снова. Вел себя как настоящий сумасшедший. Потребовал доставить к нему жену – требование было исполнено.

Спустя годы, когда мы уже хорошо исследовали такой тип личности, стало ясно, что делать этого не следует – нельзя удовлетворять подобные требования, потому что человек, которого преступник хочет увидеть, обычно и является корнем его проблемы. Вы подвергаете этого человека большой опасности, практически делая жертвой убийства с последующим суицидом.

К счастью, в данном случае жену не впустили на склад, но позволили переговорить с ним по телефону. И конечно же, как только он повесил трубку, сразу прострелил себе башку из дробовика.

Мы все несколько часов ждали на позициях, и внезапно все закончилось. Однако от такого стресса быстро не оправишься, и в дело часто идет черный юмор.

– И стоило ему утруждаться? – спросил один из ребят. – У нас же Дуглас, глаз-алмаз, он бы за него все сделал.

Я пробыл в Милуоки чуть больше пяти лет. Со временем мы с Пэм переехали из квартиры на Джуно-авеню в таунхаус на Браун-Дир-роуд, подальше от офиса, на северной окраине города. Большую часть службы я занимался ограблениями банков и получил немало благодарностей за раскрытие дел. Я понял, что наиболее эффективен в поиске почерка преступника, связывающего вместе несколько преступлений, – этот фактор стал впоследствии краеугольным камнем наших исследований серийных убийц.

Единственный серьезный промах я допустил, когда Джерри Хоган сменил Херба Хокси на должности ОСА. Никаких особых преимуществ эта должность не давала, но ОСА полагался служебный

автомобиль, и Хоган очень гордился своим новехоньким изумрудно-зеленым «Фордом-Лимитед». Однажды мне понадобилась машина для одного задания, а свободных не нашлось. Хоган был на совещании, и я спросил ПОСА Артура Фултона, можно ли взять «Форд». Тот неохотно разрешил.

Следующее, что я помню, – как Джерри вызывает меня к себе в кабинет и начинает орать: я, мол, взял его машину, испачкал и – самое худшее – проколол шину. Я этого даже не заметил. Впоследствии мы с Джерри поладили, и теперь, когда он на меня орет, я только смеюсь. В общем, тот случай был просто недоразумением.

Позднее в тот день Рей Берн, старший в моей команде, мне сказал:

– Знаешь, Джон, Джерри Хогану ты нравишься, но он хочет преподать тебе урок. Тебя назначают в индейскую резервацию.

То были дни инцидента в Ваундед-Ни и начала борьбы за права коренного населения Америки. В резервациях нас ненавидели ничуть не меньше, чем в гетто Детройта. Правительство обращалось с индейцами просто ужасно. Когда я впервые прибыл в резервацию Меномини в Грин-Бэй, то был поражен бедностью, грязью и убожеством, в которых были вынуждены обитать эти люди. Их полностью лишили собственной культуры, а с ней как будто и души. В основном в результате плачевных условий проживания, а также равнодушия и враждебности со стороны правительства во многих резервациях распространились алкоголизм, домашнее насилие, побои и убийства. Но из-за всеобщего недоверия к государственным властям агенту ФБР не стоило рассчитывать на сотрудничество со стороны свидетелей.

Местное Агентство по делам коренного населения оказалось полностью бесполезным. Даже члены семей жертв не желали участвовать в расследованиях из страха, что их сочтут коллаборантами, перешедшими на вражескую сторону. Иногда к моменту, когда мы узнавали об убийстве и приезжали на место преступления, тело лежало там уже несколько дней и кишело личинками насекомых.

Я провел в резервации немногим больше месяца и расследовал за это время по меньшей мере шесть убийств. Мне было очень жаль этих людей, я сильно переживал, но, по крайней мере, у меня была возможность возвращаться ночевать домой. Никогда раньше я не

сталкивался с народом, которому приходилось ежедневно преодолевать столько тягот. Несмотря на плачевность ситуации, тот период в Меномини стал для меня первым «марафоном» по расследованию убийств, подарив мне хоть и печальный, но очень ценный опыт.

Вне всяких вопросов, лучшим, что случилось во время моего пребывания в Милуоки, было рождение нашего первого ребенка, Эрики, в ноябре 1975-го. Мы собирались отпраздновать День благодарения в местном кантри-клубе с друзьями Сэмом и Эстер Раскин, когда у Пэм начались схватки. Эрика родилась на следующий день.

Я задерживался на работе, расследуя ограбления банков, заканчивал учебу в университете, а высыпаться с младенцем в доме не получалось. И все равно львиная доля нагрузки легла на плечи Пэм. Став отцом, я почувствовал гораздо большую ответственность за семью; здорово было смотреть, как Эрика растет. К счастью для нас всех, я тогда еще не начал работать над похищениями и убийствами детей, в противном случае, если бы остановился и подумал о том, что творится вокруг, вряд ли адаптировался бы к роли отца с такой легкостью. К моменту, когда в 1980-м родился наш второй ребенок, Лорен, я уже погрузился в эти расследования с головой.

Отцовство, думается, подтолкнуло меня и к тому, чтобы активнее исследовать свой потенциал. Я знал, что не собираюсь работать в поле на протяжении всей своей карьеры. Джерри Хоган советовал мне прослужить в полевом отделении лет десять, прежде чем переводиться куда-нибудь еще; тогда я имел бы достаточно опыта, чтобы претендовать на должность ПОСА, а там и ОСА, после чего мог бы добраться и до Главного управления. Но с ребенком, и, надеялся я, не единственным, жизнь полевого агента и переводы из офиса в офис меня больше не привлекали.

Шло время, и мои карьерные интересы эволюционировали. Снайперская подготовка и командные тренировки спецназа потеряли для меня свое очарование. С моим бэкграундом и интересом к психологии – к тому времени я получил магистерскую степень – я приходил к выводу, что самое сложное в нашей работе – не доводить ситуацию до стрельбы. ОСА рекомендовал меня для прохождения в Академии ФБР в Куантико двухнедельного курса по переговорам с

преступниками, удерживающими заложников, который пока читался только два года.

Там под руководством таких легендарных агентов, как Говард Тетен и Пэт Маллэни, я впервые столкнулся с тем, что ныне называется наукой о поведении. И это изменило мою карьеру.

Глава 5
ПН – поведенческая наука или пустая нудятина?

Я не бывал в Куантико со времен обучения почти пять лет назад, и это место во многих отношениях сильно изменилось. К весне 1975 года Академия ФБР стала самостоятельным полноценным учреждением, созданным на основе базы ВМФ США на прекрасных зеленых холмах Вирджинии, в часе езды к югу от Вашингтона.

Но некоторые вещи остались прежними. Тактическая подготовка по-прежнему пользовалась престижем и статусом, а в ней верховодил отдел огнестрельного оружия. Его возглавлял Джордж Цейс, специальный агент, которого отправляли в Англию за Джеймсом Эрлом Реем, который должен был предстать перед американским правосудием за убийство в 1968-м Мартина Лютера Кинга – младшего. Цейс был громадным – настоящий человек-медведь – и хвастался, что может голыми руками порвать цепь наручников. Однажды его приятели заварили цепь и дали ее Цейсу для его фокуса – он пыхтел и старался, но лишь вывихнул запястье и несколько недель проходил в гипсе.

Переговоры о заложниках преподавали в отделе поведенческих наук, где работало от семи до девяти агентов-инструкторов. Психология и гуманитарные науки никогда особо не ценились Гувером и его сторонниками, поэтому до его кончины к ним относились как к второстепенным.

Фактически большая часть сотрудников ФБР в то время, как и правоохранительные органы в целом, считали психологию и поведенческую науку в применении к криминологии пустой нудятиной. Я, естественно, думал по-другому, но должен был признать, что большая часть знаний в этой сфере не имела отношения к истинному пониманию мотивов и поимке преступников – обстоятельство, которое нам предстояло изменить несколько лет спустя. Когда я стал начальником операционной части отдела поведенческих наук, я изменил его название на отдел содействия

расследованиям (ОСР). На вопрос почему, я честно отвечал, что хотел избавиться от пустой нудятины.

В ОСР при начальнике отдела Джеке Пфаффе во времена, когда я проходил курс переговоров по заложникам, доминировали две выдающиеся и влиятельные личности – Говард Тетен и Патрик Маллэни. Тетен был почти двухметровым, с пронзительными глазами под стеклами очков в проволочной оправе. Несмотря на службу в десанте, он был скорее мыслителем и держался с большим достоинством – образчик профессора-интеллектуала. Он поступил в Бюро в 1962 году, успев поработать в Департаменте полиции Сан-Леандро, Калифорния, близ Сан-Франциско. В 1969-м он начал преподавать знаменитый курс прикладной криминологии, который впоследствии (подозреваю, что после смерти Гувера) переименовали в прикладную криминальную психологию. В 1972-м Тетен ездил в Нью-Йорк консультироваться с доктором Джеймсом Брасселом, психиатром, раскрывшим дело Сумасшедшего подрывника, – тот согласился лично обучить Тетена своей технике профилирования.

Вооружившись этими знаниями, Тетен совершил значительный прорыв, осознав, как много можно выяснить об убийце и о его мотивах, сосредоточившись на уликах с места преступления. В каком-то смысле все, что мы делаем в поведенческой науке и криминальном следственном анализе с тех пор, базировалось на его открытии.

Пэт Маллэни напоминал мне лепрекона – при росте в полтора метра он был подвижным и крайне энергичным. Он перевелся в Куантико в 1972 году из полевого офиса в Нью-Йорке с научной степенью по психологии. К концу его службы в академии он прославился успешным разрешением двух захватов заложников: в Вашингтоне, округ Колумбия, когда сторонники ханафитского мазхаба захватили штаб-квартиру еврейской общественной организации «Бнай-Брит», и в Уорренсвилл-Хайтсе, Огайо, когда Кори Мур, чернокожий ветеран Вьетнама, взял в заложники капитана полиции и его секретаршу прямо в участке. Вместе Тетен и Маллэни – выдающаяся и незабываемая парочка – представляли первую волну современной поведенческой науки.

В преподавании переговоров по заложникам принимали участие и другие инструкторы ОПН, в том числе Дик Олт и Роберт Ресслер, поступившие в Куантико незадолго до меня. Если Тетен и Маллэни

были первой волной, то Олт и Ресслер представляли вторую, которая развила нашу дисциплину до того, что она стала по-настоящему полезной для правоохранительных органов в США и во всем мире. Хотя в те времена мы знали друг друга только как преподаватель и студент, Боб Ресслер и я очень скоро объединили усилия для исследований серийных убийц, которые и привели к возникновению современной версии нашей науки.

В классе по переговорам о заложниках было около пятидесяти человек. В каком-то смысле курс был больше развлечением, чем образованием, но мы наслаждались двухнедельным отдыхом от полевой работы. На занятиях мы изучали три основных типа захватчиков заложников, как то: профессиональный преступник, психически больной и фанатик. Мы исследовали различные значимые феномены, возникающие при захвате заложников, например стокгольмский синдром. За два года до того, в 1973-м, неудачное ограбление банка в Стокгольме, Швеция, превратилось в мучительную драму для посетителей и служащих банка: заложники встали на сторону преступников и помогали им оказывать сопротивление полиции.

Мы также смотрели фильм Сидни Люмета «Собачий полдень», недавно вышедший на экраны, – там герой Аль Пачино грабит банк, чтобы раздобыть деньги своему другу на операцию по смене пола. Фильм основывается на реальных событиях – захвате заложников в Нью-Йорк-Сити. То ограбление и продолжительные переговоры, последовавшие за ним, привели к тому, что ФБР привлекло капитана Фрэнка Больца и детектива Харви Шлосберга к разработке курса по переговорам – в этой области ньюйоркцы были признанными лидерами.

Мы изучали принципы переговоров. Некоторые из них, вроде минимизации человеческих потерь, были очевидными. В нашем распоряжении имелись аудиозаписи реальных переговоров с преступниками, удерживающими заложников, но лишь годы спустя, когда пришло новое поколение инструкторов, студентам начали предлагать ролевые игры – самое близкое подобие переговоров по заложникам, доступное в классе. Учебные материалы, которыми мы пользовались, были в значительной части переработанными пособиями по криминальной психологии и не особенно нам

подходили. Например, нам раздавали фото и личные дела растлителей малолетних или убийц на почве ревности, а дальше мы обсуждали, как такой человек поведет себя в ситуации с захватом. Ну и конечно, стрелковая подготовка – ей в Куантико по-прежнему уделялось особое внимание.

В результате большую часть практических знаний мы получали не в классе, а от других агентов, в суровом горниле полевой работы. Насколько я помню, главным делом, обеспечившим Пэту Маллэни его репутацию, было дело Кори Мура. Мур, у которого диагностировали параноидную шизофрению, взяв в заложники капитана полиции и его секретаршу прямо в участке в Уорренсвилл-Хайтсе, Огайо, выдвинул несколько требований, одно из которых гласило, что всем белым надо немедленно покинуть Землю.

В переговорной стратегии действует строгий принцип: не удовлетворять требований, если без этого можно обойтись. К тому же многие из них априори невыполнимы, как вышеупомянутое. То дело привлекло внимание всей страны; президент США Джимми Картер предлагал лично переговорить с Муром и содействовать в разрешении ситуации. Хоть он и действовал из благих побуждений, которые проявлял и в дальнейшем, пытаясь разрешать внешне неразрешимые конфликты по всему миру, с точки зрения стратегий такой ход был бы неоправданным, и я никогда бы его не допустил, отвечай за ту операцию. Точно так же поступил и Пэт Маллэни. Проблема в допуске к переговорам человека, принимающего верховные решения, не только в том, что это подтолкнет других отчаявшихся сделать то же самое, но и в том, что так ты лишаешься пространства для маневра. Переговоры всегда надо вести через посредников – это дает время на размышление и не позволяет давать обещания, которые ты не собираешься исполнять. Если преступник, удерживающий заложников, вступает в прямой контакт с тем, кто, по его мнению, все решает, остальные оказываются прижатыми к стенке, и если ты не собираешься уступать его требованиям, то рискуешь, что очень скоро головы покатятся с плеч. Чем дольше тянутся переговоры, тем лучше.

В начале 1980-х, когда я сам преподавал переговоры по заложникам в Куантико, мы демонстрировали учащимся показательную видеозапись, сделанную в Сент-Луисе несколькими годами ранее. Впоследствии мы перестали ее использовать, потому что

это сильно смущало тамошний департамент полиции. На пленке молодой чернокожий мужчина врывается в бар. Ограбление не удается, он оказывается заперт внутри, полиция окружает здание, а у него – толпа заложников.

Полицейские собирают команду чернокожих и белых офицеров для переговоров. Но – на пленке это видно – вместо того чтобы говорить с ним в обычной манере, они начинают орать на жаргоне, в точности как он. Они перебивают друг друга и преступника, не слушают, что он отвечает, и даже не пробуют понять, чего он хочет.

Камера отворачивается – на место прибыл капитан полиции. Опять же, я никогда бы этого не допустил. Он «официально» заявляет, что требования удовлетворены не будут, тогда парень приставляет пистолет к виску и у всех на глазах вышибает себе мозги.

Теперь сравните это с ювелирной работой Пэта Маллэни в деле Кори Мура. Мур был заведомо сумасшедшим, и, конечно, белые люди не собирались покидать планету Земля. Но, выслушав Мура, Маллэни сумел понять, чего тот действительно хочет и что его удовлетворит. Маллэни предложил Муру пресс-конференцию для оглашения его воззрений, и тот освободил заложников без кровопролития.

Во время курса в Куантико обо мне узнали в отделе поведенческих наук, и Пэт Маллэни, Дик Олт и Боб Ресслер рекомендовали меня Джеку Пфаффу. Перед моим отъездом начальник отдела вызвал меня к себе в кабинет в подвале здания для собеседования. Пфафф был приятным, дружелюбным парнем. Он курил сигареты одну за другой и внешне походил на Виктора Мэтьюра. Он сказал мне, что инструкторов я впечатлил, и спросил, не рассматриваю ли я вариант с возвращением в Куантико советником по программе Национальной академии ФБР. Предложение мне польстило, и я сказал, что вернулся бы с удовольствием.

У себя в Милуоки я продолжал работать в отделе оперативного реагирования и спецназе, но большую часть времени проводил, разъезжая по штату и обучая крупных бизнесменов сопротивлению вымогательству, а банки – реагированию на вооруженные ограбления, совершаемые одиночками и группами, которые происходили в региональных отделениях регулярно.

Поразительно, насколько наивными оказывались многие преуспевающие бизнесмены относительно своей личной

безопасности: вплоть до того, что публиковали свое расписание и планы поездок в местных газетах – они прямо-таки подставлялись под похищения и шантаж. Я пытался обучать их самих, их секретарей и подчиненных правильно оценивать звонки и запросы на информацию и понимать, как реагировать на вымогательство. Например, бизнесмену могли позвонить и сказать, что похищены его жена или ребенок – он должен оставить такую-то сумму денег в таком-то месте. На самом деле жене или ребенку ничего не грозило, но вымогатель знал, что этот член семьи по какой-то причине сейчас недоступен, а если он мог предъявить один-два достоверных факта, то ему удавалось убедить перепуганного бизнесмена согласиться на его требования.

Нам удалось сократить и количество успешных ограблений, обучив персонал банков кое-каким нехитрым приемам. Одной из распространенных техник грабежа было подождать рано утром перед отделением, пока придет управляющий и откроет двери. Грабитель его хватал; когда другие сотрудники, ничего не подозревая, являлись на работу, они тоже оказывались в заложниках. Итог ясен – полный банк заложников и головная боль для полицейских.

Я предложил нескольким отделениям использовать простую систему знаков. Когда первый приходит на работу утром и понимает, что все чисто, он выполняет несложное действие – поправляет занавеску, переставляет цветок, включает определенную лампу, что угодно, чтобы дать остальным сигнал: все в порядке. Если этот сигнал отсутствует, то второй человек не заходит внутрь, а сразу же вызывает полицию.

Точно так же мы обучали кассиров – ключевую инстанцию для безопасности банка, – на что обращать внимание и что делать в опасных ситуациях, чтобы не погибнуть геройской смертью. Мы объясняли, как правильно обращаться с взрывающимися пачками купюр, которые тогда только входили в обращение. Основываясь на интервью, которые я проводил с успешными грабителями банков, я инструктировал кассиров брать записку с сообщением об ограблении, которую им протягивают, а потом «от испуга» ронять ее на пол с их стороны кассы, а не возвращать грабителю – так у них оставалась важная улика.

Из тех же интервью я знал, что грабители стараются не врываться в банки спонтанно, поэтому очень важно замечать посетителей,

заходящих в банк, но не являющихся постоянными клиентами, особенно если они задают примитивные вопросы или обращаются за рутинной услугой вроде размена бумажной купюры на мелочь. Если кассир запишет номер машины или попросит удостоверение личности, последующее ограбление можно будет легко раскрыть.

Я начал общаться с детективами из убойного отдела и часто заглядывать в офис коронера. Любой судебный патологоанатом, как и большинство хороших детективов, скажет вам, что главной уликой в любом расследовании убийства является тело жертвы, и я хотел как можно больше о нем узнать. Наверняка это отчасти объяснялось моим юношеским увлечением ветеринарией – я хотел разобраться, как функционируют жизнеобеспечивающие органы и структуры организма. Но хотя мне нравилось работать и с убойным отделом, и с патологоанатомами, гораздо больше меня интересовала психологическая сторона: что заставляет убийцу сорваться? Почему он совершает убийство при определенном стечении обстоятельств?

Во время обучения в Куантико я познакомился со множеством странных дел об убийствах, и одно из самых странных произошло практически у меня на заднем дворе – ладно, в ста сорока милях. Но и это достаточно близко.

В 1950-х Эдвард Гин жил отшельником в деревне Плейнфилд, Висконсин, – с населением 642 человека. Он начал свою криминальную «карьеру» незаметно – раскапывал могилы. Больше всего его привлекала кожа с трупов, которую он снимал, дубил и надевал на себя, а также на манекены или делал из нее обивку для домашней мебели. Одно время он подумывал об операции по смене пола – революционной процедуре для Среднего Запада в 1950-х годах, – но потом решил, что это непрактично, предпочтя ограничиться следующим по привлекательности вариантом, то есть сделать себе костюм из кожи убитых женщин. Позднее выдвигались версии, что он пытался стать своей мертвой матерью, подавлявшей его в детстве. Если дело кажется вам знакомым, вы не ошибаетесь: кое-что из него использовали Роберт Блох в романе «Психо» (по которому снят классический фильм ужасов Хичкока) и Томас Харрис в «Молчании ягнят». Харрис узнал об этой истории, сидя у нас в аудитории в Куантико.

Гин, вероятно, так и прожил бы в унылой безвестности, если бы фантазии не подтолкнули его к «производству» новых трупов для свежевания. Когда мы начали систематически изучать серийных убийц, то обнаружили подобную эскалацию практически во всех случаях. Гину предъявили обвинение в убийстве двух женщин средних лет, хотя, скорее всего, жертв было больше. В январе 1958-го его признали недееспособным, и остаток жизни он провел в Центральном госпитале штата в Ваупане и Психиатрическом институте Мендота, где зарекомендовал себя образцовым заключенным. В 1984 году Гин мирно скончался в возрасте семидесяти семи лет в гериатрическом отделении Мендота.

Естественно, работая рядовым детективом или специальным агентом в поле, с такими историями сталкиваешься нечасто. Вернувшись в Милуоки, я постарался как можно больше разузнать о деле Гина. Но когда я обратился в офис генерального прокурора, оказалось, что дело засекречено из-за психической болезни виновного.

Объяснив, что я агент ФБР и интересуюсь преступлениями в научных целях, я получил от офиса разрешение изучить материалы. Никогда не забуду, как вместе с клерком снимал коробки с бесконечных стеллажей и своими руками взламывал восковые печати, чтобы добраться до документов. Внутри я увидел фотографии, мгновенно впечатавшиеся мне в мозг: обезглавленные обнаженные женские тела, подвешенные на веревки с блоками, разрезанные спереди от грудины до вскрытых гениталий. На других снимках были отрезанные головы, лежащие в ряд на столе; их пустые распахнутые глаза таращились в пустоту. Как бы жутко ни было смотреть на фотографии, я задумался о том, что они говорят о человеке, по вине которого это произошло, и как такие знания помогли бы в его поимке. По сути, с того момента я не прекращал об этом думать.

В конце сентября 1976 года я уехал из Милуоки по временному назначению – консультантом на 107-ю сессию Национальной академии в Куантико. Пэм пришлось остаться в Милуоки: вести хозяйство и заботиться о годовалой Эрике, продолжая преподавать. Это была первая из моих долгих отлучек по работе за прошедшие годы; боюсь, многие у нас в Бюро, армии и Министерстве иностранных дел не до конца осознают, какой груз ложится на наших жен, оставленных дома.

Программа Национальной академии ФБР – это сложный одиннадцатинедельный курс, предназначенный для старших, опытных служащих правоохранительных органов нашей страны и со всего мира. Большую часть времени студенты академии обучаются вместе с агентами ФБР. Их различают по цвету рубашек: агенты носят голубые, а студенты НА – красные. Кроме того, студенты НА обычно старше по возрасту и обладают большим опытом. Чтобы попасть в академию, нужно получить рекомендацию местного начальства и одобрение персонала Куантико. Национальная академия осуществляет экспертную подготовку по последним техникам и методикам расследования, а также обеспечивает широкую неформальную среду для общения и завязывания контактов с офицерами полиции с мест, что является для нас бесценным ресурсом. Тогда Национальную академию возглавлял Джим Коттер, и она являлась редким образовательным заведением, которое полиция по-настоящему любила.

Как консультант я отвечал за группу студентов – секцию В, – состоящую из пятидесяти человек. Хотя при директоре Патрике Грее, а затем Кларенсе Келли Бюро стало более открытым, чем при Гувере, женщин в Национальную академию не принимали. Помимо американцев, в моей группе были студенты из Англии, Канады и Египта. Я жил с ними в одном общежитии и играл массу ролей: от инструктора до социального работника, психотерапевта и мамаши-наседки. Это позволяло персоналу отдела поведенческих наук посмотреть, как ты взаимодействуешь с полицией, нравится ли тебе атмосфера в Куантико и как ты реагируешь на стресс.

А стресса там было выше крыши. Вдали от семей, оказавшиеся впервые во взрослой жизни в общежитии, где спиртное было под строгим запретом, вынужденные делить душевые с людьми, с которыми никогда не встречались раньше, подвергаемые физическим испытаниям, забытым со времен начальной подготовки, студенты получали великолепное образование – но какой ценой! Примерно на шестой неделе большинство уже сходило с ума и лупило кулаками по беленым стенам из цементных блоков.

Конечно, это сказывалось и на нас, консультантах. Каждый справлялся с работой по-разному. Я, как всегда, решил, что если хочу пройти через это и остаться в живых, то не должен терять чувства

юмора. У некоторых консультантов был другой подход. Один, например, был предельно суровым и буквально не слезал со своих студентов. На третьей неделе они до того от него устали, что подарили набор чемоданов – символическое послание, означавшее «убирайся отсюда».

Другим консультантом был специальный агент, которого я буду называть Фред. У него никогда не было проблем со спиртным, пока он не приехал в Куантико, – зато тут они расцвели пышным цветом.

Консультантам надо было отслеживать у студентов признаки депрессии. Фред же сам запирался в комнате, курил и в одиночестве напивался до поросячьего визга. Когда имеешь дело с полицейскими, закаленными в работе на улицах, надо помнить: выживает сильнейший. Прояви хоть малейшую слабость, и ты покойник. Фред же, хоть и был приятным парнем, оказался таким чувствительным, понимающим и уступчивым, что у него не было никаких шансов с этими ребятами.

В расположении действовало правило: никаких женщин на этажах. Как-то ночью один из полицейских прибегает к Фреду и заявляет, что «больше не может этого терпеть». Конечно, никакому консультанту не хотелось бы такое услышать. Оказывается, его сосед по комнате каждый вечер приводит к себе новых женщин и не дает ему спать. Фред направляется к ним: у дверей комнаты он видит целую очередь мужчин, сжимающих в потных ладошках наличные. Фред выходит из себя, врывается к парню, который как раз вскарабкался на длинноволосую блондинку, хватает его и снимает с женщины – та оказывается надувной куклой.

Неделю спустя другой коп приходит к Фреду посреди ночи сообщить, что его депрессивный сосед Гарри только что открыл окно и выпрыгнул. Вообще-то окна в общежитии не открываются. Фред мчится по коридору, выглядывает в открытое окно и видит Гарри, в крови лежащего на газоне. Он быстро сбегает по ступенькам и бросается к самоубийце; Гарри вскакивает и пугает его до полусмерти. Оказывается, они стащили из столовой бутылку кетчупа. К выпускному у Фреда начинают выпадать волосы, он не бреется, у него отнимается нога, и он хромает. Невролог не находит у него никаких заболеваний. С больничного Фред вышел только через год в свое полевое отделение. Я искренне ему сочувствовал, но в определенном

смысле полицейские похожи на преступников: вечно соревнуются, кто круче.

Несмотря на мою общительность и юмор, я тоже несколько раз попадал. Как-то студенты вынесли из моей спальни всю мебель; потом застелили постель отрезанной простыней; неоднократно мне затягивали унитаз полиэтиленовой пленкой. Надо же как-то снимать стресс!

Наступил момент, когда они уже сводили меня с ума и я мечтал хоть ненадолго выбраться оттуда, и мои ребята – они явно были хорошими копами! – этот момент точно почувствовали. Они подняли мой зеленый MGB на цементные блоки так, чтобы колеса на пару миллиметров не доставали до земли. Я прыгаю в машину, завожу мотор, врубаю скорость и впустую давлю на газ, не понимая, почему никуда не еду. Я вылезаю, проклиная всю чертову британскую инженерию, заглядываю под капот, пинаю ногами колеса, наклоняюсь и заглядываю под дно. Внезапно парковку заливает яркий свет. Они все сидят в своих машинах, светя на меня фарами. Поскольку я им вроде как нравился, они все-таки поставили MGB обратно на землю, как следует потешившись надо мной.

Иностранных студентов они тоже разыгрывали. Многие из этих парней прилетали с пустыми чемоданами, а потом бросались в магазин для военных и скупали все подряд как сумасшедшие. Мне особенно запомнился один высокопоставленный египетский полковник. Он спросил копа из Детройта, что означает *гребаный*. (Большая ошибка.) Коп ему сказал – в каком-то смысле верно, – что это слово на любой случай, которое используется в разных ситуациях и годится практически всегда. Одно из его значений «красивый» или «классный».

И вот полковник заявляется в магазин, подходит к фотографическому отделу, тычет в витрину и провозглашает:

– Я хочу купить эту гребаную камеру.

Изумленная продавщица переспрашивает:

– Простите?

– Хочу купить гребаную камеру.

Другие парни быстренько подскочили к нему и объяснили, что, хотя это слово имеет массу значений, его не используют в присутствии женщин и детей.

Потом был японец, офицер полиции, заблаговременно поинтересовавшийся у других копов, как принято приветствовать инструкторов и вообще уважаемых людей. И каждый раз, когда я видел его в холле, он улыбался, почтительно кланялся мне и говорил:

– Мать вашу, мистер Дуглас!

Я не заморачивался: тоже кланялся, улыбался и отвечал:

– И вашу тоже.

Обычно японцы присылали в Национальную академию студентов попарно. Со временем стало ясно, что один из них был старше по званию, а другой младше и второй приезжал, чтобы чистить старшему туфли, заправлять за ним постель, убирать комнату и вообще прислуживать. Однажды другие учащиеся пожаловались Джиму Коттеру, что старший регулярно отрабатывает на младшем приемы карате и других боевых искусств, избивая его до полусмерти. Коттер отвел старшего в сторонку и объяснил, что в академии все студенты равны, а потом недвусмысленно предупредил, что не потерпит подобного поведения. С такими вот культурными особенностями нам приходилось иметь дело.

Я присутствовал на занятиях в Национальной академии и понимал, как там преподают. К концу курса, в декабре, оба отдела – поведенческий и образовательный – предложили мне место. Начальник образовательного отдела предлагал оплатить мне дальнейшее обучение в университете, но я подумал, что поведенческие науки больше меня интересуют.

Я вернулся в Милуоки за неделю до Рождества, настолько уверенный, что получу должность в Куантико, что мы с Пэм купили участок земли в четыре акра чуть к югу от Академии ФБР. В январе 1977 года Бюро объявило о пересмотре штатного расписания, на время действия которого все внутриведомственные переводы замораживались. Это означало, что я пока никуда не еду – при этом у меня на руках участок в Вирджинии, за который надо платить ипотеку. Пришлось занять денег у отца; мое будущее в Бюро оставалось неясным.

Но вдруг, несколько недель спустя, когда я работал над делом с агентом по имени Генри Маккаслин, мне позвонили из штаб-квартиры и сообщили, что переводят в Куантико в июне – в отдел поведенческих наук.

В свои тридцать два года я должен был занять место Пэта Маллэни, который переходил в инспекционный отдел в штаб-квартире. Должность была серьезная, но я рвался в бой. Единственное, что меня беспокоило, – люди, которым я буду преподавать. Я уже знал, как они обращаются с консультантами – даже с теми, которые им нравятся. Что уж говорить об инструкторах, пытающихся наставлять их в собственной работе! Я, как говорится, был готов плясать, но не знал музыку. Если мне придется преподавать им поведенческую науку, надо придумать способ, как убрать из нее максимум пустой нудятины. И если я хочу, чтобы матерые копы лет на пятнадцать-двадцать старше меня слушали, надо иметь убедительные аргументы.

Этот-то страх и заставил меня сделать следующий шаг.

Глава 6
В дорогу

Когда в июне 1977 года я пришел в отдел поведенческих наук, там работали девять специальных агентов, занимавшихся преимущественно преподаванием. Главный курс, предлагавшийся как персоналу ФБР, так и студентам Национальной академии, назывался «Прикладная криминальная психология». Учрежденный Говардом Тетеном в 1972-м, он посвящался вопросу, который больше всего тревожит детективов и вообще всех, расследующих преступления: мотиву. Его целью было дать студентам понимание того, как думают и действуют опасные преступники. Каким бы популярным и полезным ни был курс, базировался он в основном на исследованиях и теориях из академической психологии. Часть материала была заимствована из личного опыта Тетена, а позднее к нему добавился материал инструкторов. Но в то время единственными, кто обладал организованными, систематизированными и обоснованными сведениями, были ученые. Мы же с профессиональной точки зрения понимали, что их знания могут иметь лишь ограниченное применение в правоохранительной сфере и раскрытии преступлений.

Среди прочих курсов, предлагаемых академией, были «Современные проблемы полицейской работы», где обсуждались трудовые вопросы, профсоюзы, социальные отношения и связанные с ними темы; «Социология и психология», повторявший обычный вводный курс для высших учебных заведений; «Преступления на сексуальной почве» – его, к несчастью, рассматривали скорее как развлечение, а не как учебу. В зависимости от того, кто преподавал «Преступления на сексуальной почве», к курсу относились с большей или меньшей серьезностью. Один из инструкторов начинал с того, что демонстрировал студентам куклу старика в плаще – если нажать ему на голову, старик распахивал плащ и демонстрировал свой пенис. На курсе показывали сотни фотографий людей с разными, как их теперь называют, парафилиями, которые мы тогда считали просто извращениями: фетишистов, эксгибиционистов и т. д. Часто это вызывало у аудитории неуместный смех. Когда говоришь о вуайеризме

или показываешь мужчину, переодетого женщиной, еще можно допустить пару-тройку смешков над каким-нибудь фото. Но когда речь идет о крайних проявлениях садомазохизма или педофилии и кто-то начинает смеяться, можно сделать лишь один вывод: с этим человеком, с его инструктором или с ними обоими что-то не так. Понадобилось несколько долгих лет и немало усилий по привлечению внимания, чтобы Рою Хейзелвуду и Кену Лэннингу удалось начать глубинное исследование таких тем, как изнасилование и сексуальная эксплуатация детей, на серьезном, профессиональном уровне. Хейзелвуд уже на пенсии, но продолжает консультировать; Лэннинг выходит на пенсию уже скоро. Эти двое остаются ведущими экспертами правоохранительных органов по данным двум темам соответственно.

Однако во времена Гувера и его политики «только факты, мэм» никто, располагающий хоть каким-то влиянием, не считал то, что впоследствии стало профилированием, действенным инструментом раскрытия преступлений. Собственно, сама фраза *поведенческая наука* звучала как оксюморон, а на тех, кто этой наукой занимался, смотрели так, словно они изучают ведьмовство или визионизм. Поэтому применять ее следовало потихоньку, в неофициальном порядке. Когда Тетен и Маллэни начали составлять психологические профили, это делалось лишь на словах – никогда на бумаге. Первым правилом всегда было «не зли Бюро», и никто не стал бы оформлять документы, которые запросто могли полететь ему – или его ОСА – в лицо.

По инициативе Тетена, основывавшегося на знаниях, полученных у доктора Брассела в Нью-Йорке, кое-какое неофициальное консультирование все-таки проводилось – для полицейских, которые за ним обращались, – но не существовало никакой образовательной программы, и никому не приходило в голову, что именно этим должен заниматься отдел поведенческих наук. Чаще всего какой-нибудь выпускник Национальной академии просто звонил Тетену или Маллэни обсудить дело, с которым у него возникли проблемы.

Один из первых звонков поступил от полицейского из Калифорнии, у которого не получалось раскрыть убийство женщины, получившей множественные колотые ранения. Помимо жестокости убийства, ничем другим оно не выделялось, а на одной жестокости профиль не построишь. Но когда офицер описал немногие факты,

которыми располагало следствие, Тетен рекомендовал ему поискать поблизости от места жительства жертвы щуплого непривлекательного одиночку лет под тридцать, который убил женщину в порыве эмоций и сейчас страшно боится, что его найдут. Когда они придут к его дому и постучат в двери, Тетен советовал просто посмотреть ему в глаза и сказать:

– Ты знаешь, почему я здесь.

Он быстро расколется.

Два дня спустя офицер снова позвонил сказать, что они начали поочередно обходить все дома в районе. Когда парень, подходивший под «профиль» Тетена, открыл дверь, то еще прежде, чем полицейский произнес заученную фразу, сам воскликнул:

– Ну вот, вы меня поймали!

Хотя в то время могло показаться, что Тетен вытаскивает кроликов из шляпы, в его описании объекта и ситуации имелась определенная логика. С годами мы развили эту логику и сделали то, с чем Пэт Маллэни баловался в свободное время, важным орудием борьбы с жестокими преступлениями.

Как часто бывает с открытиями в определенной области, это было практически случайным. Случайность заключалась в том, что я, как инструктор отдела поведенческих наук, толком не понимал, что делаю, и ощущал необходимость в большем количестве информации из первых рук.

Когда я пришел в Куантико, Маллэни уже готовился уходить на пенсию, а Тетен считался верховным гуру, поэтому обязанность ввести меня в курс дела легла на двух ребят ближе всего ко мне по возрасту и статусу – Дика Олта и Боба Ресслера. Дик был на шесть лет старше меня, а Боб – на восемь. Оба до ФБР служили в военной полиции. Курс прикладной криминальной психологии занимал около сорока учебных часов из одиннадцатинедельного обучения в Национальной академии. Поэтому наиболее эффективным способом внедрить в него нового человека была выездная школа, когда инструкторы из Куантико преподавали те же дисциплины, но в сжатом виде, в местных департаментах полиции или академиях по всей стране. Школы были популярны, и обычно у нас имелся список заявок, в основном от начальников и высшего руководства, прошедших полный курс в Национальной академии. Поехать на две недели вместе с

инструктором и посмотреть, как он работает, было полезно, чтобы разобраться, что тебе предстоит делать. И вот я начал ездить с Бобом.

Для проведения выездных школ имелся стандартный регламент: ты уезжал из дому в воскресенье, преподавал в каком-нибудь департаменте или академии с понедельника до обеда пятницы, потом переезжал в следующую школу, и все повторялось снова. Спустя некоторое время ты начинал чувствовать себя Одиноким рейнджером[12] – врывался в город, делал свое дело, помогая местным, а потом по-тихому смывался, закончив работу. Иногда мне хотелось оставить им на память серебряную пулю.

С самого начала я испытывал неудобство от необходимости преподавать то, что я сам знаю понаслышке. Большинство инструкторов – и я первый – не имели непосредственного опыта раскрытия дел, о которых шла речь на занятиях. В каком-то смысле это напоминало курс криминологии в колледже, который ведет профессор, никогда не работавший в реальных условиях улицы. Мы обсуждали какие-то фронтовые байки, которые изначально рассказал полицейский, занятый в расследовании, потом многократно приукрашивали другие, и теперь они имели мало отношения к подлинным событиям. На момент моего поступления в отдел дошло до того, что инструктору, излагавшему подробности определенного дела, возражал из аудитории учащийся, который его раскрыл! А худшим было, что инструктор не всегда уступал и мог заявить, что он прав – прямо в лицо свидетелю событий! Такие методы и такое отношение приводят только к тому, что твой класс теряет доверие к твоим словам, вне зависимости от того, расследовали учащиеся то дело или нет.

Другой моей проблемой был возраст – мне только что исполнилось тридцать два, а выглядел я еще моложе. Мне предстояло обучать опытных копов, многие из которых были лет надесять-пятнадцать меня старше. Как я смогу говорить с ними авторитетно и чему-то учить? Большую часть непосредственного опыта в расследовании убийств я приобрел под крылом матерых детективов убойных отделов в Детройте и Милуоки, а теперь собирался объяснять таким же сыскарям, как делать их работу. Поэтому я решил, что лучше поднабраться знаний, прежде чем выходить к этим ребятам, и побыстрее.

Я был неглуп. Прежде чем начинать занятие, всегда спрашивал, есть ли в классе кто-то, участвовавший в расследовании или имевший дело с преступником, которых я сегодня планировал обсудить. Например, если я собирался поговорить о Чарльзе Мэнсоне, то сперва задавал вопрос:

– Есть тут кто из Департамента полиции Лос-Анджелеса? Кто-нибудь работал над этим делом?

Если такой человек находился, я просил его рассказать о расследовании. Так я подстраховывался, чтобы не брякнуть глупость, в которой участник дела сможет меня уличить.

И все равно, даже если тебе всего тридцать два и ты только-только из полевого офиса, когда преподаешь в Куантико или приезжаешь преподавать от имени Куантико, ты должен поддерживать авторитет Академии ФБР с ее грандиозными ресурсами. Копы постоянно обращались ко мне на переменах или в выездных школах звонили по вечерам мне в отель и просили совета по текущим делам.

– Привет, Джон, у меня тут одно дело, похожее на то, о котором ты сегодня говорил. Что ты насчет этого думаешь?

Отвертеться было невозможно. Нужен был авторитет, чтобы говорить с уверенностью, – и не авторитет Бюро, а личный.

Неизбежно наступает момент – по крайней мере, у меня он наступил, – когда ты понимаешь, что на любимую музыку, коктейли «Маргарита» и просто валяние на диване перед телевизором у тебя просто не остается времени. Ко мне это осознание пришло в коктейль-баре в Калифорнии в начале 1978-го. Мы с Бобом Ресслером вели выездную школу в Сакраменто. На следующий день, уезжая, я заметил, что большинство ребят, о которых мы говорим на курсе, вполне себе живы и проживут еще долго. Что, если с ними поговорить: спросить, почему они совершали свои преступления, и взглянуть на ситуацию *их* глазами? В конце концов, попытка не пытка. Не получится – ну и ладно.

Я давно считался парнем с «синим огнем» в заднице, и предложение лишь укрепило эту мою репутацию в глазах Боба. Но он согласился поддержать мою безумную идею. Девизом Боба всегда было «Лучше просить прощения, чем разрешения», – и в данном случае он полностью оправдывался: мы оба знали, что, если попросим разрешения у начальства, нам его никогда не получить. Мало того, все,

что мы попытаемся сделать, будут изучать под микроскопом. Бюрократы предпочитают не спускать глаз с ретивых энтузиастов.

Калифорния всегда отличалась необычными и примечательными убийствами, поэтому мы решили, что стоит начать оттуда. Постоянным представительством ФБР в Сан-Рафаэле, чуть севернее от Сан-Франциско, руководил Джон Конуэй. Когда-то он учился у Боба в Куантико, имел надежные связи в системе исполнения наказаний штата и согласился выступить посредником и обо всем договориться за нас. Нам требовался человек, которому мы сможем доверять и который будет доверять нам, потому что, прознай начальство о нашем проекте, нам бы не поздоровилось.

Первым преступником, которого мы собирались опросить, был Эд Кемпер, отбывавший тогда свои последовательные пожизненные сроки в психиатрическом учреждении строгого режима в Вакавилле, на полпути между Сан-Франциско и Сакраменто. Мы преподавали дело Кемпера в Национальной академии, хотя никогда не встречались с ним лично, поэтому подумали начать с него. А вот согласится ли он поговорить с нами или нет, оставалось вопросом.

Детали его дела подробно задокументированы: Эдмунд Эмиль Кемпер 3-й родился 18 декабря 1948 года в Бербанке, Калифорния, и вырос с двумя сестрами в дисфункциональной семье, где его мать Кларнелл и отец Эд-младший постоянно скандалили и в конце концов развелись. Когда Эд начал вести себя «странно» – в частности, расчленил двух домашних кошек и поиграл со старшей сестрой Сьюзан в ритуал жертвоприношения, – мать упаковала его вещички и отправила к отцу. Эд сбежал и вернулся к матери, но та отослала его к бабке и деду по отцовской линии на глухую ферму в Калифорнии у подножия гор Сьерра. Там он отчаянно скучал и чувствовал себя очень одиноким, отрезанным от семьи и того небольшого комфорта, который давала ему привычная школа. И вот в один прекрасный день в августе 1963-го тяжеловесный четырнадцатилетний дылда застрелил бабку Мод из винтовки 22-го калибра, а потом несколько раз ударил труп кухонным ножом. Бабка, видите ли, приказала ему остаться дома и помочь с делами, не отпустив на поле с дедом, которого внук любил больше. Понимая, что дедушка Эд-старший не обрадуется тому, что увидит, Эд по возвращении застрелил и его, а труп бросил во дворе.

Когда позже его допрашивали в полиции, он лишь пожимал плечами и говорил:

– Хотелось почувствовать, каково это – застрелить бабушку.

Кажущееся отсутствие мотивов этого двойного убийства привело к тому, что Эда с диагнозом «личностное расстройство пассивно-агрессивного типа» отправили в госпиталь Атаскадеро для психически больных преступников. Он вышел оттуда в 1969-м в двадцать один год, несмотря на возражения некоторых психиатров, под опеку матери, которая успела развестись с третьим мужем и устроиться работать секретаршей в недавно открывшемся Калифорнийском университете в Санта-Крузе. К тому времени Эд Кемпер вымахал выше двух метров и весил около 135 килограммов.

Два года он перебивался временными подработками, бесцельно катался по улицам на машине и взял в привычку подвозить девушек, голосовавших на обочинах. Санта-Круз и окрестности, как магнитом, манили хорошеньких студенток со всей Калифорнии, а Кемпер в подростковые годы был такого общества лишен. Он пытался устроиться в дорожный патруль, но получил работу только в Департаменте обслуживания дорог штата.

Седьмого мая 1972 года он подсадил двух соседок по комнате из колледжа Фресно, Мэри Энн Пеше и Аниту Лучезу. Он завез их в уединенное место, заколол обеих ножом, а потом отвез трупы в дом матери, где сфотографировал на поляроид, вскрыл и поиграл с их внутренними органами. То, что осталось, упаковал в полиэтиленовые пакеты и похоронил тела в горах Санта-Круза, а головы выбросил в овраг возле дороги.

Четырнадцатого сентября Кемпер согласился подвезти пятнадцатилетнюю школьницу Айко Ку; он задушил ее, сексуально надругался над трупом и привез домой для вскрытия. На следующее утро, когда он прибыл на плановый психиатрический осмотр для оценки ментального состояния, голова Ку лежала в багажнике его машины. Осмотр прошел прекрасно, и психиатры заключили, что Кемпер больше не представляет опасности для общества и самого себя, так что данные о его подростковом преступлении можно засекретить. Кемпер был в восторге от такого символического совпадения: он продемонстрировал системе свое пренебрежение и

превосходство одновременно. Он снова поехал в горы и похоронил расчлененные останки Ку близ Боулдер-Крика.

(Во времена, когда действовал Кемпер, Санта-Круз вполне мог бы носить скорбный титул столицы серийной преступности в мире. Герберт Маллин – умный, привлекательный, с диагностированной параноидной шизофренией – убивал, по его собственному заявлению, мужчин и женщин по наущению голосов у него в голове, утверждавших, что это необходимо для спасения окружающей среды. По тем же примерно мотивам двадцатичетырехлетний замкнутый автомеханик Джон Линли Фрейзер, живший в лесу за городом, сжег дом и убил семью из шести человек в предупреждение тем, кто загрязняет природу. «Материализм должен быть уничтожен, или человечеству конец» – такую записку он оставил под дворником семейного «Роллс-Ройса». Чуть ли не каждую неделю в Санта-Крузе совершались тяжкие преступления.)

Девятого января 1973 года Кемпер подсадил в Санта-Крузе студентку Синди Шолл, угрожая пистолетом, затолкал ее в багажник своей машины, а потом застрелил. Как обычно, он отвез ее тело в дом матери, занимался с ним сексом в своей постели, а потом вскрыл труп в ванной. Останки он упаковал в пакет и сбросил со скалы в океан близ Кармела. С головой он проделал кое-что новенькое: закопал ее во дворе лицом вверх по направлению к окну материнской спальни, поскольку та всегда хотела, чтобы на нее «смотрели снизу вверх».

К тому времени Санта-Круз дрожал от ужаса перед Убийцей студенток. Девушек предупреждали не садиться в машины к незнакомцам, особенно за пределами якобы безопасного студенческого городка. Но мать Кемпера работала в колледже, и у нее на машине была служебная наклейка.

Меньше месяца спустя Кемпер подсадил Розалинд Торп и Элис Лью, застрелил обеих и засунул в багажник. Он обошелся с ними как с предыдущими жертвами, доставив тела домой, а потом сбросил расчлененные останки в каньон Иден неподалеку от Сан-Франциско, где их через неделю и нашли.

Его тяга к убийствам нарастала с опасной скоростью – даже для него. Кемпер подумывал о том, чтобы расстрелять всех жителей своего квартала, но в конце концов решил этого не делать. У него возникла идея лучше – наконец-то он понял, к чему стремился все это время. В

пасхальные выходные, пока мать спала, Кемпер проник к ней в комнату и насмерть забил ее молотком. Потом отрезал ей голову и изнасиловал обезглавленный труп. В последнем приливе вдохновения он вырезал ей гортань и спустил в кухонный измельчитель под раковиной.

– Это показалось мне символичным, – сказал он позднее полиции, – потому что она всю жизнь орала на меня и ругалась.

Но когда он включил измельчитель, тот застопорился и выплюнул окровавленную гортань обратно.

– Даже мертвая, она продолжала мне досаждать. Я никак не мог ее заткнуть!

Потом он позвонил Салли Хэллетт, подруге матери, и пригласил на праздничный ужин. Когда та приехала, Кемпер избил ее, задушил, отрезал ей голову, а тело положил к себе в кровать, отправившись спать в постель матери. В пасхальное воскресенье он рано утром сел в машину и без единой мысли в голове помчался на восток. Он постоянно слушал радио, ожидая, что вот-вот прославится на всю страну. Но о нем не говорили ни слова.

В пригородах Пуэбло, Колорадо, измученный и дезориентированный от недостатка сна, разочарованный тем, что его показной жест не вызвал никакого отклика, он остановился у придорожной телефонной будки, позвонил в полицию Санта-Круза и, с трудом убедив дежурного, что это не шутка, признался в убийствах и в том, что он – тот самый Убийца студенток. А потом терпеливо ожидал, пока из полиции пришлют людей его забрать.

Кемпера признали виновным в восьми убийствах первой степени. На вопрос, какое наказание он сам бы себе назначил, тот ответил:

– Смерть под пытками.

Хотя Джон Конуэй предлагал заранее договориться о нас с тюремным руководством, я принял решение, что лучше потребовать встречи наскоком, уже по приезде на место. Хотя это означало, что мы поедем без предварительного согласования, на мой взгляд, так было правильнее. В тюрьме секретов нет; если распространится слух, что какой-то заключенный поддерживает связи или разговаривает с фэбээровцами, его тут же объявят стукачом. Если же мы заявимся непрошеными, всем в тюрьме будет ясно, что мы действуем по своей инициативе, без предварительного сговора или сделки. Поэтому я

слегка удивился, когда Эд Кемпер с готовностью дал согласие с нами поговорить. Очевидно, никто уже давно не расспрашивал его о совершенных преступлениях, и Кемперу стало интересно, чем мы занимаемся.

Посещение тюрьмы строгого режима – жутковатый опыт даже для федерального агента. Первое, что приходится сделать, – это сдать оружие. Естественно, к заключенным с ним не допускают. Второе требование – подписать заявление, подтверждающее, что тюрьма не несет ответственности в случае, если тебя возьмут в заложники, и не будет вести переговоры по твоему спасению. Как вы понимаете, агент ФБР в заложниках – это сильный козырь. После всех формальностей нас с Бобом Ресслером и Джоном Конуэем провели в комнату со столом и стульями и оставили ждать прибытия Кемпера.

Первое, что поразило меня, когда его ввели, – громадные размеры этого парня. Я знал, что он высокий и из-за своих габаритов был изгоем в школе и среди соседей, но с близкого расстояния он выглядел настоящим великаном. Он с легкостью мог бы переломить любого из нас пополам. У него были отросшие темные волосы и пышные усы, из расстегнутой рабочей рубашки торчал гигантский живот, обтянутый белой футболкой.

Точно так же я заранее знал, что Кемпер очень умен. У него был коэффициент интеллекта 145, и за то время, что мы с Бобом провели с ним, мы неоднократно подозревали, что он, пожалуй, поумнее нас обоих. У него было достаточно времени, чтобы посидеть и поразмыслить о своей жизни и своих преступлениях, поэтому, поняв, что мы хорошо изучили его дело и поймем, если он станет морочить нам головы, Кемпер полностью раскрылся и говорил с нами откровенно.

Он не проявлял ни дерзости, ни раскаяния. Скорее вел себя спокойно и дружелюбно, хотя в то же время отстраненно, с позиций аналитика. В ходе разговора его оказалось сложно перебить, чтобы задать вопрос. Хоть какие-то чувства он проявлял, лишь рассказывая, как с ним обращалась мать.

Поскольку мне приходилось преподавать «Прикладную криминальную психологию», не будучи уверенным, что все, что я говорю, – правда, я больше всего интересовался старым вопросом: преступниками рождаются или становятся? Хотя однозначного ответа

нет и быть не может, рассказы Кемпера поднимали кое-какие любопытные вопросы.

Не было сомнений, что родители Эда жили как кошка с собакой. Он говорил, что с малых лет настолько походил на отца, что мать его возненавидела. Потом проблемой стали его размеры. К десяти годам он вымахал в настоящего гиганта, и Кларнелл боялась, что он изнасилует свою сестру Сьюзан. Поэтому она заставляла его спать в подвале без окон возле отопительного котла. Каждую ночь Кларнелл запирала дверь в подвал на замок, и они со Сьюзан поднимались в спальни наверху. Это приводило его в ужас и возбуждало зависть к обеим женщинам. К тому же этот момент совпал с окончательным разрывом родителей. Из-за своих габаритов, застенчивости и отсутствия примера для подражания Эд всегда был замкнутым и отчужденным. Когда его, как преступника, запирали в подвале, он чувствовал себя грязным и опасным, хотя не сделал ничего плохого, поэтому вскоре у него начали появляться мысли о пытках и об убийствах. Он начал с того, что убил и расчленил двух домашних кошек – одну карманным ножом, а вторую мачете. Позднее мы поймем, что эта детская черта – жестокость по отношению к животным – является ключевым элементом так называемой триады убийцы, включающей также энурез и поджигательство.

Печальная ирония заключалась в том, что мать Эда в Санта-Крузе любили и преподаватели, и студенты. Ее считали добрым и заботливым человеком, к которому всегда можно обратиться, если возникнут проблемы или просто захочется выговориться. Однако дома она обращалась со своим застенчивым сыном как с настоящим монстром.

Она открыто заявляла ему, что у него никогда не будет девушки или жены. Студентки, которые его окружают, ему не по зубам. Постоянно подвергаясь таким нападкам, Эд в конце концов решил оправдать ее ожидания.

В каком-то смысле мать тем не менее заботилась о нем. Когда он выказал интерес к работе в дорожном патруле, именно она добилась, чтобы с него сняли подростковую судимость – по ее мнению, пятно от убийства бабушки и деда не должно было ограничивать Эда во взрослой жизни.

Такое стремление преступника работать в полиции стало для нас еще одним открытием, на которое мы натыкались неоднократно в ходе наших исследований серийных убийц. Тремя основными мотивами серийных убийц и насильников являются доминирование, манипулирование и контроль. Если вспомнить, что большинство из них – злобные неудачники, уверенные, что в жизни им ничего не светит, да к тому же подвергались того или иного рода физическому или эмоциональному насилию, как Эд Кемпер, неудивительно, что они мечтают стать полицейскими.

Полицейский олицетворяет власть и всеобщее уважение. Находясь на службе, он имеет право наказывать плохих парней – для всеобщего блага. В ходе исследований мы обнаружили, что очень немногие полицейские срываются с катушек и совершают тяжкие преступления, в то время как многие серийные убийцы пытаются поступить в полицию или найти похожую службу – охранниками или сторожами. Мы начали указывать в некоторых наших профилях, что НС может водить машину, как у полицейских: «Форд-Краун-Виктория» или «Шевроле-Каприс». Иногда, как в случае Убийцы детей из Атланты, преступник покупает списанный полицейский автомобиль.

Еще одним распространенным феноменом являлась дружба с полицейскими. Эд Кемпер рассказал нам, что часто посещал бары и рестораны, где бывали полицейские, и завязывал разговор. Так он чувствовал себя инсайдером, ощущал на себе отблеск полицейской славы. А когда стал Убийцей студенток, мог получать сведения о ходе расследования и планировать свой следующий шаг. Вот почему, когда Кемпер позвонил из Колорадо в конце своего долгого кровавого пути, ему с трудом удалось убедить кого-то из копов Санта-Круза, что это не пьяная шутка и что Убийца студенток и правда их дружище Эд. Благодаря тому, что мы от него узнали, мы стали держать в уме вероятность, что преступник попытается внедриться в полицейскую среду. Годы спустя, работая над делом Артура Шоукросса, убивавшего проституток в Рочестере, Нью-Йорк, мой коллега Грег Маккрэри совершенно верно предсказал, что убийцей окажется кто-то из хороших приятелей местных копов – человек, старающийся держаться ближе к ним и тем самым добывающий информацию.

Меня крайне заинтересовала методология Кемпера. То, что он неоднократно выходил сухим из воды, совершая одинаковые преступления в одной и той же местности, означало, что он действует «правильно», анализирует свои преступления и совершенствует технику. Для большинства таких парней охота и убийство – самые важные составляющие жизни, их основная «работа», и они думают о ней постоянно. Эд Кемпер был так хорош в том, что делал, что, когда однажды его остановили на дороге за неработающий задний подфарник, а у него в багажнике лежали два трупа, офицера покорила вежливость нарушителя, и он отпустил его с предупреждением. Кемпер не боялся, что его изобличат или арестуют, наоборот, опасность его возбуждала. Он бесстрастно сообщил нам, что, если бы офицер заглянул в багажник, он бы его убил. В другой раз он убедил охранника в университете пропустить его, когда в машине две женщины умирали от огнестрельных ран. Обе были до подбородка укрыты одеялами: одна на переднем сиденье рядом с Кемпером, другая на заднем. Кемпер спокойно и немного смущенно объяснил, что девушки перебрали и он везет их домой. Последнее было правдой. Однажды он подсадил женщину, которая ловила машину, с сыном-подростком, планируя убить их обоих. Но по дороге заметил в зеркало заднего вида, что досужий мальчишка записал номер его машины, поэтому благоразумно отвез мать с сыном до места и спокойно высадил.

Благодаря своей сообразительности Кемпер даже проводил на других заключенных психологические тесты в тюрьме, поэтому знал терминологию и сам прекрасно мог проанализировать свое поведение. Все касающееся преступлений было для него частью вызова, игры – даже то, как подсадить жертву в машину, не возбудив у нее подозрений. Он рассказывал, что когда притормаживал возле симпатичной девушки и спрашивал, куда она едет, то бросал взгляд на часы, словно решая, хватит ли у него времени. Думая, что имеет дело с человеком занятым, у которого есть дела поважнее, чем подвозить автостопщиц, жертва расслаблялась и отбрасывала сомнения. Помимо лучшего представления о модус операнди убийцы, такая информация дала нам указание на очень важный вывод: нормальные разумные предположения, вербальные подсказки, язык тела и все прочее, на чем мы основываемся при оценке других людей и вынесении суждений о

них, к социопатам зачастую неприменимы. Для Эда Кемпера, к примеру, подсадить к себе симпатичную автостопщицу *было* самым важным делом, и он долго, много и активно размышлял о том, как лучше добиться своей цели, – гораздо дольше, больше и активнее, чем девушка, случайно попавшаяся на его пути, размышляла о нем.

Манипулирование. Доминирование. Контроль. Вот три основные мотивации серийных преступников. Все, что они делают и о чем думают, направлено на дело, заполняющее их в остальном пустые жизни.

Вероятно, самым принципиальным фактором в формировании серийного насильника или убийцы являются фантазии. Я имею в виду фантазии в широком смысле. Фантазии Эда Кемпера начали развиваться очень рано и затрагивали отношения между сексом и смертью. Игра, в которую он играл с сестрой, включала привязывание его к стулу, как будто он находился в газовой камере. Его сексуальные фантазии, включающие других людей, заканчивались смертью партнера и расчленением. Привыкнув считать себя неадекватным, Кемпер не стремился к нормальным отношениям между мальчиком и девочкой. Он думал, что никакая девочка его не захочет. Поэтому у себя в голове он стремился к компенсации – ему надо было полностью обладать своей воображаемой партнершей, а это означало и полный контроль над ее жизнью.

– Живые, они были как чужие, не делились со мной, – объяснял он, делая признание в суде. – Я пытался завязать отношения. Когда я их убивал, думал только о том, что теперь они будут моими.

У большинства убийц на сексуальной почве происходит постепенная эскалация от фантазий к реальности, и переход часто стимулируется порнографией, жестокими экспериментами над животными и насилием в отношении сверстников. Последнее будущий преступник объясняет для себя тем, что «дает им сдачи» за плохое к нему отношение. В случае Кемпера другие дети обижали и отвергали его из-за гигантских размеров и застенчивости. Он сказал нам, что перед тем, как расчленить двух домашних кошек, он украл у сестры куклу и отрезал ей голову и руки, планируя в дальнейшем делать то же самое с живыми существами.

На другом уровне буйная фантазия Кемпера подталкивала его избавиться от доминирующей жестокой матери – все, что он делал,

став преступником, следует анализировать именно в этом ключе. Не поймите меня неправильно: я ни в коем случае не оправдываю его действия. Мой опыт и знания говорят мне, что люди должны отвечать за свои поступки, но, по моему мнению, Эд Кемпер был примером человека, который не родился серийным убийцей, а стал им. Были бы у него те же фантазии об убийствах, расти он в более стабильной и заботливой семье? Кто знает. Но стал бы он реализовывать их, если бы не его неудержимый гнев на доминирующую женскую фигуру в его жизни? Я так не думаю, потому что вся «карьера» Кемпера как убийцы являлась, по сути, попыткой добраться до мамочки. Когда он наконец дошел до последнего, заключительного акта, спектакль закончился.

Была еще одна характеристика, которую мы наблюдали снова и снова. Преступник очень редко направлял свой гнев на его истинный объект. Хотя Кемпер рассказывал нам, что мог на цыпочках прокрадываться в материнскую спальню по ночам, держа в руке молоток и фантазируя, как размозжит ей череп, потребовалось по меньшей мере шесть убийств, прежде чем он на самом деле набрался смелости совершить то, чего так хотел. Мы видели немало вариаций подобного замещения. Например, многие убийцы забирают у жертвы «трофеи» – это может быть кольцо, ожерелье и т. д. Убийца дарит трофей своей жене или девушке, даже если она – источник его гнева и враждебности. Как правило, он говорит, что купил украшение или нашел его где-нибудь. Глядя на ожерелье у нее на шее, он заново проживает возбуждение и удовлетворение от убийства и ощущает свое доминирование и контроль, зная, что мог бы сделать с партнершей то же, что и с несчастной жертвой.

Постепенно в своем анализе мы начали разбивать преступление на две фазы – предшествующую непосредственно убийству и последующую. Кемпер уродовал тела жертв, что должно указывать на его сексуальный садизм. Но делал он это посмертно, а не при жизни, так что его целью не было наказать жертву или причинить ей страдания. Слушая Кемпера по многу часов, мы поняли, что расчленение было скорее фетишистским, чем садистским, и больше относилось к фантазиям об обладании.

Не менее важными были и обращение с трупами, и процесс избавления от них. Своих ранних жертв он тщательно захоранивал подальше от материнского дома. А поздних, включая мать и ее

подругу, оставил чуть ли не у всех на виду. Это в сочетании с его разъездами по городу с телами в багажнике мы расценили как насмешку над обществом, которое насмехалось над ним.

Мы встречались с Кемпером неоднократно в течение нескольких лет, и каждое его интервью давало нам новую информацию и более точные детали. Перед нами был человек, хладнокровно убивавший молодых умных девушек в расцвете их жизни. Тем не менее должен признаться: в каком-то смысле мне нравился Эд. Он был дружелюбным, открытым, сентиментальным и с хорошим чувством юмора. Насколько можно такое сказать с учетом ситуации, мне нравилось находиться с ним рядом. Естественно, я бы не хотел, чтобы он снова ходил по улицам, да и он, по здравом размышлении, со мной бы согласился. Но мое личное отношение к нему, которое я сохраняю по сей день, указывает на еще один важный фактор во взаимодействии с опасными преступниками. Многие из этих парней весьма приятные, общительные и бойкие.

Как этот человек мог совершить столь страшные вещи? Это, должно быть, ошибка, влияние обстоятельств. Вот что говоришь себе, когда общаешься со многими из них: ты не можешь до конца осознать невероятность их преступлений. Вот почему психиатры, судьи и офицеры по надзору часто допускают ошибки – тема, к которой мы еще вернемся далее.

Пока же повторюсь: *хочешь понять художника – посмотри на картины*. Вот что я всегда говорю моим людям. Вы не можете утверждать, что поняли или оценили Пикассо, не изучив его картин. Успешный серийный убийца планирует свою работу не менее тщательно, чем художник – свои холсты. Они обдумывают свое «искусство» и совершенствуют его. Поэтому часть моей оценки таких людей, как Эд Кемпер, основывается на личных встречах и взаимодействии на персональной основе. Остальное я получаю из исследований их работы.

Посещения тюрем стали нашей с Бобом Ресслером обычной практикой во время выездных школ, когда у нас появлялось время и получалось договориться с тюремным начальством. Я тоже, если выезжал один, проверял, какая тюрьма или исправительное учреждение находится поблизости и нет ли там кого, представляющего для нас интерес.

С течением времени мы совершенствовали свои методы. Обычно мы были заняты четыре с половиной дня в неделю, поэтому интервью старались проводить по вечерам и в выходные. С вечерами возникали затруднения, так как в тюрьмах после ужина проходит перекличка и затем в блоки никого не допускают. Но постепенно я пришел к выводу, что значок ФБР открывает двери в большинство тюрем и кабинет начальника, поэтому стал являться без предупреждения, и это, как правило, срабатывало. Чем больше интервью я проводил, тем уверенней становился на своих занятиях с опытными копами. Теперь я основывался на реальных знаниях, а не на байках, рассказанных очевидцами событий.

Далеко не все беседы позволяли нам глубоко проникнуть в душу преступника. По-настоящему открывались лишь немногие. Большинство, как попугаи, повторяли свои показания на суде или оправдания, которые давным-давно заучили наизусть. Их слова нам приходилось самостоятельно толковать и интерпретировать. Тем не менее интервью давали нам представление о том, как работает разум преступника, позволяя почувствовать себя в его шкуре.

В первые недели и месяцы нашей неофициальной исследовательской программы мы умудрились опросить более полудюжины убийц и преступников, покушавшихся на убийство. В их число входили Артур Бреммер, покушавшийся на Джорджа Уоллеса (тюрьма Балтимора), Сара Джейн Мур и Линетт «Пискля» Фромм, пытавшиеся убить президента Форда (Олдерсон, Западная Вирджиния), и гуру Фромм, Чарльз Мэнсон, в Сан-Квентине на другом берегу залива от Сан-Франциско и мрачной громады Алькатраса.

Всех в правоохранительной системе интересовал Мэнсон. Прошло десять лет с убийств Тейт и Лабьянки в Лос-Анджелесе, но Мэнсон оставался самым знаменитым и внушающим больше всего страха преступником в мире. Мы преподавали его случай в Куантико, и, хотя факты были хорошо известны, я чувствовал, что мы совсем не понимаем психологию этого парня. Я понятия не имел, чего от него ожидать, но полагал, что любой, кто успешно манипулировал другими, заставляя их исполнять свою волю, заслуживает нашего пристального изучения.

Мы с Бобом Ресслером встретились с ним в небольшой переговорной в центральном блоке Сан-Квентина. Три стены

переговорной были из армированного стекла; помещение предназначалось для встреч заключенных с адвокатами.

Мое первое впечатление о Мэнсоне было диаметрально противоположным тому, что произвел на меня Эд Кемпер. Глаза Мэнсона, совершенно дикие, бегали туда-сюда, и двигался он как-то дергано. Он оказался куда меньше ростом, чем я предполагал, – не выше метра шестидесяти. Как мог этот субтильный типчик оказывать такое мощное влияние на свою так называемую «Семью»?

Ответ стал ясен, когда он забрался на спинку стула, поставленного во главе стола, чтобы смотреть на нас во время разговора сверху вниз. Готовясь к интервью с ним, я прочитал, что в пустыне он обычно усаживался на валун, чтобы добавить себе роста при произнесении своих «нагорных проповедей». Он сразу дал нам понять, что, несмотря на громкий процесс и обширное освещение в прессе, не понимает, почему его посадили в тюрьму. Он ведь никого не убивал – общество просто выбрало его в качестве козла отпущения и символа темной стороны Америки. Свастика, которую он вырезал у себя на лбу перед судом, поблекла, но все еще просматривалась. Он продолжал поддерживать контакты со своими последовательницами в других тюрьмах благодаря участливым помощникам.

По крайней мере, в одном смысле он был похож на Эда Кемпера и большинство других парней, с которыми мы говорили: у него было ужасное детство и воспитание – если эти слова вообще применимы к его случаю.

Чарльз Миллз Мэнсон родился в Цинциннати в 1934 году у шестнадцатилетней проститутки Кэтлин Мэддокс; она была не замужем, а фамилию ребенку дала, основываясь на туманных предположениях о том, кто его отец. Кэтлин регулярно оказывалась в тюрьме и на эти промежутки отдавала Чарли своей религиозной тетке и ее садисту-мужу, обзывавшему мальчика девчонкой, заставлявшему его в первый раз пойти в школу в девичьей одежде и требовавшему, чтобы он «вел себя как мужик». К десяти годам Чарли практически жил на улицах, периодически попадая в разные воспитательные и исправительные школы. В знаменитом «Бойз-Тауне» отца Фланагана[13] он продержался всего четверо суток.

Еще подростком он начал воровать, подделывать деньги, заниматься сутенерством, совершать нападения и попадать за это в

исправительные учреждения все более строгого режима. ФБР занималось им в связи с делом об угоне машин за границу штата по закону Дайера. В последний раз он вышел условно-досрочно в 1967-м, прямехонько к началу «лета любви», и подался в Хайт-Эшбери в Сан-Франциско, куда со всего Западного побережья съезжались сторонники «власти цветов», а также секса, наркотиков и рок-н-ролла. Любитель халявы, Мэнсон быстро научился изображать просветленного гуру перед толпой недоучек, большинству из которых не исполнилось и двадцати лет. Он играл на гитаре и внушал своим наивным последователям банальные трюизмы в загадочном изложении. Вскоре он уже жил за их счет, имея столько секса и запрещенных веществ, сколько пожелает. Вокруг него собралась кочевая «Семья» из последователей обоих полов, число которых порой доходило до пятидесяти человек. Чарли проповедовал им грядущий апокалипсис и расовую войну, в результате которых «Семья» восторжествует с ним во главе. На самом деле это был текст песни «Хелтер-Скелтер» с «Белого альбома» «Битлз».

В ночь на 9 августа 1969 года четверо членов «Семьи Мэнсона», возглавляемые Чарльзом Тексом Уотсоном, ворвались в уединенный дом кинорежиссера Романа Полански и его жены-кинозвезды Шерон Тейт на Сьело-драйв, 10050 в Беверли-Хиллз. Полански уехал по делам, но Тейт и четверо ее гостей – Эбигейл Фолджер, Джей Себринг, Войтек Фрайковски и Стивен Пэрент – были жестоко убиты, а на стенах и телах жертв их кровью были написаны слоганы и девизы «Семьи». Шэрон Тейт находилась почти на девятом месяце беременности.

Два дня спустя по наущению Мэнсона шестеро членов «Семьи» убили и изуродовали бизнесмена Лено Лабьянку и его жену Розмари в их доме в Сильвер-Лейк в Лос-Анджелесе. Лично Мэнсон в убийстве не участвовал, но присутствовал в доме на последовавшей за ним оргии. Далее Сьюзан Аткинс, участвовавшая в обоих убийствах и поджоге дорожной техники на шоссе, была арестована за проституцию, что привело к аресту других членов «Семьи» и едва ли не самому громкому судебному процессу в истории Калифорнии – по крайней мере, до знакового дела О. Дж. Симпсона[14]. На двух раздельных процессах Мэнсона и нескольких его последователей приговорили к смертной казни за убийства Тейт и Лабьянки, а также за

другие преступления, след которых вел к секте, включая убийство и расчленение Дональда «Коротышки» Ши, каскадера и члена секты, которого заподозрили в стукачестве. Когда в штате запретили смертную казнь, им заменили приговор на пожизненное заключение.

Чарли Мэнсон был необычным серийным убийцей. Собственно, так и непонятно, убил ли он кого-то собственными руками. Тем не менее его прошлое под вопрос не ставилось, как и ужасы, которые его последователи сотворили по его наущению и от его имени. Мне очень хотелось узнать, как человек может стать таким сатанинским мессией. Нам пришлось высидеть долгие часы его дешевого философствования и пустой болтовни, но по мере того, как мы давили на него, пытаясь добиться конкретики, у нас начало вырисовываться кое-какое о нем представление.

Чарли вовсе не собирался становиться темным гуру. Его целью были слава и деньги. Он мечтал играть на ударных в какой-нибудь знаменитой рок-группе вроде «Бич бойз». С детства вынужденный выживать самостоятельно, он научился быстро оценивать людей и определять, что они могут для него сделать. Он мог бы стать незаменимым сотрудником моего отдела: находить слабые стороны тех, за кем мы охотились, и предлагать стратегии их поимки.

Приехав после освобождения по УДО в Сан-Франциско, он оказался среди целых толп запутавшихся, наивных подростков-идеалистов, восхищенных его жизненным опытом и напускной мудростью. У многих из них, в особенности девушек, были проблемы с отцами, что влекло их к Чарли, а он оказался достаточно ловок, чтобы воспользоваться этим и привлечь их на свою сторону. Он изображал перед ними отцовскую фигуру, заполняя их пустые жизни сексом и короткими просветлениями под действием наркотиков. Невозможно было находиться рядом с Чарли Мэнсоном и не поддаться влиянию его взгляда – глубокого и всепроникающего, дикого и гипнотического. Он знал, на что этот взгляд способен и какой может иметь эффект. Он рассказал нам, что в детстве его часто избивали, а он, хрупкий и субтильный, не мог ответить тем же и компенсировал физическую слабость силой своей личности.

Он проповедовал классические ценности: нельзя загрязнять природу, расовые предрассудки уродливы и разрушительны, любить хорошо, а ненавидеть плохо. Но стоило ему завлечь эти потерянные

души в свои сети, как он пускал в ход внушение, подчиняя своему контролю их тела и души. Он использовал депривацию сна и пищи, секс и наркотики, чтобы добиться полного доминирования – как над военнопленными. Все в мире было черным или белым, и один Чарли знал правду. Он бренчал на гитаре и раз за разом повторял свою мантру: только Чарли способен искупить грехи больного разлагающегося общества.

Базовую динамику лидерства и власти в группе, которую Мэнсон нам описывал, мы видели впоследствии во многих других трагических эпизодах схожего масштаба. Точно так же, как Мэнсон, людей завлекали и использовали в своих целях пресвятой Джим Джонс, инициировавший массовое самоубийство своей паствы в Гвиане, и Дэвид Кореш в «Ветви Давида» в Вако, Техас, среди многих других. И, несмотря на очевидную разницу в действиях между этими тремя, у них есть неоспоримое сходство. Информация, которую мы получили из бесед с Мэнсоном и его последователями, помогла нам понять Кореша и его действия, равно как и другие секты.

Мэнсон не был мессией – он просто стремился к контролю. Его проповеди из «Битлз» позволяли этот контроль поддерживать. Но, как Мэнсон понял, если не держать свою паству под контролем 24/7, ее легко растерять. Дэвид Кореш тоже это знал и держал своих последователей в настоящей крепости в сельской глубинке, которую они не могли покидать и потому постоянно находились под его влиянием.

Послушав Мэнсона, я пришел к выводу, что он не планировал и не замышлял убийство Шэрон Тейт и ее гостей – на самом деле он, наоборот, *утратил контроль* над ситуацией и своими последователями. Выбор места и жертв явно был случайным. Одна из членов секты Мэнсона бывала в доме и считала, что там есть деньги. Текс Уотсон, симпатичный студент из Техаса, настоящий американец, стремился подняться в иерархии и соперничал с Чарли за власть и влияние. Накачанный ЛСД, убежденный в приближении «нового завтра», о котором толковал их предводитель, Уотсон и возглавил нападение на дом Тейт – Полански, совершил убийство и подтолкнул остальных к последовавшим бесчинствам.

Затем, когда сорвавшиеся с катушек юнцы вернулись и рассказали Чарли, что они натворили, что апокалипсис начался, он уже не мог

дать заднюю и признаться, что они восприняли его слова чересчур серьезно. Это уничтожило бы его влияние и авторитет. Он предпочел сделать вид, что сам толкнул их на преступление, а потом повел к дому Лабьянки, чтобы они повторили это снова. Примечательно, что, когда я спросил Мэнсона, почему он не вошел в дом и не участвовал в убийстве, он объяснил мне – как дурачку, – что находился на условно-досрочном: с какой стати рисковать своей свободой?

Поэтому на основании материалов дела и наших бесед с Мэнсоном я сделал вывод, что это не Мэнсон вовлек своих последователей в преступления, которые ему были зачем-то нужны: наоборот, это они его втянули в свои преступления и вынудили принять свершившийся факт.

Каждые несколько лет Мэнсон подает прошение об УДО, и каждый раз ему отказывают. Его преступления имели слишком широкую огласку и были слишком жестокими, чтобы ему дали еще шанс. Я тоже не хочу, чтобы он вышел на свободу. Но если вдруг его когда-нибудь выпустят, я с учетом наших знаний о нем не считал бы Мэнсона серьезной угрозой, в отличие от других серийных преступников. Мне думается, он укроется где-нибудь в глухомани либо попытается нажиться на своей печальной славе. Убивать он не станет. Куда большую опасность будут представлять сбившиеся с пути неудачники, которые обязательно потянутся к нему и провозгласят своим богом и пастырем.

После того как количество проведенных нами с Ресслером интервью перевалило за десяток, стало совершенно ясно, что мы что-то нащупываем. Впервые мы смогли соотнести то, что творится у убийцы в голове, со следами на месте преступления.

В 1979 году мы получили около пятидесяти запросов на составление профилей, которыми наши инструкторы пытались заниматься одновременно с преподавательской деятельностью. В следующем году количество запросов удвоилось, через год – удвоилось еще раз. К тому времени меня почти полностью освободили от преподавания, и я стал единственным сотрудником отдела, занятым исключительно оперативной работой. Я продолжал проводить презентации в Национальной академии и на подготовке агентов, если позволяло расписание, но, в отличие от остальных, занимался

преподаванием в довесок к основным обязанностям. Я вел практически все дела об убийствах, поступавшие к нам, и те дела об изнасилованиях, на которые у Роя Хейзелвуда не оставалось времени.

То, что некогда было побочной деятельностью без официального разрешения, превратилось в небольшой исследовательский проект. Я был назначен на вновь созданную должность «руководителя программы криминального профилирования» и начал работать с полевыми офисами, координируя передачу дел от местных полицейских департаментов.

Как-то раз мне понадобилось лечь в больницу примерно на неделю: сказались старые травмы от бокса и футбола, когда мне неоднократно ломали нос. Дышать становилось все труднее, и мне предстояла операция по выпрямлению носовой перегородки. Я лежал в повязках, почти ничего не видя вокруг, когда ко мне в палату вошел другой агент и бросил на кровать двадцать папок с делами.

С каждой встречей мы узнавали все больше, но теперь надо было формализовать наше исследование и систематизировать результаты. Тут помог Рой Хейзелвуд, с которым мы вместе писали статью об «убийствах похоти» для «Правоохранительного бюллетеня ФБР». Рой занимался какими-то исследованиями с доктором Энн Берджесс, профессором по уходу за психиатрическими больными из школы медсестер при Пенсильванском университете и ассоциированным директором по исследованиям бостонского Департамента здравоохранения. Берджесс активно публиковалась и была известна как один из главных в стране экспертов по психологическим последствиям изнасилований.

Рой привез ее к нам в отдел поведенческих наук, познакомил со мной и с Бобом и описал ей, чем мы занимаемся. Энн впечатлилась и сказала, что, по ее мнению, наше исследование – первое в своей области. Она полагала, что с его помощью мы сможем понимать криминальное поведение, как ДСР – «Диагностическое и статистическое руководство по психическим заболеваниям» – помогает понимать и классифицировать типы психических расстройств.

Мы согласились работать вместе, а Энн удалось выбить грант на 400 тысяч долларов от финансируемого правительством Национального института юстиции. Нашей целью было подробно

проинтервьюировать от тридцати шести до сорока преступников, сидящих в тюрьмах, и проанализировать результаты. С нашей помощью Энн разработала опросник на пятидесяти семи страницах, который надо было заполнять на каждом интервью. Боб отвечал за распределение средств гранта и связи с институтом; нам с ним при помощи агентов в регионах предстояло посещать тюрьмы и опрашивать отобранных заключенных. Мы должны были описать методологию каждого преступления, изучить и задокументировать поведение до его совершения и после, а Энн – систематизировать и обработать результаты. Мы рассчитывали, что проект займет три-четыре года.

То был момент, когда криминальный следственный анализ вступил в свою современную стадию.

Глава 7
Сердце тьмы

Логично возникает вопрос: с какой стати приговоренным преступникам сотрудничать с федеральными агентами? Мы и сами задавались им, когда начинали проект. Тем не менее подавляющее большинство тех, к кому мы обращались за эти годы, соглашались говорить с нами – по нескольким причинам.

Некоторые искренне сожалели о содеянном и считали, что сотрудничество в психологическом исследовании поможет хотя бы частично возместить ущерб, а также позволит им немного разобраться в себе. Думаю, Эд Кемпер относился к этой категории. Остальные, как я уже упоминал, были поклонниками полиции и правоохранительных структур и просто получали удовольствие, находясь рядом с копами и агентами ФБР. Некоторые считали, что получат послабления за сотрудничество с властями, хотя мы ничего не обещали им взамен. Некоторые чувствовали себя забытыми и мечтали привлечь к себе внимание и разогнать скуку, согласившись на наше посещение. А некоторым просто нравилось излагать свои фантазии об убийствах – в мельчайших подробностях.

Мы готовы были выслушать все, о чем они пожелают рассказать, но в первую очередь нас интересовало несколько основных вопросов, которые мы выделили в статье, объясняющей цели исследования, что была опубликована в сентябрьском выпуске «Правоохранительного бюллетеня ФБР» 1980 года:

1. Что толкает человека на преступления сексуального характера и каковы ранние тревожные сигналы?

2. Что препятствует и что способствует совершению преступления?

3. Какие реакции или стратегии предполагаемой жертвы оказываются эффективными для каких типов сексуальных преступников и позволяют избежать виктимизации?

4. Каким образом можно оценить степень опасности преступника, дальнейший прогноз, предрасположенность к рецидиву и способ лечения?

Чтобы наша программа имела ценность, нам следовало тщательно готовиться и фильтровать все, что опрашиваемый нам сообщит. Ведь если ты достаточно умен – а большинство этих парней таковы, – ты обязательно найдешь лазейку в системе, которую используешь к своей выгоде. По самой своей природе большинство сексуальных преступников – хорошие манипуляторы. Если им выгодно быть психически нестабильными, они будут психически нестабильными. Если выгодно проявлять раскаяние – они его проявят. Но, какой бы курс ни показался им наиболее многообещающим, в определенном смысле все преступники, которых мы опрашивали, были похожи. В отсутствие других тем для размышления они думали только о себе и о том, что натворили, и были готовы рассуждать об этом в подробностях. Нашей же задачей становилось заранее разузнать как можно больше о них и об их преступлениях, чтобы быть уверенными, что они говорят нам правду, потому что точно так же они располагали достаточным временем, чтобы сконструировать альтернативные сценарии, в которых они выглядели куда более симпатичными и невинными, чем свидетельствовали материалы дела.

На многих наших ранних интервью, выслушав историю заключенного, я испытывал желание повернуться к Бобу Ресслеру или другому агенту, сидевшему рядом, и спросить:

– А может, его подставили? У него на все есть разумный ответ. Вдруг они посадили не того парня?

Поэтому первое, что я делал, вернувшись в Куантико, – проверял свои материалы и обращался в полицию за исходным делом, чтобы убедиться, что правосудие не допустило возмутительной ошибки.

Боб Ресслер вырос в Чикаго и в детстве был одновременно напуган и заинтригован убийством шестилетней Сьюзан Дегнан, которую похитили из дома и безжалостно зарезали. Ее тело нашли разрубленным на куски в сточных канавах Эванстона. Впоследствии был арестован некий Уильям Хайренс – он признался в этом и еще двух убийствах женщин в жилом комплексе, когда грабеж, задуманный им, вышел из-под контроля. В квартире одной из жертв, Фрэнсис Браун, он написал на стене губной помадой:

Бога РАДи

ПОЙмайте мЕня
ПрЕЖде чем я еще убью
Я не могу контролировать себЯ

Хайренс приписывал убийства некоему Джорджу Мурману (от murder man, «человек-убийца»), который якобы вселился в него. Боб говорил, что именно дело Хайренса подтолкнуло его к тому, чтобы пойти в правоохранительные органы.

Теперь, когда проект исследования криминальной личности получил финансирование и стал расширяться, мы с Бобом отправились побеседовать с Хайренсом в тюрьму Стейтсвил в Джолиете, Иллинойс. Он сидел там с вынесения приговора в 1946 году и все это время считался образцовым заключенным и, кроме того, первым в штате, получившим в тюрьме университетское образование и писавшим диплом.

На момент нашего разговора Хайренс полностью отрицал причастность к преступлениям, утверждая, что его подставили. Какие бы вопросы мы ему ни задавали, у него на все находился ответ, он указывал на алиби и говорил, что даже близко не подходил к месту убийства. Звучал он очень убедительно, и я настолько разволновался, что правосудие допустило ошибку, что по возвращении в Куантико заново пересмотрел все материалы дела. Помимо признания и других убедительных доказательств, я выяснил, что на месте похищения Дегнан были обнаружены его слабо просматривающиеся отпечатки. Однако Хайренс столько просидел у себя в камере, размышляя и придумывая ответы на вопросы, которые сам себе задавал, что даже проверку на детекторе лжи прошел бы, скорее всего, без всяких проблем.

Ричард Спек, отбывавший пожизненные заключения за убийство восьми студенток-медсестер в общежитии в Южном Чикаго в 1966 году, ясно дал понять, что не позволит ставить себя в один ряд с другими убийцами, которых мы изучали.

– Я не хочу быть в их списке, – заявил он мне. – Они психи, эти парни. Я не серийный убийца.

Он не отрицал того, что сделал, просто хотел, чтобы мы знали: он не такой, как они.

В каком-то смысле Спек был прав. Он не был серийным убийцей, который убивает с перерывами на эмоциональное охлаждение. Он относился к категории, которую я называю «массовые убийцы» – люди, которые совершают более двух убийств в рамках одного эпизода. В случае Спека он проник в общежитие с целью ограбления – ему нужны были деньги, чтобы убраться из города. Когда двадцатитрехлетняя Коразон Амурао открыла ему дверь, он пригрозил ей ножом и пистолетом, сказав, что только свяжет ее и пятерых ее соседок и ограбит. Он затолкал их всех в спальню. В следующий час еще три девушки вернулись домой со свиданий и из библиотеки. Когда они оказались в его руках, Спек передумал и бросился насиловать, душить, резать и колоть ножом. Выжила только Амурао, которая от ужаса забилась в угол. Спек потерял жертвам счет.

После его ухода она выскочила на балкон и позвала на помощь. Она рассказала полиции о татуировке «Прирожденный дьявол» на левой руке убийцы. Когда Ричард Франклин Спек неделю спустя обратился в местный госпиталь после неудачной попытки самоубийства, его опознали по этой татуировке.

Из-за крайней жестокости совершенного преступления по поводу Спека велись дискуссии в прессе и психологическом сообществе. Поначалу говорили, что у него генетическое отклонение, дополнительная Y-хромосома, отвечающая за повышенную агрессию и антисоциальное поведение. Такие теории постоянно входят в моду и выходят из нее; более ста лет назад бихевиористы использовали френологию – науку о форме черепа – для предсказания характера и умственных способностей. Позднее характерный феномен на энцефалограмме, повторяющиеся пики на частоте 14 и 5 Гц, считался указанием на тяжелое расстройство личности. О хромосомной аномалии XYY до сих пор ведутся споры, но нельзя отрицать того факта, что она присутствует у огромного количества мужчин, не проявляющих никаких признаков агрессивности или антисоциального поведения. Ну и вишенка на торте – когда Ричарда Спека обследовали подробнее, оказалось, что геном у него совершенно нормальный и никакой дополнительной Y-хромосомы нет.

Спек, умерший позднее в тюрьме от сердечного приступа, говорить с нами не захотел. Это был один из необычных случаев, когда мы связались с начальством тюрьмы и то разрешило нас впустить, но

Спека о нашем визите не предупредили, а перевели к нашему приходу в изолятор, чтобы мы смогли заглянуть к нему в камеру. Мы издалека услышали его крики – он орал и ругался, а остальные заключенные его поддерживали. Оказалось, надзиратель хотел показать нам коллекцию порнографии, которую Спек хранил у себя, а тот яростно воспротивился такому вторжению. Заключенные терпеть не могут никакого шмона; их камеры – единственное подобие личного пространства, которое у них осталось. Пока мы шли по тюремному блоку, разделенному на три части, с разбитыми окнами и птицами, летающими под потолком, надзиратель предупредил нас держаться середины, чтобы до нас не долетали фекалии и моча из камер.

Поняв, что это нас ни к чему не ведет, я шепнул надзирателю, что мы пройдем мимо камеры Спека по коридору, не останавливаясь возле нее. Нынешние протоколы посещения тюрем не позволили бы нам явиться к нему без предупреждения; собственно, все наше исследование очень бы осложнилось.

В отличие от Кемпера или Хайренса, Спек не был образцовым заключенным. Как-то раз он соорудил самогонный аппарат, который хранил в потайном ящике в деревянном рабочем столе охранника. Алкоголя он почти не давал – зато давал запах, и охрана сходила с ума, пытаясь отыскать источник. В другой раз Спек нашел раненого воробья, залетевшего в разбитое окно, и выходил его. Когда тот достаточно поправился, Спек приучил его сидеть у себя на плече, привязав за ногу шнурком. Однажды охранник сказал ему, что в тюрьме держать питомцев запрещено.

– Запрещено? – рявкнул Спек, а потом подошел к работающему вентилятору и швырнул птичку на лопасти.

Охранник в ужасе воскликнул:

– Я думал, ты его любишь.

– Любил, – ответил Спек. – Но если я не могу его держать, то и никому другому он не достанется.

Мы с Бобом Ресслером встретились со Спеком в допросной Джолиета, в присутствии его тюремного консультанта – этот человек выполняет функции кого-то вроде куратора в старшей школе. Как Мэнсон, Спек предпочел усесться во главе стола, забравшись на стоявший там железный шкафчик. Я начал с того, что рассказал ему, что нам нужно, но он не собирался с нами говорить, только сыпал

ругательствами в адрес «гребаного ФБР», которое собралось обыскать его камеру.

Когда я смотрю на этих людей, когда сижу напротив них за столом в допросной тюрьмы, первое, что я пытаюсь сделать, – это представить себе, как они держались и говорили в момент совершения преступления. Я готовлюсь, изучая материалы дел, чтобы знать, что каждый натворил и на что способен, а в тюрьме стараюсь спроецировать данную информацию на человека, сидящего напротив меня.

Любой допрос в полиции – это попытка соблазнения. Стороны пытаются соблазном выманить друг у друга информацию. Надо знать особенности собеседника, чтобы понять, с какой стороны к нему лучше подойти. Яростью или осуждением ничего не добьешься. (*Ах ты, ублюдочный садист! Сожрал, значит, ее руку?*) Надо решить, на что он откликнется. С некоторыми, вроде Кемпера, можно говорить прямо и по существу, если ты уверен, что знаешь все факты и им тебя не провести. С другими, вроде Ричарда Спека, я научился применять более агрессивный подход.

Вот мы сидим в допросной, и Спек делает вид, что игнорирует нас, поэтому я обращаюсь к консультанту. Это был приятный, общительный человек, умевший рассеять враждебную атмосферу – одно из качеств, на которое мы всегда обращаем внимание у тех, кого обучаем на переговорщиков. Я заговорил о Спеке, как будто его не было в комнате.

– Знаете, что он натворил, ваш парень? Убил восемь телочек. И некоторые были очень хорошенькими. Он отобрал восемь отличных задниц у нас у всех. Как думаете, это справедливо?

Боб явно меня не одобряет. Ему не хочется опускаться до уровня убийцы, и он в возмущении от того, что я смеюсь над покойницами. Естественно, я с ним согласен, но в подобных ситуациях приходится делать то, что нужно.

Консультант что-то мне отвечает, и мы продолжаем перебрасываться репликами в подобном ключе. Это было бы похоже на разговоры в школьной мужской раздевалке – если бы мы не говорили о жертвах убийства, что превращает ситуацию из забавной в жуткую.

Спек какое-то время слушает, потом трясет головой, цокает языком и восклицает:

– Да вы гребаные психи! Похоже, граница между мной и вами совсем тонкая.

Я поворачиваюсь к нему:

– Но как ты, черт тебя дери, трахнул восемь девчонок за один раз? Что ты ешь на завтрак?

Он смотрит на нас как на пару безмозглых придурков.

– Я не трахал их всех. Это потом в газетах раздули. Я трахнул только одну.

– Ту, что была на диване? – спрашиваю я.

– Ага.

Как бы жестоко и отвратительно это ни звучало, кое-что мне этот обмен репликами говорит. Во-первых, Спек, хотя враждебный и агрессивный, не считает себя таким уж мачо. Он понимает, что не может контролировать всех женщин одновременно. Он пользуется возможностью – насилует одну, и ему этого достаточно. Из фотографий с места преступления мы знаем, что он выбрал ту, которая лежала на диване лицом вниз. Она уже была для него не личностью, а только телом. С ней не надо было контактировать как с человеческим существом. Мы уже поняли, что он не особо сообразителен. И относительно простое дело – ограбить дом – быстро скатывается у него до массового убийства. Он признается, что убил женщин не в сексуальной лихорадке, а для того, чтобы они не могли его опознать. По мере того как будущие медсестры возвращались к себе, он запирал их – одну в спальне, одну в шкафу, – как лошадей в стойла. Он понятия не имел, как справиться с ситуацией.

Любопытно, что он также заявил, будто рана, с которой он обратился в больницу и которая впоследствии привела к его поимке, была получена не в результате попытки суицида, а в пьяной драке. Сам не понимая важности своих слов, он дал нам понять, что хочет, чтобы его считали «прирожденным дьяволом» и мачо, а не жалким неудачником, который не сумел даже руки на себя наложить.

Сидя напротив него и слушая, я начинаю прокручивать всю эту информацию в голове. Она говорит мне много не только о Спеке, но и вообще об этом типе преступлений. Иными словами, когда я столкнусь с подобным сценарием в будущем, то смогу лучше представить себе

преступника. Что, собственно, и является главной целью нашей программы.

Когда мы обрабатывали данные своих исследований, я старался отходить от научной психологической терминологии и предлагать более ясные концепции, доступные сотрудникам правоохранительной сферы. Сказать детективу в участке, что он должен искать параноидного шизофреника – неплохой интеллектуальный вброс, но это вряд ли поможет ему поймать НС. Одна из главных классификаций, которую мы предлагали, заключалась в разделении преступников на три типа, как то: *организованный, дезорганизованный* или *смешанный*. Люди вроде Спека помогали нам изучить дезорганизованный тип.

Спек рассказал мне, что детство у него было неблагополучным. И правда, единственный раз, когда я видел, что он задет за живое, – это когда я спросил его о семье. К двадцати годам он почти сорок раз был арестован, женился на пятнадцатилетней девочке, которая родила ему ребенка, и бросил ее пять лет спустя, разгневанный и разочарованный. Он сам говорил, что не убил ее только потому, что поленился. Зато он убил несколько других женщин, включая официантку в дешевом баре, отвергшую его авансы. За несколько месяцев до убийства медсестер он ограбил и изнасиловал шестидесятипятилетнюю женщину. Обычно жестокое изнасилование пожилой жертвы указывает на преступника совсем молодого, возможно тинейджера, без особого опыта, уверенности и ловкости. Спеку на момент изнасилования было двадцать шесть лет. Если возраст преступника в этом уравнении увеличивается, его искушенность и уверенность в себе, соответственно, снижаются. Именно такое впечатление произвел на меня Ричард Спек. Хотя ему и было под тридцать, его поведение даже для преступника казалось совсем подростковым.

Надзиратель захотел показать нам еще кое-что, прежде чем мы уйдем. В Джолиете, как и в других тюрьмах, проводился психологический эксперимент. Считалось, что мягкие пастельные цвета снижают уровень агрессии, и академические теории это подтверждали. Например, полицейских-качков помещали в комнаты розового или желтого цвета – оказалось, что там они не могут поднимать вес, с которым обычно справлялись.

И вот надзиратель ведет нас в комнату в дальнем конце блока и говорит:

– Вроде как розовые стены должны снимать агрессию у преступника. И если его посадить в такую комнату, он должен успокоиться и присмиреть. Загляните-ка внутрь, Дуглас, и скажите мне, что вы видите.

– Но краски на стенах почти нет, – заметил я.

Он отвечал:

– Ага, нет. Парням, понимаете ли, не нравятся эти цвета. Они обдирают краску со стен и жрут.

Джерри Брудос был обувным фетишистом. Остановись он на этом, с ним не было бы проблем. Но по вине целого стечения обстоятельств, включая доминирующую мать, которая часто наказывала маленького Джерри, и его собственные навязчивые идеи, все зашло куда дальше – от простых странностей до кровавых преступлений.

Джером Генри Брудос родился в Южной Дакоте в 1939 году и вырос в Калифорнии. В пять лет он нашел на местной свалке пару лаковых лодочек на шпильках. Когда он принес их домой и примерил, мать в ярости приказала срочно выкинуть туфли. Но Джерри оставил их себе и спрятал, а мать нашла, сожгла на глазах сына и наказала его. К шестнадцати годам, когда они жили в Орегоне, он уже регулярно пробирался в соседские дома и крал женскую обувь, а частенько и белье, чтобы потом потихоньку примерять. На следующий год его арестовали за нападение на девушку: он заманил ее к себе в машину и велел раздеться, чтобы посмотреть на нее голую. Ему назначили принудительный курс психотерапии в госпитале штата в Салеме; тамошние врачи сочли, что опасности для общества он не представляет. По окончании старшей школы и недолгой службы в армии, откуда его демобилизовали досрочно из-за психологических причин, он продолжил проникать в чужие дома, красть туфли и белье – иногда натыкаясь на хозяек, которых он придушивал, чтобы они отключались. Брудос из чувства долга женился на девушке, с которой потерял девственность. Он поступил в училище и выучился на электрика.

Шесть лет спустя, в 1968-м, будучи отцом двоих детей и продолжая свои вылазки за сувенирами, Брудос открыл дверь

девятнадцатилетней Линде Слоусон, у которой была назначена встреча для продажи энциклопедий. Девушка ошиблась адресом, но Брудос, воспользовавшись возможностью, затащил ее в подвал, а там забил до смерти и задушил. Труп он раздел догола и стал примерять на него свою коллекцию нарядов. Прежде чем избавиться от тела, привязав к нему сломанную коробку передач и сбросив в реку Уилламетт, Брудос отрезал у него левую стопу, обул в одну из своих драгоценных лодочек на шпильке и запер в холодильнике. В следующие несколько месяцев он убил еще трижды. При этом он отрезал жертвам груди и делал с них слепки. Его опознали несколько студенток, которых он приглашал на свидание, рассказывая одну и ту же историю, так что полиция выследила его на предполагаемом месте встречи. Он все рассказал и признал себя виновным, когда стало ясно, что сослаться на невменяемость не выйдет.

Мы с Бобом Ресслером допрашивали Брудоса по его постоянному месту жительства – в тюрьме штата Орегон в Салеме. Он был коренастым и круглолицым, вежливым и готовым к сотрудничеству. Но когда я его спросил о совершенных преступлениях, он заявил, что как-то потерял сознание из-за гипогликемии и ничего не помнит.

– Знаете, Джон, у меня сахар сильно упал – я в тот момент мог сигануть с крыши и даже не понять, что делаю.

Интересно, что когда Брудос давал признательные показания в полиции, то припомнил все до мельчайших деталей и указал, где искать тела и улики. Мало того, он непреднамеренно выдал себя, когда подвесил один из трупов на крюк в гараже одетым в один из своих любимых нарядов и туфли, а потом положил снизу зеркало, чтобы видеть гениталии жертвы. Снимая, он, сам не заметив, запечатлел свое лицо на фотографии.

Несмотря на заявления о гипогликемических обмороках, Брудос демонстрировал многие черты организованного преступника. Все началось с его детских фантазий. Подростком, живя на ферме, он фантазировал, как загоняет девочек в темный туннель, где принуждает делать то, что ему хочется. Один раз ему действительно удалось заманить девочку в сарай; он приказал ей раздеться, чтобы сфотографировать. Впоследствии это поведение развилось у него во взрослые преступления, но в то время он был слишком наивным и неискушенным, так что не мог придумать ничего лучше

фотографирования своих обнаженных жертв. После фотосессии в сарае он запер девочку в элеваторе и вернулся к ней некоторое время спустя, переодевшись и причесавшись по-другому – якобы теперь он Эд, брат-близнец Джерри. Он отпустил перепуганную жертву, объяснив, что Джерри проходит интенсивную психотерапию и очень просит ее никому не рассказывать, иначе у него будут большие проблемы и лечение не поможет.

В случае Джерри Брудоса, наряду с классической эскалацией, мы наблюдали постоянное совершенствование фантазий. Это стало гораздо более серьезным открытием, чем все, что он сказал нам напрямую. Хотя Кемпер и Брудос сильно различались в том, что касалось их целей и модус операнди, у обоих – и у множества других – присутствовали навязчивые фантазии и совершенствование техники от одного преступления к другому. Кемпер предпочитал хорошеньких студенток, которые ассоциировались у него с матерью. Не такой искушенный и менее интеллектуальный Брудос довольствовался случайными жертвами. Но навязчивое увлечение деталями было у них одинаковым и обоих привело в тюрьму.

Взрослым Брудос заставлял свою жену Дарси одеваться в его фетишистские наряды и подчиняться фотографическим ритуалам, хоть она и была простой женщиной, не склонной к авантюрам, стеснялась этого и боялась мужа. Он предавался сложным фантазиям о сооружении камеры пыток, но был вынужден ограничиться гаражом. В этом гараже он держал запертый морозильник, где хранил отрезанные части тела жертв. Когда Дарси собиралась готовить мясо на ужин, она должна была сообщать Джерри, какой кусок ей нужен, и тогда он ей его приносил. Она часто жаловалась подругам, что ей было бы гораздо удобнее самой брать мясо из морозильника, но, несмотря на неудобство, не считала это достаточно странным, чтобы обратиться в полицию. А может, и считала – просто боялась кому-то рассказать.

Брудос представляет почти классический пример преступника, который начал с безобидных причуд, переживая постепенную эскалацию – от найденных на помойке туфель к одежде сестры и кражам у других женщин. Сперва он просто таскал белье с веревок, потом начал выслеживать женщин в туфлях на каблуках и проникать в пустые дома, потом осмелел и стал покушаться на хозяек. Поначалу ему хватало просто примерять одежду, но со временем захотелось

большего возбуждения. Когда одна из жертв отказалась раздеться перед ним, он пригрозил ей ножом. Он не убивал до тех пор, пока случайная девушка сама не постучалась к нему в двери. Но когда он убил ее и осознал, какое это принесло удовлетворение, то стал повторять снова и снова, каждый раз переходя на новую ступень уродования трупа.

Я не хочу сказать, что каждый мужчина, которого привлекают туфли на шпильках или кружевные лифчики и трусики, обречен стать преступником. Будь это так, большинство из нас уже сидели бы за решеткой. Но, как свидетельствует случай Джерри Брудоса, подобная парафилия может развиваться, а еще она является ситуационной. Позвольте, я приведу пример.

Некоторое время назад неподалеку от тех мест, где я жил, директор начальной школы вроде как увлекся детскими ножками. Он играл с учениками в игру: щекотал им пятки, пока те не рассмеются. Если им удавалось сдержаться, директор платил победителям деньги. Родители забили тревогу, когда узнали, что дети тратят в местном торговом центре суммы, которых им не выделяли. Когда окружной комитет уволил директора, многие запротестовали: он был славным человеком, имел постоянную девушку, его любили и дети, и родители. Учителя считали, что его оговорили. Да и вообще: даже если ему и нравилось щекотать детям пятки, кому это повредило? Он никогда не приставал к детям и не пытался их раздевать. Это был не тот человек, который может сорваться с катушек или похитить ребенка, чтобы удовлетворить свою извращенную страсть.

Я с этой оценкой был согласен. Опасности для общества он в этом смысле не представлял. Я встречался с ним – он вел себя вежливо и дружелюбно. Но представьте себе, что во время такой игры какая-нибудь девочка неожиданно заплакала, закричала или пригрозила пожаловаться на него. В панике он вполне мог бы убить ребенка, просто не видя другого выхода из ситуации. Когда из школы обратились ко мне за советом, я сказал, что они поступили правильно, уволив директора.

Примерно в то же время меня вызвали в Виргинский университет – кто-то повадился сбивать студенток с ног, валить на землю и снимать с них модные сабо на деревянной подошве. К счастью, ни одна из девушек серьезно не пострадала, поэтому полиция, как городская, так

и в кампусе, относилась к этому делу как к шутке. Я встретился с полицейскими и администрацией университета, рассказал о Брудосе и других фетишистах, с которыми имел дело, и нагнал на них страху, после чего официальное отношение к этим эпизодам резко изменилось, и они прекратились.

Изучая постепенное прогрессирование Джерри Брудоса до маньяка-убийцы, я задаюсь вопросом: что было бы, получи он вовремя помощь или хотя бы понимание – вдруг процесс бы остановился?

В случае Эда Кемпера мы имеем дело с убийцей, сформированным эмоционально тяжелым детством. Дело Джерри Брудоса я нахожу не таким однозначным. Конечно, парафилия присутствовала у него с ранних лет. Он был совсем маленьким, когда нашел на свалке пару лодочек, очаровавших его. Но во многом это очарование объяснялось тем, что раньше он не видел ничего подобного. Его мать таких туфель не носила. Потом, когда она отреагировала так резко, они стали для него запретным плодом. Вскоре он украл туфли у учительницы. Но она, узнав об этом, удивила его своей реакцией: вместо упрека она спросила, почему он это сделал. Таким образом, он получил двойственное послание от взрослых женщин о том, что натворил, и это предположительно врожденное увлечение постепенно стало трансформироваться в нечто куда более грозное и опасное.

Что случилось бы, распознай взрослые вовремя, к чему идет дело, и предприми они эффективные меры для обуздания его стремлений? К сожалению, когда убийство уже произошло, что-то делать слишком поздно. Но можно ли обратить процесс вспять на других стадиях? Благодаря исследованиям и моей работе с тех пор я пришел к очень, очень пессимистическим выводам насчет вероятности психологической реабилитации для большинства убийц на сексуальной почве. Если что-то и можно сделать, то гораздо раньше, задолго до того, как они превратят фантазию в реальность.

Когда моя сестра Арлен была подростком, наша мама говорила, что может все понять о ее парнях, просто спросив, как они относятся к своим матерям. Если парень испытывал к матери любовь и уважение, это впоследствии выражалось и в его отношениях с женщинами. Если

он говорил, что его мать – сука, развратница и шлюха, велики были шансы, что и на других женщин он будет смотреть так же.

Мой собственный опыт подтверждает, что мама была права. Эд Кемпер в Санта-Крузе, Калифорния, выложил трупами дорогу к той жертве, которую по-настоящему хотел убить, – своей матери. Монти Ризселл, который подростком изнасиловал и убил пятерых женщин в Александрии, Вирджиния, сказал нам, что, если бы ему позволили остаться с отцом, а не с матерью после развода, он, скорее всего, стал бы адвокатом, а не пожизненным обитателем тюрьмы Ричмонд, где мы разговаривали с ним.

Благодаря Монти Ральфу Ризселлу многие фрагменты нашего пазла встали на свои места. Монти, младшему ребенку в семье, было семь лет, когда его родители развелись и мать с детьми переехала в Калифорнию, где снова вышла замуж и проводила все время с новым мужем, совсем не уделяя внимания детям. Монте рано начал попадать в неприятности – рисовал непристойные граффити в школе, пробовал наркотики, а однажды подстрелил в ссоре кузена из воздушного ружья. Он утверждал, что ружье подарил ему отец, но после той стрельбы разломал его пополам и как следует отлупил Монти стволом.

Когда Монти было двенадцать, второй брак матери тоже распался, и семья вернулась в Вирджинию. Монти сказал нам, что винил в разводе себя и сестру. С тех пор его проступки становились все серьезнее: вождение без прав, воровство, угон машины, а потом изнасилование.

Переход к убийствам был весьма показательным. Все еще в старшей школе, на условном сроке и в ходе принудительной психотерапии как одного из условий УДО он получает письмо от своей девушки. Она на год опережает его в учебе и сейчас уже в колледже; в письме она сообщает Монти, что их отношения окончены. Он немедленно прыгает в машину и мчится в колледж, где видит девушку с новым бойфрендом.

Вместо того чтобы что-то предпринять и выплеснуть свой гнев на человека, который его вызвал, Монти возвращается в Александрию, накачивается пивом и несколько часов сидит в машине на парковке своего жилого комплекса, погруженный в раздумья.

В два или три часа утра появляется другая машина – в ней сидит женщина, одна. Монти приходит в голову возместить себе то, чего он

лишился. Он подходит к машине женщины, наставляет на нее пистолет и уводит за собой в уединенное место за домами.

Ризселл был спокоен, собран и уверен, рассказывая о том моменте нам с Бобом Ресслером. Я заранее проверил его коэффициент интеллекта – больше 120. Не могу сказать, что заметил у него раскаяние или сожаление – за исключением редких случаев, когда преступник приходит с повинной или совершает самоубийство, жалеют они только о том, что их поймали и посадили в тюрьму. Но он не пытался выгородить себя, и я чувствовал, что он рассказывает все как было. В поведении, которое он успел описать и которое описывал дальше, для нас содержалось несколько важных подсказок.

Во-первых, инцидент произошел после тяжелого события в жизни Монти – мы называем его стрессором. Этот паттерн мы наблюдали снова и снова. Что угодно может стать стрессором – всех нас волнуют разные вещи. Но два самых распространенных – неудивительно – это потеря работы и расставание с женой или девушкой. (Я говорю с женой или девушкой, потому что, как уже упоминалось выше, практически все серийные убийцы – мужчины. О причинах мы еще поговорим.)

В результате изучения людей вроде Монти Ризселла мы начали понимать, что стрессоры настолько влияют на динамику серийного убийцы, что, глядя на место преступления, можно достаточно точно предсказать, какой именно стрессор сработал в данном конкретном случае. В деле об убийствах на Аляске, которым занимался Джуд Рей, – я упоминал о нем в главе 4 – время и особенности тройного убийства женщины и двух ее дочерей позволили Джуду утверждать, что убийца потерял *и* девушку, *и* работу. Имели место обе эти травмы. В действительности девушка бросила нашего парня ради его начальника, который затем его уволил, чтобы не мозолил глаза.

И вот Монти, увидев свою подругу с ухажером из колледжа, в ту же ночь совершает свое первое убийство. Это само по себе весьма значимый фактор. Но подробности – как и почему все произошло – говорят нам еще больше.

Как оказалось, жертва Ризселла была проституткой, а это означает две вещи: она не так боялась секса с незнакомцем, как обычные женщины; и, хоть и напуганная, наверняка боролась за жизнь. Поэтому, когда они остались наедине и он, под прицелом пистолета,

собрался ее изнасиловать, она попыталась разрядить ситуацию, задрав юбку и спросив нападающего, как ему нравится заниматься сексом и какую он предпочитает позу.

– Она спросила, как мне больше нравится, – сказал он нам.

Но вместо того чтобы смягчить его и успокоить, такое поведение с ее стороны приводит Монти в еще большую ярость. «Как будто это сука все контролирует». Она, наверное, симулировала два или три оргазма, чтобы утихомирить его, но это только осложнило ее положение. Раз она «наслаждается» изнасилованием, значит, все женщины и правда шлюхи. Она перестала быть для него человеком, и ему стало гораздо легче решиться на убийство.

Тем не менее другую жертву он отпустил, когда она сказала, что ухаживает за больным отцом – у него рак. Брат Рисселла болел раком, поэтому он мог идентифицировать себя с ней. Она осталась для него личностью, в противоположность проститутке или молоденькой медсестре, на которую набросился Ричард Спек, пока она лежала связанной на диване лицом вниз.

Однако это указывает и на причину, по которой трудно давать общие советы, что делать при изнасиловании. В зависимости от личности насильника и его мотивации лучшей тактикой может быть как согласие, так и сопротивление. И оба могут оказаться провальными. Сопротивление так называемому самоутверждающемуся насильнику может заставить его остановиться. Сопротивление насильнику, возбуждающемуся от злости, – если только жертва не достаточно сильная или быстрая, чтобы сбежать от него, – может привести к убийству. Изображать наслаждение тоже не лучшая стратегия. Изнасилование – преступление злобы и вражды, а также контроля и власти. Секс имеет здесь лишь побочное значение.

После изнасилования женщины, похищенной с парковки, Рисселл еще не решил, что будет делать с жертвой. Но в этот момент она поступает самым логичным, по мнению большинства, образом – пытается сбежать. Он снова думает, что она контролирует ситуацию. Вот как он это описал – мы процитировали его слова в статье о своем исследовании для «Американского психиатрического журнала»:

«Она бросилась бежать в овраг, и я ее схватил. Взял в захват за шею. Она была выше меня ростом. Я начал ее душить… она

споткнулась… мы скатились по склону в воду. Я ударил ее головой о камень и подержал под водой».

Таким образом, поведение жертвы не менее важно для анализа преступления, чем поведение преступника. Относилась ли жертва к группе повышенного риска? Что она сказала или сделала, раздразнило это убийцу или, наоборот, сдержало? Какова была динамика их столкновения?

Ризселл находил своих жертв прямо в жилом комплексе. После первого убийства все табу для него были сняты. Он понял, что смог это сделать, получить удовольствие и выйти сухим из воды. Если бы нас привлекли к расследованию его дела и попросили составить профиль НС, мы описали бы человека с определенным опытом – возможно, насильственных преступлений, близких к убийству, – каковым он действительно обладал. Честно говоря, мы, скорее всего, ошиблись бы с возрастом: на момент первого убийства Ризселлу едва исполнилось девятнадцать, а мы рассчитывали бы найти мужчину от двадцати пяти до тридцати.

Но дело Ризселла показывает, что возраст в нашей работе – понятие относительное. В 1989 году Грег Маккрэри из моего отдела расследовал серию убийств проституток в Рочестере, Нью-Йорк. В сотрудничестве с капитаном Линдой Джонсон, первоклассной полицейской, Грег разработал подробный профиль и предложил стратегию, которая действительно привела к аресту и успешному осуждению Артура Шоукросса. Когда впоследствии мы пересмотрели тот профиль, то поняли, что Грег описал его совершенно точно – расу, тип личности, работу, домашний уклад, машину, хобби, знакомство с местностью, отношения с полицией, – за исключением возраста. Грег указывал на мужчину под тридцать, уже свыкшегося с мыслями об убийстве. На самом деле Шоукроссу было сорок пять. Оказалось, он пятнадцать лет просидел в тюрьме за убийство двоих детей (подобно проституткам и престарелым, дети – легкая мишень), что и вынудило его сделать паузу. Спустя несколько месяцев после выхода по УДО он продолжил с того же места, где остановился.

Монте Ризселл, как и Артур Шоукросс, находился на УДО в момент совершения убийств. И, как Эд Кемпер, сумел убедить психиатра, что совсем поправился, хотя одновременно убивал людей. Это напоминает старую шутку о том, сколько психиатров требуется,

чтобы заменить лампочку, – ответ «один», но только если лампочка *хочет* меняться. Психиатры и другие специалисты по психическому здоровью привыкли опираться на слова пациентов при отслеживании их прогресса, а это означает, что пациент хочет «вылечиться». Вот почему их бывает легко провести, а лучшие представители этой профессии скажут вам, что единственным надежным предиктором рецидива насилия является предыдущая история пациента. Одним из наших достижений я считаю предупреждение психиатрического сообщества об ограниченной эффективности самоотчетов у преступников. По самой своей природе серийный убийца или насильник – манипулятор, нарцисс и полный эгоцентрик. Он скажет советнику по УДО или тюремному психиатру то, что они хотят слышать, лишь бы выбраться из тюрьмы или остаться на свободе.

По мере того как Ричселл описывал нам дальнейшие убийства, мы отмечали его прогрессирование. Вторая жертва начала засыпать его вопросами:

– Она хотела знать, почему я так поступаю, почему я выбрал ее, есть ли у меня девушка, что у меня за проблема, что я собираюсь делать.

Она вела машину под прицелом пистолета и, как и первая, попыталась сбежать. В этот момент он понял, что придется ее убить, и несколько раз ударил ножом в грудь.

Третье убийство далось ему совсем легко. Из предыдущего опыта он усвоил, что нельзя позволять жертве разговаривать с ним – надо, чтобы она оставалась для него безличной.

– Я думал… я уже двоих убил. Могу убить и эту тоже.

На этом этапе своего прогрессирования он отпустил женщину, ухаживавшую за больным отцом. Но при двух последних убийствах Ричселл исполнил свои намерения: одну жертву он задушил, а другой нанес от пятидесяти до ста ударов ножом – по его собственной оценке.

Как практически все остальные, Ричселл показал нам, что фантазия возникает гораздо раньше, чем начинаются настоящие изнасилования или убийства. Мы спросили его, откуда он почерпнул свои идеи. Оказалось, из разных источников, но одним из них, сказал он, были статьи о Дэвиде Берковице.

Дэвид Берковиц, известный изначально как Убийца с 44-м калибром и как Сын Сэма после того, как он начал отправлять письма в газеты, наводя ужас на весь Нью-Йорк, по типу личности являлся скорее убийцей-фанатиком, нежели серийным. Почти год – с июля 1976-го по июль 1977-го – им было убито шестеро мужчин и женщин и еще больше ранено. Все находились в машинах, припаркованных в уединенных местах, и во всех стреляли из мощного пистолета.

Как многие серийные убийцы, Берковиц вырос в приемной семье, о чем не знал сам, пока не оказался в армии. Он хотел, чтобы его отправили во Вьетнам, но оказался в Корее, где получил свой первый сексуальный опыт – с проституткой, от которой заразился гонореей. Демобилизовавшись и вернувшись в Нью-Йорк, он начал искать биологическую мать: оказалось, та жила с дочерью, его сестрой, в Лонг-Бич на Лонг-Айленде. К его изумлению и разочарованию, они не хотели иметь с ним ничего общего. Он и раньше был робким, неуверенным в себе и вечно хмурым, а теперь превратился в настоящего потенциального убийцу. Стрелять он научился в армии; поехав в Техас, Берковиц обзавелся «бульдогом» от «Чартер Армз» 44-го калибра – большим мощным пистолетом, с которым чувствовал себя крутым и властным. На нью-йоркских свалках он практиковался в стрельбе по мелким мишеням, добиваясь неплохих результатов. Днем он работал на почте, а по ночам выходил на охоту.

Мы встретились с Берковицем в тюрьме штата в Аттике, где он отбывал от двадцати пяти лет до пожизненного срока за каждое из шести убийств, но, хотя на суде признал себя виновным, впоследствии стал это отрицать. В 1979-м он в тюрьме едва не лишился жизни, когда ему, подкравшись сзади, пытались перерезать глотку. На рану пришлось наложить пятьдесят шесть швов; выяснить, кто напал на Берковица, не удалось. Мы приехали к нему без предупреждения, чтобы не подвергать новой опасности. При содействии надзирателя мы заполнили большую часть нашего письменного опросника заранее, так что были во всеоружии.

Для этой встречи я захватил с собой кое-какие визуальные материалы. Как я упоминал, мой отец работал печатником в Нью-Йорке и возглавлял типографский профсоюз на Лонг-Айленде, так что он обеспечил меня экземплярами таблоидов, крупными буквами кричавших с заголовков о «подвигах» Сына Сэма.

Я взял из стопки нью-йоркскую «Дейли ньюс» и передал ее через стол Берковицу со словами:

– Дэвид, через сто лет никто не будет помнить Боба Ресслера или Джона Дугласа, но Сына Сэма не забудут. Видишь ли, прямо сейчас есть одно дело в Уичито, Канзас, – какой-то парень убил уже полдюжины женщин и называет себя Душителем BTK. Это означает «Bind, torture, kill» – «Связать, пытать, убить». И знаешь, он пишет письма и говорит в них о тебе. Говорит о Дэвиде Берковице, Сыне Сэма. Он хочет быть похожим на тебя, потому что на тебя все смотрят. Я не удивлюсь, если он напишет тебе в тюрьму.

Берковиц был не особо харизматичным, но всегда мечтал об известности. У него были ярко-голубые глаза, быстро определявшие, испытывает к нему собеседник искренний интерес или просто насмехается. Когда он услышал мои слова, его глаза загорелись.

– Тебе не дали шанса высказаться в суде, – продолжал я, – поэтому люди знают только, что ты мерзкий сукин сын. Но мы провели уже немало таких бесед и знаем, что у тебя есть и другая сторона – человеческая, на которую повлияло твое детство. И мы хотим дать тебе возможность рассказать о ней.

Эмоций он особо не выказал, но без промедления начал говорить. Признал, что устроил больше двух тысяч поджогов в районе Бруклина – Куинса, которые тщательно задокументировал в своем дневнике. В этом смысле он опять же походил на убийцу-фанатика – одиночку, ведущего подробный дневник. А еще он, в соответствии с этим типом, избегал физического контакта с жертвами. Он не был насильником или фетишистом. Не забирал сувениров. А сексуальное удовлетворение получал собственно от выстрела.

Пожары, которые он устраивал, были мелким хулиганством – он поджигал мусорные урны или заброшенные здания. Как большинство поджигателей, он мастурбировал, глядя на огонь, а потом еще раз, когда пожарные приезжали его тушить. Поджигательство является вторым элементом «триады убийцы» наряду с энурезом и жестоким обращением с животными.

К нашим тюремным интервью я всегда относился как к золотодобыче. Ты очень долго промываешь песок, находя лишь бесполезные камешки, но порой натыкаешься на самородок, и это оправдывает все усилия. С Дэвидом Берковицем вышло именно так.

Очень, очень интересным для нас был тот факт, что, выискивая жертв в укромных местах, он чаще всего подходил к машинам не с водительской стороны, где обычно сидит мужчина, представляющий наибольшую угрозу, а с пассажирской. Это говорит о том, что, стреляя в машину из полицейской стойки, он выплескивал свой гнев и ненависть на женщину. Множественные выстрелы, как множественные ножевые ранения, свидетельствуют о степени его злобы. Мужчина просто оказывался не в том месте не в то время. Между жертвой и убийцей не было, скорее всего, никакого зрительного контакта. Он все делал с расстояния. Берковиц символически обладал своей вымышленной партнершей, даже не персонализируя ее.

Не менее интересной показалась нам информация о том, как Берковиц выходил на охоту по ночам. Золотым самородком стало его заявление, что в случаях, когда ему не удавалось найти подходящую жертву, он возвращался на места прошлых, удавшихся преступлений. Он приходил туда (многие другие серийные убийцы возвращались на места, где выбрасывали трупы) и на могилы жертв, для того чтобы еще и еще раз переживать свои фантазии, буквально катаясь там по земле.

По этой же причине другие серийные убийцы делают фотографии или снимают свои преступления на видео. Когда жертва мертва и труп выброшен, им хочется заново пережить прежнее возбуждение и повторить свою фантазию. Берковиц не нуждался в украшениях, белье, частях тела жертв или других сувенирах. Он сказал нам, что просто вернуться на место преступления было для него достаточно. Потом он шел домой, мастурбировал и опять проживал свой фантастический сценарий.

Это открытие очень нам пригодилось. Сотрудники правоохранительных органов часто говорят, что убийцы возвращаются на место преступления, но раньше они не могли это доказать или объяснить. В ходе разговоров с Берковицем и ему подобными мы убедились, что это предположение верно, хоть и не всегда по тем причинам, которые мы подозревали. Угрызения совести, конечно, могут быть одной из них, но, как показал Берковиц, существуют и другие. Когда начинаешь понимать, зачем преступник определенного типа может заново посетить место преступления, у тебя появляются идеи для планирования стратегии его поимки.

Имя Сына Сэма всплыло из кое-как нацарапанного послания, адресованного капитану полиции Джозефу Борелли, который позднее возглавил следственный отдел Департамента полиции Нью-Йорка. Его нашли рядом с машиной жертв, Александра Изо и Валентины Суриани, в Бронксе. Как все прочие, они были убиты с некоторого расстояния. В записке говорилось (орфография и пунктуация сохранены):

> Мне ужасно не понравилось что вы меня зовете жиноненавистником. Я не такой. Но я монстр. Я сын Сэма. Я крысеныш.
>
> Когда папа Сэм напивается он бывает злой. Бьет свою семью. Иногда связывает меня за домом. Или запирает в гараже. Сэм любит пить кровь.
>
> «Иди и убей», приказывает папа Сэм.
>
> Некоторые лежат у нас за домом. Молодые – их изнасиловали и убили – выпили у них кровь – одни кости остались.
>
> Папа Сэм запирает меня и на чердаке. Я не могу выйти, но смотрю в чердачное окно, как идет жизнь.
>
> Я не такой как все. Я другой – я создан убивать.
>
> Чтобы меня остановить, вы должны меня убить. Внимание всем полицейским: стреляйте в меня первыми – стреляйте на поражение или держитесь от меня подальше или умрете!
>
> Папа Сэм уже старый. Ему нужна кровь, чтобы оставаться молодым. У него было много инфарктов. «Ух, больно-то как, сынок!»
>
> Больше всего я скучаю по своей принцесске. Она спит у нас в женском домике. Но мы с ней скоро увидимся.
>
> Я чудовище – Вельзевул – толстый бегемот.
>
> Мне нравится охотиться. Бродить по улице в поисках добычи – вкусного мяса. Женчины из Куинса самые красивые. Наверно, дело в тамошней воде. Я живу ради охоты – моей жизни. Кровь для папы.
>
> Мистер Борелли, сэр, я больше не хочу убивать. Нет сэр, больше нет, но я должен «чтить отца своего».

Я хочу заниматься любовью со всеми. Я люблю людей. Я не с этой земли. Верните меня к йеху.

Жителям Куинса – я люблю вас. И хочу вам всем пожелать счастливой Пасхи. Да благословит вас Господь в этой жизни и в следующей. А я пока прощаюсь спокойной ночи.

ПОЛИЦИЯ: помните мои слова:

Я вернусь!

Я вернусь!

Понимайте это как – паф, паф, паф, паф, – уфф!

Убийственно ваш

Мистер Монстр

Этот никчемный человечишка стал национальной звездой. Больше сотни детективов вошло в так называемую оперативно-следственную группу «Омега». Дикие, путаные послания продолжались, включая письма в газеты и журналистам лично – в частности, колумнисту Джимми Бреслину. Город был в ужасе. Берковиц сказал, что на работе – на почте – получал огромное удовольствие, слушая, как люди обсуждают Сына Сэма, не зная, что он рядом с ними.

Следующее нападение произошло в Бейсайде, Куинс, но оба, мужчина и женщина, выжили. Пять дней спустя паре в Бруклине повезло меньше. Стейси Московиц погибла на месте. Роберт Виоланте выжил, но от ранения потерял зрение.

В конце концов Сына Сэма поймали, потому что он припарковал свой «Форд-Гэлакси» слишком близко к пожарному гидранту в ночь финального убийства. Свидетель запомнил, что офицер выписывал штраф за неправильную парковку; когда нарушителя отследили, им оказался Дэвид Берковиц. Полицейским, которые пришли за ним, он просто сказал:

– Ладно, вы меня взяли.

После ареста Берковиц объяснил, что Сэм – это его сосед, Сэм Карр, черный лабрадор-ретривер которого, Харви, на самом деле демон трех тысяч лет от роду, приказывавший Дэвиду убивать. Как-то раз он даже выстрелил в собаку из пистолета 22-го калибра, но та выжила. Психиатрическое сообщество тут же признало в Берковице

параноидного шизофреника – с учетом отправленных им писем. «Принцесской» из его первого письма была, скорее всего, одна из его жертв, Донна Лория, чью душу Сэм обещал ему после смерти.

Наиболее примечательным для меня в этих письмах – помимо содержания – было то, как менялся его почерк. В первом письме он аккуратный и ровный, а потом постепенно портится, становясь практически нечитаемым. Ошибки встречаются все чаще. Письма как будто написаны двумя разными людьми. Я указал ему на это. Берковиц сказал, что ничего не замечал. Если бы я составлял его профиль, то, опираясь на деградацию почерка, понял бы, что он эмоционально нестабилен и скоро покатится под откос, начнет допускать мелкие ошибки – вроде той парковки у пожарного гидранта, – которые и позволят полиции его поймать. В момент его слабости стоило бы применить какую-нибудь проактивную стратегию.

Я считаю, Берковиц открылся нам потому, что мы предварительно хорошо изучили его дело. В самом начале беседы мы заговорили о той трехтысячелетней собаке, которая приказывала ему убивать. Психиатрическое сообщество приняло эту историю за чистую монету, как будто она объясняла его мотивацию. Но я знал, что он ее выдумал уже после ареста. Поэтому, когда он начал болтать о собаке, я ответил просто:

– Да ну, Дэвид, брось эту чушь. Собака тут ни при чем.

Он засмеялся и кивнул, признавая, что я прав. Мы прочитали целые психологические диссертации по его письмам; в одной его сравнивали с Джерри из пьесы Эдварда Олби «История в зоопарке». В другой пытались разобраться с его психопатологией, анализируя письма буквально по буквам. Но Дэвид просто насмехался над ними, а они попались на его уловку.

Правда в том, что Дэвид Берковиц злился на мать, которая несправедливо обошлась с ним, и на других женщин в своей жизни, рядом с которыми чувствовал себя неадекватно. Фантазии об обладании ими прогрессировали до преступления. Самым важным для нас в его случае были детали.

Благодаря тому, как ловко Боб Ресслер распоряжался нашим грантом, и эффективности, с которой Энн Берджесс обрабатывала результаты бесед, к 1983 году у нас на руках было подробное

исследование тридцати шести индивидов. Мы также собрали данные по 118 их жертвам, преимущественно женщинам.

На основании исследования мы разработали систему, позволявшую лучше понимать и классифицировать жестоких преступников. Впервые мы могли убедительно связать то, что происходило у преступника в мозгах, с уликами на месте преступления. Это, в свою очередь, помогало нам лучше ловить маньяков и доказывать их вину. Постепенно мы подходили к ответам на старые вопросы насчет сумасшествия вроде «кто мог сотворить такое?».

В 1988-м мы свели наши выводы в книгу под названием «Сексуальное убийство: Паттерны и мотивы», опубликованную в «Лексингтон Букс». Сейчас вышла уже седьмая ее редакция, но, вне зависимости от того, что мы узнали, мы были едины в убеждении, что «исследование поднимает больше вопросов, чем дает ответов».

Проникновение в разум серийного убийцы – это бесконечный квест. Серийные убийцы по определению «успешные» и учатся на собственном опыте. Поэтому мы обязаны учиться быстрее, чем они.

Глава 8
Убийца с дефектом речи

В 1980 году мне попалась в местной газете статья о пожилой женщине, которую изнасиловал и жестоко избил неизвестный, оставив ее умирать рядом с двумя ее зарезанными собаками. Полицейские были уверены, что преступник довольно долго просидел у нее в доме. Местное сообщество было напугано и шокировано.

Пару месяцев спустя, вернувшись из командировки, я спросил Пэм, были ли новости по этому делу. Она сказала, что не было и что подозреваемых тоже нет. Я ответил, что это очень плохо, потому что, судя по тому, что я читал и слышал, дело вполне можно было раскрыть. Федералам его не передавали, и нас не привлекали, но, как местный житель, я решил посмотреть, что можно сделать.

Я пошел в полицейский участок, представился, сказал шефу, чем занимаюсь, и спросил, можно ли поговорить с детективами, расследующими дело. Он с радостью принял мое предложение.

Ведущего детектива звали Дин Мартин. Уж не помню, удержался ли я от какой-нибудь из шуточек Джерри Льюиса – вероятно, нет. Он показал мне материалы дела, включая фотографии с места преступления. Женщину буквально забили до смерти. Изучая материалы, я составил довольно четкое представление об убийце и о динамике преступления.

– О’кей, – сказал я детективам, слушавшим меня вежливо, хоть и немного скептически, – вот что я думаю.

Я предполагал, что преступник – ученик старшей школы, лет шестнадцати-семнадцати. Когда жертва – пожилая женщина, мы обычно ищем молодого парня, неуверенного в себе и неопытного. Жертвы моложе, крепче и нахальнее он бы просто испугался. Он небрежно одевается, ходит лохматым и не ухаживает за собой. Скорее всего, в тот вечер мать или отец вышвырнули его из дома и ему некуда было идти. В такой ситуации слишком далеко он бы не подался, а стал бы искать прибежище ближе. У него нет друзей или девушки, к которым можно завалиться и пересидеть бурю. И вот он бродит по улице, чувствуя себя жалким и бессильным, злится на это и

оказывается возле дома той леди. Он знает, что она живет одна – он подрабатывал у нее раньше, помогал с какими-нибудь хозяйственными делами. И понимает, что она не представляет угрозы.

Поэтому он вламывается в дом; возможно, она протестует, даже кричит или просто пугается. В любом случае ее реакция возбуждает его и внушает ощущение своей власти. Он хочет доказать себе и всему миру, что он – мужчина. Он пытается изнасиловать ее, но у него не получается. Поэтому он ее избивает, а потом решает идти до конца, потому что она может его опознать. На нем не было маски – преступление он совершил спонтанно, не планируя. Правда, она настолько сильно ранена, что, даже если выживет, ничего не сможет рассказать полиции.

После нападения ему все равно некуда идти, а она ему больше не угрожает, и он знает, что ночью к ней никто не заявится, поэтому остается, ест и пьет, ведь к этому моменту успевает сильно проголодаться.

Тут я сделал паузу и спросил детективов, попадал ли в поле их зрения кто-нибудь, подходящий под это описание. Если они его найдут, то поймают преступника.

Детективы переглянулись. Один из них улыбнулся:

– Вы, Дуглас, что, экстрасенс?

– Нет, – ответил я, – но, будь я экстрасенсом, работать мне было бы легче.

– У нас уже была одна ясновидящая, Беверли Ньютон, пару недель назад. Говорила примерно то же самое.

Более того, под мое описание подходил один человек, живший неподалеку, которого они некоторое время подозревали. После нашей встречи его допросили еще раз. У них не набиралось достаточно улик, чтобы его задержать, а признания добиться не получилось. Вскоре после этого он уехал из города.

Начальник участка и детективы хотели знать, каким образом я, не будучи экстрасенсом, мог с такой точностью описать сценарий преступления.

Отчасти ответ заключался в том, что я успел повидать достаточно насильственных преступлений с разными типами жертв и сопоставить их детали, а также допросить достаточно преступников, чтобы иметь возможность довольно точно предположить, какие люди какие

преступления совершают. Но, конечно, будь все так просто, мы могли бы написать руководство по профилированию или разработать для полиции компьютерную программу, которая составляла бы список подозреваемых на основании заданных характеристик. Но по факту, хотя мы и используем компьютеры в нашей работе и они способны показывать впечатляющие результаты, вещи более сложные они делать не могут, и никогда не смогут. Профилирование в этом смысле сродни писательству – можно задать компьютеру все правила грамматики, синтаксиса и стилистики, но книги он не напишет.

Занимаясь каким-нибудь расследованием, я пытаюсь собрать все улики, какие у нас есть, – отчеты, фотографии и описания, показания жертвы и протоколы вскрытия, – а потом поставить себя психологически и эмоционально на место убийцы. Я пытаюсь думать как он. Не могу точно сказать, как это работает, – точно так же Томас Харрис, неоднократно консультировавшийся со мной, не может сказать, как оживают его персонажи. Может, тут и есть элемент ясновидения, не знаю, но скорее я полагаюсь на творческое мышление.

Иногда экстрасенсы действительно могут пригодиться в расследовании. Такое я тоже видел. У некоторых есть способность подсознательно концентрироваться на мелких деталях и основывать на них свои заключения, как делаю я сам и чему обучаю моих людей. Но я всегда говорю детективам, что экстрасенс должен быть последней мерой, и, если вы собираетесь его привлечь, не позволяйте ему или ей контактировать с офицерами либо детективами, знакомыми с деталями дела. Потому что хорошие экстрасенсы отлично подмечают мелкие невербальные подсказки и могут поразить вас точностью своих слов, пересказывая вам факты, которые вы уже знаете, не имея на самом деле никаких представлений о том, чего вы не знаете, но что хотите выяснить. Когда в Атланте расследовали убийства детей, в городе объявились сотни экстрасенсов, предлагавших полиции свои услуги. Они на все лады описывали убийцу и его методы, и никто не угадал.

Примерно в то же время, что я встречался с местной полицией, из департамента в бухте Сан-Франциско мне сообщили о серии убийств в лесистой местности с туристическими тропами, которые приписывали НС, окрещенному прессой Лесным убийцей.

Все началось в августе 1979-го, когда Эдд Кейн, спортивная сорокачетырехлетняя банковская сотрудница, исчезла во время

одиночной пробежки к восточной вершине горы Тамалпаис, откуда открывается вид на мост Золотые Ворота и бухту, – гору еще называют «Спящей леди». Когда Кейн не вернулась домой до темноты, ее встревоженный муж позвонил в полицию. На следующее утро ее тело нашла служебная собака – женщина была раздета, за исключением одного носка, лежала лицом вниз и была убита предположительно в коленопреклоненной позиции, как будто умоляла сохранить ей жизнь. Патологоанатом установил, что причиной смерти стал выстрел в затылок. Следов сексуального насилия не было. Убийца взял три кредитные карты и десять долларов наличными, но оставил на жертве обручальное кольцо и другие украшения.

В марте следующего года в парке на горе Тамалпаис было найдено тело двадцатитрехлетней Барбары Шварц. Ее несколько раз ударили ножом в грудь – жертва, судя по всему, тоже стояла на коленях. В октябре двадцатишестилетняя Энн Олдерсон не вернулась домой с пробежки по парку; ее тело обнаружили на следующее утро с пулевым ранением в правый висок. В отличие от предыдущих жертв, Олдерсон была полностью одета и лежала лицом вверх, распростершись на скале; отсутствовала только золотая сережка в правом ухе. Лесник Джон Генри, постоянно проживающий в парке, сказал, что видел, как она сидела на склоне в утренних сумерках, очевидно намереваясь полюбоваться рассветом. Еще двое свидетелей видели ее в полумиле от места, где был найден труп Эдды Кейн.

Перспективным подозреваемым выглядел Марк Макдерманд, мать-инвалида и брата-шизофреника которого нашли застреленными в их хижине на горе Тамалпаис. Проведя несколько дней в бегах, Макдерманд сдался старшему детективу округа Мартин Роберту Гаддини. Следствие подтвердило его связь с убийствами матери и брата, но, хоть он и владел оружием, у него не было пистолетов 44-го и 38-го калибров, использованных для убийств на туристической тропе. А потом убийства возобновились.

В ноябре Шона Мэй двадцати пяти лет не пришла на встречу с товарищами по туристическому походу в парке Пойнт-Рейес, в нескольких милях к северу от Сан-Франциско. Два дня спустя поисковики нашли ее труп в неглубокой могиле рядом с разлагающимися останками другой туристки, двадцатидвухлетней Дайаны О’Коннелл из Нью-Йорка, пропавшей в парке месяцем ранее.

Обе женщины были убиты выстрелами в голову. В тот же день в парке нашли еще два тела; в них опознали девятнадцатилетнего Ричарда Стоуэрса и его восемнадцатилетнюю невесту Синтию Морленд, числившихся пропавшими с середины октября. Эксперты установили, что они были убиты в те же длинные выходные, на День Колумба, что и Энн Олдерсон.

Первые убийства уже нагнали страха на местных туристов; в парке были развешаны таблички, предупреждавшие посетителей, особенно женщин, не углубляться в лес в одиночку. Однако после обнаружения четырех трупов в один день там начался настоящий ад. Шериф округа Мартин Дж. Альберт Ховенстайн – младший собрал свидетельские показания у людей, утверждавших, что они видели с жертвами каких-то подозрительных мужчин незадолго до их смерти, но в некоторых принципиальных моментах, вроде возраста и черт лица, собранные описания противоречили друг другу. Такое происходит сплошь и рядом даже при одиночном убийстве, не говоря уже о множественных в течение нескольких месяцев. На месте убийства Барбары Шварц были найдены бифокальные очки, очевидно принадлежавшие убийце. Ховенстайн обнародовал информацию об очках, разослав их фотографию и рецепт по всем оптикам в округе. Оправа оказалась тюремного изготовления, поэтому капитан Гаддини затребовал у службы исполнения наказаний штата Калифорния список всех недавно освобожденных правонарушителей с историей сексуальных преступлений против женщин. Множество юрисдикций и агентств, включая полевой офис ФБР в Сан-Франциско, теперь активно работало над делом.

В прессе выдвигались предположения, что Лесным убийцей может быть лос-анджелесский Зодиак, остававшийся НС с тех пор, как прекратил свою деятельность в 1969-м. Что, если Зодиак все это время сидел в тюрьме за другие преступления и был освобожден ничего не подозревающей службой исполнения наказаний? Однако, в отличие от Зодиака, Лесной убийца никак не контактировал с полицией и не пытался ее дразнить.

Шериф Ховенстайн привлек к анализу дела психолога из Напы, доктора Р. Уильяма Мэтиса. Отметив ритуальный характер убийств, доктор Мэтис сказал, что убийца наверняка забирает у жертв «сувениры» и, если появится подозреваемый, за ним стоит неделю

последить, прежде чем арестовывать, чтобы он вывел полицию на орудие убийства или другие улики. Что касается его внешности и характера, Мэтис описывал привлекательного мужчину, умеющего использовать свое обаяние.

Следуя рекомендациям Мэтиса, Ховенстайн и Гаддини устроили несколько проактивных ловушек, в том числе направляли в парк рейнджеров, переодетых женщинами-туристками, но результата это не принесло. На правоохранительные органы давили со всех сторон. Шериф объявил, что убийца подкарауливает жертв и подвергает психологическому насилию, прежде чем убить: например, заставляет умолять о пощаде.

Когда постоянное представительство Бюро в Сент-Рафаэле запросило содействия у Куантико, они обратились сначала к Рою Хейзелвуду, эксперту по делам об изнасилованиях и о прочих жестоких преступлениях против женщин. Рой – чувствительный, тонкий человек, и это дело серьезно на него повлияло. Помню, как он пересказывал мне подробности, пока мы шли с ним по коридору в наш офис из учебного корпуса, где у него только что закончилась лекция в Национальной академии. Мне показалось, что Рой чувствует свою личную ответственность, как будто совместных усилий ФБР и примерно десяти местных правоохранительных инстанций было недостаточно, – это *он* должен раскрыть дело и предать виновного правосудию.

В отличие от меня, Рой оставался полноценным преподавателем Куантико. Я к тому времени почти полностью отошел от преподавательской работы и работал профайлером в отделе поведенческих наук, занимаясь оперативным содействием расследованиям. Поэтому Рой попросил меня поехать в Сан-Франциско и там, на месте, помочь полицейским.

Как я уже говорил выше, когда ФБР привлекают к делу, полиция может быть недовольна. Отчасти это наследие гуверовского периода, когда считалось, что Бюро в любой момент может вмешаться и перехватить расследование громкого преступления. Мой отдел вмешаться не может – до тех пор, пока его не попросит тот орган, в юрисдикции которого расследуется дело, будь то местный полицейский департамент или собственно офис ФБР. Но в деле о Лесном убийце департамент шерифа округа Марин привлек Бюро еще

на ранних этапах, а с учетом того, как подавали дело в прессе, я был уверен, что там порадуются, когда я приеду и возьму часть огня на себя, по крайней мере на некоторое время.

В департаменте шерифа я пересмотрел все материалы дела и фотографии с мест преступлений. Больше всего меня заинтересовало наблюдение детектива-сержанта Ричарда Китона о том, что убийства происходили в уединенных, сильно заросших деревьями местах, где густая листва почти полностью закрывала небо. До них нельзя было доехать на машине – только прийти пешком, – и путь занимал не меньше мили. Место убийства Энн Олдерсон находилось в относительной близости от служебной дороги, позволявшей срезать расстояние до склона горы. Отсюда я сделал вывод, что убийца местный и хорошо знаком с территорией.

Я устроил свою презентацию в большой учебной аудитории офиса шерифа округа Марин. Скамьи там располагались полукругом, как в медицинском институте. Из пятидесяти или шестидесяти присутствующих около десятка представляли ФБР, остальные были полицейскими и детективами. Обводя взглядом аудиторию, я заметил немало седых голов – там сидели опытные ветераны, вызванные из отставки, чтобы помочь поймать этого парня.

Первое, что я сделал, – опровергнул профиль, составленный до меня. Я не считал, что мы имеем дело с привлекательным, обаятельным и красноречивым мужчиной. Множественные ножевые ранения и блицатаки сзади говорили мне, что наш преступник – асоциальный (но необязательно антисоциальный) тип, замкнутый, неуверенный в себе и неспособный втянуть жертву в беседу, заманить или хитростью заставить делать то, что ему нужно. Все жертвы были в отличной физической форме; блицатака указывала, что единственным способом установить контроль над избранной жертвой для него было вырубить ее прежде, чем она среагирует.

Эти преступления совершил человек, незнакомый со своими жертвами. Места убийств были глухими и потаенными, а это означало, что у убийцы имелось достаточно времени, чтобы реализовать с жертвами свои фантазии. Тем не менее атаковал он внезапно. Он не насиловал жертв, просто определенным образом располагал их тела после смерти. Возможно, он мастурбировал, но в сексуальное сношение не вступал. Жертвы были разного возраста и типа

внешности, в отличие от жертв более изощренных убийц вроде Теда Банди, охотившегося на студенток с длинными темными волосами на прямой пробор. У Лесного убийцы не было особых предпочтений; как паук, он подкарауливал мух и плел для них паутину. Я сказал собравшимся, что у него, скорее всего, было неблагополучное детство. Я согласился с капитаном Гаддини, что он сидел в тюрьме. Возможно, он уже совершал изнасилования или скорее покушения на изнасилование, но не убийства до начала этой серии. Ее запустил некий предшествующий стрессор. Я был уверен, что убийца белый, поскольку все жертвы были белыми, и считал, что он занимается низкоквалифицированным трудом, например работает механиком. Раз он совершил несколько убийств и до сих пор не попался, я предположил, что его возраст от тридцати до тридцати пяти лет. Я также думал, что он достаточно сообразителен. Если протестировать его коэффициент интеллекта, тот окажется выше среднего. А если изучить его детство и подростковые годы, там будут и энурез, и поджоги, и жестокое обращение с животными, или по крайней мере два элемента из трех.

– И еще, – добавил я после эффектной паузы, – у убийцы дефект речи.

Нетрудно было прочитать выражения лиц и язык тела всех, кто сидел в комнате. Наконец-то они дали волю реакции, которую скрывали все время моего выступления: *этот парень несет полную чушь*.

– Откуда вы знаете? – спросил саркастически один коп. – По-вашему, так выглядят «заикающиеся ножевые»?

Он усмехнулся, как будто только что придумал новый метод убийства.

Нет, ответил я, дело в сочетании индуктивных и дедуктивных выводов с учетом предыдущих изученных мною дел – всех факторов, которые имеются в нашем распоряжении. Уединенные места преступлений, где ни с кем не встретишься, тот факт, что он не выбирал жертв в толпе и не заманивал к себе, что он применял блицнападение в глухом лесу, – все это говорило мне, что у нашего преступника есть недостаток, которого он стесняется, даже стыдится. Нападая на ничего не подозревающую жертву и доминируя над ней, он одерживает верх над этим недостатком.

Я допускал, что это может быть другой физический дефект. С психологической и поведенческой точек зрения наш преступник был домоседом, страдающим, например, шрамами от акне, уродствами после полиомиелита, отсутствием конечности – чем-то в этом роде. Но поскольку он все-таки совершал нападения, серьезную инвалидность вроде отсутствия руки или ноги приходилось отбросить. К тому же ни один из свидетелей, находившихся в парках во время убийств, не упоминал о человеке с явными телесными уродствами. Дефект речи, напротив, с легкостью мог заставить нашего НС сильно стесняться и чувствовать себя настолько неловко, что он избегал нормальных социальных отношений, при этом никак не выделяя его из толпы. Никто не знал о нем, пока он не откроет рот.

Просвещать таким образом целую аудиторию матерых копов, которым в спину дышали общественность и пресса, было все равно что тыкать раскаленной кочергой в медвежью берлогу – на допросах я нарочно создавал такую ситуацию, но оказаться в ней сам очень бы не хотел. Однако оставался вопрос, который, конечно же, задал мне один из детективов, когда я закончил:

– А что, если ты ошибаешься, Дуглас?

– В чем-то я и правда могу ошибаться, – совершенно искренне признался я. – Я могу ошибаться с возрастом. Могу ошибаться с профессией или уровнем интеллекта. Но я точно не ошибаюсь насчет расы и пола и насчет того, что он простой работяга. И в данном конкретном случае я не ошибаюсь, что у него есть какой-то дефект, который его беспокоит. Может, и не дефект речи… но я думаю, именно он.

По завершении я не мог сказать, насколько повлиял на их ход мыслей и усвоили ли они что-то из моих слов. Но один коп подошел ко мне и поблагодарил:

– Не знаю, правы вы или нет, Джон, но, по крайней мере, вы дали расследованию хоть какое-то новое направление.

Слышать такое всегда приятно, хотя обычно и держишь пальцы крестом, пока следствие не закончится. Я вернулся в Куантико, а департамент шерифа и полиция продолжили свою работу.

Двадцать девятого марта убийца нанес новый удар, на этот раз расстреляв молодую пару в парке Генри Коуэлла в Редвуде близ Санта-Круза. Когда он сказал Эллен Мари Хансен, двадцатиоднолетней

студентке Калифорнийского университета в Дейвисе, что собирается ее изнасиловать, она запротестовала, и тогда он открыл огонь из пистолета 38-го калибра, сразу убив ее и тяжело ранив Стивена Хертла, которого бросил умирать. Однако Хертл успел частично описать мужчину с кривыми желтыми зубами. Полиция сличила его слова с другими свидетельскими показаниями и вышла на парня, ездившего на старой красной машине иностранного производства, вероятно «Фиате», хотя опять же уверенности в этом не было. Хертл считал, что нападавшему было от пятидесяти до шестидесяти лет, его голова была лысой. Баллистическая экспертиза подтвердила связь использованного оружия с предыдущими «лесными убийствами».

Первого мая пропала Хизер Роксана Скэггз – хорошенькая двадцатиоднолетняя блондинка. Она училась типографскому делу в техникуме в Сан-Хосе, и ее парень, мать и соседка по комнате в один голос утверждали, что она собиралась поехать с преподавателем по технологии Дэвидом Карпентером к его знакомому, продававшему машину, которую Хизер хотела купить. Карпентеру было пятьдесят лет – довольно необычно для преступлений такого типа.

С этого момента фрагменты головоломки начали укладываться на свои места, а петля – затягиваться. Карпентер ездил на красном «Фиате» с помятой выхлопной трубой. Эту подробность полиция до сих пор придерживала и нигде не оглашала.

Дэвида Карпентера следовало арестовать задолго до начала серии убийств. В действительности ему невероятно повезло; кроме того, он кочевал между несколькими юрисдикциями, что осложнило охоту. У него уже был опыт отсидок за преступления на почве секса. Удивительно, но он не числился как секс-преступник в списке выпущенных по УДО, потому что в Калифорнии его освободили, чтобы он отбыл наказание по федеральному приговору. Таким образом, находясь на свободе, он технически был под надзором федералов. Вот как он просочился через наше сито. Не менее удивительным было и то, что Карпентер и его вторая жертва, Барбара Шварц, на месте убийства которой нашли очки, посещали одну оптику! К сожалению, там не увидели листовку, которую распространял офис шерифа.

Появились другие свидетели, включая пожилую женщину, которая узнала фоторобот преступника по телевидению и сказала, что он был

стюардом на судне, когда она с детьми двадцать лет назад плавала в Японию. У нее от него «мурашки бежали по коже», потому что он слишком уж много внимания уделял ее маленькой дочке.

Питер Берест, управляющий отделением банка «Глен-Парк Континентал» в Дейли-Сити, вспомнил свою очаровательную, славную и доверчивую кассиршу на подработке, ученицу старшей школы Анну Келли Мендживар, пропавшую из дома в конце прошлого декабря. Хотя прежде ее не связывали с «лесными убийствами», ее тело тоже нашли в парке Тамалпаис. Берест припоминал, что Анна очень по-доброму обращалась с их постоянным клиентом, страдавшим тяжелым заиканием, о котором Бересту позднее стало известно, что в 1960 году его арестовали за нападение на девушку в Пресидио, парке на месте бывшей военной части на севере Сан-Франциско.

Полиция Сан-Хосе и ФБР установили наблюдение за Карпентером, а затем арестовали его. Оказалось, он рос в семье с доминирующей матерью, применявшей к нему физические наказания, и отцом, подавлявшим его морально, был умным, но подвергался травле за тяжелое заикание. В детстве он страдал энурезом и жестоко обращался с животными. Во взрослой жизни его злоба и фрустрация стали выливаться в непредсказуемые вспышки гнева и неудержимую похоть.

Первое преступление, за которое его поймали и посадили, – нападение с ножом и молотком на девушку в Пресидио – он совершил после того, как в его и без того шатком браке родился ребенок. Непосредственно во время нападения и сразу после него, сообщила жертва, преступник не заикался.

Из-за множества обращений, поступавших от выпускников Национальной академии, директор ФБР Уильям Вебстер в 1978 году дал инструкторам отдела поведенческих наук официальное разрешение предоставлять консультации по психологическому профилированию. К началу 1980-х наши услуги стали невероятно популярными. Я работал над текущими делами постоянно, а инструкторы – в частности, Боб Ресслер и Рой Хейзелвуд – консультировали в свободное от проведения занятий время. Но хотя мы были довольны тем, что делаем и каких результатов добиваемся, высшее руководство не знало толком, насколько это эффективное

расходование ресурсов Бюро. Поэтому в 1981 году отдел развития ФБР – тогда возглавляемый Говардом Тетеном, переведенным туда от нас, – провел первое углубленное исследование эффективности того, что пока называлось просто программой психологического профилирования. Тетен, с неофициальных консультаций которого эта программа чуть ли не случайно возникла, очень интересовался тем, насколько она действенна и стоит ли ее продолжать.

Специальный опросник был разработан и разослан нашим клиентам – офицерам и детективам всех правоохранительных органов, обращавшихся к нам за профилированием. Сюда входили департаменты полиции городов, округов и штатов, департаменты шерифа, полевые офисы ФБР, дорожные патрули и следственные органы штатов. Хотя большинство запросов было связано с расследованиями убийств, отдел изнасилований и похищений тоже предоставлял консультации по изнасилованиям, вымогательству, шантажу и угрозам, растлению малолетних, взятию заложников и отличению смерти по неосторожности от суицида.

Профилирование в те времена оставалось загадочным и труднообъяснимым предметом для большинства людей в Бюро. Многие считали его чем-то вроде колдовства или черной магии, многие – беспочвенными догадками. Поэтому мы понимали, что, если исследование не подтвердит нашего однозначного и достоверного успеха, вся деятельность отдела поведенческих наук, не связанная с преподаванием, полетит за борт.

Поэтому мы были счастливы и испытали невероятное облегчение, когда в декабре 1981 года пришли результаты – следователи со всей страны горячо высказывались в нашу пользу, настаивая на продолжении программы. Последний абзац сопроводительного письма заканчивался так:

Исследование показало, что программа в действительности гораздо более успешна, чем мы предполагали. Отделу поведенческих наук следует вынести благодарность за их выдающуюся работу.

В целом детективы соглашались, что область, в которой мы наиболее успешны, – это сужение спектра подозреваемых и более прицельная фокусировка расследования. Одним из примеров, это иллюстрировавших, было жестокое и внешне бессмысленное убийство

Франсин Элвисон в Бронксе в октябре 1979-го, вскоре после серии Дэвида Берковица – собственно, в полиции выдвигались предположения, что это может быть какой-нибудь поклонник Сына Сэма, вдохновленный его преступлениями. Мы преподаем это дело в Куантико, потому что оно наглядно показывает, как мы составляем профиль и как полиция использует его, чтобы сдвинуть с мертвой точки застопорившееся расследование.

Франсин Элвисон двадцати шести лет была учительницей и занималась с детьми-инвалидами в местном образовательном центре. При весе около сорока килограммов и росте меньше метра пятидесяти, она относилась к своим ученикам с удивительным сочувствием и заботой, поскольку сама имела легкую степень инвалидности в результате кифоза – искривления позвоночника. Застенчивая и не очень общительная, она жила с родителями в жилом комплексе «Пелэм-Парквей».

Обычно она уходила на работу в половине седьмого утра. Около двадцати минут девятого пятнадцатилетний мальчик, который также жил в том здании, нашел ее кошелек на лестничной клетке между третьим и четвертым этажами. Он уже опаздывал в школу и не стал возвращаться, но, когда пришел домой на обед, отдал кошелек отцу. Около трех часов дня отец пришел к Элвисонам и отдал кошелек матери Франсин, которая сразу позвонила в детский центр сказать той, что кошелек нашелся. Миссис Элвисон сообщили, что ее дочь сегодня на работу не пришла. Мгновенно встревожившись, она с другой дочерью и соседкой бросилась обыскивать здание.

На последней лестничной клетке их ждало страшное открытие: обнаженное и избитое тупым орудием тело Франсин. Удары были такой силы, что позднее патологоанатом установил, что челюсть, нос и скуловые кости девушки раздробились, а зубы расшатались. Ее разложили в позе звезды, привязав за запястья и щиколотки ее собственным поясом и нейлоновыми чулками; патологоанатом зафиксировал, что делалось это уже после смерти. Также посмертно ей отрезали соски и положили на грудь. С жертвы сняли трусики и натянули ей на голову, чтобы закрыть лицо; на бедрах и коленях остались следы укусов. Также на теле нашли неглубокие колотые раны, видимо от перочинного ножа. Ей во влагалище затолкали собственные зонт и ручку, свою же расческу воткнули в волосы на

лобке. Серьги положили на земле, симметрично, по обеим сторонам головы. Причиной смерти являлась лигатурная странгуляция завязками от ежедневника, также принадлежавшего жертве. У нее на бедре убийца написал «Вам меня не остановить», а на животе «Идите к черту» – ручкой, которую позднее засунул жертве в вагину. Еще одной примечательной особенностью являлось то, что убийца испражнился рядом с телом и прикрыл экскременты одеждой Франсин.

Помимо прочего, миссис Элвисон сказала полиции, что с шеи Франсин пропала золотая цепочка с подвеской в форме буквы *хаи* на иврите – символ удачи. Когда мать описала форму подвески, детективы поняли, что тело было разложено в позе, повторяющей ее.

На трупе нашли следы семени, но ДНК-типирование в 1979 году было криминалистике недоступно. На руках не было защитных ран, а под ногтями – клеток кожи, что означало отсутствие борьбы. Единственной полезной для следствия уликой был афроамериканский волос, обнаруженный на теле во время вскрытия.

Тщательно обследовав место преступления и собрав все доступные им факты, детективы сделали вывод, что на Франсин напали, когда она спускалась по лестнице. Когда она потеряла сознание от побоев, ее затащили на верхнюю площадку. Вскрытие показало, что жертву не изнасиловали.

Из-за своей жестокости дело привлекло повышенное внимание общественности и широко освещалось в прессе. Была собрана следственная группа из двадцати шести детективов, опросившая более двух тысяч потенциальных свидетелей и подозреваемых и проверившая всех известных секс-преступников в Нью-Йорк-Сити и окрестностях. Но прошел месяц, а расследование никуда не продвинулось.

Решив, что не помешает выслушать второе мнение, детектив из нью-йоркского жилищного управления Том Фоли и лейтенант Джо Д’Амико обратились к нам в Куантико. Они привезли документы и отчеты, фотографии с места преступления и протоколы вскрытия. Рой Хейзелвуд, Дик Олт, Тони Райдер (ставший впоследствии начальником отдела поведенческих наук) и я встретились с ними в нашей приемной.

Просмотрев все материалы дела и улики, я попытался поставить себя на место и убийцы, и жертвы, после чего составил профиль. Я предлагал полиции искать белого мужчину неприметной внешности в

возрасте от 25 до 35 лет, вероятнее всего тридцатилетнего, неухоженного, безработного, ведущего ночной образ жизни, который живет примерно в километре от здания с родителями или старшей родственницей, одинокого, без женщин и близких друзей, отчисленного из старшей школы или колледжа, не служившего в армии, с низкой самооценкой, без собственной машины и водительских прав, побывавшего в психиатрической лечебнице и принимающего рецептурные препараты, пытавшегося покончить с собой с помощью странгуляции или асфиксии, не злоупотребляющего алкоголем или наркотиками и владеющего большой коллекцией БДСМ-порнографии. Это его первое убийство и вообще первое серьезное преступление, но не последнее – если его не поймать.

– За ним не надо далеко ходить, – сказал я следователям. – И вы с ним уже говорили.

Они наверняка уже опросили его и членов его семьи, раз те жили поблизости. Наверняка он был готов к сотрудничеству, даже стремился к нему. Мог предлагать свою помощь, стараясь сблизиться с полицейскими, чтобы знать о ходе расследования и понять, когда они подберутся близко к нему.

Для большинства людей, незнакомых с нашими методами, все это выглядит как какой-то фокус. Но если посмотреть внимательней, вы поймете, как мы выдвигаем такие предположения и даем свои рекомендации.

Первый вывод, который мы сделали, – преступление было совершено спонтанно. Родители Франсин сказали нам, что иногда она ходила по лестнице, а иногда пользовалась лифтом. Нельзя было предсказать, какой способ она предпочтет в данное конкретное утро. Поджидая жертву на лестничной клетке, убийца мог бы ее упустить, да и в любом случае столкнулся бы с другими людьми, прежде чем появилась бы Франсин.

Все, что использовалось при нападении и было потом найдено на трупе, принадлежало жертве. Убийца ничего не принес с собой, кроме разве что перочинного ножика. У него не было оружия или орудий изнасилования. Он не выслеживал ее и не пришел в ее дом с целью совершить преступление.

Это, в свою очередь, привело нас к следующему заключению. Если НС вошел в здание не с целью совершения преступления, у него

должна была быть другая причина. А чтобы оказаться на лестнице до семи часов утра и наткнуться на Франсин случайно, он должен был либо жить в этом доме, либо работать там, либо иметь к нему еще какое-то отношение. Выходило, что убийца может быть почтальоном, сотрудником телефонной или электрической компании, но я в этом сомневался, потому что жильцы никого похожего не видели, да и у человека в такой ситуации не было бы столько времени, сколько убийца провел с жертвой. После первоначального нападения на лестнице он сразу потащил ее наверх, то есть он знал, что сможет это сделать без помех. Раз никто в доме не видел подозрительных незнакомцев, он должен был там примелькаться. Франсин не кричала и не отбивалась, значит, скорее всего, знала его, по крайней мере в лицо.

Из-за сексуального характера атаки мы были уверены в том, что имеем дело с мужчиной примерно ее возраста. Мы определили диапазон от 25 до 35 лет, вероятнее всего точно посередине. На этом основании я сразу отбросил пятнадцатилетнего подростка, который нашел кошелек (как и его сорокачетырехлетнего отца). Основываясь на собственном опыте, я не мог представить себе человека этого возраста, так обращающегося с телом жертвы. Даже Монти Ристелл, «молодой да ранний» серийный насильник, так себя не вел. Требуются годы, чтобы сексуальная фантазия эволюционировала до такой стадии. К тому же пятнадцатилетний был чернокожим.

Хотя при вскрытии на теле нашли афроамериканский волос, я был уверен, что мы имеем дело с белым убийцей. Очень редко преступники такого типа переступают расовые границы, а если и да, то имеются другие улики, подтверждающие это. В данном случае их не было, и я крайне редко видел – пожалуй, даже никогда не видел, – чтобы чернокожий преступник проявлял такую степень жестокости. Бывший консьерж здания, тоже чернокожий, уже вернувший ключи, считался перспективным подозреваемым, но я не верил в его виновность на основании как составленного профиля, так и того факта, что кто-нибудь из жильцов обязательно заметил бы его.

Как я мог объяснить наличие волоса, принадлежавшего афроамериканцу, на теле жертвы, хотела знать полиция. Объяснить я не мог, отчего испытывал определенный дискомфорт, но был уверен, что я прав.

У нас было «высокорискованное» преступление и «низкорисковая» жертва. Она не встречалась с парнями, не занималась проституцией, не принимала наркотики, не бродила одна, вся такая красивая, в чистом поле и не жила в неблагополучном квартале далеко от родного дома. Здание населяли около 50 процентов чернокожих, 40 процентов белых и 10 процентов латиноамериканцев. Нигде поблизости в последнее время похожих преступлений не совершалось. Любой преступник выбрал бы более «надежное» место для совершения преступления на сексуальной почве. Это вместе с отсутствием предварительной подготовки указывало на дезорганизованного преступника.

Сочетание прочих факторов помогло мне составить еще более четкое представление о человеке, убившем Франсин Элвисон. Он жестоко надругался над трупом и мастурбировал на него, но в сношение не вступил. Пенетрация зонтом и ручкой была актом, замещающим секс. Значит, мужчина, которого мы искали, был неуверенным в себе, сексуально незрелым и неадекватным психологически. Мастурбация указывала, что он исполнял некий ритуал, о котором фантазировал уже некоторое время. Фантазии для мастурбации он почерпнул из БДСМ-порнографии – еще одна примета сексуально неадекватного мужчины. Как вы помните, он связал ее уже бессознательную, возможно после смерти. Выбор миниатюрной и хрупкой жертвы, но при этом блицатака и быстрое ее отключение для исполнения своих жестоких фантазий подтверждали мое предположение. Если бы он поиздевался над еще живой жертвой, находящейся в сознании, это была бы совсем другая история. Но в данном случае все говорило о проблемах убийцы в отношениях с женщинами. Если он вообще с кем-нибудь встречался, в чем я сомневался, то искал бы девушек значительно моложе себя, которых проще контролировать.

Тот факт, что он оказался в здании, когда другие люди, вроде Франсин, уходили на работу, сказал мне, что он, скорее всего, безработный. Возможно, он подрабатывал с частичной занятостью – например, по ночам – и получал очень мало.

Отсюда я сделал вывод, что он не имеет возможности жить самостоятельно. В отличие от большинства серийных убийц, он не может скрывать свои странности от окружающих, поэтому у него вряд

ли много друзей и вряд ли он живет с соседом по комнате. Скорее всего, он ведет ночной образ жизни и не следит за своей внешностью. Раз он не живет с друзьями и не может позволить себе отдельное жилье, то должен жить с родителями либо с одним из родителей или родственницей старше его по возрасту, например сестрой или теткой. У него нет средств на автомобиль, а значит, он приехал на общественном транспорте, пришел пешком или просто живет в том же здании. Вряд ли он в такой ранний час приехал на автобусе, значит, он живет либо здесь же, либо совсем рядом – на расстоянии, скажем, до полумили.

Далее у нас было расположение разных ритуальных предметов – отрезанных сосков, сережек – и самого тела. Такая скрупулезность в пылу спонтанного преступления указывала на то, что у убийцы могут быть глубинные психологические и психиатрические проблемы. Я полагал, что он принимает или недавно принимал те или иные рецептурные препараты. Это, а также факт, что преступление было совершено ранним утром, указывало, что алкоголь – не его случай. В чем бы ни заключались его эмоциональные или психические проблемы, они становились все острее, и их не могли не замечать люди вокруг. Вероятно, он ранее пытался покончить с собой, например путем асфиксии – тем же способом, что использовал на Франсин. Я мог поспорить, что он либо лечится, либо недавно лечился в психиатрическом учреждении. По этой причине он не служил в армии и, соответственно, был отчислен либо из старшей школы, либо из колледжа. Я был практически уверен, что это его первое убийство, но, если он выйдет сухим из воды, точно не последнее. Я не ожидал, что он сразу же нанесет следующий удар. Этого преступления ему хватит на несколько недель или месяцев. Но со временем, когда сложится удачная ситуация и подвернется подходящая жертва, он убьет снова. Об этом говорили послания, оставленные им на трупе.

То, что он придал телу жертвы унизительную ритуальную позу, сказало мне, что он не раскаивается в совершенном преступлении. Прикрой он ее тело, я подумал бы, что трусики на лице означают, что он отчасти сожалел и хотел сохранить ее достоинство в смерти, но оголенность трупа это опровергала. Значит, он прикрыл лицо, чтобы унизить ее, а не позаботиться о ней.

Интересно, что он использовал одежду жертвы, чтобы прикрыть свои фекалии. Если бы он испражнился на месте преступления и бросил фекалии так, это можно было бы интерпретировать как составляющую ритуальной фантазии или еще одно указание на злость убийцы по отношению к жертве или женщинам в целом. Но то, что он их прикрыл, означало, что он либо провел там долгое время и не мог никуда отойти, либо не сумел перетерпеть, либо и то и другое. Основываясь на предыдущем опыте, я решил, что его неспособность удержаться от дефекации на месте преступления может быть вызвана и приемом медикаментов.

Получив профиль, полицейские заново прошлись по их длинному списку подозреваемых и протоколам допросов. Отбросили одного бывшего секс-преступника, который успел жениться и завести детей. В результате остались двадцать две кандидатуры, одна из которых выделялась тем, что почти полностью соответствовала профилю.

Этого человека звали Кармин Калабро, ему было тридцать – белый, безработный актер, он периодически жил со своим вдовым отцом на четвертом этаже того же здания, что и Элвисоны. Калабро был не женат, и, по слухам, у него не получалось поддерживать отношения с женщинами. Его отчислили из старшей школы, и он не служил в армии. Когда полиция обыскала его комнату, там нашли обширную коллекцию БДСМ-порнографии. Он совершил несколько попыток суицида путем повешения и удушения – как до, так и после убийства Элвисон.

Однако у него было алиби. Как я предсказывал, полиция опросила его отца вместе со всеми квартиросъемщиками в здании. Мистер Калабро сказал, что Кармин лежит в местной психиатрической лечебнице – проходит лечение от депрессии. Поэтому полиция изначально и вычеркнула его из списка подозреваемых.

Однако, вооруженные профилем, они снова взяли его в разработку и быстро установили, что лечебница практически не охраняется. Им удалось доказать, что Кармин покинул учреждение – просто взял и ушел – в вечер накануне убийства Франсин Элвисон.

Спустя тринадцать месяцев после убийства Кармин Калабро был арестован, и полиция взяла у него слепки зубов. Три судебных стоматолога подтвердили, что его зубы совпадают со следами укусов на теле Франсин. Это стало ключевым доказательством на процессе,

на котором Калабро не признал себя виновным и который закончился приговором к тюремному сроку от двадцати пяти лет до пожизненного за убийство.

Афроамериканский волос, кстати, оказался не связанным с делом. В офисе коронера провели тщательное расследование и выяснили, что мешок для трупов, в котором перевозили тело Франсин Элвисон, ранее использовался для транспортировки чернокожей жертвы мужского пола и его недостаточно обработали. Это лишний раз подтверждает, что улики сами по себе могут указывать в неверном направлении и, если они не совпадают с общим впечатлением следователя от дела, их надо изучить еще тщательней, прежде чем принимать как доказательство.

Это дело принесло нам большое удовлетворение – тем большее, что оно привлекло на нашу сторону людей, с которыми мы сотрудничали в Нью-Йорке, в том числе самых искушенных и эффективных работников правоохранительных органов. В апрельской статье 1983 года о программе профилирования в журнале «Психология сегодня» лейтенант Д’Амико заявил: «Они описали его так точно, что я спросил ФБР, почему они не дали нам заодно и его телефонный номер».

После выхода статьи Калабро написал нам из психиатрического госпиталя строгого режима Клинтон в Даннеморе, Нью-Йорк, хотя ни его имя, ни имя Элвисон там не фигурировали. В сбивчивом письме, полном ошибок, он делал комплименты ФБР и Департаменту полиции Нью-Йорка, напоминал о своей невиновности, ставил себя в один ряд с Дэвидом Берковицем и Джорджем Метески, Сумасшедшим подрывником, и писал: «Я не опровергаю вашего профиля убийцы в этом деле, потому что по крайней мере по двум пунктам искренне считаю, что вы правы».

Он спрашивал, сообщили ли нам о наличии волоса на трупе, который мог «обезвинить» (выражение Калабро) его. Потом – весьма любопытно – интересовался, когда мы составили профиль и были ли у нас все улики. Если да, он больше нам писать не будет, а если нет, то напишет еще.

Я подумал, что это письмо может стать началом сотрудничества с Калабро в рамках нашего исследования. Поэтому в июле 1983 года Билл Хэгмайер и Розанн Руссо, одна из первых женщин-агентов в

отделе поведенческих наук, поехали в Клинтон поговорить с Калабро. По их словам, он был нервозен, но вежлив и готов к общению, как и раньше с полицией. Он напирал на свою невиновность и много рассуждал об апелляции, которую подал, утверждая, что его обвинили по ошибке, основываясь на следах укусов. В тюрьме он добился того, чтобы ему удалили все зубы – «теперь меня уже не смогут обвинить», – и с гордостью продемонстрировал беззубый рот. Помимо этого, он в ходе беседы только повторял на разные лады то же самое, что уже сообщил в письме, хотя Хэгмайеру и Руссо показалось, что он очень заинтересовался нашим исследованием и не хотел, чтобы они уходили. Даже в тюрьме он оставался одиночкой.

Я совершенно уверен, что Кармин Калабро страдал от серьезного психического расстройства. Ничто в его деле, биографии или нашем общении с ним не было хоть отдаленно нормальным. В то же время я считаю, что, как большинство психически нестабильных личностей, он понимал разницу между добром и злом. Иметь причудливые извращенные фантазии – не преступление. Осознанно претворять их в жизнь, убивая других людей, – совершенно точно да.

Глава 9
В чужой шкуре

К этому времени, в начале 1980-х, ко мне поступало более ста пятидесяти дел в год, и примерно столько же дней я проводил в командировках. Я начинал себя чувствовать, как Люсиль Болл, пытающаяся работать быстрее конвейера в знаменитом эпизоде «Я люблю Люси» на фабрике: чем больше дел ко мне поступало, тем быстрее я должен был бежать, чтобы не отстать. У меня не было возможности дать себе даже малейшую передышку.

По мере того как наша работа и результаты становились общеизвестными, запросы на содействие начинали поступать из самых разных юрисдикций США и из-за границы. Словно медсестра, распределяющая пациентов в приемном отделении больницы по степени тяжести их состояния, я начал расставлять дела по приоритетам. В первую очередь я занимался убийствами и изнасилованиями, которые могли повлечь за собой новые смерти.

С висяками и делами, где НС, похоже, уже прекратил свою активность, я поступал по-другому: спрашивал полицейских, почему они обратились к нам. Бывало, что семья жертвы давила на них, требуя ответов. Это, безусловно, понятно, и мое сердце разрывалось от желания им помочь, но я не мог тратить драгоценное время на составление профиля, который ляжет на полку и не приведет ни к каким активным действиям.

С текущими делами надо было сначала выяснить, откуда они поступили. В начале функционирования программы все, что приходило от крупных департаментов – скажем, нью-йоркского или лос-анджелесского, – вызывало у меня подозрение: с какой стати им вообще обращаться в Куантико? Они вели давнюю войну с ФБР, например за то, кто получит данные с камер наблюдения, проведет допрос или передаст в суд дело о серии ограблений. Бывало и такое, что дело имело политическую окраску и местным просто хотелось, чтобы огонь взял на себя кто-то другой. Все это надо было учитывать перед тем, как откликнуться на запрос, потому что данные факторы влияли на то, будет дело раскрыто или нет.

Изначально я предоставлял анализ дела в письменном виде. По мере роста нагрузки у меня не осталось на это времени. Изучая материалы, я делал заметки. Потом, говоря с местным следователем – лично или по телефону, – просматривал свои записи и вспоминал дело. Обычно копы сами делали подробные заметки обо всем, что я им говорил. В тех редких случаях, когда коп сидел передо мной, если он не записывал все, что говорю, я быстро терял терпение, напоминал, что это его расследование, а не мое и, если ему нужна наша помощь, пусть лучше включается и вкалывает вместе со мной.

Я занимался этим так долго, что, словно врач, заранее знал, сколько продлится каждый «прием». К моменту, когда я заканчивал изучать дело, я понимал, смогу помочь или нет, поэтому старался фокусироваться на анализе места преступления и виктимологии. Почему именно эту жертву преступник выбрал из всех возможных? Как ее или его убили? Только ответив на эти два вопроса, ты можешь переходить к третьему, самому главному: кто?

Подобно Шерлоку Холмсу, я быстро осознал, что чем обычнее преступление, тем меньше у нас поведенческих подсказок, с которыми можно работать. Я мало чем могу помочь в уличном ограблении. Они слишком распространенные, обыденные, поэтому пул подозреваемых огромен. Точно так же единичное огнестрельное или колотое ранение для нас – куда более сложный сценарий, чем множественные раны; преступление, совершенное на улице, сложней, чем домашнее; единственная жертва из повышенной категории риска, например проститутка, дает куда меньше информации, чем серия.

Первым, на что я смотрел, был отчет патологоанатома – я должен был узнать природу и характер ран, причину смерти, наличие или отсутствие признаков сексуального насилия и т. п. Качество работы коронеров широко варьировалось в тысячах полицейских юрисдикций по всей стране. Некоторые из них были настоящими судебными патологами и первоклассно справлялись со своими обязанностями. Например, доктор Джеймс Льюк был судебным патологоанатомом в Вашингтоне, округ Колумбия, и от него мы всегда получали подробнейшие, детальные и точные протоколы. После выхода на пенсию доктор Льюк стал ценным консультантом в моем отделе в Куантико. С другой стороны, я видел ситуацию в маленьких городках на юге, где коронером выступает начальник местной похоронной

фирмы. Его представление о посмертном исследовании заключается в том, что он приезжает на место, пинает труп носком ботинка и восклицает:

– О да, этот парень точно мертв.

Просмотрев протокол вскрытия, я пробегал первичный полицейский отчет. Когда первый офицер прибыл на место, что он там увидел? С этого момента место преступления могут изменить как он, так и участники его команды. Мне важно визуализировать всю картину как можно точнее – в том виде, какой преступник ее оставил. Если там что-то изменилось, я хочу знать, что именно. Например, если лицо жертвы было накрыто подушкой, кто ее туда положил? Она уже была там, когда офицер прибыл? Может, член семьи, обнаруживший тело, прикрыл лицо жертвы, так позаботившись о ней? Или есть другое объяснение? Под конец я смотрю на фотографии с места преступления, чтобы дополнить картину у меня в мозгу.

Как правило, эти фотографии были не лучшего качества, особенно в те времена, когда полицейские снимали на черно-белую пленку. Поэтому я также просил схематический рисунок места преступления со всеми уликами и следами ног. Если детективы хотели на что-то обратить мое внимание, я просил делать пометки на обороте снимка, чтобы на меня не повлияли чужие замечания. Точно так же, если у них был перспективный подозреваемый, я не хотел о нем знать или просил присылать мне данные по нему в запечатанном конверте, чтобы я был объективен в своем анализе.

Также важно было попытаться выяснить, не забрали ли чего у жертвы или с места преступления. Обычно преступники забирают наличные, ценности или украшения – знание об этом помогает установить мотив. Но есть предметы, пропажу которых отследить не так просто.

Когда офицер или детектив говорит мне, что у жертвы ничего не взяли, я спрашиваю:

– Откуда вы знаете? Хотите сказать, что, если бы вор стащил из шкафа вашей жены или девушки бюстгальтер или трусики, вы бы это заметили? Если да, вы – больной извращенец.

Иногда может пропасть такая мелочь, как заколка или прядь волос, и отследить это почти невозможно. Тот факт, что *с виду* ничего не пропало, для меня бесполезен. Когда мы впоследствии ловим

преступника и проводим у него обыск, нам часто попадаются сюрпризы.

С самого начала было ясно, что множество людей как в самом Бюро, так и вне его толком не понимают, чем мы занимаемся. Мне напомнили об этом во время двухнедельного выездного курса по расследованию убийств, который мы с Бобом Ресслером вели в Нью-Йорке в 1981-м. Там собралось около сотни детективов, в основном из нью-йоркского департамента, а также из других юрисдикций в окрестностях города.

Как-то утром, до начала класса по профилированию, я устанавливал в аудитории большой, неповоротливый видеоплеер «Сони», которым мы тогда пользовались. И вот ко мне подходит явно перерабатывающий и выгоревший детектив – бледный, с красными глазами – и спрашивает:

– Так вы, значит, составляете эти… как их… профили?

– Да, верно, – отвечаю я, ворочая громоздкий плеер. – И вот это, между прочим, машина для профилирования.

Он скептически на меня косится – как опытный детектив на подозреваемого, – но не уходит.

– Дайте вашу руку, – говорю я. – Покажу, как она работает.

Он недоверчиво протягивает руку. Приемное отверстие для кассеты в плеере достаточно большое, поэтому я беру его руку, вставляю туда и нажимаю какие-то кнопки. Боб Ресслер, находящийся тут же, готовит свои материалы; он слышит меня и уже готовится вмешаться, думая, что я сейчас получу в челюсть.

Но парень просто говорит:

– И где мой профиль?

Я отвечаю:

– Подождите, пока начнется занятие. Увидите, как это работает.

К счастью для меня, во время занятия он, видимо, сообразил, что произошло, потому что я подробно описал процесс профилирования и использовал видеоплеер для демонстрации. После занятия он не поджидал меня у дверей. Но суть этой истории в том, что я всегда хотел, чтобы составить годный к применению профиль было легче. Но ты не можешь сунуть руку (или другую часть тела) в машинку и получить профиль. Годами компьютерные эксперты сотрудничают с правоохранительными органами в разработке программ, способных

повторить логический процесс, которым занимаемся мы, но пока они ничего не добились.

Все дело в том, что профилирование и криминальный анализ – куда более сложные процессы, чем просто ввод и обработка данных. Чтобы стать хорошим профайлером, надо уметь оценить и сопоставить большое количество улик и материалов. Но еще надо постараться влезть в чужую шкуру – и преступника, и жертвы.

Ты должен воссоздать место преступления у себя в голове. Должен как можно больше узнать о жертве, чтобы представить, как она могла реагировать. Надо поставить себя на ее место в момент, когда преступник угрожает ей пистолетом, или ножом, или камнем, или кулаком – чем угодно. Ощутить ее страх в момент, когда он надвигается на нее. Испытать ее боль, когда он насилует ее или режет. Представить, через что она проходила, пока он пытал ее ради собственного сексуального удовлетворения. Понять, каково это – кричать от ужаса и боли, понимая, что ничего не поможет и что он не остановится. Ты должен знать, на что это похоже. И вынести такое очень тяжело, особенно если жертва – ребенок или пожилой человек.

Когда режиссер и актеры «Молчания ягнят» приезжали в Куантико в процессе подготовки к съемкам, я пригласил Скотта Гленна, игравшего Джека Кроуфорда – спецагента, который, как многие считают, списан с меня, – к себе в кабинет. Гленн – либерал, он верил в возможность перевоспитания, искупление и в то, что все люди рождаются изначально хорошими. Я показал ему жуткие фотографии с мест преступлений, с которыми мы работаем ежедневно. Дал послушать записи, которые преступники делали, пытая своих жертв: например, голос одной из двух девочек-подростков в Лос-Анджелесе, когда их пытали и убивали в своем фургоне двое убийц-садистов, недавно выпущенные из тюрьмы.

Слушая эти записи, Гленн плакал. Он сказал мне:

– Я понятия не имел, что существуют люди, способные на такое.

Умный, сострадательный человек, сам отец двух дочерей, Гленн добавил, что после того, что он увидел и услышал у меня в кабинете, он больше не может выступать против смертной казни.

– Опыт в Куантико изменил мое отношение навсегда.

Но, как бы это ни было тяжко, я должен ставить себя и на место преступника: думать как он, планировать вместе с ним, понимать и

ощущать его удовлетворение в момент, когда тщательно взлелеянные фантазии воплощаются в реальность и он наконец обретает контроль и возможность полностью доминировать над другим человеческим существом. Я должен влезть в шкуру убийцы.

Тех мужчин, пытавших и убивавших девочек-подростков в фургоне, звали Лоуренс Биттакер и Рой Норрис. У них даже было имя для фургона: «Убийца Мак». Они познакомились в исправительной мужской колонии в Сан-Луис-Обиспо в Калифорнии. Биттакер сидел за вооруженное нападение, Норрис – за изнасилование. Узнав об их общем интересе к доминированию и пыткам молоденьких девушек, они увидели друг в друге родственные души. И когда оба вышли условно-досрочно на свободу в 1979-м, то встретились в мотеле в Лос-Анджелесе и начали планировать, как будут похищать, насиловать, пытать и убивать девочек подросткового возраста, по одной за каждый год, от тринадцати до девятнадцати лет. Они успешно осуществили свои планы в отношении пяти девочек, когда одной удалось сбежать от них после изнасилования и обратиться в полицию.

Норрис, наименее доминирующий из этой парочки, сломался на допросе и признался во всем в обмен на иммунитет от смертной казни, выдав более жестокого и агрессивного Биттакера. Он показал полиции места, где они оставляли трупы. У одного, уже превратившегося в скелет на калифорнийском солнце, из ушного отверстия торчал нож для колки льда.

Что в этом деле особенно примечательно, помимо душераздирающей трагедии двух преждевременно оборванных жизней и кошмарных пыток, пережитых девушками, по словам Норриса «развлечения ради», – это разница в поведенческой динамике, обусловленная участием двух преступников. Обычно один становится доминирующим, а второй – подчиняющимся партнером, и, как правило, один более организованный, а второй – менее. Серийные убийцы и так неадекватные типы, но те, кому нужен партнер для преступления, самые неадекватные из них.

Какими бы ужасными ни были их преступления (для меня Лоуренс Биттакер – один из самых мерзких и отталкивающих персонажей из всех, с кем мне приходилось иметь дело), они, к сожалению, не уникальны.

Как Биттакер и Норрис, Джеймс Рассел Одом и Джеймс Клейтон Лоусон – младший познакомились в тюрьме. Дело было в середине 1970-х, и оба сидели за изнасилование в психиатрическом госпитале строгого режима Атаскадеро в Калифорнии. Вспоминая их личные дела, я бы сказал, что Рассел Одом был психопатом, а Клей Лоусон – скорее шизофреником. Находясь в Атаскадеро, Клей в самых соблазнительных выражениях описал Расселу, чем собирается заниматься, когда выйдет. Он планировал похищать женщин, отрезать им груди, удалять яичники и совать ножи в вагину. Он говорил, что вдохновляется Чарльзом Мэнсоном и его последователями. Лоусон ясно дал понять, что половое сношение не входит в его планы. Он не считал это частью «своего дела».

Одом, напротив, очень даже считал секс своим делом и, как только вышел на свободу, прикатил на своем голубом «Фольксвагене-Жуке» 1974 года через всю страну в Колумбию, Южная Каролина, где Лоусон после выхода по УДО жил с родителями и работал сантехником. (Похоже, в те времена «Жук» был любимой машиной серийных убийц – и агентов ФБР, не имевших сбережений.) Одом считал, что они со своими взаимосвязанными, но различающимися интересами образуют прекрасную команду и каждый займется «своим делом».

Спустя несколько дней после прибытия Одома они вдвоем отправились на поиски жертвы на «Форде-Комет» 1974 года, принадлежащем отцу Лоусона. Остановились возле «Севен-Илевен» на национальном шоссе 1 и заметили молодую женщину, работавшую за прилавком. Но вокруг было слишком много народу, поэтому они уехали и отправились смотреть порнофильм.

Думаю, здесь важно подчеркнуть, что они сообразили: похитить жертву не удастся без сопротивления и свидетелей, – поэтому свернулись и на преступление не пошли. Оба были психически больными, а в случае Лоусона можно было обоснованно настаивать на невменяемости. *Однако при обстоятельствах, не способствовавших успеху их преступления, они воздержались от его совершения*. Ими не владело безумие такой степени, что они *не смогли устоять*. Поэтому я снова повторяю: по моему мнению и опыту, наличие психического заболевания не оправдывает преступника. Если только он не в полном

бреду, он *делает выбор* – причинять вред другому человеку или нет. Настоящих психов проще всего поймать. А серийного убийцу – нет.

На следующий вечер Одом и Лоусон поехали в автомобильный кинотеатр. Когда фильм закончился, уже после полуночи, они вернулись в «Севен-Илевен». Они вошли в магазин и стали набирать какие-то мелочи: шоколадное молоко, орешки, маринованные огурчики. На этот раз они были в зале одни, поэтому похитили девушку-кассиршу, пригрозив пистолетом 22-го калибра, принадлежавшем Одому. У Лоусона тоже был пистолет 32-го калибра в кармане. Когда полицейские приехали по вызову покупателя, заметившего, что в магазине нет продавца, они обнаружили, что касса не тронута, сумочка кассирши осталась за прилавком и ничего ценного не пропало.

Двое мужчин везут жертву в укромное место. Одом приказывает ей раздеться догола, а потом насилует на заднем сиденье машины. Лоусон тем временем стоит снаружи, у водительской двери, и поторапливает приятеля, ожидая своей очереди. Минут пять спустя Одом кончает, застегивает штаны и выбирается из машины, уступая дорогу Лоусону.

Одом отходит от машины – по его словам, его вырвало. Лоусон позднее утверждал, что Одом заявил ему: «Надо от нее избавиться», хотя Лоусон взял с жертвы слово, что она никому не расскажет, если они ее отпустят. Так или иначе, пять минут спустя Одом услышал из машины женский крик: «О, горло!» Когда он вернулся, Лоусон уже перерезал жертве глотку и теперь раскраивал ее обнаженное тело ножом, купленным в том же «Севен-Илевен» предыдущим вечером.

На следующий день они уселись в «Фольксваген» Одома, собираясь избавиться от одежды жертвы, смятой в два комка. Лоусон рассказал Одому, что хотел после нападения съесть половые органы женщины, но ему стало плохо.

Страшно изуродованный труп нашли валяющимся на виду; убийц арестовали через несколько дней после преступления. Рассел Одом, боясь за свою жизнь, немедленно признал вину в изнасиловании, но участие в убийстве отрицал.

В своем заявлении в полиции Клей Лоусон ясно давал понять, что не вступал в половое сношение с жертвой: «Я ее не насиловал. Я

только хотел ее уничтожить». И это человек, который на суде сидел и жевал кусок мела.

Судили их по отдельности. Одом получил пожизненное плюс сорок лет за изнасилование, незаконное хранение оружия и соучастие в убийстве. Лоусона за убийство первой степени приговорили к смерти и казнили 18 мая 1976 года на электрическом стуле.

Как дело Биттакера и Норриса, это преступление характеризуется смешанной поведенческой динамикой – и, соответственно, уликами – из-за участия двух разных людей. Уродование тела – признак дезорганизованного убийцы, в то время как присутствие семени во влагалище жертвы указывает на организованную личность. Мы преподаем дело Одома и Лоусона в Куантико, и я вспомнил о нем, когда мне поступил звонок от шефа полиции Джона Ридера из городка Логан в Пенсильвании. Я тогда только начинал карьеру профайлера; Ридер был выпускником Национальной академии, и через специального агента Дейла Фрая из постоянного отделения ФБР в Джонстауне они с окружным прокурором округа Блэр Оливером Э. Маттиасом – младшим просили помощи в деле об изнасиловании и убийстве девушки по имени Бетти Джейн Шейд.

Факты, которые они мне представили, были следующими.

Примерно годом ранее, 29 мая 1979 года, двадцатидвухлетняя Бетти Джейн возвращалась домой с работы няней около 22:15. Четыре дня спустя мужчина, утверждавший, что прогуливался на природе, наткнулся на ее изуродованное, но хорошо сохранившееся тело возле незаконной свалки на горе Вопсонок близ Алтуны. Ее длинные светлые волосы были отрезаны и свисали с соседнего дерева. Коронер округа Чарльз Р. Берки заявил местной газете, что еще никогда не видел такой страшной смерти. Он заключил, что Бетти Джейн Шейд изнасиловали; ее челюсть была сломана, оба глаза подбиты, а на теле остались множественные ножевые ранения. Причиной смерти был удар по голове, ножевые ранения нанесли уже посмертно. Также ей отрезали обе груди и вскрыли промежность от вагины до ануса.

Хотя, судя по частично непереваренному содержанию желудка, девушка была убита вскоре после исчезновения, тело слишком хорошо сохранилось для пролежавшего на свалке четыре дня. Обычно в таких случаях ожидаешь серьезного поражения личинками или животными-падальщиками. Кроме того, полиция расследовала жалобы на

незаконный сброс отходов на склоне горы, поэтому тело должны были найти раньше.

Я пересмотрел материалы дела, присланные Ридером, и составил профиль, который изложил во время долгой телефонной конференции. В ходе нее я постарался объяснить полицейским принципы профилирования и особенности, на которые мы обращаем внимание. Я считал, что им надо искать белого мужчину в возрасте от семнадцати до двадцати пяти лет, хотя отмечал, что если он живет совсем уж в глуши, то может быть старше из-за задержки социального развития. Скорее всего, он тощий и слабосильный, одиночка, не особенно умный, интроверт, вероятно, увлекается порнографией. Детство классическое – дисфункциональная семья с отчужденным отцом и доминирующей, гиперопекающей матерью. Она могла внушить сыну, что все женщины плохие – исключая ее саму. Поэтому НС опасается женщин и не может построить отношения с ними, так что жертву он постарался вырубить или обездвижить как можно скорее.

Он хорошо ее знал. Это было ясно по травмам лица. В нем скопилось столько злобы, что он постарался превратить ее в бездушный объект, изуродовав лицо, отрезав грудь и вскрыв промежность. Отрезанные волосы подсказывали мне кое-что еще. Хоть он и мог сделать это в том же стремлении обезличить жертву, мы знали, что Шейд была очень аккуратной, следила за собой и гордилась своими ухоженными длинными волосами. Поэтому, отрезая их, убийца наносил ей оскорбление и унижал. Это лишний раз указывало на их знакомство. Тем не менее не было признаков садистических действий и пыток перед смертью, как в случае Биттакера и Норриса. Этот человек не получал сексуального удовлетворения от причинения боли.

Я сказал полицейским, что «симпатичный продавец подержанных машин» в данном случае – не их тип. Если этот парень вообще работает, то на каких-нибудь подручных должностях; скорее всего, он уборщик или разнорабочий. У человека, выбрасывающего труп на свалке, наверняка непрестижная работа, связанная с грязью и мусором. Время похищения, отрезанные груди, явное перемещение тела после смерти и повторные посещения места, где выброшен труп, указывали на ночной образ жизни. Я ожидал, что он посещал кладбище, возможно, ходил на похороны, чтобы убедить себя, будто у него с Бетти Джейн были «нормальные» отношения. По этой причине я

считал, что проверка на полиграфе не поможет, даже если найдется подходящий подозреваемый. Велики были шансы, что он живет где-то между ее домом и тем местом, где она работала няней.

Хотя улик, достаточных для ареста, у следствия не было, детективы мне сказали, что серьезно рассматривают двоих подозреваемых. Один – бойфренд жертвы и, по его словам, даже жених, с которым Бетти Джейн жила вместе, Чарльз Ф. Солт-младший, известный как Буч. Его определенно стоило рассмотреть всерьез, но полиция разрабатывала и другую кандидатуру – человека, который нашел тело и история которого не совсем клеилась. Он работал машинистом на железной дороге и в тот момент находился на больничном. Он сказал, что вышел подышать свежим воздухом, но тело нашел на свалке. Пожилой мужчина, выгуливавший собаку, видел, как тот мочился рядом с трупом. Он был неподходяще одет для долгой прогулки и, хотя лил дождь, совсем не промок. Он жил в четырех кварталах от дома Бетти Джейн Шейд и безуспешно пытался пригласить ее на свидание. Он сильно нервничал на допросах в полиции и говорил, что боялся заявить о найденном трупе, чтобы его не обвинили. Это обычная отговорка тех, кто сам обращается в полицию, чтобы иметь доступ к информации о расследовании и отвести от себя подозрения. Он употреблял много пива и постоянно курил, а также был достаточно физически силен, чтобы в одиночку убить и избавиться от тела. У него имелась история антисоциального поведения. В ночь убийства они с женой якобы сидели дома и смотрели телевизор, так что надежного алиби у них не было. Я сказал полиции, что обычно такие люди обращаются к адвокату и после этого прекращают сотрудничество. Мне ответили, что он поступил именно так: завел адвоката и отказался от проверки на полиграфе.

Все это звучало многообещающе. Но меня смущало, что подозреваемый женат, имеет двоих детей и живет с женой. Это выбивалось из канвы: обычно, если женатый мужчина идет на убийство, у него внутри кипит садистский гнев против женщин. Он начал бы пытать и уродовать ее еще живую, а не после смерти. Опять же, ему было тридцать лет – на верхнем пределе возрастного диапазона.

Солт казался мне более вероятным кандидатом. Он практически полностью соответствовал профилю. Его родители развелись, когда он

был еще ребенком. Мать была доминирующей и активно вторгалась в жизнь сына. В двадцать шесть лет он практически не имел отношений с женщинами. В полиции он сказал, что за всю жизнь вступал в половое сношение лишь дважды, оба раза с женщинами старше по возрасту, которые смеялись над ним, потому что он не мог добиться эрекции. Солт утверждал, что они с Бетти Джейн очень любили друг друга и были помолвлены, хотя она встречалась и имела сексуальные контакты с другими мужчинами. Я был уверен, что, будь она жива, Бетти Джейн рассказала бы нам совсем другую историю. Он говорил, что на ее похоронах хотел откопать ее гроб и лечь туда вместе с ней. А на допросе в полиции неустанно оплакивал потерю Бетти Джейн.

Буч Солт и его брат Майк работали на мусоровозе, сказали мне полицейские.

– Боже, вот это да! – ответил я.

У них были доступ к мусорной свалке, причина знать о ней и ездить туда, а также транспорт для перевозки тела.

Но хотя Буч в качестве подозреваемого меня более чем устраивал, два факта выбивались из общей картины. Во-первых, как я и предсказывал, он был мелким хлюпиком, почти такого же роста, как Шейд. Вряд ли он смог бы в одиночку перетащить тело или расположить его в позе лягушки, с раздвинутыми ногами и согнутыми коленями, в которой ее нашли. Во-вторых, во влагалище жертвы присутствовала сперма, что указывало на традиционное изнасилование. Я бы не удивился, если бы сперму нашли на теле, белье или одежде жертвы, но не внутри. Как Дэвид Берковиц, наш парень должен был быть онанистом, а не насильником и получать сексуальное удовлетворение опосредованно. Что-то не сходилось.

Мы наблюдали смешанный организованно-дезорганизованный паттерн, во многом похожий на убийство Франсин Элвисон в Нью-Йорке: такая же блицатака, уродование лица и гениталий. Если у Элвисон отрезали соски, то у Шейд – груди целиком.

Но в нью-йоркском деле физически сильный Кармин Калабро затащил жертву на площадку верхнего этажа и оставил там; эякуляция произошла у него во время мастурбации.

Памятуя об уроках Лоусона и Одома, я решил, что существует лишь одно логическое объяснение. Я предположил, что Буч Солт встретил Бетти Джейн на улице, когда она вышла с работы, они

поссорились, он ударил ее и, скорее всего, вырубил, а потом завез в уединенное место. Я также считал, что он мог ударить ее с такой силой, что девушка умерла, потом отрезать ей волосы, изуродовать труп и оставить себе груди как сувениры. Но между моментом, когда на нее напали и когда она была убита, жертву изнасиловали, а я не думал, что дезорганизованный, сексуально неадекватный, заклеванный матерью молодой человек вроде Солта на такое способен. И вряд ли он перетаскивал тело в одиночку.

Логика подсказывала, что брат Буча Майк – наш второй подозреваемый. Он вырос в той же семье и имел такую же работу. Он провел некоторое время в психиатрической лечебнице и уже совершал насильственные преступления, а кроме того, имел проблемы с поведением и контролем гнева. Вот только он был женат, хотя их мать контролировала и его жизнь тоже. В ночь похищения Бетти Джейн Шейд жена Майка в больнице рожала ребенка. Ее беременность стала для него серьезным стрессом, лишив также и сексуальной разрядки. Вполне вероятно, после нападения Буч запаниковал и позвонил брату, который изнасиловал жертву, пока Буч смотрел, а после убийства помог избавиться от трупа.

Я сказал полиции, что непрямой, неугрожающий подход будет лучше всего. К сожалению, они уже несколько раз допрашивали Буча и устроили ему проверку на полиграфе. Как я и думал, проверка показала, что он не лжет, но местами его реакции были неадекватными. Я полагал, что лучшим подходом сейчас будет сфокусироваться на Майке, объяснив ему, что он только занимался сексом с Шейд и помог избавиться от тела, но, если сейчас не начнет сотрудничать с полицией, понесет ответственность и за убийство вместе с братом.

Эта тактика сработала. Оба брата – и их сестра Кэти Визингер, утверждавшая, что была лучшей подругой Бетти Джейн, – были арестованы. Кэти, по словам Майка, тоже присутствовала, когда они избавлялись от тела.

Так что же произошло? Я считаю, Буч пытался заняться сексом с этой привлекательной и опытной молодой женщиной, но не смог. Ярость захватила его и заставила напасть; после этого он запаниковал и вызвал брата. Но разгневался еще сильней, когда Майк смог заняться

с ней сексом, а он – нет. Поэтому четыре дня спустя он изувечил труп, чтобы «сказать последнее слово».

Одну из грудей жертвы удалось найти. Майк сказал полиции, что другую себе оставил Буч, что меня не удивило. Где он ее хранил, так и не удалось установить.

Чарльза Буча Солта признали виновным в убийстве первой степени, а Майка, по условиям сделки, отправили в психиатрическую лечебницу. Начальник полиции Ридер упомянул в заявлении прессе, что мы оказали неоценимую помощь в расследовании и получении признаний от преступников. Нам, в свою очередь, очень повезло заполучить на месте такого партнера, как он, – обученного нашим методам и понимавшего принципы сотрудничества полиции и Куантико.

Благодаря этому сотрудничеству мы смогли поймать убийцу и его сообщника, прежде чем им предоставился шанс убить снова. Шеф Ридер и его люди вернулись к своей работе – поддержанию мира и порядка в Логане, штат Пенсильвания. А я – к своим ста пятидесяти текущим делам, надеясь, что новые знания помогут мне хотя бы в одном из них встать на место обоих, преступника и жертвы.

Глава 10
Камень преткновения

Как-то вечером много лет назад, когда я вернулся домой с незадавшейся учебы в Монтане, мы с родителями сидели за пиццей и пивом в одной забегаловке в Юниондейле на Лонг-Айленде, под названием «Колдстрим». И вот я сую в рот кусок своей «пиццы со всем на свете и добавочным сыром», а мама ни с того ни с сего спрашивает:

– Джон, у тебя когда-нибудь был секс с женщиной?

Я судорожно сглатываю, пытаясь не подавиться отгрызенным куском. Такого вопроса никак нельзя было ожидать в девятнадцать-двадцать лет от собственной матери в 1960-х. Я поворачиваюсь к отцу, ища поддержки, но он сидит с каменным лицом. Его она тоже застала врасплох.

– Ну так что, был? – настаивает мама. Не зря все-таки ее девичья фамилия Холмс.

– Ну… да, мам. Был.

Я вижу, как тень отвращения пробегает по ее лицу.

– И с кем же это? – спрашивает она.

– Ну… так… – Здорового аппетита, с которым я садился за стол, как не бывало. – Вообще, их несколько…

Я не говорю, что одна из них – девушка-подросток из приюта для незамужних матерей в Бозмене. Но, глядя на маму, можно подумать, будто я только что признался, что прятал расчлененные трупы своих жертв у них в подвале.

– И кто теперь согласится выйти за тебя замуж? – печально вопрошает она.

Я снова бросаю взгляд на отца, необычно молчаливого: *ну же, пап, помоги мне выкрутиться!*

– Даже не знаю, Долорес. В наши дни это уже не такое большое дело…

– Это всегда «большое дело», Джек! – отрезает она, а потом опять поворачивается ко мне: – Что будет, Джон, если твоя невеста однажды спросит, спал ли ты с другой женщиной до встречи с ней?

Я замираю с набитым ртом.

– Думаю, мам, я скажу ей правду.

– Нет, не скажешь, – перебивает меня отец.

– О чем это ты, Джек? – прищуривается мама. *О’кей, пап, посмотрим, как выкрутишься ты!*

Допрос закончился неловким молчанием. Сам не пойму, что я должен был из него вынести. Пэм я то ли сам рассказал о своем прошлом, то ли она догадалась. Так или иначе, она согласилась выйти за меня, несмотря на мамины опасения. Но когда я припомнил тот случай, уже будучи федеральным агентом, профайлером и экспертом по криминальному поведению и психологии, на меня снизошло озарение: даже при всем опыте и подготовке, какие есть у меня сейчас, я все равно спасовал бы перед маминым напором!

Потому что она нащупала мою слабую точку.

Приведу другой пример. С тех самых пор, как я стал главным профайлером ФБР, я лично отбирал и обучал всех остальных профайлеров. По этой причине у меня складывались особенно близкие и дружеские отношения со всеми мужчинами и женщинами, побывавшими у меня в команде. Большинство из них стали настоящими звездами. Но если выделить среди них моего истинного последователя, это будет Грег Купер. Грег занимал престижную должность начальника полиции в одном городе в Юте, ему было чуть за тридцать, но он решил перейти в ФБР, услышав выступление Кена Лэннинга и Билла Хэгмайера на семинаре для сотрудников правоохранительных органов. Он отличился в полевом офисе в Сиэтле, но всегда мечтал поступить в Куантико в отдел поведенческих наук. Он запросил и детально изучил составленные мной профили и анализ убийств на Грин-Ривер, а когда я прилетел в Сиэтл для участия в телепрограмме «Облава. Прямой эфир», Грег вызвался быть моим личным водителем и гидом. Когда я возглавил реорганизованный отдел содействия расследованиям, Грег работал в постоянном представительстве ФБР в округе Ориндж, Калифорния, и жил в Лагуна-Нигеле. Я перевез его в Куантико, где он добился невероятных результатов.

Сразу после перевода в отдел Грегу выделили рабочее место в подземном офисе без окон вместе с Джейной Монро, бывшим офицером полиции и детективом убойного отдела из Калифорнии,

которая, заделавшись спецагентом, осталась все такой же умопомрачительной блондинкой. Иными словами, в ней объединились все лучшие качества. Казалось бы, ни один мужчина не станет возражать против такого расклада, но Грег оказался верующим мормоном, а также надежным семьянином с пятью очаровательными детишками и роскошной женой по имени Ронда, которая принесла немалую жертву, переехав из солнечного калифорнийского рая в сонную, жаркую и влажную Вирджинию. Каждый раз, когда она спрашивала мужа о соседе по кабинету, Грег хмурился, ворчал и старался сменить тему.

Наконец, когда он проработал с нами с полгода, Грег привел Ронду в отдел на рождественскую вечеринку. Меня тогда не было, потому что пришлось уехать в командировку, но всегда задорная и неунывающая Джейна была. И естественно, для вечеринки она нарядилась в крошечное, коротенькое обтягивающее ярко-красное платье с глубочайшим декольте.

Когда я вернулся, Джим Райт, мой заместитель в отделе, исполнявший обязанности начальника программы профилирования, сообщил, что после вечеринки Ронда закатила Грегу скандал. Она крайне неодобрительно отнеслась к тому, что ее муж проводит целые дни в закрытом пространстве с очаровательной, решительной красавицей-агентшей, удачливой и в стрельбе, и на танцполе.

Поэтому я попросил свою секретаршу вызвать Грега ко мне и сказать, что я хочу его видеть немедленно. Когда он вошел, лицо у него было озабоченное. Он проработал у нас всего полгода, наш отдел был его мечтой, и он очень хотел проявить себя.

Я поднял на него глаза и произнес:

– Закрой-ка дверь, Грег. И садись.

Он присел, еще более обеспокоенный моим тоном.

– Я только что говорил по телефону с Рондой, – продолжал я. – Я так понимаю, у вас проблемы.

– Ты только что говорил с Рондой?

Он даже не смотрел на меня – его глаза не отрывались от телефона для прямой связи с руководством на моем столе.

– Видишь ли, Грег, – сказал я своим самым проникновенным тоном, – я бы и рад тебе посодействовать, но в ваших с Джейной командировках особых условий размещения не обещаю. Тут уж

разбирайтесь сами. Ронда, конечно, в курсе того, что происходит между Джейной и тобой…

– Да ничего не происходит! – выпалил он.

– Я понимаю, работа у нас нелегкая, стресса много. Но у тебя ведь такая красивая, очаровательная жена, такие милые ребятишки. Не отказывайся от всего этого.

– Все не так, как ты думаешь, Джон! И не так, как думает она. Ты должен мне поверить. – Все это время он так и таращится на телефон, очевидно надеясь, как следует сконцентрировавшись, прожечь в нем дырку. Он весь в холодном поту, я вижу, как у него на шее пульсирует артерия. Грег стремительно катится в пропасть.

И в этот момент я сдаюсь.

– Ты посмотри на себя, жалкая размазня! – Я триумфально усмехаюсь. – А еще зовешься дознавателем!

Как раз в то время он готовил главу о ведении допроса для «Руководства по классификации преступлений».

– Ты что-нибудь сделал, за что чувствуешь себя виноватым?

– Нет, Джон, клянусь!

– Но погляди – ты же как пластилин в моих руках. Ты ни в чем не виноват. Ты бывший начальник полиции. Ты опытный дознаватель. И все равно я из тебя веревки мог вить. И что ты скажешь в свою защиту?

От облегчения пот стекает по его лысой голове. Он ничего не говорит в свою защиту, но ему ясно, что я имел в виду. Я сумел его развести, потому что с тем же успехом такое проделывали со мной – и еще проделают, если сложится подходящая ситуация.

Мы все уязвимы. Неважно, сколько всего ты знаешь, насколько ты опытен, сколько допросил подозреваемых. Неважно, как хорошо ты владеешь техникой. Каждого из нас можно развести, если найти слабое место.

Я убедился в этом в одном из моих первых расследований в качестве профайлера и с тех пор неоднократно применял те знания на деле – не только для наглядной демонстрации, но и со своей командой. Тогда я впервые устроил постановочный допрос.

В декабре 1979-го специальный агент Роберт Лири из Рома, штат Джорджия, позвонил сообщить мне детали особенно вопиющего дела, которому просил присвоить наивысший приоритет. За неделю до этого

Мэри Фрэнсис Стоунер, симпатичная общительная двенадцатилетняя девочка из Адерсвиля, в получасе езды от Рома, пропала после того, как высадилась из школьного автобуса на проселке, ведущем к ее дому, примерно в ста ярдах от основной дороги. Ее тело нашли позднее в десяти милях оттуда в лескé, где встречались влюбленные – молодая парочка заметила ярко-желтый плащ, накинутый ей на голову. Подростки обратились в полицию и, что очень важно, не притронулись к месту преступления. Причиной смерти был удар тупым орудием по голове; на вскрытии был обнаружен перелом черепа, соответствующий по форме тяжелому камню (такой камень, весь в крови, лежал рядом с головой на фотографиях с места преступления). Следы на шее свидетельствовали также о ручной странгуляции сзади.

Прежде чем изучить материалы дела, я решил как можно больше разузнать о жертве. О Мэри Фрэнсис говорили исключительно хорошее. Ее описывали как дружелюбную, веселую и общительную. Она была красивой и невинной, участвовала в школьном марширующем оркестре и часто ходила на уроки прямо в оркестровой форме. В общем, славная двенадцатилетняя девчушка, которая выглядела на свои двенадцать и не изображала восемнадцатилетнюю. Она не встречалась с парнями, не употребляла наркотики и алкоголь. Вскрытие подтвердило, что до изнасилования она была девственницей. Иными словами, ее можно было охарактеризовать как жертву низкого риска, похищенную из низкорискового окружения.

Выслушав Лири и изучив материалы и фотографии с места преступления, я набросал следующие заметки на полстранички:

Профиль
Пол – мужской
Раса – белый
Возраст – от 25 до 29 лет
Брак – женат: проблемы или развод
Армия – уволен из-за нарушений или по здоровью
Профессия – техническая: электрик, сантехник
IQ – средний, выше среднего
Образование – как минимум старшая школа, отчислен
Криминальная история – поджог, изнасилование
Личность – уверенный, дерзкий, прошел полиграф

Цвет машины – черный или синий
Допрос – прямой, напористый

Это было случайное изнасилование, убийство преступник не планировал и не предполагал. То, что труп был одет кое-как, указывало на то, что он заставил Мэри Фрэнсис раздеться, а потом, после изнасилования, позволил по-быстрому одеться обратно. На фотографии я заметил, что у нее был развязан один шнурок; в отчете говорилось, что на трусиках остались следы крови. На спине, ягодицах и стопах не было лесного мусора, а это означало, что ее изнасиловали в машине, а не на земле в лесу, где нашли труп.

Внимательно изучив в целом обычные фотографии с места преступления, я начал понимать, что там произошло. Собственно, я составил картину в целом.

Из-за своей молодости, а также дружелюбного и общительного характера Мэри Фрэнсис казалась доступной и легкой добычей – тем более в таком безопасном месте, как остановка школьного автобуса. Очевидно, НС подманил ее к своей машине, а потом схватил или затолкал в салон, угрожая ножом или пистолетом. Удаленность леска, в котором нашли труп, указывала, что он хорошо знал местность и понимал, что там их не потревожат.

Судя по месту, с которого ее похитили, я мог сказать, что преступление не было запланировано: скорее оно развивалось с ходом событий. Как в случае Одома и Лоусона, если бы кто-нибудь еще оказался там в этот момент, ничего бы не произошло. Из-за открытости и улыбчивости девочки преступник в своих фантазиях мог принять ее невинное дружелюбие за развратность и желание затеять с ним сексуальную игру.

Конечно, в действительности это было максимально далеко от правды. Когда он на нее набросился, она пришла в ужас, стала звать на помощь и умолять не убивать ее. Фантазии, которые он лелеял много лет, – это одно, но реальность оказалась не такой чарующей. Он утратил контроль над ситуацией с этой маленькой девочкой и понял, что попал в переделку.

В этот момент он осознает, что единственный способ выкрутиться для него – убить ее. Но поскольку жертва борется за жизнь, контролировать ее куда трудней, чем он себе представлял. Поэтому,

чтобы облегчить себе задачу, сделать ее более послушной и уступчивой, он приказывает ей быстро одеться – сейчас он ее отпустит. Он мог либо позволить ей уйти, либо привязать к дереву и уйти сам – по крайней мере, так он ей сказал.

Но как только она поворачивается к нему спиной, он бросается на нее сзади и душит. Возможно, она теряет сознание, но, чтобы задушить ее, нужны куда более сильные руки, чем у него. У него не получается довести дело до конца, поэтому он затаскивает ее под дерево, хватает с земли камень, какой попадается под руку, и три или четыре раза бьет ее по голове. Девочка умирает.

Я не предполагал, что убийца хорошо знал Мэри Фрэнсис, но они виделись в городе, так что она знала его в лицо, а у него было достаточно времени, чтобы сформировать фантазии на ее счет. Возможно, он видел, как она ходит в школу в форме марширующего оркестра.

Судя по тому, что НС прикрыл голову жертвы плащом, ему было стыдно за свое преступление. Я также знал, что время работает против полиции. При таком типе преступления и организованного и умного преступника, если дать ему подумать, все себе объяснить и увериться, что жертва была сама виновата, выбить из него признание будет очень трудно. Даже при проверке на полиграфе результаты будут по меньшей мере противоречивыми. А как только он почувствует, что напряжение ослабло и его отъезд не вызовет подозрений, он смоется куда-нибудь на другой конец страны, где его будет тяжело отследить и где какая-нибудь другая маленькая девочка окажется в опасности.

По моему мнению, НС наверняка был местным и полиция, скорее всего, уже его допрашивала. Он шел на сотрудничество, но держался заносчиво; если бы полиция его обвинила, он бы не сознался. Я сказал им, что преступление такой степени изощренности не может быть первым, хотя высок шанс, что это его первое убийство. Его черная или синяя машина старая, потому что новой он себе позволить не может, но в хорошем состоянии. Все в ней разложено по своим местам. По моему опыту, люди с навязчивой склонностью к порядку в целом предпочитают машины темного цвета.

Выслушав все это, один из офицеров на другом конце провода сказал:

– Вы только что описали парня, которого мы подозревали, но были вынуждены отпустить.

Он по-прежнему оставался подозреваемым по другому преступлению и точно вписывался в профиль. Его звали Даррел Джин Девье – мужчина, белый, двадцати четырех лет, дважды разведенный, живет с первой бывшей женой. В Роме он занимался обрезкой веток на деревьях; подозревался в изнасиловании тринадцатилетней девочки, но обвинения ему не предъявили. Служил в армии после первого развода, но сбежал в самоволку и через семь месяцев был уволен. Ездит на трехлетнем черном «Форд-Пинто», который содержит в отличном состоянии. Признался, что подростком был арестован за хранение коктейля Молотова. Он ушел из школы после восьмого класса, но показывал коэффициент интеллекта 100–110.

Его допрашивали на предмет того, не видел ли или не слышал ли он чего-нибудь, поскольку занимался обрезкой веток на улице, где жили Стоунеры, по заказу электрической компании примерно за две недели до похищения Мэри Фрэнсис. Полиция сообщила мне, что как раз на этот день у него назначена проверка на полиграфе.

Я ответил, что это плохая идея. Они ничего не добьются, а подозреваемый лишь укрепится в уверенности, что он может обмануть машину. В те времена у нас не было особого опыта в составлении стратегии допросов, но по тюремным интервью и исследованиям серийных убийц я знал, что прав. Естественно, когда они позвонили на следующий день, то сказали, что результаты были неоднозначными.

Я ответил, что теперь, когда он прошел детектор лжи, есть только один способ его поймать. Устроить постановочный допрос в полицейском участке посреди ночи. Подозреваемый поначалу будет чувствовать себя уверенно, что сделает его уязвимым. Также он осознает, что полиция настроена серьезно. Он будет понимать, что перерыва не предвидится, потому что впереди не маячат обед или ужин, но он и не станет мишенью для прессы, если сознается. Лучше, если допрос проведут совместно полиция и отделение ФБР в Атланте, чтобы показать, что они выступают единым фронтом и вся государственная власть США действует против него. Я предлагал разложить на столе перед ним стопки папок, подписанных его фамилией, – пусть даже в них будут чистые листы.

Самое главное: окровавленный камень надо положить на низкий столик под углом в сорок пять градусов от подозреваемого, чтобы он, если захочет посмотреть, должен был на него коситься. Говорить о камне не надо – просто наблюдайте за невербальными подсказками: его поведением, дыханием, потением, пульсом сонной артерии. Если он убийца, то не сможет не обращать на камень внимания, даже если вы не упомянете о нем и не объясните его значения.

Нам надо как следует «прожарить задницу» подозреваемому. В действительности я использовал дело Стоунер для проверки моих теорий. Многие техники, которые мы впоследствии усовершенствовали, произошли оттуда.

Он не признается, продолжал я. В Джорджии действует смертная казнь, и даже если его просто посадят, слух о насильнике детей разнесется в минуту, и, как только он отправится в душ, его изнасилуют самого. Все остальные заключенные будут охотиться за этим парнем.

Используйте приглушенное, таинственное освещение и проследите, чтобы в допросной одновременно находилось не больше двух офицеров, желательно один из ФБР и один из Департамента полиции Адерсвила. Начните с того, что вы понимаете подозреваемого, понимаете, через что он проходит и какой переживает стресс. Как бы вам ни было противно, постарайтесь переложить вину на жертву. Спросите, не соблазняла ли она его, не заманивала ли, не угрожала ли шантажом. Дайте ему возможность сохранить лицо. Предложите способ объяснить свои действия.

По другим делам я также знал, что в случае убийства тупым предметом или ножом на убийце практически всегда остается кровь жертвы – хотя бы ее следы. Этим надо воспользоваться. Когда вы увидите, что он колеблется, даже чуть-чуть, сказал я, посмотрите ему прямо в глаза и скажите, что главное в этом деле – общеизвестный факт, что кровь Мэри осталась на нем.

Мы знаем, что на тебе кровь, Джин, на твоих руках, твоей одежде. Вопрос не в том, убил ты или нет. Мы знаем, что ты убил. Вопрос – почему? Мы думаем, что знаем почему, и мы тебя понимаем. Тебе надо только сказать, что мы правы.

Именно так все и произошло. Они приводят Девье; он сразу же замечает камень, начинает потеть и тяжело дышать. Язык тела у него

становится совсем другим по сравнению с предыдущим допросом: теперь он ведет себя настороженно и опасливо. Допрашивающие перекладывают вину на девочку и, когда он вроде бы уже готов признаться, огорошивают его фразой про кровь. Это его ошеломляет. О том, нужного ли парня вы поймали, можно судить по тому, как он вдруг замолкает и начинает ловить каждое ваше слово. Невиновный будет орать и бушевать. А виновный, даже если орет и бушует, доказывая, что ничего не делал, выглядит неубедительно.

Он признается в изнасиловании и соглашается с офицером, что девочка ему угрожала. Боб Лири говорит ему: они знают, что он не собирался ее убивать. Если бы собирался, запасся бы чем-нибудь понадежнее камня. В конце концов он признается в убийстве и изнасиловании в Роме годом раньше. Даррела Джина Девье судили за изнасилование и убийство Мэри Фрэнсис Стоунер, признали виновным и приговорили к смертной казни. Он был казнен в Джорджии на электрическом стуле 18 мая 1995 года, спустя почти шестнадцать лет после убийства и ареста – это почти на четыре года больше, чем Мэри Фрэнсис прожила на земле.

Ключом к допросам такого типа, по моему мнению, является креативность – надо использовать воображение. Я спрашиваю себя: «Что бы меня зацепило, будь я на месте преступника?» У нас у всех есть слабости. Для каждого из нас зацепка будет разной. В моем случае, с моей небрежностью в отношении бухгалтерской отчетности, моему ОСА достаточно вызвать меня к себе и бросить на стол какой-нибудь из моих чеков, чтобы я покрылся потом от ужаса. В общем, что-нибудь всегда есть.

У каждого свой камень преткновения.

Уроки, которые мы извлекли из дела Девье, можно применять не только в расследованиях серийных убийств. Будь то растрата, коррупция в государственных органах или мафиозная группировка, принципы остаются теми же. Во всех этих расследованиях я посоветовал бы выбрать слабое звено, найти способ пообщаться с таким человеком и дать понять, что ему грозит, а потом с его помощью разоблачить остальных.

В любом деле с преступным сговором это самое главное. Достаточно убедить всего лишь одного парня, предложив ему программу защиты свидетелей, а потом смотреть, как рассыпается

весь карточный домик. Но важно выбрать, к кому именно обратиться первым, потому что, если вы ошибетесь и не сможете его убедить, он поставит в известность остальных и вы вернетесь в нулевую точку.

Представим, что мы расследуем коррупцию в государственных органах большого города и подозреваем, что в сговор вовлечено от восьми до десяти человек из одного учреждения. Конечно, наилучшей «добычей» было бы первое или второе лицо этого ведомства. Но мы собираем информацию по нему и понимаем, что, помимо коррумпированности, он вполне приличный человек. Он не пьет и не бегает за женщинами, вообще, он отличный семьянин, ничем не болеет, не испытывает проблем с деньгами – у него нет очевидных слабостей. Если ФБР обратится к нему, велик шанс, что он просто будет все отрицать, пошлет нас к черту и предупредит остальных.

Чтобы вскрыть сговор, надо подцепить на крючок мелкую рыбешку – так действует мафия. Мы изучаем все материалы, и, скорее всего, какой-нибудь кандидат кажется нам подходящим. Нет, он не из руководства – простой клерк, занимающийся бумажной работой. Сидит на этой должности уже лет двадцать, так что все поставил на нее. У него проблемы с финансами и со здоровьем, то есть его есть на что ловить.

Дальше надо выбрать «актерский состав» для проведения допроса. На роль главного дознавателя я бы советовал человека чуть старше и авторитетнее, чем наш субъект, хорошо одетого, с внушительной внешностью, который может быть дружелюбным и открытым, а потом, когда субъект расслабится, вдруг станет полностью серьезным и сосредоточенным.

Если в ближайшее время ожидаются праздники, а может, у субъекта приближается день рождения или какая-нибудь годовщина, я советовал бы выждать и воспользоваться этим. Если вы приводите его на допрос и он понимает, что, если не будет сотрудничать, это могут оказаться его последние праздники с семьей, это даст вам дополнительное преимущество.

«Постановка» может быть не менее эффективной, чем в деле Стоунер, и с теми, кто совершил ненасильственное преступление. В любом случае я советовал бы собрать все материалы дела в одном месте, например занять конференц-зал якобы для вашей «следственной группы», согнать туда всех агентов, персонал и сложить кучи папок,

чтобы показать подозреваемому, как серьезно вы настроены. Если можете «украсить» стены, скажем, увеличенными фото с кадрами видеонаблюдения и другими указаниями на то, сколько разных инстанций задействовано в расследовании, это еще яснее даст подозреваемому понять, в какой переплет он попал. Парочка мониторов, на которых крутится видеосъемка подозреваемого, станет вишенкой на торте.

Среди моих любимых финальных штрихов – настенные диаграммы, показывающие, какой срок грозит каждому фигуранту дела в случае обвинительного приговора. Тут нет ничего особо изощренного, но они усиливают давление на подозреваемого и напоминают ему о высоте ставок. Я хочу «прожарить ему задницу» как можно сильнее.

Я всегда считал, что раннее утро и поздний вечер – лучшее время для проведения допроса. Люди более расслаблены и, соответственно, более уязвимы; опять же, если вы покажете, что работаете над делом по ночам, то сразу дадите понять, насколько серьезным его считаете. Другое практическое значение ночного допроса в случае преступного сговора – вашего субъекта не увидят остальные. Если он решит, что его сдали, никакой сделки не выйдет.

Основой любой успешной сделки являются правдивость и обращение к здравому смыслу выбранного вами человека. «Постановка» должна привлекать внимание к ключевым элементам дела. Если бы я собирался допросить субъекта по делу о коррупции, то позвонил бы ему домой поздно вечером и сказал что-нибудь вроде:

– Сэр, нам необходимо поговорить с вами прямо сейчас. Агенты ФБР за вами заедут.

Я бы подчеркнул, что это не арест и он не обязан ехать с ними. Но очень бы ему советовал не упираться, потому что другого шанса может не быть. Пока что нет необходимости зачитывать ему права, потому что его ни в чем не обвиняют.

После его прибытия в офис я дал бы ему время успокоиться. Когда на футболе вам предстоит пенальти, лучше взять тайм-аут, чтобы дать тому, кто его будет выполнять, время подготовиться. Все, кому приходилось ждать в приемной врача, знают, насколько это может быть эффективно.

Когда его приведут ко мне, я бы закрыл дверь, стараясь держаться приветливо и по-дружески и говорить понимающим тоном, «как мужчина с мужчиной». Я обращался бы к нему по имени.

– Хочу повторить, что вы не арестованы, – напомнил бы я. – Вы можете уйти в любое время, если пожелаете, и мои люди отвезут вас домой. Но, думаю, вам стоит меня выслушать. Это может быть самый важный момент в вашей жизни.

Думаю, тут я бы повторил сегодняшнюю дату – чтобы убедиться, что мы на одной волне.

– Я хочу, чтобы вы знали: мы в курсе ваших проблем со здоровьем, и у нас тут дежурит врач.

Это должно быть правдой; здоровье – одна из причин, по которым мы выбрали этого парня.

Теперь начинаем «прожарку». Я подчеркиваю, что ФБР знает: он всего лишь мелкая сошка, ему недоплачивают за то, что он делает, и нужен нам вовсе не он.

– Прямо сейчас мы допрашиваем нескольких человек, замешанных в этом деле. Корабль уже тонет – это несомненно. Вы можете уйти на дно вместе с ним, но мы предлагаем вам спасательный круг. Мы знаем, что вас использовали, вами манипулировали люди выше по должности, более влиятельные. У нас за дверью стоит прокурор, готовый предложить вам сделку – если вы на нее согласны.

В качестве решающего аргумента я бы подчеркнул:

– Помните, предложение делается только один раз. У меня двадцать агентов работают над этим делом. Мы можем прямо сейчас пойти и арестовать всех, если нам понадобится. Уверен, если не вы, кто-нибудь другой точно согласится. А вы утонете вместе с кораблем. Если хотите пойти на дно с большими шишками, дело ваше. Но сегодня мы разговариваем вот так в последний раз. Так вы согласны сотрудничать?

Если да – а согласиться в его интересах, – мы зачитываем ему права и позволяем связаться с адвокатом. В доказательство его намерений я предлагаю прямо сейчас договориться для нас о встрече с другим участником сговора. Нельзя давать ему время на размышления, чтобы он не передумал. Как только вы договорились, остальные части головоломки начинают вставать на место.

Причина, по которой эта схема работает, даже если ее суть известна вам заранее, в том, что она выгодна и следователю, и субъекту. Она основана на его реальных слабостях, скроена под его обстоятельства и эмоциональные потребности. Даже сознавая, что сцена подстроена для вящего эффекта, я на месте субъекта согласился бы на сделку, потому что это мой шанс. Стратегия, стоящая за таким типом допроса, – та же самая, что я применил в деле об убийстве Стоунер. Надо спросить себя: «А меня что бы зацепило?»

Потому что камень преткновения есть у всех.

Гэри Трэпнелл, вооруженный грабитель и угонщик самолета, которого я допрашивал в федеральной тюрьме в Мэрионе, штат Иллинойс, был не глупей других преступников, которых мы изучали. Это он, полностью уверенный в своих способностях, утверждал, что может заставить любого тюремного психиатра поверить в то, что страдает любой психической болезнью по моему выбору. Точно так же он был уверен, что, если выберется из тюрьмы, мы его не поймаем.

– Вам меня не поймать! – ухмыльнулся он.

– Ладно, Гэри, – сказал я, – давай представим, что ты сбежал. Конечно, ты достаточно умен, чтобы прервать все контакты с семей, чтобы федералы тебя не выследили. Теперь: мне известно, что твой отец был военным в высоком звании, с кучей медалей. Ты его по-настоящему любил и уважал. Хотел быть на него похожим. А в преступления ударился, когда он умер.

По его лицу я вижу, что нащупал нужную струну, – я его зацепил.

– Твой отец похоронен на Арлингтонском национальном кладбище. Что, если я отправлю агентов последить за его могилой, скажем, на Рождество, в день его рождения и годовщину смерти?

Рот Трэпнелла непроизвольно растянулся в сардонической улыбке.

– Ладно, сдаюсь! – признал он.

И снова: эта мысль пришла мне в голову потому, что я постарался поставить себя на его место; попытался угадать, что зацепило бы меня. Опыт говорит мне, что есть способ добраться до каждого: главное – угадать какой.

В моем случае это может быть нечто вроде того, что я использовал с Трэпнеллом, – некая особая дата может стать эмоциональным триггером.

У моей сестры Арлен была очаровательная дочь-блондинка по имени Ким. Она родилась в один день со мной, 18 июня, и я всегда ощущал с ней особенную связь. В шестнадцать лет Ким скончалась во сне – точную причину мы так и не смогли установить. Я очень скучаю по ней и продолжаю любить, тем более что моя старшая дочь, Эрика, теперь уже студентка колледжа, очень похожа на Ким. Уверен, что, глядя на Эрику, Арлен видит перед собой Ким, какой та была бы в этом возрасте. И моя мама тоже.

Придись мне допрашивать *меня*, я бы подгадал к моему дню рождения: я в прекрасном настроении, жду торжества в кругу семьи. Но одновременно вспоминаю племянницу Ким – наши общие праздники, как она была похожа на Эрику – и от этого эмоционально более уязвим. Если я увижу фотографии обеих девочек на стене, то совсем расклеюсь.

И неважно, что я буду знать стратегию, которую против меня используют. Неважно, что я сам ее и придумал. Если триггер выбран правильно и основан на реальных эмоциях и тревогах, велики шансы, что он сработает. Мой триггер таков, ваш может быть другим, и мы постараемся отыскать его, если понадобится. Но он всегда есть.

Камень преткновения у каждого свой.

Глава 11
Атланта

Зимой 1981 года Атланта стала местом боевых действий.

Все началось полутора годами раньше, почти незаметно. А прежде чем закончилось – если вообще закончилось, – стало одной из самых крупных и, пожалуй, одной из самых громких охот на человека в американской истории, политически окрашенной и разделившей страну на два лагеря. Каждый шаг в расследовании был противоречив и труден.

Двадцать восьмого июля 1979 года полиция приехала по вызову на Ниски-Лейк-роуд, где из леса шел отвратительный запах, и нашла труп тринадцатилетнего Альфреда Эванса, пропавшего три дня назад. Изучая местность, полицейские нашли еще один труп в пятнадцати футах оттуда – уже частично разложившийся, – который принадлежал четырнадцатилетнему Эдварду Смиту, пропавшему за четыре дня до Альфреда. Оба мальчика были чернокожими. Судмедэксперт установил, что Альфреда Эванса предположительно задушили; Эдвард Смит был застрелен из оружия 22-го калибра.

Восьмого ноября в заброшенном здании школы было найдено тело девятилетнего Юсифа Белла. Он числился пропавшим с конца октября и тоже был задушен. Через восемь дней труп четырнадцатилетнего Милтона Харви нашли возле Редвайн-роуд и Дезерт-драйв в районе Ист-Пойнт. О его пропаже в полицию заявили в начале сентября; как с Альфредом Эвансом, точную причину смерти установить не удалось. Оба этих ребенка тоже были чернокожими. Но достаточного сходства между всеми этими убийствами не наблюдалось; к сожалению, в городах размерами с Атланту дети исчезают постоянно. Некоторых из них находят мертвыми.

Утром 5 марта 1980 года двенадцатилетняя девочка по имени Эйнджел Ланье ушла в школу, но так туда и не явилась. Пять дней спустя ее тело нашли связанным электрическим проводом и с кляпом во рту на обочине дороги. Девочка была полностью одета, включая белье, но другие трусы были использованы для кляпа. Причиной

смерти являлась лигатурная странгуляция. Судмедэксперт не обнаружил признаков сексуального насилия.

Одиннадцатилетний Джеффри Мэтис пропал 12 марта. К тому моменту Департамент полиции Атланты все еще не связывал между собой пропажи шестерых чернокожих детей, которых нашли мертвыми. Между делами имелись как сходства, так и различия, поэтому вероятность их связи полиция всерьез не рассматривала.

А вот другие люди – да. Пятнадцатого апреля мать Юсифа Белла Камиль, объединившись с родителями других пропавших и убитых чернокожих детей, объявила о создании Комитета против детоубийства. Они обратились за помощью к властям, требуя признать, что происходит серия преступлений. Казалось бы, такого никак не могло случиться в Атланте, городе-космополите и столице Нового Юга. Город постоянно находился в движении, там «не было времени на межрасовую ненависть», чем очень гордились чернокожий мэр Мейнард Джексон и комиссар по безопасности Ли Браун.

Но кошмар продолжался. Девятнадцатого мая четырнадцатилетнего Эрика Мидлбрука нашли убитым в четверти мили от дома. Причиной смерти был удар тупым орудием по голове. Девятого числа пропал двенадцатилетний Кристофер Ричардсон. А 22 июня вторая девочка, восьмилетняя Латония Уилсон, была похищена из собственной спальни ранним воскресным утром. Два дня спустя тело десятилетнего Аарона Уайча нашли под мостом в округе Декалб. Он умер от асфиксии со сломанной шеей. Энтони «Тони» Картера девяти лет нашли за складом на Уэллс-стрит 6 июня лежащим лицом в траву – он погиб от множественных ножевых ран. Судя по отсутствию крови, можно было сделать вывод, что труп перевезли из другого места.

Дальше игнорировать наличие серии было нельзя. Комиссар по безопасности Браун организовал следственную группу по исчезновениям и убийствам, в которую со временем вошло более пятидесяти человек. Тем не менее преступления продолжались. Эрл Террел десяти лет пропал 31 июля с Редвайн-роуд, неподалеку от места, где был найден труп Милтона Харви. А когда двенадцатилетнего Клиффорда Джонса нашли мертвым с признаками лигатурной странгуляции в переулке возле Голливуд-роуд, полицейские наконец признали связь между убийствами и заявили, что

теперь расследование будет проводиться на основании предпосылки, что смерти детей связаны между собой.

До этого момента дело не относилось к юрисдикции ФБР и, несмотря на свой вопиющий характер, оставалось в ведении местных властей. Перелом произошел с исчезновением Эрла Террела – его семье стали поступать телефонные звонки с требованием выкупа за возвращение сына. Звонивший утверждал, что Эрла увезли в Алабаму. Предполагаемое пересечение границ штата вводило в действие закон о похищениях людей и позволяло ФБР вмешаться в расследование. Однако скоро выяснилось, что звонки были ложными. Надежда найти Эрла живым таяла, и ФБР пришлось самоустраниться.

Другой мальчик, одиннадцатилетний Дэррон Гласс, пропал 16 сентября. Мэр Мейнард Джексон запросил помощь в Белом доме – в первую очередь он настаивал на привлечении ФБР к проведению крупнейшего в стране расследования убийств и исчезновений детей. Юрисдикция по-прежнему оставалась под вопросом, и генеральный прокурор Гриффин Белл приказал ФБР выяснить, были ли дети, считавшиеся пропавшими, перевезены через границу штата – иными словами, имеет ли дело федеральный характер. Полевому офису в Атланте было также поручено установить, действительно ли убийства и пропажи связаны между собой. Выражаясь кратко, Бюро давали понять: раскройте эти дела и найдите убийцу, причем в кратчайшие сроки.

Естественно, пресса подливала масла в огонь. Растущая галерея чернокожих детских лиц ежедневно появлялась на первых полосах газет, словно признание общегородской вины. Что, если это заговор с целью геноцида чернокожего населения, направленный против его самых уязвимых представителей? Вдруг это ку-клукс-клан, или нацисты, или другая агрессивная группировка заявляют о себе спустя полтора десятилетия после официального признания равноправия? Или просто какой-то псих придумал себе личную миссию – убивать чернокожих детей? Последнее казалось маловероятным: убийства совершались в стремительно ускоряющемся темпе. И пока что подавляющее большинство серийных убийц оказывались белыми и не охотились за пределами своей расовой группы. Серийное убийство – преступление личное, а не политическое.

Но это давало ФБР еще одно убедительное основание вмешаться в дело. Даже если с похищением через границу штата не выгорит, мы все равно должны были установить, не подходит ли серия под классификацию 44: нарушение федеральных гражданских прав.

К моменту, когда мы с Роем Хейзелвудом приехали в Атланту, было совершено шестнадцать убийств, и конца им не предвиделось. Дело получило официально название АТКИД, или «Номер 30». Прибывших агентов ФБР фанфарами не встречали; полиция Атланты не хотела, чтобы другие украли у них славу, а полевой офис ФБР в Атланте не хотел создавать ожидания, соответствовать которым ему, может, и не удастся.

Выбор Роя Хейзелвуда в качестве моего напарника в Атланте был вполне логичным. Из всех инструкторов отдела поведенческих наук Рой больше всего занимался профилированием, преподавал в Национальной академии курс по телесному насилию и занимался большинством дел об изнасилованиях, которые к нам поступали. Нашей основной целью было установить для себя, связаны ли убийства между собой, а если да, то есть ли заговор?

Мы пересмотрели объемистые папки с материалами – фотографиями с мест преступления, описаниями одежды каждого ребенка, в которой он был найден, свидетельскими показаниями и отчетами о вскрытиях. Мы опросили членов семей жертв, чтобы проверить, прослеживается ли общая виктимология. Полиция провезла нас по районам, откуда исчезали дети, и показала все места, где находили трупы.

Не обсуждая друг с другом свои впечатления, мы с Роем прошли психометрические тесты под наблюдением судебного психолога: мы заполняли их от лица убийцы. Тесты касались мотивации, происхождения, семейной жизни – всех тех вещей, которые мы включаем в профиль. Врача, проводившего тесты, поразило, что наши результаты оказались практически идентичными.

И то, что мы имели сказать, вряд ли прибавило бы нам популярности.

Во-первых, мы не считали, что это убийства мести – по типу ку-клукс-клановских. Во-вторых, мы были почти уверены, что преступник чернокожий. И в-третьих, хотя многие смерти и исчезновения были связаны, этого нельзя было сказать обо всех.

Следственное бюро Джорджии получило множество наводок на участие ку-клукс-клана, но мы их отмели. Если проследить преступления на почве ненависти с начала существования американской нации, становится ясно, что все они были демонстративными, явственно символическими актами. Такое преступление – или другое расовое убийство – это акт терроризма, и, чтобы достичь нужного эффекта, оно не должно пройти незамеченным. Ку-клукс-клановцы наряжались в белое не для того, чтобы лучше прятаться в темноте. Если какая-то группировка на почве ненависти убивала бы в Атланте детей, она не стала бы ждать долгие месяцы, прежде чем полиция и общественность сообразят, что происходит. Да они развешивали бы трупы на центральной улице, не стесняясь наглядно иллюстрировать свое послание. Но ни в одном из наших дел такого поведения не прослеживалось.

Тела находили преимущественно, а то и исключительно, в черных районах города. Белый человек, тем более группа людей, ни за что не остался бы там незамеченным. Полиция прочесала эти районы мелким гребнем, но не было никаких упоминаний о белых, крутившихся возле детей или мест обнаружения трупов. В этих кварталах жизнь била ключом круглосуточно, поэтому даже среди ночи белый человек был бы там на виду. Это укладывалось и в наши выводы о том, что серийные убийцы действуют в пределах своей расовой группы. Хотя доказательств сексуального насилия не было, у преступлений явно имелся сексуальный подтекст.

Между некоторыми жертвами прослеживалась очевидная связь. Они были юными, общительными, уличными детьми, но неопытными и скорее наивными насчет мира за пределами их квартала. Мы считали, что именно такой тип жертвы проще всего заманить обманом или уловками, особенно если за это возьмется «правильный» человек. У него наверняка есть машина, потому что детей увозили с мест похищения. И нам казалось, он должен обладать аурой взрослости и влиятельности. Многие из этих детей жили в нищете, в некоторых домах не было даже водопровода и электричества.

Поэтому, а также за недостатком искушенности особенно хитрить с ними не требовалось. Чтобы это проверить, мы разослали переодетых полицейских по черным кварталам; притворяясь подсобными рабочими, они предлагали детям пять долларов, чтобы те

пошли с ними и помогли с чем-нибудь. Полицейские были как чернокожими, так и белыми, но это не имело значения – в борьбе за выживание дети за пять долларов были готовы практически на что угодно. Наш эксперимент также доказал, что белому человеку в черных кварталах точно не спрятаться.

Но, как я уже говорил, хоть мы и нашли выраженную связь, она присутствовала не во всех случаях. Тщательно изучив жертв и обстоятельства, я пришел к выводу, что двух девочек похитил другой преступник – возможно, обеих один и тот же. Слишком уж выпадало из общего ряда похищение Латонии Уилсон из собственной спальни. Из мальчиков, по моему мнению, только «мягкие убийства» – странгуляции – были связаны между собой, но не обязательно с остальными с неизвестной причиной смерти. Другие аспекты дел также указывали, что убийца мог быть не один. В паре случаев имелись веские доказательства вины членов семьи, но, когда директор ФБР Уильям Вебстер заявил об этом публично, пресса забросала его помидорами. Помимо очевидных политических проблем с этим заявлением, любой случай, вычеркнутый из списка дел о пропаже и об убийствах, перекрывал семье путь к выплатам из фондов, которые уже начали собираться благодаря пожертвованиям со всей страны.

Хотя мы полагали, что не за все убийства отвечает один преступник, мы знали, что охотимся за конкретным человеком, который пошел вразнос и будет убивать, пока мы его не найдем. Мы с Роем составили его профиль: чернокожий мужчина, одинокий, от 25 до 29 лет. Поклонник полиции, ездит на автомобиле полицейского типа, может каким-то образом пытаться участвовать в расследовании. Держит собаку, как у полиции, немецкую овчарку или добермана. Девушки нет, испытывает сексуальное влечение к мальчикам, хотя признаков проникновения или другого сексуального насилия обнаружено не было. Это, по моему мнению, говорило о его сексуальной неадекватности. Он использовал в общении с детьми какую-то уловку или приманку. Я мог поспорить, что он имеет отношение к музыке и выступлениям на сцене. Возможно, у него талант, которому он не нашел применения. В какой-то момент в каждом случае ребенок его отвергает – или, по крайней мере, он сам решает так, – и преступник считает убийство единственным выходом.

Департамент полиции Атланты проверил всех известных педофилов и преступников с историей сексуальных правонарушений; на выходе получился список из полутора тысяч человек. Полицейские и агенты ФБР обходили школы и опрашивали детей, чтобы проверить, не заговаривал ли с кем-то из них взрослый мужчина, о котором они не рассказали ни родителям, ни полиции. Они раздавали на улицах и в автобусах листовки с фотографиями пропавших детей, спрашивая, не видел ли их кто – особенно в компании мужчин. Переодетые офицеры ходили по гей-барам, подслушивая разговоры в поисках зацепок.

Не все соглашались с нами, и не все были рады нашему присутствию. На одном месте преступления в заброшенном жилом доме чернокожий полицейский подошел ко мне и сказал:

– Вы же Дуглас, так?

– Да, это я.

– Видел я ваш профиль. Кусок говна.

Уж не знаю, оценивал ли он мою работу или намекал на утверждения прессы о том, что чернокожих серийных убийц не бывает. На самом деле это не совсем так. У нас были дела о чернокожих серийных убийцах – как проституток, так и членов семьи, – но не было убийств незнакомцев и ни одного с таким модус операнди, как в данном случае.

– Слушайте, я ведь не сам сюда напросился, – ответил я. – Это была не моя инициатива.

Так или иначе, но уровень напряжения был высочайшим. Все участники стремились как можно скорее раскрыть дело, но каждый хотел раскрыть его сам. Как часто бывает, нас с Роем привлекли специально, чтобы отвлечь от себя огонь и свалить все на ФБР, если кое-что полетит в вентилятор.

Помимо теории о заговоре ку-клукс-клана, выдвигались и другие, одна причудливее другой. У убитых детей отсутствовали некоторые предметы одежды, но всегда разные. Может, преступник наряжал манекен у себя дома, как Эд Гин наряжал свой человеческой кожей? Возможно ли считать эволюцией маньяка то, что он стал оставлять тела у всех на виду? А что, если изначальный НС покончил с собой и теперь вместо него действует подражатель?

Для меня первый реальный прорыв произошел, когда я вернулся в Куантико. В полицейский участок в Коньерсе, небольшом городке в

двадцати милях от Атланты, поступил звонок. Там решили, что у следствия наконец-то появилась зацепка. Я прослушал пленку в кабинете Ларри Монро вместе с доктором Парком Дитцем. Прежде чем стать начальником отдела поведенческих наук, Монро был одним из самых выдающихся инструкторов в Куантико. Как Энн Берджесс, Парка Дитца привлек в отдел Рой Хейзелвуд. Он тогда был в Гарварде и уже приобрел определенную репутацию в правоохранительных кругах. Сейчас, перебравшись в Калифорнию, Парк является, пожалуй, ведущим судебным психиатром в стране и часто консультирует наш отдел.

Звонивший утверждал, что он – серийный убийца детей из Атланты; он назвал имя последней известной жертвы. Он явно был белым, звучал как обычный работяга и обещал, что и дальше будет «убивать этих мелких ниггеров». Он также указал на конкретное место на Сигмон-роуд в округе Рокдейл, где полиция может найти другое тело.

Я помню, какое возбуждение охватило всех присутствовавших в кабинете, и, боюсь, я его охладил.

– Это не убийца, – объявил я, – но его надо поймать, потому что он продолжит звонить и быть занозой в заднице, отвлекая нас, пока мы его не вычислим.

Несмотря на радость полицейских, я был уверен, что прав насчет этого придурка. У меня уже случалась сходная ситуация чуть раньше, когда мы с Бобом Ресслером в Англии преподавали свой курс в Британской полицейской академии Брамсхилл (их эквиваленте Куантико), в часе езды от Лондона. У них тогда как раз ловили Йоркширского потрошителя. Убийца, явно бравший пример с уайтчепелских преступлений поздней Викторианской эпохи, нападал на женщин, преимущественно проституток, с ножом. Пока что на его счету было восемь смертей. Еще трем женщинам удалось убежать, но описать его они не смогли. Возраст преступника оценивался от подросткового до шестидесяти лет; как Атланта, вся Англия была охвачена ужасом. Это была величайшая охота на преступника в истории Британии. Полиция в ходе того расследования провела почти четверть миллиона индивидуальных допросов по всей стране.

Полицейские департаменты и газеты получали анонимные письма с признаниями в убийствах. Затем на адрес главного инспектора

Джорджа Олдфилда пришла аудиокассета с двухминутной записью, где преступник насмехался над полицейскими и обещал нанести новый удар. Как в Атланте, это тоже показалось большим прорывом. Пленку скопировали и крутили по всей стране – по телевизору и радио, бесплатным телефонным линиям, в динамиках на футбольных матчах, – чтобы проверить, не узнает ли кто голос.

Нам сказали, что в Брамсхилле находится Джон Домэйл. Он был знаменитым копом и ведущим следователем по делу Потрошителя. Он знал, что двое профайлеров из ФБР здесь и нам, пожалуй, неплохо бы встретиться. И вот мы с Бобом сидим после занятий в пабе академии, а какой-то парень входит, узнает другого за столиком и начинает с ним говорить. Мы считываем его невербальные сигналы и понимаем, что он насмехается над чудиками из США. Я говорю Ресслеру:

– Наверняка это он.

Естественно, ему на нас указывают, он с другими ребятами подходит к нам и представляется. Я говорю:

– Похоже, никаких материалов вы с собой не прихватили.

Он начинает сочинять оправдания: мол, дело сложное, чтобы ввести нас в курс, понадобится куча времени, и все в этом духе.

– Очень хорошо, – отвечаю я. – У нас и своих дел по горло. Так что я лучше просто посижу тут с кружечкой пивка.

Такой расслабленный подход пробуждает в британцах интерес; один из них спрашивает, что нам требуется, чтобы составить профиль. Я говорю ему начать с простого описания преступлений. Он сообщает, что НС выбирает женщин в ситуациях, когда они уязвимы, а потом стремительно нападает на них с ножом или молотком. Уродует трупы после смерти. Речь у человека на пленке слишком четкая и грамотная для убийцы проституток. Поэтому я говорю:

– Основываясь на ваших словах и той пленке, что я прослушал в Штатах, это не Потрошитель. Вы теряете с ним время.

Я объяснил, что убийца, которого они ищут, не стал бы коммуницировать с полицией. Он, скорее всего, незаметный одиночка лет тридцати с патологической ненавистью к женщинам, не окончил школу, возможно, работает водителем грузовика, потому что разъезжает по стране. Он убивает проституток из ненависти к женщинам в целом.

Несмотря на кучу времени и ресурсов, потраченных ими на поимку человека на пленке, Домэйл отвечает:

– Знаете, я тоже об этом волновался. И решил изменить ход расследования.

Когда 2 января 1981 года – в разгар убийств в Атланте – был арестован тридцатипятилетний дальнобойщик по имени Питер Сатклифф, оказавшийся Потрошителем, он мало походил на человека, записавшего и приславшего кассету. В действительности ее прислал полицейский в отставке, желавший насолить инспектору Олдфилду.

Прослушав пленку из Джорджии, я переговорил с полицией Коньерса и Атланты и предложил сценарий, с помощью которого можно было отловить нашего обманщика. Как Потрошитель, он говорил насмешливо и свысока.

– Судя по его тону и словам, он считает вас тупыми разинями, – сказал я, – так давайте этим воспользуемся.

Я посоветовал им изобразить как раз таких тупиц: поехать на Сигмон-роуд, но обыскать *противоположную* обочину дороги, то есть не выполнить его инструкций. Наверняка он будет наблюдать – возможно, вам повезет, и вы схватите его на месте. Если нет, он, по крайней мере, позвонит сказать, какие вы идиоты, что искали не там. Парку Дитцу это понравилось, и позднее он включил этот импровизированный прием в свой научный репертуар.

Полиция устроила показное шоу из поисков трупа, нарушила все инструкции, и, конечно же, этот парень позвонил объяснить, какие они придурки. Его отследили и арестовали прямо у него дома. Чтобы убедиться, что он лгал, нужную обочину Сигмон-роуд тоже обследовали, но трупа там, естественно, не оказалось.

Инцидент в Коньерсе был не единственным ложным следом. При крупных расследованиях они возникают сплошь и рядом, и случай в Атланте не стал исключением. Рядом с дорогой, в лесу, близ места обнаружения давних скелетированных останков, детективам попался женский журнал со спермой на некоторых страницах. Лаборатория ФБР сумела снять с них частичные отпечатки пальцев, а по ним установить личность мужчины. Это был белый водитель фургона, работавший дезинсектором. Психологический символизм очевиден – социопатов подобного типа, убивающих насекомых, всего шаг отделяет от убийства чернокожих детей. Мы знали, как много

серийных убийц возвращаются на места преступления или оставления трупа. Полицейские предположили, что он съезжал на обочину в своем фургоне, любовался делом своих рук и мастурбировал, заново переживая возбуждение от нападения и убийства.

Новость доходит до директора ФБР, генерального прокурора и даже Белого дома. Все в нетерпении ожидают, когда смогут заявить о поимке серийного убийцы детей из Атланты. Уже готов пресс-релиз, но несколько обстоятельств меня смущает. Во-первых, он белый. Во-вторых, счастливо женат. Мне кажется, что у этого парня была другая причина остановиться там.

Его вызывают на допрос. Он все отрицает. Ему показывают журнал со страницами, склеившимися от спермы. Ладно, признается он, я там проезжал и выбросил журнал в окно. Это тоже не похоже на правду: он едет сам по себе, одна рука на руле, вторая в штанах, и вдруг швыряет журнал в окно с такой силой, что тот приземляется в лесу? Да у него должны быть руки как у Джонни Юнайтаса!

Сообразив, что это серьезное возражение, он признается, что его жена беременна, вот-вот родит, и у них уже полгода как не было секса. Но он не допускает и мысли об измене любимой женщине, которая носит его ребенка, поэтому отправляется в «Севен-Илевен», покупает журнал, а потом решает в обед уединиться в лесочке и получить некоторое облегчение.

Я всем сердцем соболезновал бедолаге – боже, в этой стране не осталось ничего святого! Подумаешь, человек зашел в лес заняться кое-чем в одиночестве, так нет, теперь даже президент США знает, что он дрочил в кустах!

Когда обманщика из Коньерса поймали, я подумал, что теперь нам станет полегче – по крайней мере, этот расистский ублюдок не будет мешать полиции вести расследование. Но я не учел другого важного фактора, а именно активной роли прессы. С тех пор я всячески стараюсь больше не допускать такую оплошность.

В ходе того расследования я осознал, что повышенное внимание прессы к убийце детей постепенно превратилось для него в отдельное удовольствие. Но я не рассчитывал, что он будет *напрямую откликаться* на сообщения в СМИ.

Случилось вот что: пресса так рвалась освещать дело, что подробно рассказала о поисках на Сигмон-роуд, оказавшихся

бесплодными. Но вскоре после этого новый труп, пятнадцатилетнего Терри Пью, был найден лежащим на виду *прямо* на Сигмон-роуд в округе Рокдейл.

Для меня это было важнейшим открытием и началом разработки стратегии для поимки убийцы. Получалось, что он внимательно следит за прессой и реагирует на наши отчеты. Он знал, что полиция не найдет тела на Сигмон-роуд, потому что он его там не оставлял. Но теперь он показывает, насколько превосходит нас, как может манипулировать прессой и правоохранительными органами. Он демонстрирует свою дерзость и уверенность. Он *может* выбросить труп на Сигмон-роуд, если захочет. Он нарушил свой паттерн и проехал двадцать или тридцать миль, просто чтобы сыграть с нами в игру. Теперь мы в курсе, что он за нами следит, поэтому хотим проверить, сможем ли управлять его поведением.

Знай я об этом или рассматривай такую вероятность раньше, я предложил бы установить наблюдение по всей длине Сигмон-роуд. Но сейчас уже слишком поздно. Надо двигаться вперед и попробовать еще что-нибудь сделать.

У меня было несколько идей. Фрэнк Синатра и Сэмми Дэвис – младший должны были дать в Атланте благотворительный концерт в пользу семей жертв. О нем знал весь город, и я был уверен, что убийца придет. Вопрос был в том, как отыскать его среди двадцатитысячной толпы.

Мы с Роем Хейзелвудом написали в профиле, что он – поклонник полиции. Этим мы и решили воспользоваться.

– Дадим ему бесплатный билет, – предложил я.

По обыкновению, полицейские и агенты из полевого офиса в Атланте покосились на меня как на сумасшедшего. Пришлось им объяснять: мы дадим рекламу – мол, поскольку ожидается большое количество зрителей, в Омни потребуется дополнительная охрана. Оплата минимальная, требования к кандидатам: иметь собственный автомобиль (мы знали, что у убийцы он есть), опыт работы в полиции или правоохранительных структурах является преимуществом. Мы проведем короткие собеседования прямо в Омни, используя скрытую камеру наблюдения, вычеркнем тех, кто не может быть нашим преступником, – женщин, пожилых мужчин и т. п. – и сосредоточимся на молодых чернокожих. Каждому мы предложим заполнить анкету,

где надо будет перечислить свой опыт работы вроде вождения скорой, попытки попасть на службу в полицию или охрану – в общем, все, что поможет выделить нашего подозреваемого. В конце у нас останется группа человек из ддесяти-двенадцати, которых мы еще раз проверим в связи с имеющимися уликами.

Идея очень понравилась генеральному прокурору, но проблема была в том, что любая большая организация, столкнувшись с нетривиальным решением, впадает в «аналитический паралич». К моменту, когда мою стратегию наконец одобрили, до концерта оставались сутки, и слабая попытка набрать «дополнительную охрану» оказалась бесполезной и запоздалой.

У меня была и другая схема. Я хотел наделать деревянных крестов высотой около фута. Некоторые следовало раздать семьям, другие поставить на местах преступлений как памятники. Один большой поместить в церкви в знак общей скорби по детям. Как только новость об этом разлетится, наш убийца – я был уверен – попробует посетить один из крестов, скорее какой-нибудь удаленный. Может, он даже попробует заполучить такой крест себе. Если установить за ними наблюдение, высоки шансы, что мы его поймаем.

Однако у Бюро ушли недели, чтобы согласовать мой план. Потом начались подковерные войны насчет того, кому изготавливать кресты – специальному цеху ФБР в Вашингтоне, столярной мастерской в Куантико или же полевой офис Атланты закажет их подрядчику? Кресты в конце концов сделали, но к тому времени события уже опередили нас.

К февралю город буквально вышел из-под контроля. Самопровозглашенные психологи составляли свои профили, напрочь расходившиеся друг с другом. Пресса кидалась на каждую новость и цитировала чуть ли не любого, хоть как-то связанного с делом, кто соглашался говорить. Следующей жертвой после обнаружения тела Терри Пью, найденного на Сигмон-роуд, стал двенадцатилетний Патрик Балтазар, труп которого лежал близ шоссе Бафорд в округе Декалб. Как Терри Пью, он был задушен. Кто-то из офиса коронера сообщил, что волосы и волокна, найденные на теле Патрика Балтазара, совпадают с теми, что были найдены на пяти предыдущих жертвах. Именно этих жертв я объединял, считая, что они убиты одним человеком. Заявление офиса коронера сразу же подхватили СМИ.

И тут у меня в голове что-то щелкнуло. *Он начнет выбрасывать трупы в реку.* Теперь он знает, что у нас есть волокна и волосы. Тело одной из предыдущих жертв, Патрика Роджерса, было найдено в декабре на берегу реки Чаттахучи, относящемся к округу Кобб. Жертва скончалась от удара тупым орудием по голове. Но Патрику было пятнадцать, он был ростом 175 сантиметров и весил 75 килограммов; его выгнали из школы, и он имел проблемы с законом. Полиция не усмотрела в этом деле связи с серией. Так или иначе, я подумал, что теперь убийца воспользуется рекой, где вода смоет большую часть следов.

Надо начинать следить за реками, сказал я, особенно Чаттахучи, главной водной артерией, образующей северо-западную границу города с прилегающим округом Кобб. Но задействовать требовалось несколько юрисдикций, а также ФБР – никто не мог взять на себя слежку целиком. К моменту, когда была организована и одобрена совместная операция ФБР и следственной группы, уже настал апрель.

Пока мы судили да рядили, появилось – неудивительно – следующее тело: тринадцатилетнего Кертиса Уокера нашли в Саут-Ривер. Следующие два – Тимми Хилла тринадцати лет и Эдди Дункана, самого старшего, двадцати одного года – были обнаружены одно за другим в течение двух дней в Чаттахучи. В отличие от предыдущих жертв, большинство из которых находили полностью одетыми, эти три трупа раздели до белья, видимо, чтобы избавиться от волос и волокон.

Неделя за неделей мы наблюдали за мостами и потенциальными местами выброса трупов вдоль реки. Ничего не происходило. Было ясно, что власти теряют веру и считают, что мы никуда не продвигаемся. Раз явного прогресса не было, операцию постановили прекратить в шесть часов утра, по окончании смены, 22 мая.

А в половине третьего ночи того самого дня новобранец полицейской академии по имени Боб Кэмпбелл, дежуря в последний раз на берегу Чаттахучи под мостом Джексон-Парквей, увидел, как посередине моста притормозила машина.

– Я только что слышал громкий всплеск! – взволнованно выпалил он в рацию. Кэмпбелл посветил фонариком на воду и увидел рябь. Машина развернулась и поехала назад по мосту. Патрульные прижали ее к обочине и остановили. Это был универсал «Шевроле» 1970 года

выпуска, а водителем оказался невысокий кучерявый двадцатитрехлетний афроамериканец со светлым оттенком кожи Уэйн Бертрам Уильямс. Он держался вежливо и охотно шел на сотрудничество. Сказал, что работает музыкальным промоутером и живет с родителями. Полицейские его допросили и проверили машину, прежде чем отпустить. Но слежку с него не сняли.

Два дня спустя обнаженное тело двадцатисемилетнего Натаниэля Картера всплыло ниже по течению реки, неподалеку от того места, где месяц назад нашли труп Джимми Рея Пейна двадцати одного года. Доказательств для ареста Уильямса и ордера на обыск не хватало, но за ним стали следить еще пристальнее.

Очень скоро он понял, что полиция держит его на мушке, и начал устраивать гонки по городу. Однажды он даже подъехал к дому комиссара по безопасности Ли Брауна и стал жать на гудок. У него была проявочная лаборатория, и, прежде чем был получен ордер на обыск, Уильямса видели сжигающим фотографии на заднем дворе. А еще он дочиста отмыл свою машину.

Уэйн Уильямс по всем ключевым моментам вписывался в наш профиль – он даже владел немецкой овчаркой. Он был фанатом полиции, а как-то несколько лет назад его арестовали за то, что он прикинулся полицейским офицером. Кроме того, он ездил на бывшей полицейской машине и пользовался сканером частот, чтобы приезжать на места преступлений и делать снимки. Впоследствии многие свидетели вспоминали, что видели его на Сигмон-роуд, когда полиция отреагировала на телефонную наводку и искала несуществующий труп. Там он тоже делал фотографии, которые предлагал передать полицейским. Мы выяснили, что и на концерте в Омни он тоже побывал.

Не арестовывая его, ФБР пригласило Уильямса в офис; он держался вежливо и адвоката не требовал. Судя по полученным мною отчетам, мне показалось, что допрос плохо спланировали и неверно организовали. Он получился слишком топорным и прямолинейным. Я считал, что в тот момент Уильямса еще можно было расколоть. Мне сообщили, что по окончании разговора он еще какое-то время слонялся возле офиса и пытался заговаривать о полицейских и фэбээровских делах. Когда он ушел, я понял, что теперь он ни за что не сознается. Он согласился на полиграф; результаты вышли неоднозначными. Позднее,

когда полиция и ФБР явились с ордером на обыск в дом его родителей, учителей на пенсии, с которыми Уильямс жил, то нашли там книги, как обмануть детектор лжи.

Ордер был получен 3 июня. Хотя Уильямс постарался отмыть машину, в ней обнаружили волосы и волокна, связывающие его с двенадцатью убийствами – теми самыми, которые я объединял в группу совершенных одним преступником.

Улики были вескими. Волокна связывали тела не только с комнатой Уильямса, его домом и машиной; Ларри Петерсон из криминалистической лаборатории штата Джорджия установил, что часть волокон принадлежит одежде жертв, которую они носили до исчезновения. Иными словами, некоторые из них встречались с Уильямсом еще до убийств.

Двадцать первого июня Уэйна Б. Уильямса арестовали за убийство Натаниэля Картера. Следствие по другим смертям продолжалось. Мы с Бобом Ресслером находились в Хэмптон-Инне, близ Ньюпорт-Ньюс, Вирджиния, обсуждали встречу с представителями Ассоциации правопорядка южных штатов, когда объявили об аресте. Я только вернулся из Англии, с дела Йоркширского потрошителя, и должен был рассказать о моем участии в раскрытии серийных убийств. В марте журнал «Пипл» опубликовал статью о нас с Ресслером и о том, как мы искали убийцу из Атланты. В статье, на которую дало согласие наше начальство, я раскрывал некоторые фрагменты профиля, в том числе то, что НС – чернокожий. История была на слуху у всей страны. Когда я начал отвечать на вопросы от аудитории, насчитывавшей человек пятьсот, кто-то спросил меня об аресте Уильямса.

Я немного рассказал о деле и нашем в нем участии, а также о том, как составлялся профиль. Я сказал, что Уильямс в него вписывается, и осторожно добавил, что если убийцей окажется он, то, по моему мнению, «он отлично впишется и еще в несколько преступлений».

Я не знал, что вопрос задал репортер, хотя не сомневаюсь, что ответил бы так же в любом случае. На следующий день мои слова процитировали в «Ньюпорт-Ньюс – Хэмптон дейли пресс» следующим образом: «Он отлично впишется еще в несколько преступлений», – выпустив важное замечание перед ними.

История разлетелась по всей стране, и на следующий день меня цитировали чуть ли не повсеместно, по всем телеканалам и новостям, во всех крупных газетах, включая статейку в «Атланта конститьюшн» с заголовком: «Представитель ФБР: Уильямс мог убить кучу народу».

Мне отовсюду звонили; в лобби отеля стояли телекамеры, как и в коридоре возле моей комнаты. Нам с Ресслером пришлось выбираться по пожарной лестнице.

В штаб-квартире тем временем дерьмо полетело в вентилятор. Все выглядело так, будто агент ФБР, содействовавший расследованию дела, объявил Уэйна Уильямса виновным без суда. По пути в Куантико я пытался по мобильному телефону объяснить начальнику отдела Ларри Монро, что случилось на самом деле. Он и заместитель директора Джим Маккензи пытались помочь мне избежать разбирательства с ОПО, отделом профессиональной ответственности ФБР.

Помню, как я сидел на верхнем этаже библиотеки в Куантико, куда частенько отправлялся, чтобы в тишине и покое поработать над профилями. Помимо прочих достоинств, там имелись окна, в которые можно было смотреть, – в отличие от наших катакомб. Монро с Маккензи пришли со мной поговорить. Оба были на моей стороне. Я единственный занимался профилированием на полную ставку, совершенно выгорел от постоянных разъездов, в Атланте растерял последние эмоциональные силы, а в благодарность мне грозило взыскание за реплику, вырванную прессой из контекста.

С этим расследованием искусство профилирования и криминального анализа одержало настоящий триумф. Наша оценка НС и того, как он поступит дальше, полностью подтвердилась. Все взгляды были направлены на нас, начиная с Белого дома. Я завяз в этом деле с головой, и, если в мой профиль вкралась бы ошибка, программу неминуемо бы закрыли.

Нам всегда говорили, что в нашей работы велики риски, но велика и награда. Со слезами на глазах я заявил Монро и Маккензи, что риски-то велики, а гребаной награды никакой! Я сказал, что оно того не стоит, и с грохотом ударил стопкой папок по столу. Джим Маккензи ответил, что я, возможно, и прав, но они оба хотят мне помочь.

Когда я явился в штаб-квартиру на разбирательство с ОПО, мне первым делом приказали подписать отказ от прав. Соблюдение прав во

внешнем мире и внутри Бюро – не обязательно одно и то же. А сразу после этого мне сунули под нос журнал «Пипл». С Джеки Онассис на обложке.

– Вас разве не предупреждали насчет подобных интервью?

– Нет, – ответил я, – интервью одобрило начальство. На собрании я рассказывал о нашем исследовании серийных убийц в целом, а один из присутствующих задал вопрос о деле Уэйна Уильямса. Я был очень осторожен в своих формулировках. Но не могу отвечать за то, как передали мои слова.

Часа четыре меня поджаривали на медленном огне. Мне пришлось написать объяснительную, пройдясь по всем статьям в газетах и всем деталям инцидента. А когда я закончил, мне не сказали ни слова и даже не намекнули, что меня ждет. После всего, что я отдал Бюро, ничего взамен не получая, скольким пожертвовал, отрывая время от семьи, мне грозило служебное взыскание, отстранение без сохранения оплаты или вообще увольнение. Следующие несколько недель мне не хотелось подниматься с кровати по утрам.

Тогда-то мой отец Джек написал мне письмо. В нем он рассказывал, как его уволили из «Бруклин Игл». Он тоже был сильно подавлен. Он всегда трудился, не жалея сил, делал отличную работу, а теперь вдруг лишился контроля над собственной жизнью. Он объяснял, что ему пришлось научиться стойко встречать все, что жизнь преподносит, и находить внутренние ресурсы, чтобы жить дальше. Я еще долго носил это письмо с собой в портфеле, когда инцидент уже был исчерпан.

Пять месяцев спустя ОПО решило ограничиться выговором, убедившись, что после статьи в «Пипл» меня дополнительно предупредили не обсуждать с прессой текущие расследования. Постановление о выговоре было подписано самим директором Вебстером.

Как бы я ни был сердит, у меня не оставалось времени вариться в своих обидах, потому что, вне зависимости от моих чувств, если я не собирался увольняться, мне надо было заниматься работой. На мне по-прежнему висели нераскрытые дела по всем США, да и суд над Уэйном Уильямсом приближался. Самое время *найти внутренние ресурсы и жить дальше*.

Суд над Уильямсом начался в январе 1982 года после шестидневного отбора присяжных. Состав присяжных, которых в конце концов отобрали, был преимущественно черным, туда вошли девять женщин и трое мужчин. Хотя мы были уверены, что на Уильямсе вина по меньшей мере в двенадцати из всех убийств детей, его судили только за два – Натаниэля Картера и Джимми Рея Пейна, причем обе жертвы были старше двадцати лет.

Уильямса представляла мощная адвокатская команда из Джексона, Миссисипи, – Джим Китченс и Эл Биндер, – а также женщина из Атланты, Мэри Уэлком. Среди ключевых представителей обвинения были заместители окружного прокурора округа Фултон Гордон Миллер и Джек Мэллард. Из-за моего участия в следствии офис окружного прокурора попросил меня приехать для консультирования по ведению процесса. Большую его часть я сидел прямо за столом обвинения.

Если бы процесс проходил сегодня, я смог бы дать свидетельские показания по модус операнди, особенностям почерка и взаимосвязи между отдельными убийствами, как делал с тех пор не раз. А после вынесения приговора дал бы свое заключение по степени опасности осужденного в будущем. Но в 1982-м наши заключения в судах еще не признавали, поэтому я мог лишь консультировать по стратегии.

В основном обвинение опиралось на семьсот улик – волоски и волокна, – тщательно изученных Ларри Петерсоном и специальным агентом Хэлом Дедменом, экспертом из лаборатории ФБР в Вашингтоне. Хотя Уильямса обвиняли лишь по двум убийствам, судебные процедуры в Джорджии позволяли штату упоминать другие связанные с этим дела, чего не допускалось в Миссисипи и к чему защита не была готова. Проблемой для обвинения стало то, что Уильямс вел себя очень мягко и сдержанно, говорил спокойно и дружелюбно. В толстых очках, с миловидным лицом и нежными руками, он больше напоминал пряничного человечка, чем серийного убийцу детей. Он озаботился выпуском пресс-релиза, где настаивал на своей невиновности и расистском характере преследований. Перед самым начало процесса он заявил в одном из интервью: «Я бы сравнил ФБР с “Кейстоунскими копами”, а полицию Атланты с “Где вы, машина 54?”»[15].

Обвинение не надеялось, что Уильямс будет выступать, но я предполагал, что он изъявит такое желание. Судя по его поведению в процессе совершения преступлений и сделанным заявлениям, он был достаточно дерзок и уверен в себе, чтобы решить, будто сумеет манипулировать судом так же, как манипулировал общественностью, прессой и полицией.

На закрытом совещании сторон в офисе судьи Кларенса Купера Эл Биндер сказал, что они привлекают знаменитого судебного психолога из Феникса по имени Майкл Брэд Бейлесс – тот засвидетельствует, что Уильямс не вписывается в профиль и на убийства не способен. Доктор Бейлесс провел с Уильямсом три отдельных диагностических собеседования.

– Очень хорошо, – ответил Гордон Миллер. – Привлекайте его, а мы тогда привлечем агента ФБР, который предсказал все, что потом произошло на деле.

– Черт, мы хотим с ним переговорить, – сказал Биндер. Миллер ответил, что я буду сидеть у обвинения за спиной большую часть процесса.

Я встретился с обеими сторонами. Мы использовали комнату совещаний присяжных. Я объяснил защите свою позицию и добавил, что, если у них есть какие-то возражения насчет того, что я – агент ФБР, а не врач, мы можем пригласить психиатра, с которым сотрудничали, доктора Парка Дитца, чтобы он изучил материалы дела, я уверен, он скажет то же самое.

Биндер с коллегами искренне заинтересовались тем, что я говорил. Они вели себя тепло и уважительно, а Биндер даже поделился со мной тем, что его сын хочет стать агентом ФБР.

Бейлесс, кстати, так и не выступил в суде. Через неделю после завершения процесса он сказал репортерам «Атланта джорнэл» и «Атланта конститьюшн», что, по его мнению, Уильямс был эмоционально способен на убийство, что он – «неадекватная личность», а мотивами для убийств являлись «стремление к власти и потребность в контроле». Он сообщил: «Уильямс хотел от меня две вещи: чтобы я изменил свой отчет и кое-чего не говорил либо вообще не давал показаний». Он утверждал, что одной из ключевых проблем защиты было настойчивое стремление Уильямса все контролировать самостоятельно.

Я нашел это крайне любопытным – во многом потому, что слова Бейлесса перекликались с профилем, который составили мы с Роем Хейзелвудом. Но во время суда я пережил еще одно крайне любопытное событие.

Как большинство иногородних участников процесса, я остановился в «Мариотте» неподалеку от здания суда. Однажды вечером я в одиночестве ужинал в ресторане отеля, когда импозантный чернокожий мужчина слегка за сорок подошел к моему столику и представился доктором Брэдом Бейлессом. Я сказал, что знаю, кто он и почему он здесь. Он спросил, можно ли ему присесть.

Я ответил, что, по-моему, это плохая идея – не нужно, чтобы нас видели вместе, если завтра он собирается выступать как свидетель защиты. Но Бейлесс сказал, что беспокоиться об этом не стоит, сел и спросил меня, что я знаю о нем и его опыте, а знал я немало. Я прочел ему одну из моих мини-лекций по криминальной психологии и добавил, что если он будет свидетельствовать так, как хочет защита, то поставит в неудобное положение и себя, и свою профессию. Встав из-за стола, он пожал мне руку и сказал, что хотел бы приехать в Куантико, к нам на курс. Я подмигнул и ответил – посмотрим, мол, как он выступит завтра.

На следующий день в суде я узнал, что доктор Бейлесс уехал обратно в Аризону, так и не дав показаний. На заседании Биндер пожаловался на «давление со стороны обвинения» и на то, что мы запугиваем его экспертов. Если так действительно вышло, то не по моей вине, но теперь я уж точно не собирался упускать шанс, который нам выпал. Однако мне кажется, что на самом деле доктор Бейлесс оказался слишком цельной личностью, чтобы говорить то, чего от него ожидают, и дать себя использовать той или другой стороной.

Со стороны обвинения Хэл Дедмен и Ларри Петерсон провели ювелирную работу по сличению образцов волос и волокон, но тема был сложной, и демонстрация вышла не очень показательной: что-то насчет того, что у этого ковра волокна закручиваются в том направлении, а у другого – в противоположном. Тем не менее волокна на двенадцати жертвах совпали с фиолетово-зеленым покрывалом на постели Уильямса, на шестерых – с ковром в его гостиной, еще на шестерых – с его «Шевроле» 1970 года; на всех жертвах, кроме одной, присутствовали волоски из шерсти немецкой овчарки Уильямса Шебы.

Когда настала очередь защиты, к присяжным опровергать свидетельство Дедмена вышел красавчик-адвокат из Канзаса, сильно смахивающий на Кеннеди. После заседания, когда команда обвинения встретилась для обсуждения событий дня, все посмеивались над тем, как этот обаяшка не сумел убедить присяжных.

Кто-то повернулся ко мне:

– А как тебе показалось, Джон?

Я внимательно наблюдал за присяжными. Поэтому ответил:

– Вот что я вам скажу: вы, ребята, проигрываете дело.

Они остолбенели – такого никто не ожидал.

– Вам он, может, и не показался убедительным, – объяснил я, – но присяжные ему поверили.

Я был в курсе того, о чем рассказывал Хэл Дедмен, и все равно это звучало весьма запутанно. Свидетели защиты все упрощали, но зато их легко было слушать.

Они оказались достаточно воспитанными, чтобы не заявить мне напрямую, что я несу полную чушь, но, будучи профайлером, я и сам понял, что мне здесь больше не рады. Дома меня ждала куча другой работы, кроме того, я готовился к процессу об убийстве Мэри Фрэнсис Стоунер. Постоянные разъезды тоже сказывались на мне: мой брак трещал по швам из-за постоянного отсутствия дома, я не имел возможности тренироваться, сколько считал нужным, и постоянно был в стрессе. Я позвонил в Куантико Ларри Монро и сказал ему, что возвращаюсь домой.

Стоило мне прилететь в Национальный аэропорт и добраться до дома, как я получил сообщение: обвинение передумало. Они считают, что я, пожалуй, был прав, и хотят, чтобы я вернулся в Атланту помочь им с допросами свидетелей защиты.

Поэтому два дня спустя я полетел назад. Теперь они были куда более открытыми и просили советов. Большим сюрпризом для них стало решение Уэйна Уильямса дать показания, как я и предсказывал. Уильямса допрашивал его адвокат Эл Биндер, отличавшийся низким, раскатистым голосом. Задавая вопросы человеку на свидетельской трибуне, он грозно наклонялся над ним и выглядел в такие минуты похожим на акулу, за что и заслужил прозвище Челюсти.

Биндер раз за разом взывал к присяжным:

– Посмотрите на него! Разве он похож на серийного убийцу? Посмотрите! Встаньте, Уэйн, – говорил он, веля подсудимому вытянуть вперед руки. – Посмотрите, какие у него мягкие руки. Думаете, у него хватило бы силы кого-то убить? Задушить человека этими самыми руками?

Биндер вызвал Уильямса на трибуну в середине дня и продержал до вечера следующего. Уильямс проделал великолепную работу, как и рассчитывал. Он крайне убедительно изобразил невинную жертву порочной, расово предубежденной системы, выбравшей его козлом отпущения.

Поэтому обвинению предстояло решить, как проводить перекрестный допрос подсудимого. Делать это предстояло заместителю окружного прокурора Джеку Мэлларду, и он отлично подходил на данную роль. У него был низкий певучий голос с медоточивым южным акцентом.

Я не обучался судебным процедурам или допросам свидетелей, но инстинктивно понимал, как лучше это организовать. Надо было, как всегда, попытаться влезть в шкуру убийцы. Я спросил себя: что могло бы выбить меня из колеи? Ответ был очевиден: если допрос будет проводить человек, знающий, что я виновен, вне зависимости от того, что я пытаюсь ему внушить.

Я сказал Мэлларду:

– Помните старое телешоу «Это ваша жизнь»? Вам надо проделать с ним ровно то же самое. Держите его на трибуне как можно дольше, постарайтесь максимально измотать. Он контролирующий, ригидный тип, обсессивно-компульсивный. Чтобы сломать эту ригидность, надо постоянно на него давить, поддерживать напряжение, например проходясь по всем аспектам его жизни, даже если они не имеют отношения к делу, – да хоть в какой школе он учился. Не давайте ему передышки. А когда поймете, что он на пределе, используйте физический контакт, как сделал Эл Биндер. Что хорошо для защиты, хорошо и для обвинения. Подойдите ближе, нарушьте его личное пространство, застаньте его врасплох. Прежде чем защита успеет возразить, спросите его негромко:

– Тебе было страшно, Уэйн, когда ты убивал этих детей?

И в нужный момент Мэллард именно так и поступает. Первые несколько часов перекрестного допроса ему не удавалось выбить

Уильямса из колеи. Он поймал его на нескольких очевидных нестыковках, но это был все тот же спокойный Уильямс, про которого никто бы не подумал, что он убивал детишек. Седовласый, в сером костюме, Мэллард методично проходит по всей его жизни, потом, выбрав мгновение, ступает ближе, накрывает своей рукой ладонь Уильямса и низким, плавным голосом южанина из Джорджии спрашивает:

– Каково это было, Уэйн? Каково было сжимать пальцы у жертвы на горле? Тебе было страшно? Очень страшно?

И вдруг Уильямс слабым голоском отвечает:

– Нет.

Тут же опомнившись, он впадает в ярость, тычет в меня пальцем и кричит:

– На все готовы, чтобы уложить меня в этот ваш фэбээровский профиль, да? Ну нет, я вам помогать не стану!

Защита взрывается; Уильямс, вне себя, выкрикивает что-то о «козлах из ФБР и придурках из обвинения». Однако тот момент стал поворотным в ходе судебного процесса. Позднее присяжные сами это говорили. Они смотрели на подсудимого с открытыми ртами: впервые им открылась темная сторона Уэйна Уильямса. Метаморфоза произошла у них на глазах. Им стало ясно, что этот человек способен на насилие. Мэллард подмигнул мне, а потом продолжил поджаривать Уильямса на свидетельской трибуне.

После такой агрессивной вспышки в суде ясно было, что его единственный шанс – восстановить, хотя бы частично, сочувствие к себе, завоеванное в начале процесса. Я похлопал Мэлларда по плечу и сказал:

– Вот увидишь, Джек, через неделю Уэйн заболеет.

Не знаю, почему я выбрал именно этот срок, но ровно неделю спустя процесс прервали, и Уильямса доставили в госпиталь с болями в желудке. Врачи ничего у него не нашли и сразу отпустили.

В своем обращении к присяжным адвокат Уильямса Мэри Уэлком взяла со стола наперсток и спросила их:

– Вам достаточно вот такого количества доказательств, чтобы обвинить этого человека?

Потом она показала кусочек зеленого коврового покрытия из своего кабинета, заметив, что оно встречается повсюду. Как можно

признать человека виновным из-за зеленого ковра?

В тот же день я и еще несколько агентов поехали к ней в юридическую фирму. Пока ее не было, мы вошли в ее кабинет и собрали волокна с коврового покрытия. Мы попросили экспертов изучить их под микроскопом, и исследование показало, что волокна из ее ковра разительно отличаются от волокон из дома Уильямса.

Двадцать седьмого февраля 1982 года, после одиннадцатичасовых дебатов, присяжные признали Уэйна Б. Уильямса виновным в двух убийствах. Он был приговорен к двум последовательным пожизненным срокам, которые и отсиживает в исправительной тюрьме Вальдоста в Южной Джорджии. Он до сих пор настаивает на свой невиновности, и насчет его дела по-прежнему ведутся споры. Но даже если ему удастся добиться нового процесса, я уверен, результат будет тем же.

Несмотря на возражения его сторонников, я считаю, что криминалистические и поведенческие доказательства убедительно указывают, что Уэйн Уильямс убил одиннадцать молодых людей в Атланте. Несмотря на уверенность его противников, я считаю, что нет убедительных доказательств его причастности к остальным смертям и исчезновениям детей в Атланте с 1979 по 1981 год. Хотя в это не хочется верить, дети, белые и чернокожие, продолжают загадочным образом пропадать и погибать как в Атланте, так и в других городах. Мы понятия не имеем, кто виновен в каждом из этих случаев. Это не один преступник, и правда может оказаться крайне неприятной. Пока что нет ни доказательств, ни достаточного давления общественности, чтобы устраивать охоту на ведьм.

Я получил множество благодарственных писем и упоминаний в прессе за участие в деле Уэйна Уильямса, включая послание из офиса окружного прокурора Фултона, где говорилось, что я предложил эффективную стратегию перекрестного допроса, и отчет Джона Гловера, ОСА полевого офиса в Атланте, подводящий итоги всему расследованию АТКИД в целом. Одно из самых трогательных и ценных писем пришло от Эла Биндера, главного адвоката защиты, который выражал свое восхищение проделанной нами работой.

Одновременно с ними я получил письмо с выговором. Джим Маккензи, сильно расстроенный таким исходом событий, выдвинул

меня на соискание почетной премии – не только за дело Уильямса, но и еще за пять расследований, в которых я принимал участие.

Выговор я получил в мае, поэтому теперь у меня на руках были письмо с благодарностью от директора ФБР и письмо с выговором за одно и то же дело. Среди прочего там говорилось: «Благодаря вашему таланту, преданности делу и профессионализму вы упрочили репутацию Бюро в нашей стране и должны знать, что ваша служба оценена по достоинству». К благодарности прилагалась «весомая» премия в 250 долларов – по моим прикидкам, по центу за час работы. Я немедленно пожертвовал ее благотворительному фонду ВС на поддержку семей тех, кто погиб, служа своей стране.

Если бы мы столкнулись с делом, подобным убийствам детей в Атланте, сегодня, думаю, что убийцу поймали бы значительно раньше, не позволив ему пройти столь длинный путь, усеянный трупами. Мы гораздо лучше скоординировали бы свои действия. Наши проактивные техники с тех пор стали куда более изощренными и теперь базируются на практическом опыте. Мы спланировали бы допрос так, чтобы добиться большего эффекта, раньше получили бы ордер на обыск и попали бы к убийце в дом до того, как он уничтожил важные улики.

Но какие бы ошибки мы ни совершили, дело АТКИД стало поворотным моментом для нашего отдела. Мы доказали ценность того, чем занимаемся, и завоевали доверие правоохранительных органов по всему миру – помимо того, что помогли засадить еще одного убийцу за решетку.

Высокий риск и высокая награда.

Глава 12
Один из наших

Джадсон Рей – одна из живых легенд Куантико. А мог бы быть мертвой легендой. В феврале 1982-го, когда он работал над делом АТКИД, будучи специальным агентом в полевом офисе Атланты, жена пыталась его убить.

Мы впервые услышали друг о друге еще до встречи, во время дела «Сил зла» в начале 1978 года. Серийный убийца, прозванный Чулочным душителем, напал на шестерых женщин в Коламбусе, Джорджия: он врывался в их дома и душил жертв их нейлоновыми чулками. Все жертвы были белыми, но криминалистические улики, найденные судмедэкспертом на некоторых телах, указывали, что душитель – чернокожий.

Потом начальник местной полиции получил письмо на бумаге, которой пользовались в армии США, где говорилось, что создается группа из семи человек под названием «Силы зла». В письме упоминалось о предположении, что Чулочный душитель – черный, и его авторы угрожали убить черную женщину в отместку за его преступления, если он не будет пойман до «июня 1». Они утверждали, что уже похитили женщину по имени Гейл Джексон. Если душителя не поймают до «сентября 1», количество жертв удвоится. В письме сообщалось, что армейская бумага была украдена, а группа организуется в Чикаго.

Для следователей это был сущий кошмар: как будто недостаточно жестокого убийцы, терроризирующего Коламбус – организованная и готовая убивать «народная дружина» могла ввергнуть общество в настоящую междоусобицу.

Последовали другие письма, включая требование выкупа в десять тысяч долларов; полиция судорожно искала и не могла найти никого из этих семерых человек. Гейл Джексон была проституткой, хорошо известной в барах близ Форт-Беннинга. И она действительно пропала.

Джад Рей был начальником смены в Департаменте полиции Коламбуса. Ветеран вьетнамской войны, чернокожий полицейский, дослужившийся до высокой должности, он прекрасно понимал, что

шум не утихнет, пока не будут устранены обе угрозы: и Чулочный душитель, и «Силы зла». Поскольку расследование застопорилось, несмотря на все прилагаемые полицией усилия, инстинкты копа подсказывали ему, что они ищут не тех людей не в тех местах. Он следил за развитием полицейских техник и методик, поэтому слышал о программе профилирования в Куантико. Джад предложил своему департаменту связаться с отделом поведенческих наук и посмотреть, чем мы сможем помочь.

Тридцать первого марта через Следственное бюро Джорджии нам предложили проанализировать данный случай. Несмотря на то что утверждалось в изначальном письме, мы были уверены, что связь с армией и Форт-Беннингом не случайна. Боб Ресслер, раньше служивший в военной полиции, взялся за это дело.

Через три дня мы представили наш отчет. Мы считали, что самопровозглашенные «Силы зла» никак не могут состоять из семерых белых мужчин. Собственно, мы были не уверены, что там вообще есть белые. Вся организация – чернокожий одиночка, пытающийся отвести подозрения от себя и от того факта, что он уже убил Гейл Джексон. Судя по военному формату дат (например, «июня 1») и использованию метрической системы, а не футов и ярдов, было ясно, что он служит в армии. Письма были безграмотными, а это означало, что он – не офицер, поскольку офицеры обычно более образованные. Основываясь на собственном опыте, Боб пришел к выводу, что он либо артиллерист, либо военный полицейский в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Он убил еще двух женщин, вероятно тоже проституток, откуда и упоминание об «удвоенном» количестве жертв, – мы считали, что также он может являться Чулочным душителем.

Когда наш профиль распространили по Форт-Беннингу и ближайшим барам и ночным клубам, которые посещала жертва, армейская полиция и полиция Коламбуса быстро вышли на Уильяма Г. Хенса, чернокожего, двадцатишестилетнего, специалиста четвертой категории из артиллерийского подразделения форта. Он признался в убийствах Гейл Джексон, Айрин Тиркилд и еще одной женщины, рядовой армии Карен Хикман, в Форт-Беннинге предыдущей весной. Он подтвердил, что выдумал «Силы зла», чтобы сбить полицию со следа.

Настоящего убийцу опознал по фотографии свидетель преступления – им оказался Карлтон Гэри, двадцатисемилетний афроамериканец, родившийся и выросший в Коламбусе. Его уже арестовывали в ходе серии ограблений ресторанов, но он сумел убежать и во второй раз был пойман в мае 1984 года. Оба, Хенс и Гэри, были признаны виновными и приговорены к смерти.

Когда ситуация в городе успокоилась, Джад Рей временно перевелся в Университет Джорджии, где вел специальную программу по набору представителей расовых меньшинств и женщин в правоохранительные структуры. Закончив этот проект, он собирался вернуться в полицию, но с его военным и следовательским опытом, не говоря уже о том, что он был чернокожим, а Бюро в те времена активно старалось показать себя сторонником равных возможностей, он принял предложение ФБР. Мы с ним впервые встретились, когда он проходил в Куантико начальную подготовку. Потом его назначили в полевой офис в Атланте, где со своими знаниями и опытом работы на местности он стал ценнейшим сотрудником.

Следующая наша встреча произошла в конце 1981-го, когда я приехал в Атланту на расследование АТКИД. Как все остальные в полевом офисе, Джад ушел в это расследование с головой. Каждый агент входил в команду, занимавшуюся пятью убийствами АТКИД, и график у Джада был крайне напряженным.

Мало того, у него сложилась непростая ситуация в семье: брак, и раньше шаткий, теперь разваливался на глазах. Жена Рея сильно пила, оскорбляла его словесно и отвратительно себя вела.

– Я больше не узнаю эту женщину, – говорил он.

В конце концов, одним воскресным вечером, он выдвинул ультиматум: либо она обращается за помощью, либо он забирает их дочек – восьмилетнюю и полуторагодовалую – и уходит.

К своему большому удивлению, Джад начал замечать положительные сдвиги. Жена стала внимательней к нему и девочкам.

– Она вдруг резко изменилась. Бросила пить, – вспоминал он. – Стала заботиться обо мне. Впервые за тринадцать лет брака начала вставать по утрам и готовить мне завтрак. Внезапно она превратилась ровно в ту, какой я хотел ее видеть.

Но потом он добавлял:

– Надо было сразу понять: все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Об этом я потом рассказывал на лекциях в полиции. Если жена вдруг радикально меняет поведение – в лучшую или худшую сторону, – жди беды.

На самом деле жена Джада уже решила убить его и хотела выиграть время, чтобы обо всем договориться. Если бы ей удалось это провернуть, она избежала бы унизительного развода, сохранила двух дочерей и получила бы четверть миллиона долларов по страховке. Куда лучше быть скорбящей вдовой убитого полицейского, чем одинокой разведенкой.

Джуд этого не замечал, но двое человек вели за ним слежку, стараясь узнать его маршруты и привычки. Они ждали его возле дома по утрам и следовали за ним по шоссе I-20 в Атланту ежедневно. Они искали возможности застигнуть его врасплох, чтобы избавиться от него без свидетелей.

Однако они быстро поняли, что столкнулись с проблемой. Джуд прослужил в полиции достаточно долго, чтобы инстинктивно следовать главному правилу копов: держи руку, которой стреляешь, свободной. Сколько бы те двое за ним ни следили, правая рука у него всегда была готова выхватить пистолет.

Они пошли к миссис Рей и сообщили ей о своих затруднениях. Они хотели застрелить его на парковке перед домом, но Джуд успел бы снять по крайней мере одного из них, прежде чем они бы его прикончили. Ей надо было что-то сделать с его правой рукой.

Не готовая отказаться от своего плана из-за такого пустяка, она купила кружку-термос и предложила Джаду брать в ней с собой кофе по утрам.

– За тринадцать лет она ни разу не приготовила мне или девочкам завтрак, а теперь изо всех сил пыталась всучить мне эту чертову кружку.

Джуд сопротивлялся. Он не представлял себе, как будет вести машину, держа левую руку на руле, а правой сжимая кружку с кофе. В те времена подстаканники в машины еще не устанавливали – имейся он у Джуда, все могло кончиться совсем по-другому.

Киллеры снова обратились к миссис Рей.

– Мы не можем напасть на него на парковке, – отчитался один из них. – Придется убить его в квартире.

Они запланировали убийство на начало февраля. Миссис Рей уехала с девочками на весь вечер, и Джад остался дома один. Стрелки проникли в здание, прокрались по коридору к двери квартиры и позвонили. Вот только они ошиблись, и им открыл белый мужчина. Те спросили, где живет чернокожий парень, и ничего не подозревающий сосед указал им на другую квартиру – мол, мистер Рей живет вон там.

Но теперь сосед видел киллеров. Если убить сегодня, он наверняка вспомнит, что двое парней спрашивали, где живет Джад Рей, когда его будут допрашивать в полиции. Поэтому они предпочли ретироваться.

Миссис Рей возвращается домой, предполагая, что дело сделано. Она неуверенно озирается, потом крадется в спальню, мысленно готовясь звонить 911 с сообщением, что ее муж убит.

В спальне она видит Джада, лежащего в кровати. Она все еще крадется на цыпочках, но тут он поворачивается и спрашивает:

– Какого черта ты делаешь?

Она подскакивает на месте и кидается в ванную.

На следующий день она продолжает строить из себя заботливую жену и мать; Джад решает, что она и правда изменилась. В своей наивности, как он теперь понимает, после многолетних непростых отношений, он отчаянно желал, чтобы между ними все наладилось.

Проходит две недели, наступает 21 февраля 1981 года. Джад работает над убийством Патрика Балтазара. Все полагают, что в следствии произошел прорыв благодаря волоскам и волокнам, найденным на теле двенадцатилетнего мальчика, – они совпадают с теми, которые нашли на предыдущих жертвах убийцы детей.

Вечером жена готовит Джаду итальянский ужин. Но он не знает, что соус для спагетти она щедро сдобрила фенобарбиталом. Как было запланировано, она берет с собой дочерей и едет проведать тетку.

Ночью Джуд один находится в спальне; ему кажется, он слышит из коридора какой-то звук. Свет в коридоре становится приглушенным – кто-то выкрутил лампочку в спальне старшей дочери. Потом из коридора доносятся приглушенные голоса. Позднее выяснится, что это один из стрелков заколебался, не желая исполнять договоренность. Они обсуждают, что им теперь делать. Джад не в курсе, что у него дома посторонние, но это не имеет значения – они уже там.

– Кто здесь? – спрашивает Джад наконец.

Внезапно гремит выстрел, но пуля проходит мимо него. Джад скатывается на пол; вторая пуля попадает ему в левую руку. В спальне темно; он пытается спрятаться за двуспальной кроватью.

– Кто здесь? – повторяет он. – Что вам надо?

Третья пуля попадает в кровать, совсем рядом с ним. У себя в голове он повторяет сценарий выживания при нападении, пытаясь сообразить, из какого пистолета стреляют. Если это смит-вессон, у них еще три пули. Если кольт – только две.

– Эй, парень! – кричит Джад. – В чем дело? Хочешь меня убить? Лучше бери, что тебе надо, и сматывайся. Я тебя не видел. Только не убивай меня.

Ответа нет. Но Джад видит в лунном свете мужской силуэт.

«Сегодня я умру, – понимает Джад. – Мне не выбраться». Но он знает, что будет дальше, и не хочет, чтобы назавтра детективы вошли к нему и сказали:

– Бедняга, он даже не сопротивлялся. Просто впустил их и позволил себя убить.

И решает, что, когда детективы явятся, они должны понять: он, черт подери, боролся за жизнь!

Первое, что он делает, – это попытка дотянуться до своего оружия, которое лежит на полу у противоположного края кровати. Но при двухметровой ширине переползти через нее не так-то просто, когда кто-то пытается тебя убить.

Потом он слышит:

– А ну не двигайся, ублюдок!

В темноте он забирается на кровать и начинает по сантиметру перемещаться к противоположному краю – и своему пистолету.

Он уже близко, но ему нужен упор, чтобы перевернуться.

Наконец он вцепляется пальцами в край, перекатывается на пол, но падает так, что правая рука оказывается под грудью. Левая рука ранена, и в ней не хватает силы, чтобы достать до пистолета.

В этот момент стрелок прыгает на кровать и палит в Джуда в упор.

Ему кажется, что осел ударил его в грудь копытом. Что-то внутри как будто схлопывается. В тот момент он еще не знает, что пуля вошла ему в спину, пробила правое легкое, проникла в третье межреберное

пространство и, выйдя из груди, застряла в правой руке, на которой он все еще лежит.

Стрелок спрыгивает с кровати, встает над ним и щупает у него пульс.

– Так-то, говнюк! – восклицает он и выходит.

Джад при смерти. Он лежит на полу, хватая ртом воздух, не соображая, где он и что происходит.

Вдруг он понимает: наверное, он опять во Вьетнаме, участвует в бою. Пахнет дымом, на концах оружейных стволов сполохи выстрелов. Но он не может дышать. И думает: «Может, я на самом деле и не в Наме. Может, я просто сплю. Но если я сплю, почему дышать так трудно?»

Джад пытается встать. На подгибающихся ногах он бредет к телевизору и включает его – может, так удастся понять, сон это или нет. На экране Джонни Карсон ведет «Сегодня вечером». Джад протягивает руку и проводит по экрану ладонью, оставляя на нем кровавый след.

Ему хочется пить. Он с трудом добредает до ванной, открывает кран и пытается руками зачерпнуть воду. И видит пулю, застрявшую в правой руке, и кровь, хлещущую из груди. Теперь он знает, что с ним случилось. Он возвращается в спальню, валится на пол возле кровати и готовится умирать.

Но он слишком долго пробыл копом. Он не может позволить себе тихо испустить дух. Когда назавтра явятся детективы, они должны видеть, что он боролся. Он снова встает, добирается до телефона и набирает экстренную службу. Когда оператор берет трубку, Джад, едва дыша, говорит, что он агент ФБР и что его подстрелили. Девушка тут же связывает его с Департаментом полиции округа Декалб.

Там отвечает молоденькая дежурная; Джад повторяет ей, что он из ФБР и в него стреляли. Но у него едва ворочается язык: ему подсыпали снотворное, он потерял много крови, так что речь у него смазанная.

– В каком смысле вы из ФБР? – переспрашивает она. Джад слышит, как дежурная кричит сержанту, что на линии какой-то пьянчуга утверждает, будто он фэбээровец. И что сержант велит ей делать? Повесить трубку.

Но тут вмешивается оператор – она настаивает, что звонок настоящий и надо немедленно отправлять помощь. Она не отстает,

пока полицейские не соглашаются.

– Эта оператор спасла мою жизнь, – говорил мне Джад позже.

Он потерял сознание, стоило оператору повесить трубку, и пришел в себя, только когда медики со скорой надели на него кислородную маску.

– Никакого дефибриллятора, – слышит Джад голос врача, – он не перенесет.

Его везут в госпиталь Декалб, где, по счастью, дежурит торакальный хирург. Лежа на каталке в реанимации, пока врачи борются за его жизнь, он внезапно понимает.

С ясностью, наступающей в момент встречи со смертью, он говорит себе:

– Это не месть. Я многих засадил в тюрьму, но никто из них не смог бы подобраться так близко. Такое под силу лишь человеку, которому я полностью доверяю.

Когда его перевозят из операционной в палату интенсивной терапии, там уже поджидает ОСА отделения в Атланте Джон Гловер. Месяцами Гловер тащил на себе дело АТКИД, а теперь на него свалилось еще и это. Как убитые дети и Джад, Гловер тоже черный – один из самых высокопоставленных чернокожих в Бюро. Он страшно переживает за Джада.

– Найдите мою жену, – шепчет ему Джад. – Заставьте ее рассказать, что произошло.

Гловер думает, что Джад еще в забытьи, но врач говорит: нет, он в полном сознании и здравом уме.

Джад проводит в госпитале три недели; у его дверей дежурит вооруженная охрана, потому что никто не знает, кем были стрелки и не вернутся ли они его прикончить. Тем временем следствие заходит в тупик: его жена в шоке и ужасе от случившегося, она благодарит Бога, что Джада не убили. Если бы только она была дома в ту ночь!

В офисе команда агентов отрабатывает все версии. Джад долгое время был копом. У него куча врагов. Когда становится ясно, что он поправится, расхожей шуткой в отделении становится вопрос из популярного сериала «Даллас»: «Кто подстрелил Дж. Р.?»

Проходит несколько месяцев, прежде чем он возвращается к нормальной жизни. Разбирая стопку счетов, накопившихся за время его отсутствия, он издает громкий стон: телефонная компания требует

более трехсот долларов! Он просматривает счет, и тут кое-что начинает складываться у него в мозгу.

На следующий день он приходит в офис и говорит: кажется, телефонный счет – ключ к этому делу. Будучи жертвой, он не может участвовать в расследовании, но коллеги, конечно, к нему прислушиваются.

В счете перечислено несколько звонков в Коламбус. Обратившись в телефонную компанию с запросом, они получают имя и адрес, на которые зарегистрирован номер. Джад даже не знает этого парня. Поэтому он с еще несколькими агентами садится в машину и проезжает сотню миль до Коламбуса. Они оказываются в доме местного проповедника, которого Джад считает обычным шарлатаном.

Агенты ФБР прижимают его к стенке, но он утверждает, что не имеет никакого отношения к попытке убийства. Агенты не собираются уходить просто так. Это один из наших, говорят они ему, и мы точно доберемся до того – или до тех, – кто это сделал.

Ход событий постепенно проясняется: проповедник известен в Коламбусе как человек, «решающий проблемы». Миссис Рей обращалась к нему с предложением работы в октябре, но он утверждает, что не согласился.

Она ответила, что найдет другого желающего, и попросила разрешения воспользоваться телефоном, пообещав заплатить ему за междугородний звонок. Проповедник говорит агентам, что она звонила бывшему соседу в Атланте, служившему во Вьетнаме одновременно с Джадом и неплохо стрелявшему. Она говорит ему: «Это необходимо сделать!»

Изложив все это, проповедник трагически воскликнул: «Миссис Рей так мне и не заплатила за звонок!»

Агенты садятся в машину и едут в Атланту – к бывшему соседу. Под давлением он признается, что миссис Рей пыталась нанять его в качестве киллера, но клянется, будто понятия не имел, что жертвой должен был стать Джад.

Так или иначе, по его словам, он отвечает, что не знает никого, кто занимался бы подобными делами, но дает ей телефон своего зятя, который может знать. Зять, в свою очередь, знакомит ее с другим парнем, который соглашается взять заказ и нанимает двоих стрелков.

Миссис Рей, зятя бывшего соседа, человека, взявшего заказ, и двоих стрелков арестовывают; бывший сосед, хоть и участвовал в сговоре, остается на свободе. Всех пятерых признают виновными в покушении на убийство, преступном сговоре и ограблении; они получают по десять лет – максимум, который может дать им судья.

Время от времени мы встречались с Джадом по делу АТКИД. Постепенно он проникся ко мне дружескими чувствами. Поскольку я не был его коллегой по офису, но знал, с какими стрессами сопряжена наша работа, и мог понять, через что он проходит, Джад решил, что мне можно доверять. Он рассказал, что в добавление ко всем переживаниям ему очень осложняют жизнь сплетни о его ситуации.

Бюро, стремясь облегчить положение Джада, предложило перевести его в другой полевой офис, подальше от Атланты, чтобы он спокойно восстановился. Но, переговорив с Джадом и узнав о его чувствах, я подумал, что это не поможет. Мне казалось, ему лучше остаться на прежнем месте.

Я обратился к Джону Гловеру, ОСА отделения в Атланте, и сказал:

– Если вы его переведете, то лишите системы поддержки, которая у него есть тут. Ему надо остаться. Пусть еще годик поработает, чтобы его дети пообвыклись и приспособились к жизни с теткой, которая помогала их растить.

Еще я сказал, что если и переводить его куда-нибудь, то в постоянное отделение в Коламбусе, потому что он служил там в полиции и знал большинство местных копов.

Его оставили в Атланте и Коламбусе, так что Джад смог наладить свою жизнь. Потом он перевелся в полевой офис в Нью-Йорке, где занялся преимущественно контрразведкой. А еще стал одним из координаторов по профилированию – связующим звеном между местной полицией и моим отделом в Куантико.

Когда у нас освободились места, мы перевели Джада к себе вместе с Розанн Руссо, тоже из Нью-Йорка, и Джимом Райтом из вашингтонского полевого офиса, который больше года работал над делом Джона Хинкли и последующим судом. Розанн впоследствии ушла в полевой офис в Вашингтоне и иностранную контрразведку. Джад и Джим стали уважаемыми и всемирно признанными членами нашей команды, а также моими близкими друзьями. Когда меня

назначили начальником отдела, Джим Райт занял мое место руководителя программы профилирования.

Джад говорил, что сильно удивился, когда мы выбрали его. Но он отлично проявил себя как координатор в Нью-Йорке, а благодаря опыту работы полицейским прекрасно разбирался во всех процессах. Он быстро учился и обладал врожденными способностями к анализу. Как полицейский, он расследовал множество дел непосредственно и мог правильно их оценивать.

Преподавая поведенческий анализ, Джад не боялся упоминать о попытке покушения на свою жизнь и ее последствиях. У него даже была запись того телефонного звонка в службу спасения, и он проигрывал ее в классе. Но сам слушать не мог и выходил в коридор, пока она звучала.

Я ему сказал:

– Это просто грандиозно.

Я объяснил, что множество элементов на месте преступления – следы ног, кровь на телевизоре – могли бы завести следствие в неверном направлении и сбить с толку. Теперь мы начинали понимать, как внешне необъяснимые элементы складываются в рациональную картину.

– Если ты составишь разработку по этому делу, – сказал я, – оно станет бесценным образовательным инструментом.

Он так и сделал, и этот материал оказался одним из самых интересных и информативных из всех, которыми мы располагали. А сам Джад испытал нечто вроде катарсиса.

– Я пережил свое личное откровение. В процессе подготовки к преподаванию этого дела я заглянул в те закоулки, куда не осмеливался заглядывать раньше. Каждый раз, когда я говорю о нем с людьми, которым доверяю, я открываю в нем что-то новое. Заказные убийства супругов и покушения на убийства происходят в нашей стране куда чаще, чем нам хочется думать.

Как инструктор академии, я считаю одним из самых трогательных моментов своей работы присутствие на лекциях Джада, где он рассказывает о том покушении. И не я один. Со временем он оправился настолько, что смог оставаться в аудитории, когда там играла запись его звонка.

К моменту, когда Джад стал сотрудником моего отдела, я уже неплохо исследовал постпреступное поведение. Мне было ясно, что, как бы преступник ни старался, большая часть его действий после преступления неподвластна его сознательному контролю. В результате пережитого покушения Джад заинтересовался вопросом предпреступного поведения. Мы уже понимали важность предшествующих стрессоров, ведущих к совершению преступления. Но Джад значительно расширил наши представления и продемонстрировал, как важно обращать внимание на поведение и межличностное взаимодействие до него. Радикальное и даже тонкое, но значимое изменение поведения партнера может означать, что он уже начал планировать изменение статус-кво. Если один из супругов неожиданно становится слишком спокойным, а может, более дружелюбным и снисходительным, чем раньше, это может означать, что он начинает рассматривать это изменение как неизбежное.

Расследовать заказные убийства супругов непросто. Заказчик обычно хорошо готовится; единственный способ раскрыть дело – заставить одного из участников говорить, и надо понимать динамику ситуации и реальный ход событий, чтобы оказать на него влияние. Любые изменения на месте преступления могут увести следствие в неверном направлении. И поведение заказчика до убийства является формой «постановки».

Дело Джада стало для нас уроком того, как можно неверно истолковать следы на месте преступления. Если бы Джад умер, мы наверняка пришли бы ко многим неправильным заключениям.

Одно из первых правил, которое должен усвоить начинающий коп, – это не загрязнять место преступления. Но своими собственными, плохо осознаваемыми действиями ветеран полицейской службы и специальный агент Джад ненамеренно загрязнил место покушения на него. Следы ног и прочие доказательства перемещения жертвы мы истолковали бы в пользу неудавшегося ограбления, решив, что преступники водили его по квартире, заставляя показывать, где спрятаны ценности. Кровь на экране указала бы нам на то, что Джад смотрел телевизор, когда его застали врасплох и застрелили.

Но главное, Джад сам сказал мне: «Если бы я умер, она совершенно точно вышла бы сухой из воды. Она все отлично

спланировала и подготовила. Соседи непременно поверили бы ей, когда она стала бы разыгрывать скорбящую вдову».

Как я уже говорил, мы с Джадом стали лучшими друзьями; пожалуй, он ближайшее подобие брата, какое у меня когда-либо было. Я шучу, что он может включать свою пленку перед ежегодной аттестацией, чтобы в полной мере воспользоваться моим сочувственным отношением. К счастью, это ему не требуется. Послужной список Джада Рея говорит сам за себя. Ныне он возглавляет отдел международного обучения, где применяет свои навыки и опыт для подготовки новых поколений агентов и полицейских. Но где бы он ни работал, Джад всегда будет одним из наших, причем одним из лучших – офицером, который пережил покушение благодаря своему характеру и воле, а потом собственноручно предал виновных правосудию.

Глава 13
Самая опасная дичь

В 1924 году Ричард Коннелл написал небольшую повесть под названием «Самая опасная игра» об охотнике по имени генерал Зарофф, которому надоело гоняться за животными и который начал охотиться на более трудную и сообразительную дичь: людей. История до сих пор популярна; моя дочь Лорен недавно проходила ее в школе.

Насколько нам известно, до 1980 года повесть Коннелла оставалась чем-то из области вымысла. Однако все изменил добродушный пекарь из Анкориджа на Аляске Роберт Хансен.

Мы не составляли профиль Хансена и не разрабатывали стратегию по его выявлению и поимке в соответствии с нашей обычной процедурой. В сентябре 1983-го, когда к расследованию привлекли мой отдел, полиция Аляски уже выделила Хансена как подозреваемого в убийствах. Однако сомнения оставались, потому что Хансен никак не подходил на роль серийного убийцы: он был человеком семейным, уважаемым – столпом общества, и никому не верилось, что он виновен в таких страшных вещах.

А произошло вот что.

Тринадцатого июня 1983 года в Анкоридже к полицейскому подбежала перепуганная девушка, на руке у которой болтались расстегнутые наручники, и рассказала следующую историю. Она была семнадцатилетней проституткой, и на улице к ней подошел рыжий рябой коротышка, предложивший двести долларов за оральный секс в его машине. Пока она выполняла заказ, он надел на нее наручники, вытащил пистолет и повез в свой дом в модном районе Малдун. Дома никого не было; похититель сказал ей, что, если она будет подчиняться и исполнять все его требования, он ее отпустит. Но потом он заставил ее раздеться догола и изнасиловал, яростно кусая за соски и заталкивая во влагалище молоток. Дальше он приковал ее наручниками к столбу у себя в подвале, а сам уснул. Проснувшись, сказал, что она очень ему понравилась – настолько, что он хочет слетать с ней на своем частном самолете в принадлежащую ему охотничью сторожку в лесу. Там они

снова займутся сексом, а потом прилетят назад в Анкоридж, где он ее освободит.

Естественно, она поняла, что ее шансы остаться в живых стремятся к нулю. Он похитил и изнасиловал ее, не пряча лица, то есть не стремился скрыть свою личность. Если они окажутся в уединенной хижине, ей оттуда не выбраться. В аэропорту, пока похититель грузил припасы в самолет, она умудрилась сбежать и сразу бросилась за помощью. Тут-то ей и попался тот полисмен.

Судя по данному ею описанию, похитителем был Роберт Хансен. Ему было за сорок, он вырос в Айове и прожил в Анкоридже семнадцать лет – управлял собственной успешной пекарней и считался уважаемым членом местного общества. Он был женат и имел дочь и сына. Полицейские отвезли девушку к дому Хансена в Малдуне, и она подтвердила, что ее пытали именно там. Потом ее доставили в аэропорт, и она опознала «Пайпер Супер-Каб», принадлежавший Роберту Хансену.

Полицейские сообщили Хансену об обвинении в его адрес. В ответ он страшно возмутился, заявил, что никогда ее не видел, и предположил, что она просто хочет вытрясти из него деньги. «Да и как вообще можно изнасиловать проститутку?» – спросил он полицейских. Сама мысль казалась ему смехотворной.

К тому же у него было алиби на ночь похищения. Его жена с детьми на лето уехала в Европу, но он был дома не один – ужинал с двумя партнерами по бизнесу. Оба подтвердили его слова. У полиции не было доказательств против него – только слова девушки, – поэтому Хансена не арестовали и не предъявили обвинение.

Однако, несмотря на отсутствие доказательств, полиция Анкориджа и патрульная служба Аляски почуяли дым – а дыма без огня не бывает. Еще раньше, в 1980 году, во время строительных работ на Эклутна-роуд, были найдены частичные останки женщины. Часть трупа съели медведи, но оставались признаки того, что ее зарезали и похоронили в неглубокой могиле. Опознать жертву не удалось, поэтому она так и осталась в архиве под именем «Энни из Эклутны», а ее убийца продолжал разгуливать на свободе.

Позднее в том же году в гравийном карьере близ Сьюарда нашли тело Джоанны Мессины. Далее, в сентябре 1982-го охотники наткнулись возле Ник-Ривер на тело двадцатитрехлетней Шерри

Морроу, также лежавшее в неглубокой могиле. Она была танцовщицей топлес и пропала в предыдущем ноябре. В нее выстрелили трижды, судя по гильзам – из мощной охотничьей винтовки «Ругер мини-14» 223-го калибра. К сожалению, на Аляске это очень популярное оружие, поэтому, чтобы его отследить, потребовалось бы опросить кучу охотников, владевших такими винтовками. Однако внимание полицейских привлек тот факт, что на одежде девушки не было дырок от пуль, а это означало, что, когда в нее стреляли, она была голой.

Почти ровно год спустя другое тело нашли в неглубокой могиле на берегу реки Ник. Это была Пола Голдинг, секретарша, уволенная с работы, которая от безысходности пошла танцевать топлес в баре, чтобы свести концы с концами. Ее тоже застрелили из «Ругер мини-14». Она пропала в апреле, а после этого была похищена та самая семнадцатилетняя проститутка, которой удалось сбежать. Пересчитав все трупы, Национальное следственное бюро Аляски решило повнимательнее присмотреться к мистеру Хансену.

Хотя у полиции уже был подозреваемый, когда меня привлекли к делу, я не хотел, чтобы на мое мнение повлияли выводы детективов. Поэтому, прежде чем выслушать их рассказ о подозреваемом на нашей первой телефонной конференции, я сказал:

– Сначала расскажите мне о преступлениях и позвольте сообщить, что я думаю об этом парне.

Они описали нераскрытые убийства и изложили подробности заявления девушки. Я описал сценарий и человека, который очень походил на их подозреваемого, вплоть до заикания. Тогда они рассказали мне о Хансене, его работе и семье, положении в обществе, репутации и увлечении охотой. Похоже это на человека, способного на такие преступления?

– Очень похоже, – ответил я. Проблема заключалась в том, что, помимо информации из вторых рук, у них не было вещественных доказательств, чтобы его привлечь. Единственным способом засадить Хансена, о чем они все мечтали, было добиться чистосердечного признания. Меня попросили приехать на Аляску и помочь им с делом.

В каком-то смысле это был обратный процесс относительно того, как мы работаем обычно: уже имея подозреваемого, определить, подходят ли его биография, тип личности и поведение под набор совершенных преступлений.

Я привез с собой Джима Хорна, недавно переведенного в мой отдел из постоянного представительства ФБР в Боулдере, Колорадо. Когда-то мы вместе проходили начальную подготовку, и я, получив разрешение нанять еще четверых агентов, попросил Джима приехать в Куантико. Вместе с Джимом Ризом Джим Хорн является сейчас одним из лучших экспертов по стресс-менеджменту в Бюро – важнейшая функция в нашей работе. Но в 1983 году это было одно из его первых дел с точки зрения поведенческой науки.

Поездка в Анкоридж стала одной из самых захватывающих и трудных командировок в моей жизни. Ее последним этапом был полет над самой водой, который я провел, стиснув кулаки так, что костяшки побелели, с налитыми кровью глазами. Когда мы сели, полицейские встретили нас и отвезли в отель. По пути мы проезжали мимо баров, где работали жертвы. Большую часть года там было слишком холодно, чтобы цеплять клиентов на улице, поэтому они знакомились в барах, открытых чуть ли не 24/7. Бары закрывались максимум на час, чтобы по-быстрому сделать уборку и выгнать перепивших посетителей. В тот период, из-за притока рабочей силы на строительство нефтепровода, по Аляске прокатилась волна самоубийств, алкоголизма и венерических заболеваний. Она стала чем-то вроде современной версии фронтира Дикого Запада.

Тамошняя атмосфера показалась мне крайне необычной. Местное население сопротивлялось нашествию парней из сорок восьмого штата, которые, как настоящие мачо, разгуливали повсюду, демонстрируя свои татуировки, словно только что сошли с рекламы «Мальборо». Вынужденные преодолевать огромные расстояния, люди в большинстве своем владели собственными самолетами, и Хансен в этом смысле не являлся исключением.

Для нашего дела большое значение имело то, что профилирование впервые использовалось для получения ордера на обыск. Мы начали анализировать все, что знали о преступлениях и Роберте Хансене.

Что касается виктимологии, все известные жертвы были проститутками или танцовщицами топлес. Это было кочевое племя легкой добычи, мигрировавшей по Западному побережью. Из-за их постоянных перемещений, а также из-за того, что проститутки обычно не сообщают о своем местопребывании полиции, сложно было узнать, не случилось ли что с кем-то из них, пока не найдется тело. Точно с

такой же проблемой ФБР столкнулось при убийствах на Грин-Ривер в штате Вашингтон. Поэтому выбор жертв имел большое значение. Убийца охотился за женщинами, которых никто не станет искать.

Мы мало что знали о происхождении Хансена, но то, что знали, вписывалось в профиль. Он был невысоким и худым, с рябым лицом и сильно заикался. Я предположил, что подростком он страдал от прыщей и они, вкупе с заиканием, стали причиной травли со стороны ровесников, особенно девочек. Соответственно, у него была низкая самооценка. Возможно, он и на Аляску переехал, чтобы начать с чистого листа на новом месте. С точки зрения психологии нападения на проституток – это стандартная форма мести женщинам в целом.

Я также обратил внимание на тот факт, что Хансен считался заядлым охотником. О нем рассказывали, что он стрелой из арбалета завалил дикую овцу, когда охотился в горах Кускоквим. Я не говорю, что большинство охотников – неадекватные типы, но, по моему опыту, неадекватные типы часто пытаются компенсировать свои неудачи, охотясь или забавляясь с ножами и пистолетами. Сильное заикание напомнило мне о Дэвиде Карпентере, Лесном убийце из Сан-Франциско. Как и в случае Карпентера, я готов был поспорить, что проблемы с речью у Хансена исчезают, когда он оказывается в позиции доминирования и контроля.

Сложив все это вместе, хоть мы и столкнулись со сценарием, с которым не имели дела раньше, я составил представление о происходящем. Проституток и экзотических танцовщиц находили в глухих лесистых уголках с огнестрельными ранениями из охотничьей винтовки. По меньшей мере в одном случае стреляли в голое тело. Семнадцатилетняя девушка, которой удалось сбежать, утверждала, что Роберт Хансен собирался отвезти ее в охотничью хижину в лесу. Хансен отправил жену с детишками в Европу на лето и жил дома один.

Я полагал, что, как генерал Зарофф в «Самой опасной дичи», Роберт Хансен устал гоняться за лосями, медведями и дикими овцами, так что переключился на более интересную добычу. Зарофф объяснял, что охотился за моряками, которые разбивались о скалы в проливе, ведущем к его острову, что он нарочно никак не помечал: «Я охочусь на разную дрянь – матросов с бродячих суденышек, дюжина которых стоит меньше племенной лошади или собаки».

Хансен, предположил я, примерно так же относился к проституткам – считал их гораздо ниже себя. Ему даже не надо было похищать их – он просто выбирал одну, запирал у себя в доме, увозил на самолете в лес, раздевал догола, отпускал, а потом охотился на нее с винтовкой или ножом.

Его модус операнди не мог возникнуть сразу в таком виде. Он должен был начать с обычных убийств, после которых увозил трупы жертв на самолете подальше. Это были преступления гнева. Он хотел, чтобы жертвы умоляли его пощадить их. Со временем Хансен, заядлый охотник, сообразил, что может совместить два этих развлечения, увозя их в лес живыми, а потом охотясь и получая дополнительное сексуальное удовлетворение. Так он держал их под своим полным контролем. И конечно, подсел на это ощущение. Ему хотелось испытывать его снова и снова.

Я подумал, что мы можем это использовать для получения ордера на обыск. От нас с Джимом хотели, чтобы мы составили запрос в суд, где объяснялось бы, что такое профилирование и что мы рассчитываем найти при обыске, а также излагались бы основания для него.

В отличие от обычного преступника или человека, для которого оружие – просто инструмент, охотничья винтовка имела для Хансена огромное значение. Поэтому я предсказал, что она будет где-то в доме, но не на виду. Он может хранить ее в подполе, за фальшпанелью в стене, на чердаке – где-нибудь в этом роде.

Я также предсказал, что наш парень будет «коллекционером», хоть и необычным. Многие сексуальные маньяки забирают у жертв «сувениры», которые потом дарят своим женщинам в знак доминирования над ними и с целью заново переживать тот опыт. Конечно, Хансен не мог повесить человеческую голову на стену, как голову оленя или лося, поэтому, я подумал, он мог брать трофеи другого рода. Доказательств уродования трупов не было, а это означало, что он мог забирать украшения, которые потом дарил жене или дочери, придумывая истории о том, откуда они у него. По моему мнению, он не брал у жертв белье или другие предметы одежды, но мог хранить у себя небольшие фотографии или еще что-то из их кошельков. И по моему опыту, с учетом типа личности, он мог вести дневник или список своих «подвигов».

Следующим шагом было опровержение его алиби. Двум партнерам по бизнесу легко было сказать, что они находились с ним в ту ночь, потому что им ничего не грозило. Но если мы создадим такую угрозу, все может измениться. Полиция Анкориджа обратилась к окружному прокурору с запросом на проведение заседания расширенной коллегии присяжных для разбора дела о похищении и об изнасиловании молоденькой проститутки, опознавшей Хансена. Двоих его деловых партнеров предупредили, что им придется дать показания повторно, но на этот раз, если они солгут коллегии присяжных, им не поздоровится.

Как мы и ожидали, этого хватило, чтобы они раскололись. Оба признались, что не были с Хансеном в ту ночь, – он просто попросил их помочь выкрутиться из неприятной ситуации.

Итак, Хансена арестовали по обвинениям в похищении и изнасиловании. Немедленно был выдан ордер на обыск его дома. Полиция нашла там винтовку «Ругер мини-14». Баллистические тесты показали совпадение с гильзами, обнаруженными возле трупов. Как мы и предсказывали, у Хансена имелась специально оборудованная комната с охотничьими трофеями, где он смотрел телевизор, полная голов животных, моржовых бивней, рогов, чучел птиц, со шкурами на полу. Под досками пола на чердаке были найдены еще оружие и несколько дешевых украшений, принадлежавших жертвам, включая часы «Таймекс». Другие украшения он отдал жене и дочери. Также у него нашли водительские права и удостоверения личности нескольких мертвых женщин. Дневника полицейским не попалось, но нашелся его эквивалент: авиационная карта, на которой были отмечены места, где Хансен выбрасывал трупы.

Естественно, этих улик было достаточно, чтобы засадить его в тюрьму. Но без ордера мы бы их не получили. А добиться ордера смогли, только убедив судью в наличии достаточного количества *поведенческих* доказательств для проведения обыска. С тех пор мы неоднократно помогали в составлении запросов на ордера, включая знаменитое дело Стивена Пеннелла, Убийцы I-40 из Делавэра, которого казнили в 1992 году за пытки и убийства женщин в его специально оборудованном фургоне.

Когда полиция Анкориджа и Аляски допрашивала Роберта Хансена в феврале 1984-го, я дома оправлялся от энцефалита, с

которым загремел в больницу в Сиэтле. Рой Хейзелвуд, героически прикрывавший меня, одновременно делая и свою работу, инструктировал полицейских по тактике ведения допросов.

Как и при первом разговоре с детективами, обвинявшими его в похищениях, Хансен все отрицал. Он ссылался на свою счастливую семейную жизнь и успехи в бизнесе. Сначала он утверждал, что гильзы от его винтовки находили в лесу потому, что он практиковался там в стрельбе. Женские трупы рядом с ними были, очевидно, простым совпадением. Но постепенно, столкнувшись с целой горой доказательств и перспективой, что разъяренный прокурор затребует смертного приговора, если он продолжит отпираться, Хансен признался в убийствах.

Пытаясь как-то оправдать свои действия, он заявлял, что хотел от проституток только орального секса, о котором не мог просить свою порядочную, достойную жену. Если проститутка его удовлетворяла, на этом все заканчивалось. Тех же, которые не подчинялись – пытались диктовать свои условия, – он наказывал.

В этом смысле поведение Хансена отражало наши выводы из тюремных интервью с Монти Рисселлом. Оба, Хансен и Рисселл, были неадекватными типами с неблагополучной биографией. Женщины, на которых Рисселл обрушивал свой гнев, пытались изображать дружелюбие или удовольствие, чтобы его успокоить. Они не понимали, что для такого типа личности власть и контроль над ситуацией – самое главное.

Хансен также утверждал, что тридцать или сорок проституток по доброй воле летали с ним в лес на его самолете и он возвращал их обратно живыми. Мне в это слабо верится. Проститутки, которых Хансен подсаживал на улице, привыкли быстро делать свое дело и отправляться на поиски следующего клиента. Проработав в этом бизнесе хотя бы недолго, они быстро учатся прекрасно разбираться в людях и ни за что не полетят на самолете куда-то в глушь с парнем, которого видят первый раз в жизни. Если они и допускали с ним ошибку, то она заключалась в согласии поехать к нему домой. Стоило им оказаться там, и ловушка захлопывалась.

Как его книжный единомышленник, генерал Зарофф, Хансен утверждал, что охотился лишь на представительниц низшего класса и убивал только их. Он никогда бы не позволил себе навредить

«достойной» женщине, но проституток и стриптизерш считал своей законной добычей. «Я не говорю, что ненавижу всех женщин, это не так… но проституток я ставлю ниже себя… Это как в бейсболе – им надо поймать мяч, пока я его не отбил».

Начав охотиться, он быстро к этому пристрастился.

– Самым большим удовольствием, – сказал Хансен на допросе, – было выслеживать их.

Он подтвердил и предположения насчет своей биографии. Он вырос в Покахонтасе, Айова, где его отец был пекарем. В детстве воровал в магазинах, но и повзрослев, уже имея деньги, продолжал красть просто ради интереса. Проблемы с девушками, по его словам, начались в старшей школе. Он считал, что из-за заикания и прыщей с ним никто не хочет общаться.

– Я выглядел как урод и говорил как урод, и девушки, стоило мне к ним подойти, сразу отворачивались.

Он без происшествий отслужил в армии и в двадцать два года женился. За женитьбой последовала череда поджогов и краж, потом развод с первой женой и новый брак. Как только вторая жена окончила колледж, они переехали на Аляску, чтобы начать с чистого листа. Но проблемы с законом у Хансена продолжались еще много лет, включая обвинения в нападениях на женщин, очевидно отвергших его авансы. Любопытно, что и он тоже ездил тогда на «Фольксвагене-Жуке».

Двадцать седьмого февраля 1984 года Хансен признал себя виновным в четырех убийствах, похищении, изнасиловании и нескольких кражах, а также незаконном хранении оружия. Его приговорили к 461 году тюрьмы.

Одним из вопросов, на которые нам пришлось найти ответ, прежде чем полиции удалось прижать Хансена, был следующий: могут ли быть убийства проституток и стриптизерш в Анкоридже связаны между собой? Эта проблема часто встает при криминальном следственном анализе. Примерно в то же время, когда на Аляске было найдено тело первой жертвы Роберта Хансена, меня вызвали в Баффало, Нью-Йорк, для оценки серии жестоких убийств на расовой почве.

22 сентября 1980 года четырнадцатилетнего Глена Данна застрелили на парковке супермаркета. Свидетели утверждали, что убийцей был молодой белый мужчина. На следующий день Харольд

Грин тридцати двух лет был застрелен в ресторане быстрого питания в пригороде Чиктовага. Тем же вечером тридцатилетнего Эммануэля Томаса убили перед собственным домом в том же пригороде. На следующий день Джозеф Маккой был убит в Ниагара-Фоллс.

На первый взгляд эти внешне бессмысленные убийства связывал лишь один фактор: все жертвы были чернокожими мужчинами. И всех застрелили пулями 22-го калибра, отчего пресса немедленно присвоила преступнику прозвище Убийца с 22-м калибром.

Расовая напряженность в Баффало нарастала. Чернокожее население чувствовало себя беспомощным и осуждало полицию за бездействие. В каком-то смысле здесь повторялась ситуация в Атланте. И как часто бывает в подобных случаях, положение не улучшалось. А становилось хуже.

Восьмого октября семидесятиоднолетнего водителя такси по имени Парлер Эванс нашли в багажнике его машины в пригородном Амхерсте с вырезанным из груди сердцем. На следующий день другой чернокожий таксист, сорокаоднолетний Эрнест Джонс, был найден на берегу Ниагара-Ривер – у него тоже вырезали сердце. Его машина, залитая кровью, стояла в нескольких милях оттуда, в границах городка Баффало. Через день, в пятницу, белый мужчина, подходящий под описание Убийцы с 22-м калибром, проник в больничную палату, где лежал тридцатисемилетний Колин Коул, выкрикнул: «Ненавижу ниггеров!» – и бросился душить пациента. Появление медсестры заставило его сбежать и спасло Коулу жизнь.

Общественность бушевала. Власти опасались широкомасштабных акций со стороны групп черных активистов. По запросу ОСА Баффало Ричарда Бретцинга в выходные я приехал туда. Бретцинг – уважаемый солидный человек, отличный семьянин и один из главных представителей так называемой мормонской мафии в ФБР. Никогда не забуду плаката на стене в его кабинете, где говорилось что-то вроде этого: «Если у мужчины нет семьи, у него нет жизни».

Как обычно, я первым делом взялся изучать виктимологию. Как отмечала полиция, у жертв не было никакого значимого общего знаменателя, кроме расы и, как я считал, того факта, что они оказались в неподходящем месте в неподходящее время. Совершенно точно «убийства 22-го калибра» совершал один и тот же человек, применявший стратегию киллера. Единственной очевидной

психопатологией в этих преступлениях была патологическая ненависть к чернокожим. Все остальное казалось отвлеченным и не связанным с делом.

Я считал, что этот человек может быть членом какой-то воинствующей расовой группировки, а может, и группы с позитивными целями и ценностями, например церковной; наверняка он считает, что борется за правое дело. По этой причине он должен был поступить в армию, откуда его уволили раньше срока из-за психологических проблем или неспособности адаптироваться к армейской жизни. Он организованный, рациональный, и его система предубеждений упорядоченная и логичная – для него самого.

Другие два преступления, жуткие нападения на таксистов, тоже были основаны на расовой ненависти, но в этом случае мы, по моему мнению, имели дело с другим убийцей. Там действовал дезорганизованный, патологически дезориентированный человек, вероятно во власти галлюцинаций, – скорее всего, с диагностированной параноидной шизофренией. Места преступлений свидетельствовали о неудержимом гневе, об избыточном контроле и о чрезмерном применении силы. Если бы в стрельбе и потрошениях был виновен один человек, это означало бы стремительный распад личности, произошедший в промежутке между убийствами Джозефа Маккоя и Парлера Эдвардса, которые разделяли меньше двух недель. Это никак не вязалось с инцидентом в госпитале – если там действительно орудовал Убийца с 22-м калибром, – к тому же чутье и опыт подсказывали мне, что больные фантазии потрошителя должны были формироваться длительное время, как минимум несколько лет. Ограбление не являлось мотивом ни тех, ни других убийств, но если в первых четырех убийца наносил удар и сразу скрывался, то в последних двух он провел на месте преступления много времени. Если эти шесть преступлений и были связаны, то, как мне казалось, лишь тем, что психопата, вырезавшего сердца, мог вдохновить расист, начавший расстреливать чернокожих в этой же местности.

Затем, 22 декабря, на Среднем Манхэттене четырех чернокожих и одного мексиканца зарезал за тринадцатичасовой интервал Манхэттенский мясник. Двое других чернокожих лишь чудом избежали смерти. Двадцать девятого и тридцатого декабря он снова нанес удар, зарезав тридцатиоднолетнего Роджера Адамса в Баффало и

тридцатишестилетнего Венделла Барнса в Рочестере. В следующие три дня трое других чернокожих мужчин в Баффало подверглись похожим нападениям.

Я не мог с уверенностью сказать полицейским, что Убийца с 22-м калибром являлся также Манхэттенским мясником или мужчиной, совершившим последние несколько преступлений. Но я был убежден, что это *личности одного типа*. Во всех эпизодах присутствовал расистский элемент, и все нападения совершались стремительно.

В следующие несколько месяцев «дело 22-го калибра» сдвинулось с мертвой точки. В январе в Форт-Беннинге, Джорджия (где три года назад Уильям Ханс пытался разыграть расистскую карту в убийствах «Сил зла»), по обвинению в убийстве ножом сослуживца был арестован рядовой армии Джозеф Кристофер двадцати пяти лет. При обыске в его старом домике близ Баффало был найден большой запас патронов 22-го калибра и обрез ружья. Кристофер поступил в армию только в ноябре и находился в увольнении на момент, когда были совершены убийства в Баффало и на Манхэттене.

Находясь в следственном изоляторе в Форт-Беннинге, он сказал капитану Олдричу Джонсону, надзиравшему за ним, что это он «сделал то самое, в Баффало». Кристоферу предъявили обвинения в стрельбе в Баффало и нескольких нападениях с ножом. Он был признан виновным и после непродолжительного разбирательства относительно его вменяемости приговорен к тюремному сроку от шестидесяти лет до пожизненного. Капитан Мэтью Ливайн, психиатр, обследовавший Кристофера в военном госпитале Мартин, сказал, что был поражен тем, насколько точно Кристофер вписывался в профиль Убийцы с 22-м калибром. Как и предсказывал профиль, он очень плохо адаптировался к армейской жизни.

Кристофер не признался и не отрицал вины в убийствах двух таксистов. Ему не предъявляли по ним обвинений, и они не вписывались в паттерн с точки зрения как *модус операнди*, так и *почерка*. Обе эти концепции крайне важны для криминального следственного анализа, и я по многу часов проводил в судах по всей стране, пытаясь донести до судей и присяжных разницу между ними.

Модус операнди – МО – выученное поведение. Это методы, которые преступник применяет для совершения преступления. МО динамичен – иными словами, он может меняться. Почерк, термин,

который я сам придумал, отличается от МО – *это действия, которые преступник совершает для получения удовлетворения*. Почерк статичен, он не меняется.

Например, нельзя ожидать, что преступник, начавший действовать еще подростком, продолжит совершать преступления тем же путем, если только не сделает все идеально с первого раза. Если ему удается выйти сухим из воды, он это усваивает и продолжает совершенствоваться. Вот почему мы говорим, что МО динамичен. С другой стороны, если этот парень совершает преступления, чтобы, к примеру, доминировать, причинять боль или заставлять жертву молить о сохранении жизни, это почерк. Почерк отражает личность убийцы. Это нечто, в чем он испытывает потребность.

Во многих штатах обвинение может объединить преступления между собой лишь на основе МО, что, по моему мнению, является архаичной отжившей технологией. В деле Кристофера адвокат защиты с легкостью мог предъявить аргумент, что стрельба из 22-го калибра в Баффало и резня на Манхэттене различаются по модус операнди, и был бы прав. Но в них прослеживался одинаковый почерк – склонность к стремительным нападениям на случайно выбранных чернокожих мужчин, подпитываемая расовой нетерпимостью.

А вот у стрельбы и потрошений почерк был очевидно разным. Преступник, вырезавший сердца, хоть и действовал из схожей глубинной мотивации, демонстрировал ритуализованный, обсессивно-компульсивный почерк. Каждый тип преступника получал удовлетворение от своего преступления, но разными путями.

Разница между МО и почерком может быть едва уловимой. Возьмем случай грабителя банков в Техасе, который заставлял всех заложников раздеваться и принимать сексуальные позы, чтобы их фотографировать. Это был его почерк. Он никак не способствовал совершению ограбления. Собственно, из-за этого он дольше оставался на месте преступления и сильнее рисковал, что его поймают. Тем не менее он явно испытывал в этом потребность.

Теперь вспомним грабителя из Гранд-Рэпидса, Мичиган. Я летал туда консультировать следователей по делу. Этот парень тоже заставлял всех в банке раздеваться, но фотографий не делал. Раздевание было нужно, чтобы отвлечь свидетелей, поставив их в неловкое положение, – так они не смотрели на него и не смогли бы

потом с уверенностью опознать. Он заставлял их раздеваться, чтобы успешно ограбить банк. Это был его МО.

Анализ почерка сыграл важную роль в процессе 1989 года над Стивеном Пеннеллом в Делавэре, когда мы подготовили запрос, обеспечивший получение ордера на обыск. Стив Мардиджан из моего отдела тесно сотрудничал с соединенной следственной группой полиции округа Нью-Касл и штата Делавэр, разработав профиль, который позволил детективам сузить круг подозреваемых и придумать проактивную стратегию для поимки убийцы.

Проституток находили задушенными, с проломленными черепами на шоссе 40 и 13. Трупы явно подвергались сексуальному насилию и пыткам. Профиль Стива оказался очень точным. Он сказал, что преступник – белый мужчина около тридцати лет, работающий в коммунальной службе. Он ездит на фургоне с большим пробегом, много раскатывает по окрестностям в поисках жертв, строит из себя мачо, поддерживает долгосрочные отношения с женой или девушкой, но любит доминировать над женщинами. Он возит с собой орудия преступления, а после него избавляется от улик. Хорошо знает местность и, соответственно, выбирает места, где избавляется от трупов. Эмоционально холоден в момент совершения преступлений, продолжит убивать, пока его не поймают.

Стивен Б. Пеннелл оказался тридцатиоднолетним белым мужчиной, работал электриком, ездил на фургоне с большим пробегом, много раскатывал по окрестностям в поисках жертв, строил из себя мачо, был женат, но любил доминировать над женщинами, тщательно подготавливал свой «арсенал для изнасилований», который возил в фургоне, попытался уничтожить улики, когда понял, что полиция села ему на хвост, хорошо знал местность и, соответственно, выбирал места, где можно было избавиться от трупов. Был эмоционально холоден в момент совершения преступлений и продолжал убивать, пока его не поймали.

Его отследили благодаря уловке, придуманной Мардиджаном, – переодеть женщину-полицейскую проституткой. Два месяца офицер Рене К. Лано прогуливалась вдоль шоссе, высматривая мужчину на фургоне, подходящего под описание из профиля. В первую очередь следствие интересовало ковровое покрытие в салоне; голубые волокна, соответствующие коврикам в машине, были найдены на теле одной из

жертв. В случае, если фургон останавливался, Лано ни в коем случае не должна была садиться в него – хоть на ней и была прослушка, это грозило ей смертью. Ей следовало попытаться как можно больше выведать об убийце. Когда мужчина, подходящий под профиль, наконец остановился, она втянула его в разговор, торгуясь насчет цены своих услуг через открытую пассажирскую дверь. Стоило ей заметить голубое ковровое покрытие, как она принялась громко восхищаться фургоном, а в процессе поскребла ковер ногтями. Лаборатория ФБР подтвердила, что добытые ею волокна совпадают с предыдущими образцами.

Меня вызвали давать показания на процессе Пеннелла насчет почерка его преступлений. Защита пыталась доказать, что эти убийства не были совершены одним и тем же человеком из-за расхождений в модус операнди. Я ясно дал понять, что, несмотря на МО, общим знаменателем во всех эпизодах являлись физические, сексуальные и эмоциональные пытки. В некоторых случаях убийца использовал плоскогубцы, которыми зажимал груди жертв и отрывал им соски. Некоторых он связывал по щиколоткам и запястьям, резал им ноги, хлестал по ягодицам, бил молотком. Поэтому, хотя методы пыток варьировались – называйте это, если хотите, МО, – почерк оставался неизменным: он получал удовольствие, причиняя боль и слушая крики ужаса жертв. Этого не требовалось для совершения убийства. Пытки были нужны, чтобы он получил от своего преступления то, к чему стремился.

Даже если бы Стивен Пеннелл был жив и мог это прочитать, он не изменил бы своего поведения при совершении новых преступлений. Он мог бы придумать новые, более изощренные способы пытать женщин. Но от пыток как таковых удержаться бы не смог.

К счастью для всех нас, как я уже говорил, штату Делавэр хватило дальновидности и здравого смысла, чтобы казнить Пеннелла путем смертельной инъекции 14 марта 1992 года.

Одним из знаковых случаев применения анализа почерка был состоявшийся в 1991 году суд над Джорджем Расселом – младшим, которого обвиняли в убийствах трех белых женщин – Мэри Энн Полрич, Андреа Ливайн и Кэрол Мари Бет – в Сиэтле годом ранее. Профиль по делу составлял Стив Эттер из моего отдела, а я ездил на суд давать показания. Обвинение понимало, что не сможет добиться

приговора на основании одиночного убийства. У полиции имелись веские доказательства убийства Полрич и уверенность в связи с двумя другими. Тем не менее в этом надо было убедить суд.

Рассел вовсе не походил на человека, способного безжалостно убивать женщин. Хоть у него и имелась история мелких краж, он был благообразным чернокожим парнем лет тридцати, обаятельным и общительным, с широким кругом друзей и знакомых. Даже местная полиция Мерсер-Айленда, не раз имевшая с ним дело по незначительным обвинениям в прошлом, не могла поверить, что он убийца.

В 1990 году сексуальные убийства вне расовой группы еще считались редкостью, но нравы становились свободнее, а общество – более толерантным, так что раса переставала быть проблемой. Это особенно относилось к симпатичным и достаточно развитым ребятам вроде Рассела. Он встречался как с чернокожими, так и с белыми женщинами и имел друзей из обеих рас.

Адвокат подсудимого Мириам Шварц обратилась к судье Верховного суда округа Кинг Патрисии Эйткен с досудебным запросом на разделение дел. Она хотела, чтобы каждый случай рассматривался отдельно, и настаивала, что убийства совершали разные преступники. Обвинители Ребекка Рой и Джефф Бэрд попросили меня объяснить, как эти преступления связаны между собой.

Я упомянул блицатаку как МО во всех случаях. Поскольку три убийства произошли всего за семь недель, преступнику не было смысла менять модус операнди – разве что в случае, если бы какое-то нападение не удалось и ему пришлось бы совершенствоваться. Но куда большее внимание привлекал его почерк.

Всех трех женщин бросили обнаженными и в провокационных унизительных позах. Сексуальный контекст такого позирования с каждым разом усиливался. Первую оставили со скрещенными руками и ногами возле сточной канавы и мусорного бака. Вторую – на кровати с подушкой на голове, согнутыми в коленях ногами и винтовкой, вставленной во влагалище, обутую в красные туфли на шпильках. Последнюю – распростертой на постели с дилдо во рту и книгой «Радости секса» под левой рукой.

Блицатаки были необходимы, чтобы убить этих женщин. Унизительные позы – нет.

Я объяснил разницу между позированием и инсценированием. Инсценирование преступник использует, пытаясь сбить полицию со следа, заставив ее поверить, что на самом деле преступление было другим – так насильник может придать своему преступлению сходство с обычным ограблением. Это будет МО. Позирование, с другой стороны, является аспектом почерка.

– Случаев позирования встречается немного, – сказал я на слушании. – Преступник придает жертве определенную позу, чтобы оставить некое послание… Это преступления гнева, власти. Он испытывает возбуждение от охоты, убийства, а потом – от того, в каком виде оставляет жертву, и, по собственному убеждению, одерживает верх над системой.

Я с уверенностью заявил:

– Крайне высока вероятность, что во всех случаях действовал один подозреваемый.

Боб Кеппел, главный следователь офиса генерального прокурора штата и ветеран следственной группы по делу об Убийце с Грин-Ривер, давал показания вместе со мной: он упомянул, что в более чем тысяче дел, которые расследовал, позирование встречалось лишь в десяти и ни в одном не было элементов, присутствующих в данных трех.

В тот момент мы не утверждали, что Рассел – наш преступник; мы лишь говорили, что тот, кто совершил одно убийство, виновен во всех трех.

Защита планировала пригласить эксперта, который опровергнет мои слова: докажет, что я ошибаюсь насчет почерка и что три этих убийства совершили разные люди. Как ни удивительно, этим экспертом оказался мой давний коллега из ФБР и напарник по изучению серийных убийц Роберт Ресслер, уволившийся из Бюро, но продолжавший оказывать консультационные услуги.

Я считал, что это дело однозначное и ясное для любого, имеющего такой опыт в профилировании и криминальном анализе, как мы с Бобом, поэтому был поражен, когда он согласился выступить на стороне защиты. Еще доходчивей: я считал, что он стопроцентно не прав. Но, как уже говорилось неоднократно, наука наша неточная, и у

каждого есть право на свое мнение. Мы с Бобом уже давно разошлись по разным сторонам во многих важных вопросах – в первую очередь о том, был ли Джеффри Дамер сумасшедшим[16]. Боб взял сторону защиты и утверждал, что это так; я соглашался с Парком Дитцем, выступавшим за обвинение и говорившим, что Дамер был вменяем.

Поэтому я еще больше удивился, когда Боб сообщил, что у него есть другие дела, и даже не показался на досудебном слушании по Расселу, прислав вместо себя другого агента в отставке, Расса Ворпейджела. Расс – умный парень. Он был чемпионом по шахматам и мог играть против десяти противников одновременно. Но профилирование не являлось его ведущей специальностью, и я считал, что факты говорят против него. Ему нелегко пришлось на перекрестном допросе под натиском Ребекки Рой после того, как он оспорил мое мнение. В конце слушания судья Эйткен постановила, что, основываясь на особенностях почерка, описанных мной и Кеппелом, дела будут рассматривать вместе.

На процессе я снова дал показания о почерке, опровергнув теорию о нескольких убийцах, выдвинутую защитой. По делу Кэрол Бит адвокат Шварц утверждала, что у бойфренда жертвы были и возможность, и мотив. Мы всегда рассматриваем супругов и любовников при расследованиях убийств на сексуальной почве, но я был совершенно уверен, что в данном случае мы имеем дело с сексуальным убийством, совершенным посторонним человеком.

После четырехдневного обсуждения коллегия присяжных в составе шестерых мужчин и шести женщин признала Джорджа Уотерфилда Рассела – младшего виновным в одном убийстве первой степени и двух убийствах первой степени с отягчающими обстоятельствами. Он был приговорен к пожизненному заключению без возможности УДО и направлен в Вала-Вала – тюрьму строгого режима штата.

Это была моя первая поездка в Сиэтл после болезни и комы. Приятно было вернуться и помочь в раскрытии дела после застопорившегося расследования на Грин-Ривер. Я заглянул в Шведский госпиталь и был рад увидеть табличку, которую подарил им на прощание. Заехал я и в «Хилтон» – проверить, вспомню ли что-нибудь, но не вспомнил. Думаю, травма была слишком серьезная и мое сознание вытеснило ее. Да и в любом случае, проводя столько времени

в командировках, я уже не мог отличить один гостиничный номер от другого.

Сейчас мы развили анализ почерка до такой стадии, когда регулярно даем показания на судах по убийствам, и не только я, но и другие профайлеры, разделяющие мой интерес, – в первую очередь Ларри Энкром и Грег Купер.

В 1993 году Грег Купер помог добиться обвинения в двух убийствах первой степени для Грегори Мозли, который изнасиловал, забил до смерти и зарезал ножом двух женщин в двух разных юрисдикциях в Северной Каролине. Как в сходном случае на процессе Рассела, двум юрисдикциям сложно было бы добиться обвинительного приговора по отдельности. Имелись доказательства связи убийств между собой, и по изучении материалов дела и фотографий с места преступления Грег решил, что сумеет помочь.

Ключевым элементом в делах Мозли, по мнению Грега, было «чрезмерное» убийство. Обе жертвы были одинокими, незамужними женщинами с легкой степенью инвалидности, слегка за двадцать лет, посещавшими один и тот же клуб кантри- и вестерн-музыки, откуда их похитили с разницей в несколько месяцев. Обеих жестоко избили. Можно было бы сказать, что их забили до смерти, но на самом деле она наступила от удушения руками и лигатурой. Одна получила двенадцать ножевых ранений, и у нее присутствовали следы анальной и вагинальной пенетрации. Имелись и криминалистические улики, включая ДНК спермы, указывавшие на Мозли. Оба убийства и изнасилования были совершены в уединенных местах, а тела выброшены там, где их нескоро бы заметили.

Грег показал на суде, что поведенческие улики указывают на неадекватную личность с садистскими сексуальными наклонностями. Его неадекватность подтверждал выбор жертв; садизм – то, что он с ними делал. В отличие от многих неадекватных дезорганизованных преступников, этот не убивал жертв перед тем, как приступить к уродованию тел. Он стремился к полному физическому и эмоциональному контролю. Хотел быть источником их боли и наслаждался реакцией на свою жестокость.

Дав показания на первом процессе, Грег предоставил обвинению возможность упомянуть о втором убийстве. Мозли признали виновным и приговорили к смертной казни. На втором процессе

девять месяцев спустя Грег выступил снова, добившись еще одного смертного приговора.

Когда Грег давал показания в первый раз, он, описывая характер Мозли в переполненном зале суда, встретился с ним глазами. Судя по мрачному выражению лица, Мозли думал: «Откуда ты только это знаешь?» Ставки были высоки; не добейся Грег успеха, все дело пошло бы прахом, и на втором суде позиции обвинения также значительно бы ослабли.

Когда Мозли впервые увидел Грега на втором суде, то пробормотал, обращаясь к охранникам:

– Этот сукин сын опять попытается до меня добраться!

Традиционно, чтобы добиться обвинительного приговора на суде по делу об убийстве, надо было иметь убедительные вещественные доказательства, показания свидетелей или чистосердечное признание либо надежные косвенные доказательства. Теперь, благодаря нашей работе по поведенческому профилированию и криминальному анализу, у полиции и обвинения в арсенале имеются дополнительные методы. Самих по себе их недостаточно, чтобы добиться приговора. Но в сочетании с прочими элементами они позволяют связать между собой несколько преступлений, а это именно то, что нужно, чтобы одержать победу в суде.

Серийные убийцы охотятся на *самую опасную дичь*. Чем больше мы знаем об этой охоте, тем успешней можем им противостоять.

Глава 14
Кто убил идеальную американку?

Кто убил идеальную американку?

Четыре года этот вопрос тяготел над жителями городка Вуд-Ривер, Иллинойс. А в первую очередь – над полицейским инспектором Элвой Бушем и Доном Вебером, окружным прокурором Мэдисона.

Вечером во вторник, 20 июня 1978 года, Карла Браун и ее жених Марк Фейр устроили вечеринку с пивом и музыкой для друзей, помогавших им переехать в новый дом по адресу 979 Экшен-авеню в Вуд-Ривер. Домик был одноэтажным, белым, обшитым деревом, на живописной зеленой улочке, с колоннами по бокам от входной двери, и последние две недели они все хорошо поработали, чтобы подготовить его к переезду. Это было прекрасное начало совместной жизни для двадцатитрехлетней Карлы и двадцатисемилетнего Марка. Они встречались пять лет, прежде чем Марк, разобравшись с обычными мужскими сомнениями, дал Карле понять, что готов перейти на следующий этап. Карла как раз заканчивала местный колледж, а Марк работал помощником электрика, и их, казалось, ожидало прекрасное будущее.

Марк, хоть и откладывал предложение столько лет, понимал, насколько ему повезло с невестой. Карла Лу Браун была олицетворением идеальной американской девушки. Ростом около метра пятидесяти, блондинка, со сногсшибательной фигурой и улыбкой королевы красоты, она была мечтой всех местных парней и предметом зависти учениц старшей школы Роксаны, где все запомнили ее дерзкой, уверенной в себе предводительницей команды болельщиц. Близкие подруги знали и ее чувствительную тонкую душу, скрывавшуюся за кокетством и внешним блеском. Они видели, насколько она предана Марку – крепкому, атлетически сложенному, выше ее на голову. Карла и Марк были потрясающей парой.

После вечеринки во вторник они вернулись в свою квартиру на Ист-Элтон, чтобы упаковать оставшиеся вещи. Оба надеялись на следующий день переехать и ночевать уже в новом доме.

Утром в среду, после того как Марк отправился на работу в компанию «Кэмп, отопление и электроснабжение», Карла поехала на Экшен-авеню, где собиралась прибрать и разложить вещи до его возвращения в половине пятого. Им не терпелось заночевать там, и оба этого ждали.

Закончив с работой, Марк поехал к приятелю Тому Фигенбауму, который жил в том же квартале, что и родители Марка, и согласился помочь ему перевезти большую собачью будку необычной треугольной формы из родительского двора.

До Экшен-авеню они добрались около половины шестого, и, пока Том задом сдавал на подъездную дорожку, Марк пошел позвать Карлу. Он не смог ее найти и подумал, что она, наверное, отошла что-нибудь купить, но тут заметил, что задняя дверь не заперта. Это его встревожило. Надо было сказать ей, чтобы была осторожнее.

Марк пригласил Тома внутрь и стал показывать дом. Пройдя по первому этажу, они спустились в полуподвальную кухню. Внизу лестницы Марк остановился: то, что он увидел, совсем ему не понравилось. Несколько небольших столиков были перевернуты, вещи разбросаны – и это несмотря на уборку, которую они с Карлой устроили предыдущим вечером. На полу и диване темнели мокрые пятна.

– Да что здесь такое? – риторически воскликнул Марк. Он уже собирался идти обратно наверх искать Карлу, но тут увидел ее в открытую дверь постирочной.

Карла стояла на коленях, наклонившись вперед. Она была в свитере, но обнаженная ниже талии; руки у нее были связаны за спиной электропроводом, а голова погружена в сорокалитровую пластиковую бочку, наполненную водой. В таких бочках они с Карлой перевозили вещи. Свитер должен был лежать в одной из бочек; Карла носила его только зимой.

– Господи Боже! Карла! – вскричал Марк, и они с Томом бросились к ней. Марк вынул ее голову из бочки и уложил девушку на пол. Ее лицо было раздутым и синюшным, на лбу и подбородке – глубокие порезы. Глаза были открыты, и не было никаких сомнений, что Карла мертва.

Горе сломило Марка. Он попросил Тома поискать что-нибудь, чтобы ее прикрыть, и после того, как Том принес красное одеяло, они

позвонили в полицию.

Когда несколько минут спустя Дэвид Джордж из Департамента полиции Вуд-Ривера приехал на вызов, Марк с Томом ждали его на улице у входной двери. Они провели офицера в подвал и показали место преступления. Марк все это время едва держал себя в руках.

– О Господи, Карла! – повторял он.

Такого никак не могло случиться в Вуд-Ривере, тихом городке в пятнадцати минутах езды от Сент-Луиса. Очень скоро на Экшен-авеню собрались все лучшие местные копы, включая тридцатидевятилетнего шефа полиции Ральфа Скиннера.

У Карлы остались следы удара тупым предметом по голове – вероятно, от перевернутой стойки для телевизора, валявшейся на полу. Вокруг шеи были завязаны носки; вскрытие показало, что она умерла от странгуляции и была уже мертва, когда ее голову опустили в бочку с водой.

Убийство было для Вуд-Ривера событием из ряда вон, и у полиции с порога возникли проблемы. Эксперт-криминалист штата Иллинойс Элва Буш никак не мог заставить работать вспышку от своего фотоаппарата. К счастью, Билл Редферн, принявший в участке звонок от Тома Фигенбаума, захватил с собой другую камеру и сделал фото, но у него была только черно-белая пленка. Другой проблемой оказались друзья, помогавшие паре переезжать, – они все побывали в доме, и на месте преступления осталось множество частичных отпечатков. Выделить из них чужие было крайне сложно, а то и невозможно.

Кое-что выглядело как зацепка, но не поддавалось толкованию, например стеклянная колба от кофеварки, стоявшая на потолочной балке в подвале. Прежде чем обратить на нее внимание, полицейские заметили, что колбы нет на своем месте – в кухне. Никто, включая Марка, не мог логично объяснить, как она там оказалась и какую роль сыграла – если сыграла вообще – в убийстве. Элва Буш смог снять со стеклянной поверхности несколько размытых отпечатков, но они оказались неполными и для использования не годились.

В следующие несколько дней полиция прочесала район, разговаривая со всеми, кто мог хоть что-нибудь видеть. Ближайший сосед, Пол Мейн, сказал, что в день убийства после обеда сидел у себя на террасе с приятелем Джоном Пранте. Пранте подтверждал, что

заходил к Мейну с утра, сразу после того, как подал заявление на работу на местном нефтеперерабатывающем заводе, но быстро ушел, чтобы попытать удачи и в других местах. В ночь перед убийством Мейн, Пранте и третий их друг видели, как целая толпа помогала Карле и Марку переезжать. Все трое надеялись, что их пригласят на вечеринку, поскольку Мейн был ближайшим соседом, а третий друг немного знал Карлу по старшей школе. Но их не позвали даже после того, как третий окликнул Карлу и поздоровался с ней.

Соседка через дорогу, пожилая женщина по имени Эдна Вэнсил, вспомнила, что видела красную машину с белой крышей, припаркованную перед домом 979 в день убийства. Боб Льюис, один из гостей вечеринки, утверждал, что видел Карлу на подъездной дорожке: она говорила с растрепанным длинноволосым парнем из соседнего дома, который позвал ее по имени. Это был, очевидно, приятель Пола Мейна.

– Хорошая у тебя память! Столько времени прошло, – услышал Льюис ответ Карлы. Он добавил, что рассказал Марку Фейру о встрече, предупредив, что, если им придется жить рядом с такими людьми, надо быть с ними осторожнее, пока они не познакомятся лучше. Марк не волновался; он ответил, что Карла знала длинноволосого по старшей школе и тот просто зашел к Полу Мейну.

Еще одна женщина проезжала по улице – везла своего внука к стоматологу. Они с мальчиком видели парня и девушку, разговаривавших на подъездной дорожке, но даже на допросе под гипнозом она не смогла толком его описать.

Полиция переговорила с многочисленными подругами Карлы, пытаясь узнать, не затаил ли кто на нее злобу – может, какой-нибудь брошенный бойфренд? Но все они в один голос утверждали, что врагов у Карлы не было.

Одна девушка, бывшая соседка Карлы по комнате, тем не менее кое-что вспомнила. Отец Карлы умер, когда та была еще ребенком, и ее мать Джо Эллен вышла за Джо Шеппарда – старшего, с которым впоследствии развелась. Соседка говорила, что Карла с Шеппардом не ладили, он ее бил и всегда набрасывался на ее друзей. Он казался подходящим подозреваемым: после убийства одолевал полицию расспросами, а как мы уже отмечали, убийцы часто стараются сблизиться с полицией и каким-то образом участвовать в

расследовании. Однако улик, связывающих Шеппарда с преступлением, не было.

Другим кандидатом, к которому стоило присмотреться, являлся Марк Фейр. Вместе с Томом Фигенбаумом он нашел тело, у него был доступ в дом, он был самым близким к жертве человеком. Как я упоминал, говоря о деле Джорджа Рассела, супруга или любовника никогда нельзя сбрасывать со счетов. Но Марк был на работе и устанавливал электропроводку, когда было совершено убийство; много людей видели его и говорили с ним. И ни у кого – включая полицию, подруг Карлы и ее семью – не было сомнений, что его горе искреннее и глубокое.

Расследование продолжалось; полиция проверяла на полиграфе большинство из тех, кого вызывали на допросы, – людей, контактировавших с Карлой перед ее смертью. Марк, Том и Джо Шеппард проверку однозначно выдержали. Собственно, никто ее не провалил. Близок к провалу был Пол Мейн – парень, не обремененный интеллектом, сидевший дома по соседству в тот день. Хоть он и утверждал, что с ним на террасе находился Джон Пранте, который может подтвердить, что он никуда не уходил, сам Пранте – он полиграф прошел – помнил, что быстро отправился опять искать работу и потому не может с уверенностью утверждать, где был или не был Мейн. Но хотя полиграф Мейн прошел неуверенно и оставался подозреваемым, ничто напрямую не связывало его – как и всех остальных – с убийством.

Убийство Карлы Браун сильно сказалось на жизни Вуд-Ривера. Рана никак не затягивалась. Местные копы и полиция штата допрашивали всех, кого могли найти, разрабатывали все версии и зацепки. Тем не менее к раскрытию их это не продвигало. Прошел месяц, потом еще один. Потом год, потом два. Особенно тяжело приходилось сестре Карлы, Донне Джадсон. Вместе с мужем Терри они неотрывно следили за ходом расследования и участвовали в нем. Мать Карлы и вторая ее сестра, Конни Дикстра, не в силах выдерживать такое напряжение, старались поменьше контактировать с властями по этому делу.

Тяжким грузом оно легло и на плечи Дона Вебера, прокурора округа Мэдисон, к которому относился Вуд-Ривер. На момент совершения убийства он еще был помощником прокурора. Опытный

обвинитель и одновременно тонкий, чувствительный человек, Вебер отчаянно хотел доказать жителям округа, что таких ужасов, как произошел с Карлой, на своей территории не потерпит. Он был практически одержим поисками убийцы и привлечением его к ответственности. Как только в ноябре 1980 года его избрали прокурором, он запустил расследование заново.

Был и еще один человек, которому дело Карлы Браун не давало покоя, сколько бы оно ни тянулось без видимых подвижек, – эксперт-криминалист штата Элва Буш. В карьере полицейского всегда есть несколько дел, которые он не может отпустить. И именно благодаря Бушу в конце концов в расследовании произошел прорыв.

В июне 1980 года, спустя полных два года после убийства Карлы, Буш находился в Альбукерке, Нью-Мексико, для дачи показаний по делу, для которого обследовал машину, угнанную в Иллинойсе. Перед началом процесса он присутствовал на презентации в департаменте шерифа, которую устраивал доктор Гомер Кэмпбелл, эксперт Аризонского университета по компьютерному увеличению фотографий.

– Эй, док, – сказал ему Буш, когда презентация закончилась, – у меня есть для вас дельце.

Доктор Кэмпбелл согласился изучить фотографии с места преступления и со вскрытия, чтобы разобраться, сможет ли он точно установить тип инструмента или орудия, которым убили Карлу. Буш скопировал и отправил Кэмпбеллу соответствующие снимки.

То, что они были черно-белыми, осложнило работу, но Кэмпбелл смог провести тщательный анализ своим первоклассным оборудованием. Благодаря компьютерному увеличению он изучил фотографии в мельчайших деталях и смог сделать кое-какие выводы. Глубокие раны оставил гвоздодер, а порезы на лбу и подбородке – колесики от перевернутой телевизионной стойки. Но то, что он сказал Бушу дальше, перевернуло дело с ног на голову и придало ему новое направление.

– А что насчет следов укусов? У вас есть подозреваемые, которые могли их оставить?

– Каких укусов? – так и охнул Буш в телефонную трубку.

Кэмпбелл сказал ему, что, хотя изображения, которые он сумел получить, не лучшего качества, на них ясно видны следы укусов у

Карлы на шее – достаточно четкие, чтобы их можно было сравнить с зубами подозреваемого, если таковой появится. Один мог особенно пригодиться, поскольку не перекрывался другими ранами или отметинами на коже.

В отличие от всего прочего, что имелось у следствия, следы укусов были убедительным, надежным доказательством – почти таким же веским, как отпечатки пальцев. Сравнение зубов Теда Банди с укусом на ягодице жертвы убийства в общежитии сестринства Хи-Омега в Университете Флориды помогло добиться обвинительного приговора для знаменитого серийного убийцы. На процессе Банди Кэмпбелл выступал свидетелем обвинения. (Утром 24 января 1989 года после продолжительных интервью и собеседования с Биллом Хэгмайером из нашего отдела Банди был казнен в тюрьме Флориды на электрическом стуле. Никто до сих пор не знает точно, сколько юных жизней он отнял.)

Получив от доктора Кэмпбелла фото следов укусов, полиция Иллинойса начала заново отрабатывать всех подозреваемых – в первую очередь соседа Пола Мейна. Но, сняв с того слепок зубов, Кэмпбелл не смог сличить его со следами на фотографиях с места преступления и со вскрытия. Полицейские попытались отыскать друга Мейна Джона Пранте, чтобы проверить, не сдаст ли тот Мейна с учетом вновь появившейся информации, однако найти его не удалось.

Были и другие попытки раскрыть убийство, включая привлечение знаменитого в Иллинойсе экстрасенса, который, не зная деталей дела, сказал: «Я слышу, как капает вода». Полиция сочла это указанием на то, в каком виде было обнаружено тело Карлы. Но, помимо того факта, что убийца живет близ железнодорожных путей (это можно отнести к большинству жителей округа Мэдисон), экстрасенс больше ничего не смог о нем поведать.

Даже узнав о следах зубов, полицейским не удалось продвинуться в расследовании. В июле 1981 года Дон Вебер с четырьмя своими сотрудниками посетили в Нью-Йорке семинар по криминальной экспертизе в рамках формирования администрации нового прокурора штата. Зная, что Вебер будет там, доктор Кэмпбелл предложил ему привезти фотографии с дела Браун и показать доктору Лоуэллу Ливайну, судебному стоматологу из Нью-Йоркского университета, который должен был выступить на семинаре. Ливайн изучил снимки,

но, согласившись с Кэмпбеллом в том, что некоторые отметины – определенно следы зубов, ни одного точного соответствия не нашел. Он предложил эксгумировать труп Карлы, прокомментировав, что «гроб – это отличный холодильник для улик». Я не был знаком с Ливайном лично, но много слышал о нем. Он проводил анализ по делу Фрэнсис Элвисон в Нью-Йорке. (Очевидно, доктор справился чертовски хорошо, поскольку, когда Билл Хэгмайер и Розанн Руссо приезжали опросить Кармина Калабро в тюремный госпиталь Клинтон, у него были удалены все зубы – он сам этого потребовал в попытке выиграть апелляцию. Впоследствии доктор Ливайн возглавил службу судмедэкспертизы в штате Нью-Йорк.)

В марте 1982 года Вебер с двумя следователями из своего офиса посетил ежегодную обучающую сессию для следовательского отдела полиции Сент-Луиса. Я был там: представлял программу профилирования и криминального анализа перед их многочисленной аудиторией. Хотя сам я нашей встречи не помню, Вебер описывает в своем потрясающем анализе того дела «Молчаливый свидетель» (в соавторстве с Чарльзом Босуортом – младшим), что они с коллегами подошли ко мне после презентации и спросили, можно ли применить мой метод к делу, над которым они работают. Я, видимо, сказал им обратиться в мой отдел в Куантико – я буду рад помочь, чем смогу.

По возвращении Вебер узнал, что Рик Уайт из полиции Вуд-Ривера тоже был на сессии и независимо от него пришел к выводу, что профилирование очень пригодилось бы в расследовании дела Браун. Уайт связался со мной, и мы договорились, что он приедет в Куантико с фотографиями с места преступления, а я при нем их посмотрю и выскажу свои предположения. Вебер был слишком занят другими делами и подготовкой к судам, чтобы приехать, но он отправил своего заместителя Кита Дженсена вместе с Уайтом, Элвой Бушем и Рэнди Рашингом, одним из начальников полиции, с которым сотрудничал в Сент-Луисе. Вчетвером они проехали больше восьмисот миль до Куантико на джипе без полицейской символики; тогдашний начальник полиции Вуд-Ривера Дон Грир был в отпуске во Флориде, но прилетел в Вашингтон, чтобы присутствовать на совещании.

Мы встретились в переговорной. Четверо следователей большую часть поездки старались упорядочить свои соображения и теории, чтобы представить их мне; они не знали, что я предпочитаю делать

собственные выводы, прежде чем выслушивать чьи-то еще. Мы прекрасно поработали; в отличие от многочисленных случаев, когда нас привлекают по политическим причинам или с целью прикрыть чью-то задницу, эти ребята приехали, потому что им правда было не все равно. Они хотели быть здесь и искренне желали, чтобы я указал им нужное направление.

Особенно хорошо мы сошлись с Элвой Бушем, который, как я, отрицал любые авторитеты. Как и я, он славился тем, что раздражал людей своей прямолинейностью. Дону Веберу пришлось нажать на все мыслимые политические кнопки, чтобы Бушу позволили поехать в Куантико.

Я попросил передать мне фотографии с места преступления и несколько минут внимательно рассматривал их. Задал кое-какие вопросы, чтобы сориентироваться, а потом сказал:

– Вы готовы? Возможно, вы захотите это записать.

Первое, что я им сообщил: опыт мне подсказывает, что, когда трупы оказываются в воде внутри дома – в ванне, душе или каком-то контейнере, – это делается не для того, чтобы избавиться от улик, как было в Атланте, а ради инсценировки, то есть чтобы придать одному преступлению вид совсем другого. Потом я сказал, что они совершенно точно уже допрашивали убийцу. Он находился по соседству или поблизости от дома. Такие преступления – соседские или домашние. Люди не ездят на большие расстояния, чтобы их совершить. Если на нем осталась кровь – а она должна была остаться, – он имел возможность укрыться где-то рядом, чтобы ее смыть и избавиться от окровавленной одежды. Он не волновался, что его побеспокоят, потому что либо хорошо знал Карлу, либо наблюдал за ней достаточно долго, чтобы запомнить привычки – ее и Марка. Когда вы разговаривали с ним, он охотно шел на сотрудничество, а потом мог даже предлагать помощь – ему кажется, что так он контролирует ситуацию.

Он зашел в дом Карлы в тот день не для того, чтобы ее убить. Убийство произошло спонтанно. Если бы он его запланировал, то принес бы с собой оружие и приспособления для изнасилования. Вместо этого мы имеем мануальную странгуляцию и травму от тупого предмета, что указывает на внезапную вспышку гнева или отчаяния как реакцию на ее отказ. Манипулирование, доминирование и

контроль – вот к чему стремится насильник. Он, вероятно, постучался в дом с предложением помочь с переездом. Карла была дружелюбной, а поскольку немного знала этого человека, могла его впустить. Он хотел от нее секса, какого-то рода отношений. Когда она стала сопротивляться либо когда он понял, что перегнул палку, преступник решил – как в деле Мэри Фрэнсис Стоунер в Южной Каролине, – что единственный выход для него – убить Карлу. Но даже в этот момент он, скорее всего, паниковал и мог передумать. Об этом свидетельствует вода на полу и диване; после того как он ее задушил, он мог брызгать ей в лицо водой, пытаясь ее оживить. Когда это не помогло, он подумал, что надо что-то делать с ее мокрым лицом, поэтому протащил ее по полу и окунул головой в бочку, чтобы придать всей сцене сходство с каким-то причудливым ритуалом – иными словами, чтобы отвлечь внимание от того, что произошло на самом деле. Голова в воде имеет и символическое значение – она отвергла его, а он ее унизил. Как во множестве других случаев, чем больше преступник делает на месте преступления, даже в попытке сбить полицию со следа, тем больше зацепок и поведенческих улик он оставляет для нас.

Этому парню лет двадцать пять – двадцать девять, сказал я, и это не работа человека, уже имеющего опыт убийства. Инсценировка слабая, ясно, что он никогда раньше такого не делал. Тем не менее у него взрывной агрессивный характер, так что он мог совершать мелкие правонарушения. Если когда-нибудь он был женат, то недавно развелся или разошелся с женой либо сильно с ней рассорился. Как большинство таких парней, он неудачник с низкой самооценкой. Он может притворяться уверенным в себе, но в действительности крайне неадекватен.

У него средний уровень интеллекта, образование тоже среднее – использование проволоки для связывания жертвы указывает, что он мог учиться в профессиональном училище. Когда началось расследование, мог сменить место работы или даже жительства, а когда все улеглось и он мог не опасаться вызвать подозрения, покинуть город. Мог сильно пить, употреблять наркотики или постоянно курить, чтобы ослабить напряжение. Собственно, алкоголь мог сыграть роль непосредственно в преступлении. Для этого конкретного парня оно являлось дерзким шагом; он мог пить перед ним, что понизило бы

нервозность, но пьян не был, потому что иначе не произвел бы столько действий на месте преступления, уже разделавшись с жертвой.

У него должны были возникнуть проблемы со сном и сексом, он мог перейти на ночной образ жизни. Если у него была постоянная работа, он мог ее регулярно пропускать, пока шло активное расследование. Мог изменить внешность: если на момент убийства носил бороду и длинные волосы, мог ее сбрить и подстричься. Если брился, то мог отрастить бороду. В любом случае вы ищете не аккуратиста: обычно он ходит встрепанным и неухоженным, и любая попытка привести себя в порядок будет для него очевидным проявлением избыточного контроля, крайне утомительным физически и психологически.

Что касается автомобиля, в его случае я склонялся к приоритету многих убийц – «Фольксвагену-Жуку». Машина наверняка старая и не в лучшем состоянии, цвет красный или оранжевый.

Этот человек пристально следит за публикациями о расследовании в прессе и руководствуется ими в своих действиях. Например, если начальник полиции сообщает, что новых зацепок нет, он на какое-то время успокаивается. Он мог с легкостью пройти полиграф – это удается многим убийцам. Целью следующего этапа расследования будет его встряхнуть.

На него влияют разные стрессоры. Каждый год в июне он может опять нервничать, как и на день рождения Карлы. Возможно, он захочет посетить могилу Карлы на кладбище Калвари-Хилл. Может прислать цветы или напрямую попросить у нее прощения.

Поэтому вот что вам надо сделать, сказал я: объявите, что у вас появилась новая, весьма многообещающая зацепка – нечто, что сдвинет расследование с мертвой точки. Постоянно повторяйте это для прессы. Постарайтесь как можно сильней «прожарить ему задницу». Упомяните, что привлекли к делу профайлера из ФБР и все, что он говорит, прекрасно укладывается в вашу новую версию.

В этот момент следователи сообщили мне о рекомендации доктора Ливайна эксгумировать тело – им хотелось знать, что я об этом думаю. Я ответил, что это потрясающая идея и чем большим шумом будет сопровождаться эксгумация, тем лучше. Пускай Вебер выступит по телевидению и объявит, что, если тело сохранилось в достаточно хорошем состоянии и новый осмотр подтвердит ваши

предположения, вы будете близки к раскрытию убийства Карлы. Вам надо убедить виновного, что вы «поднимаете жертву из мертвых», чтобы она свидетельствовала против своего убийцы.

Эксгумация тела станет для него огромным стрессом. Я хотел, чтобы Вебер публично заявил: пусть даже дело потребует еще двадцати лет, они все равно его раскроют. Ваш преступник забеспокоится и начнет задавать вопросы – много вопросов. Он может даже напрямую позвонить в полицию! Следите за тем, чтобы снимать на видео или фотографировать всех, кто покажется на кладбище, – он тоже может прийти. Его будет очень интересовать, в каком состоянии труп. А когда вы объявите вслух, что очень довольны этим состоянием, он совсем слетит с катушек. Одновременно он будет все больше уходить в себя и замыкаться, прекращая общение с немногочисленными друзьями. Тут будет очень кстати послушать сплетни в барах и подобных местах: не изменил ли кто из завсегдатаев своих привычек? Он может начать ходить в церковь или увлечься еще какой-то религией в попытке справиться со стрессом. И пока вы его поджариваете на медленном огне, хорошо будет опубликовать в газете сообщение от лица кого-то из копов, может и от моего, которое прозвучит чуть ли не с сочувствием. Мы скажем, что понимаем, через что он проходит, что он не хотел ее убивать и все эти годы несет тяжкий груз на своих плечах.

Я придумал и стратегию допроса, похожую на ту, что сработала в деле Стоунер. Важно, когда подозреваемого загонят в угол, не арестовывать его сразу, а потомить с недельку, чтобы расколоть перед арестом. Чем больше у вас будет фактов против него, чем больше вы сделаете заявлений вроде «мы знаем, что ты перетащил ее оттуда сюда» или «мы знаем о воде», тем лучше. Предмет, сыгравший физическую роль в убийстве (как камень в деле Стоунер), очень кстати будет разместить в допросной.

Выслушав мои предложения, пятеро посетителей восприняли их очень серьезно и спросили, как я сделал все эти выводы, всего лишь изучив материалы дела и фотографии. Я сам на это ответить не могу, но Энн Берджесс замечала, что я – визуал и предпочитаю работать с тем, что вижу собственными глазами. Она говорит – и это, вероятно, правда, – что даже на консультациях я употребляю фразу «видимо» вместо «я думаю». Отчасти это объясняется тем, что в большинстве

случаев у меня нет возможности присутствовать на месте преступления, но я воссоздаю его в своей голове. Зачастую, когда полицейские звонят мне спустя много лет после того, как я проанализировал для них дело, я его вспоминаю, равно как и свои предположения насчет НС, если они просто описывают мне место преступления.

Следователи из Иллинойса сказали, что, судя по моим заключениям, двое из тех, кого они допрашивали, по-прежнему выглядят подходящими подозреваемыми – это Пол Мейн и его приятель Джон Пранте. Оба в тот день находились в соседнем доме, и по крайней мере один, Пранте, пил пиво. Их показания не до конца совпадали, что могло объясняться низким интеллектом и выпивкой либо означало, что один из них или они оба лгут. Пранте прошел проверку на полиграфе уверенней, чем Мейн, но оба вписывались в профиль. Собственно, Пранте даже лучше – он охотнее сотрудничал со следствием, а когда все успокоилось, уехал из города, как я и предсказывал, хотя поздней и вернулся.

Я сказал, что кампанию, которую я предлагаю, можно использовать против обоих. Поскольку я считал, что убийца может периодически терзаться чувством вины, мне показалось, что будет неплохо усилить давление, предложив какой-нибудь женщине изобразить Карлу и звонить им обоим по ночам, спрашивая сквозь слезы: «За что? За что? За что?» Это должно совпасть с газетными статьями об «идеальной американке» Карле, жизнь которой оборвали на взлете. У меня всегда была слабость к театральным эффектам.

Действуя так с неделю или десять дней, надо проверить, как реагируют Мейн и Пранте и не демонстрирует ли один из них те поведенческие симптомы, на которые я указал. Если да, следующим шагом будет использовать информаторов – друзей, знакомых, коллег, – чтобы вытянуть из него комментарии по ситуации или даже признание.

Эксгумация трупа 1 июня 1982 года прошла ровно так, как я рассчитывал: в присутствии Лоуэлла Ливайна, с широким освещением в прессе и последующим торжественным и оптимистическим заявлением Вебера. Я уже знал, что в маленьких городках куда проще добиться сотрудничества журналистов, чем в мегаполисах, где они тут же начинают подозревать, что ты манипулируешь ими и диктуешь, что

писать. Я рассматриваю это именно как сотрудничество между СМИ и правоохранительными органами, ни в коем случае не нарушающее правил ни тех ни других. Я никогда не просил газетчика или тележурналиста публиковать ложные или неполные сведения. Но во многих случаях я давал через них информацию, которую НС должен был увидеть и на которую он должен был как-то отреагировать. Когда репортеры сотрудничают со мной, я сотрудничаю с ними. В некоторых делах, если они оказывали настоящую помощь, я давал им эксклюзивные интервью, когда о подробностях уже можно было рассказывать свободно.

К счастью, тело Карлы отлично сохранилось. Новое вскрытие проводила доктор Мэри Кейс, заместитель главного судмедэксперта города Сент-Луиса. В отличие от первого, оно показало, что причиной смерти являлось утопление. Также доктор Кейс обнаружила перелом основания черепа. Но самое главное, удалось зафиксировать следы укусов, которые были так нужны следствию.

Кампания в прессе продолжалась. Том О’Коннор из полиции штата и Уэйн Уотсон из отдела финансовых правонарушений допросили Мейна у него дома – якобы насчет социальных выплат, которые он получал, хоть и не подходил по критериям. Они втянули его в разговор об убийстве Карлы Браун. Хотя он не признался и всячески отрицал участие в преступлении, Мейн явно следил за прессой и обладал кое-какой инсайдерской информацией. Например, Уотсон упомянул, что Мейн оставил Экшен-авеню в списке своих предыдущих адресов, а тот ответил, что старается забыть о том доме из-за воспоминаний о том, как копы наседали на него по поводу убийства соседки.

Уотсон сказал:

– Это та, которую застрелили, задушили и утопили в бочке?

– Нет-нет! Не застрелили, не застрелили! – воскликнул Мейн.

Примерно тогда же, когда проводилась эксгумация, некий Мартин Хигдон явился в полицию Вуд-Ривера и сообщил, что учился в школе с Карлой Браун, а недавняя шумиха в прессе вызвала у него на работе разговоры о том убийстве. Он считал, полиции надо знать: одна женщина, с которой он работал, сказала, что на вечеринке вскоре после убийства, где она присутствовала, какой-то мужчина упоминал, будто был в доме Карлы в день, когда ее убили.

О’Коннор и Рик Уайт допросили женщину, которую звали Вики Уайт (однофамилица). Она подтвердила те свои слова и рассказала, что они с мужем Марком были на вечеринке в доме Спенсера и Роксаны Бонд, где она разговаривала с мужчиной, которого знала по колледжу Льюиса и Кларка. Тот сказал, что был в доме Карлы в день убийства. Он упомянул также о том, в каком виде ее нашли и что у нее остался укус на плече. Мужчина собирался уехать из города, потому что считал, будто он у полиции главный подозреваемый. В тот момент она решила, что все это пустая болтовня.

Того человека звали Джон Пранте.

Как он мог узнать о следах от укусов так скоро после убийства, когда даже полиция узнала о них лишь два года спустя, спросили друг друга О’Коннор и Уайт. Затем они допросили хозяина вечеринки Спенсера Бонда, который вспомнил все то же, что Вики и Марк Уайт. Он говорил и с Мейном, который рассказал ему, в каком виде нашли тело Карлы. Вопрос заключался в том, получил он эту информацию от Пранте, или наоборот. Хотя Пранте лучше справился с проверкой на полиграфе, Вебер и полиция считали, что у Мейна недостало бы дерзости на такое преступление и сообразительности, чтобы подставить Пранте.

Бонд недавно видел Пранте – тот ехал на своем старом красном мини-фургоне «Фольксваген». Хотя я правильно указал марку машины и цвет, я ошибся с моделью. Это было оправданно: в то время мы начали замечать, что преступники пересаживаются на фургоны. Фургон был у Биттакера и Норриса, на фургоне ездил Стивен Пеннелл. В отличие от машины, в кузове фургона можно делать что угодно, и никто тебя не увидит. У тебя, по сути, имеется мобильное место преступления.

Я не удивился, услышав, что Джон Пранте отрастил бороду. Бонд согласился надеть прослушку и поговорить с Пранте о том деле. Хотя Пранте не признался в убийстве, его слова подтверждали, что он отлично вписывается в профиль. Он изучал сварку в колледже Льюиса и Кларка, уехал из города после убийства, был разведен и испытывал проблемы с женским полом. А еще очень интересовался расследованием. В четверг, 3 июня, офис Вебера выдал ордер на взятие у Пранте слепка зубов. Начальник полиции Дон Грир сказал ему, что

им надо кое-что проверить; если отпечатки не совпадут, его вычеркнут из списка подозреваемых.

Выйдя от дантиста, Пранте позвонил Веберу, как я и думал. Он хотел знать, на каком этапе находится расследование. Вебер сообразил переключить его на своего заместителя Кита Дженсена, чтобы позднее самого Вебера не отстранили от работы над делом как потенциального свидетеля. В разговоре Пранте опроверг свои ранее сказанные слова о том, что был у Пола Мейна. Как я предсказывал, он охотно шел на сотрудничество.

Из второго разговора между Бондом и Пранте, когда на Бонде опять была прослушка, полиция узнала еще больше, потом добавились сведения из разговора Бонда с Мейном. Пранте сказал Бонду, что в день выкуривает несколько пачек сигарет. Мейн зашел еще дальше, предположив, что Карла, возможно, взбесила Пранте, отвергнув его сексуальные поползновения. Это привело к еще одному допросу Мейна в полиции, на котором он подтвердил, что считает Пранте убийцей Карлы Браун, хотя после разговора с Пранте с глазу на глаз отозвал свое заявление.

В следующий вторник Вебер, Рашинг и Грир полетели на Лонг-Айленд повидаться с доктором Ливайном. Они передали ему фотографии с нового вскрытия и три набора зубных слепков – Мейна, еще одного старого подозреваемого и Пранте. Первые два Ливайн сразу отверг. Он не мог однозначно утверждать, что во всем мире только зубы Пранте совпадают с отпечатком, но они совпадали – в точности.

Пола Мейна арестовали по обвинению в препятствовании следствию. Пранте обвинили в убийстве и ограблении с целью совершения изнасилования. Его судили в июне 1983-го, в июле признали виновным и приговорили к семидесяти пяти годам тюрьмы.

Понадобилось четыре года, чтобы общими усилиями множества преданных своему делу людей убийца наконец был осужден. Я был особенно рад получить копию письма заместителя прокурора штата Кита Дженсена директору ФБР Уильяму Вебстеру. Вот что там говорилось: «Город наконец чувствует себя в безопасности, а семья уверена, что правосудие осуществилось, и всего этого не произошло бы без Джона Дугласа. Хотя он крайне занятой человек, я считаю, что его вклад должен быть отмечен. Я выражаю ему свою искреннюю

признательность и пожелания, чтобы таких Джонов Дугласов с их знаниями, способностями и стремлением помочь было как можно больше».

Это были очень ценные слова. К счастью, 1 января предыдущего года я сумел убедить Джима Маккензи, помощника директора академии, что нам нужно «больше Джонов Дугласов». Он, в свою очередь, убедил штаб-квартиру, хотя это и предполагало перевод сотрудников из других программ. Вот как я получил сначала Билла Хэгмайера, Джима Хорна, Блейна Макилвейна и Рона Уокера, а потом – Джима Райта и Джада Рея. Как показало время, все они сделали весьма внушительный вклад в наше общее дело.

Несмотря на объединенные усилия, раскрытие некоторых преступлений вроде убийства Карлы Браун занимает годы. Другие, не менее сложные, можно раскрыть за несколько дней или недель, если все пойдет как надо.

Когда стенографистку по имени Донна Линн Веттер из одного юго-западного полевого отделения ФБР изнасиловали и убили среди ночи в ее квартире на первом этаже, Рой Хейзелвуд и Джим Райт получили однозначное указание из управления директора: немедленно отправляться туда и раскрыть дело как можно быстрее. К тому моменту мы поделили страну на регионы, и этот относился к территории Джима.

Послание было ясно: никто не смеет покушаться на персонал ФБР, и мы готовы на все, чтобы это обеспечить. Назавтра в два часа дня вертолет фэбээровской команды спасения заложников доставил двоих агентов со спешно собранными сумками из Куантико на военную базу Эндрюс в Мэриленде, где они пересели на самолет Бюро. Сразу после посадки они поехали на место преступления, которое местная полиция не трогала, пока они не прилетят.

Веттер была белая, двадцати двух лет, выросла на ферме и, хотя работала в Бюро больше двух лет, в город переехала только восемь месяцев назад. Неготовая к опасностям городской жизни, она поселилась в рабочем квартале, где жили преимущественно чернокожие и мексиканцы. Управляющая жилым комплексом, заботясь о безопасности одиноких арендаторш, установила у каждой над крыльцом лампу белого света – вместо обычной желтой, – чтобы персонал и охрана уделяли им особое внимание. Считалось, что это

делается втайне, но даже не очень внимательный наблюдатель быстро бы во всем разобрался.

Полицию вызвали сразу после 23:00, когда один из жильцов заметил, что с окна сорваны жалюзи, и позвонил охраннику. Обнаженное тело жертвы с синяками на лице и со множественными ножевыми ранениями на теле было все покрыто кровью; вскрытие показало, что жертву изнасиловали.

Нападавший проник в дом через фасадное окно, сбив при этом большое растение в горшке. Телефонный провод был вырван из розетки. Огромные страшные пятна крови остались на ковре в столовой и в кухне на полу, где, очевидно, и произошло нападение. Одно пятно там, где лежало тело, отдаленно напоминало летящего ангела с распахнутыми крыльями. Следы крови указывали, что жертву отволокли в гостиную. Судя по защитным ранам на теле, девушка схватила кухонный нож, но убийца вырвал его и набросился на нее.

Окровавленную одежду Веттер парамедики из скорой помощи нашли на кухне возле шкафчиков. Ее шорты и трусики были скатаны – очевидно, их стянул убийца, когда она лежала на полу. Когда полицейские прибыли на место, свет в квартире был погашен. Они предположили, что его, уходя, погасил убийца, чтобы тело не так быстро нашли.

Судя по тому, что удалось узнать от коллег, родственников и соседей, девушка была застенчивой, прямодушной и честной. Она выросла в строгой религиозной среде и к своей вере относилась серьезно. Она ни в каком смысле не гналась за модой и не имела близких отношений ни с мужчинами, ни с коллегами, которые считали ее ответственной и трудолюбивой, но «немножко чудной». Вероятно, это объяснялось неопытностью и своеобразным воспитанием. О ее причастности к чему-то незаконному или связи «не с теми людьми» никто и помыслить не мог. Наркотиков, алкоголя, сигарет или противозачаточных таблеток в квартире не нашли. Родители были абсолютно уверены в ее непорочности и утверждали, что свою девственность она защищала бы любой ценой.

Изучив место преступления, Джим и Рой составили подробную картину произошедшего. Хотя по всей квартире были пятна крови, одно привлекло их особое внимание. Оно находилось сразу перед

дверью в ванную. В самой ванной, в несмытом унитазе, они заметили мочу, но не туалетную бумагу.

Из этого можно было легко сделать вывод насчет того, что произошло между убийцей и жертвой. Она, очевидно, находилась в ванной, когда услышала, что в квартиру кто-то проник. Она вскочила, позабыв смыть унитаз, и бросилась смотреть, в чем дело. Как только она открыла дверь ванной, он сильно ударил ее по лицу, видимо, чтобы сразу вырубить. Джим и Рой нашли орудие убийства, кухонный нож, спрятанный под подушкой дивана в гостиной.

Само орудие убийства многое им рассказало – например, что НС ворвался к жертве не с целью убийства. А тот факт, что ничего ценного не пропало, указывал, что и ограбление в его намерения не входило. Улики показывали, что он нацеливался на изнасилование. Явись он убивать, на что не требуется много времени, он не стал бы выдергивать из розетки телефон. Легкий доступ в квартиру, неприметность жертвы, блицатака без единого слова перед тем – все указывало на злобного насильника-мачо с низким интеллектом и без достаточной уверенности в себе и своих коммуникативных способностях, которые позволили бы ему контролировать другого человека вербально. Не возьми он даже такую безобидную жертву с порога под контроль, ему бы ни за что не преуспеть.

Однако он не рассчитывал, что эта застенчивая, тихая девушка окажет столь яростное сопротивление. Все в ее биографии говорило профайлерам, что такая жертва должна была отчаянно защищать свою честь. Но убийца этого не знал. Чем больше она отбивалась, тем больше он боялся потерять контроль и тем сильней становился его гнев. В деле Карлы Браун, другом изнасиловании, обернувшемся убийством, я счел, что гнев преступника был вторичен по отношению к необходимости «разобраться» с хаосом, который он создал. В этом убийстве все выглядело так, будто гнев и необходимость разделаться с жертвой имели равное значение. Гнев в данном случае был долговременным, а не моментальным. Следы волочения показывали, что после нападения в кухне он оттащил ее в другую комнату, где изнасиловал окровавленную и умирающую.

Рой и Джим начали составлять профиль в тот же самый день, как прилетели. Следовало искать мужчину в возрасте от двадцати до двадцати семи лет. Обычно в убийствах на почве секса и похоти, если

жертва белая, следует ожидать, что убийца тоже окажется белым. Но Рой с Джимом были уверены, что убийство началось как изнасилование и к нему применяются «правила» изнасилования. В округе жили преимущественно чернокожие и латиноамериканцы, и белых женщин там часто насиловали черные мужчины, поэтому велика была вероятность, что и здесь убийца – чернокожий.

Они полагали, что НС вряд ли женат, но может жить с кем-то, от кого финансово зависит и кто его подавляет. Если у него есть девушка, то наверняка моложе по возрасту, неопытная или поддающаяся влиянию. Он не построил бы отношений с кем-то, кто бросал бы ему вызов или как-то еще пугал. Хотя интеллект у него невысокий и в школе он учился плохо (и, вероятно, имел проблемы с поведением), он свой на улице и в драке может за себя постоять. Он строит из себя мачо и носит лучшую одежду, какую может себе позволить. Скорее всего, старается поддерживать хорошую физическую форму.

Он, видимо, живет в пешей доступности от места преступления в дешевой съемной квартире. Занимается подсобной работой и часто конфликтует с коллегами и вышестоящими. Из-за взрывного темперамента не служил в армии, а если служил, то был демобилизован. Агенты не думали, что он уже убивал раньше, но мог совершать грабежи и нападения. Рой Хейзелвуд, один из ведущих экспертов по изнасилованиям и преступлениям против женщин, был убежден, что у него имеется прошлая история изнасилований или сексуальных нападений.

Они предсказали его постпреступное поведение, во многом повторявшее поведение убийцы Карлы Браун, включая прогулы на работе, злоупотребление алкоголем, потерю веса и изменения во внешности. Что еще более важно, им казалось, что преступник такого типа должен как-то упомянуть о том, что натворил: довериться члену семьи или близкому другу. И это могло стать ключом к проактивной стратегии для его поимки.

Поскольку они знали, что НС будет отслеживать все новости, Рой и Джим решили огласить составленный ими профиль в интервью местной прессе. Единственной важной деталью, которую они опустили, был расовый фактор. На случай, если они ошибаются, они не хотели сбить следствие с пути и упустить потенциальные зацепки.

Однако все остальное они огласили всеми возможными способами, стараясь убедить того, кому НС рассказал об убийстве, что теперь он (или она) сам находится в опасности, потому что владеет инкриминирующей информацией. Если вы узнаете в этом доверенном лице себя, настаивали они, пожалуйста, обратитесь к властям, пока не стало слишком поздно. В течение двух с половиной недель сообщник убийцы по вооруженному ограблению позвонил в полицию. Убийцу арестовали и, основываясь на совпадении отпечатков ладони, найденных на месте преступления, предали суду.

Когда мы впоследствии пересматривали тот профиль, то обнаружили, что Джим и Рой попали в точку. Преступником оказался двадцатидвухлетний чернокожий мужчина, проживавший в четырех кварталах от жертвы. Он был одинок, но жил с сестрой, от которой финансово зависел. На момент убийства находился на условном сроке за изнасилование. Его судили, признали виновным и приговорили к смертной казни, которая была осуществлена лишь недавно.

Я часто говорю своим людям, что мы должны быть как Одинокий рейнджер: появляться в городе откуда ни возьмись на своих конях, помогать восстанавливать справедливость, а потом исчезать потихоньку.

Кто эти люди в масках? Они обронили серебряную пулю.

Ах, эти? Они из Куантико.

В этом конкретном деле Джим и Рой и правда покинули город потихоньку. Туда их доставили на частном самолете Бюро. Назад же они летели экономклассом, зажатые между довольными отпускниками и их орущими детишками в хвосте коммерческого рейса. Но мы знали, в чем заслуга агентов, как знали это и все те, кому они оставили на память «серебряную пулю».

Глава 15
Убить того, кого любишь

Грег Маккрэри сидел в своем кабинете без окон в Куантико, просматривая документы, когда к нему поступил телефонный звонок из полицейского департамента в его регионе. Это было одно из тех шокирующих дел, о которых приходится слышать довольно часто.

Молодая мать-одиночка выходила из квартиры в жилом комплексе, окруженном парком, чтобы поехать на шопинг со своим двухлетним сыном. Уже садясь в машину, она вдруг ощутила сильный спазм в животе, поэтому развернулась, бросилась бегом через парковку и нырнула в туалет возле заднего входа в здание. Квартал был спокойным, все соседи знали друг друга, и своему сыну она наказала дожидаться ее в холле и играть, пока она не выйдет.

Уверен, вы уже поняли, что случилось дальше. Она выходит из туалета спустя сорок пять минут, но ребенка в холле нет. Еще не беспокоясь, она ищет вокруг здания, думая, что он просто вышел на улицу, хотя погода ветреная и прохладная.

А потом видит ее: вязаную варежку сына, лежащую на асфальте на парковке. Его самого нигде нет. У матери начинается паника.

Она бросается в свою квартиру и спешно набирает 911. Сбиваясь, говорит оператору, что ее ребенка похитили. Полицейские тут же мчатся к ней и прочесывают всю округу в поисках зацепок. Женщина к этому моменту бьется в истерике.

Пресса подхватывает ее историю; она выступает сама, обращаясь к похитителю и умоляя вернуть ребенка. Полиция, как бы ни сочувствовала ей, хочет прикрыть свою задницу; женщине на всякий случай предлагают проверку на полиграфе, которую она проходит. Копы знают, что в делах о похищении детей время бесценно, поэтому сразу звонят Грегу.

Он выслушивает их, потом ему включают запись с 911. Кое-что в ней его смущает. Дальше появляется новая зацепка: исстрадавшейся матери приходит по почте посылка без обратного адреса или требований выкупа – просто такая же варежка, как та, что она нашла на парковке. Материнская душа разрывается в клочья.

Но теперь Грегу все ясно. Он говорит полиции, что мальчик мертв и убила его собственная мать.

«Откуда вы знаете? – давит на него полиция. – Извращенцы похищают детей постоянно. Откуда вам знать, что это не один из таких случаев?»

Грег объясняет. Во-первых, дело в самом сценарии. Для матери нет ничего страшней, чем похищение ее ребенка извращенцем. Так как же она допустила, чтобы ее сын так долго оставался без присмотра? Если ей так приспичило в туалет, причем надолго, почему она не взяла его с собой или не устроила еще где-нибудь? Конечно, все могло произойти так, как она говорит, но тут добавляются сопутствующие факторы.

На пленке из 911 она четко заявляет, что кто-то «похитил» ее ребенка. По опыту Грега родители делают все возможное, чтобы психологически не согласиться с такой жуткой вероятностью. Даже будучи в истерике, она скорее сказала бы, что он пропал, сбежал, что она не знает, где он, – что-нибудь в этом роде. Использование слова *похищение* на этой стадии означает, что она заранее продумала сценарий, который собиралась изобразить.

Обращение к похитителю в прессе само по себе не говорит против нее, хотя все помнят выступление по телевизору Сьюзан Смит из Южной Каролины, у которой похитили двоих маленьких сыновей. Обычно родители, которые так поступают, действуют из лучших побуждений. Но проблема в том, что подобного рода публичные заявления используют и виновные, чтобы обезопасить себя.

Но решающим фактором стала для Грега возвращенная варежка. Обычно детей похищают по одной из трех причин: мошенники – с целью выкупа; растлители малолетних – для получения сексуального удовлетворения; жалкие, одинокие, психически нестабильные люди, отчаянно желающие иметь ребенка. Мошеннику приходится связываться с семьей по телефону или письмом, чтобы передать свои требования. Другие два типа похитителей всеми силами стараются держаться от семьи подальше. И никому из трех не придет в голову просто отправить семье какую-то вещь ребенка, чтобы родные поняли: он похищен. Семья и так это знает. Если предоставляется какое-то доказательство совершенного преступления, оно сопровождается требованием; в противном случае это не имеет смысла.

Грег решил, что мать инсценировала похищение в соответствии со своими представлениями о том, каким оно может быть. К несчастью для нее, она понятия не имела о настоящей динамике преступлений такого типа и потому все испортила.

Естественно, у нее были причины так поступить, и потому она смогла себя убедить, что не сделала ничего плохого. Таким вот образом она и прошла полиграф. Но Грега та проверка не удовлетворила. Он пригласил опытного эксперта-полиграфолога из ФБР и провел повторную проверку, на этот раз относясь к ней как к подозреваемой. И результаты оказались совсем другими. После нескольких прямых вопросов мать созналась в убийстве ребенка и указала полиции, где захоронила тело.

Мотив у нее был самым обычным – тот, который Грег заподозрил с самого начала. Рано родив и оставшись в одиночестве, она не участвовала в обычных молодежных развлечениях, потому что занималась сыном. Потом познакомилась с мужчиной, который предлагал серьезные отношения и хотел завести собственных детей, но тот четко дал ей понять: для ее ребенка в их жизни места не будет.

В данном преступлении важно то, что, даже если бы полиция просто обнаружила тело, без заявления о пропаже, Грег все равно пришел бы к тому же выводу. Ребенка нашли похороненным в лесу, в теплом костюме, завернутым в одеяло и полностью накрытым плотным полиэтиленовым мешком. Похититель или растлитель малолетних не стал бы так заботиться о том, чтобы ему было тепло и «удобно», и не постарался бы защитить тело от воздействия природных факторов. Обычно на местах насильственных преступлений остаются следы, выдающие давно копившуюся нескрываемую ярость, а на местах захоронения трупов – признаки враждебного и злобного отношения к жертве, в то время как это захоронение носило следы любви и чувства вины.

У человечества имеется долгая история убийств самых близких и любимых – ну или тех, кого мы вроде бы должны любить. В своем первом телевизионном интервью после назначения на должность начальника отдела поведенческих наук Алан Берджесс сказал: «Насилие передается из поколения в поколение, восходя к библейским временам, когда *Каин застрелил Авеля*». К счастью, репортеры не придрались к его трактовке орудия первого в мире убийства.

Одним из крупнейших уголовных дел в Англии XIX века тоже было дело о семейном насилии. В 1860 году инспектор Скотленд-Ярда Джонатан Уичер приехал в город Фром в Сомерсете расследовать убийство маленького мальчика Фрэнсиса Кента из семьи местных богачей. Полиция была убеждена, что ребенка убили цыгане, но, проведя расследование, Уичер пришел к выводу, что настоящей виновницей является шестнадцатилетняя сестра Фрэнсиса Констанс. С учетом положения семьи и невероятности самой мысли о том, что девочка-подросток могла убить маленького брата, показания Уичера в суде не приняли в расчет и Фрэнсис была оправдана по выдвинутым против нее обвинениям.

Всеобщее возмущение заставило Уичера уволиться из Скотленд-Ярда. Годами он работал, чтобы доказать, что все-таки был прав и девушка совершила убийство. Он обанкротился, потом заболел, и это заставило его прекратить поиски правды – за год до того, как Констанс Кент сама созналась в преступлении. Ее опять судили и приговорили к пожизненному заключению. Три года спустя Уилки Коллинз опубликовал свой новаторский детективный роман «Лунный камень», отчасти основанный на деле Кент.

Ключом ко многим убийствам внутри семьи является инсценирование. Убийца, близкий к жертве, пытается с его помощью отвести подозрения от себя. Одним из наиболее ранних примеров таких дел, над которым мне выдалось поработать, является убийство Линды Хэни Дувр в Картерсвилле, Джорджия, на следующий день после Рождества 1980 года.

Хотя они с мужем Ларри разошлись, дружба между супругами сохранилась. Миниатюрная – 157 сантиметров и 54 килограмма – двадцатисемилетняя Линда регулярно наведывалась в семейный дом, чтобы помогать ему с уборкой. Собственно, именно ею она занималась в ту пятницу, 26 декабря. Ларри тем временем повел их маленького сына на прогулку в парк.

Когда они после обеда вернулись домой, Линды нигде не было. Но вместо чистоты и порядка Ларри нашел спальню в полном хаосе. Простыни и подушки были сброшены с кровати, ящики комодов наполовину выдвинуты, повсюду валялась одежда, а на ковре темнели пятна, похожие на кровь. Ларри немедленно позвонил в полицию, копы примчались и обыскали дом сверху донизу.

Тело Линды нашли завернутым в покрывало из спальни, откуда торчала одна голова, в техническом пространстве под домом. Развернув одеяло, полицейские увидели, что на ней задрали футболку и лифчик, джинсы спустили до колен, а трусы сдернули на бедра. На голове и лице остались следы удара тупым предметом, а на теле – множественные ножевые ранения, причиненные после того, как бюстгальтер сдвинули вверх. Полицейские сочли, что орудием убийства стал нож из кухонного шкафчика, но найти его не смогли (он так и пропал). Судя по состоянию места преступления, на нее напали в спальне, а потом вытащили тело на улицу и спрятали под домом. Следы крови на бедрах свидетельствовали о том, что убийца специально придал ему определенную позу.

Ничто в биографии Линды Дувр не делало ее жертвой высокого риска. Хоть они с Ларри и разошлись, других отношений Линда не завела. Единственным необычным стрессовым фактором были праздники и нечто, приведшее к распаду их брака.

Основываясь на фотографиях с места преступления и информации, отправленной мне полицией Картерсвилла, я сказал, что НС может быть одним из двух типов. Либо это молодой и неопытный неадекватный одиночка, живущий поблизости и совершивший преступление случайно, поскольку подвернулась возможность. После этих моих слов полицейские упомянули, что у них давно были проблемы с одним парнем, живущим по соседству, которого местные побаивались.

Но в преступлении присутствовали элементы инсценировки, заставлявшие меня склониться ко второму типу: тому, кто хорошо знал жертву и хотел отвести от себя подозрения. Единственной причиной, по которой убийце могло понадобиться спрятать тело прямо в доме, являлось то, что мы называем «убийством по личным мотивам». Травмы лица и шеи тоже говорили в пользу личного мотива.

Я сказал, что, на мой взгляд, НС достаточно умен, но образование у него не выше среднего, а работа требует физической силы. У него есть история насильственных преступлений, и он плохо справляется с фрустрациями. Он подвержен переменам настроения, не умеет принимать поражения и, вероятно, на момент убийства страдал от депрессии по той или иной причине – вероятнее всего, из-за проблем с деньгами.

У инсценировки имелись собственная логика и рациональное оправдание. Человек, убивший Линду, не хотел оставлять ее тело на виду, чтобы другой член семьи – очевидно, сын – его не нашел. Вот почему он потратил время, чтобы завернуть ее в одеяло и спрятать под домом. Он хотел, чтобы все выглядело как преступление на почве секса – отсюда и задранный лифчик, и обнаженные гениталии, – хотя следов изнасилования обнаружено не было. Он считал, что должен так поступить, но ему все равно было неприятно, что полицейские увидят ее обнаженные гениталии и грудь, поэтому он прикрыл их одеялом.

Я предполагал, что убийца будет охотно сотрудничать со следствием и сильно переживать о смерти жертвы, но, как только его алиби поставят под вопрос, станет враждебным и злобным. После совершения преступления он может начать сильнее пить, употреблять наркотики или обратиться к религии. Может изменить внешность, уйти с работы или переехать. Я сказал полиции обратить внимание на полное преображение поведения и личностных черт.

– Сейчас он совсем не такой, как до убийства, – сказал я.

Вот только я не знал, что, затребовав у меня профиль, полиция Картерсвилла уже предъявила Ларри Брюсу Дувру обвинение в убийстве жены и просто хотела убедиться, что не ошиблась с подозреваемым. Это меня взбесило – по нескольким причинам. Во-первых, у меня была куча более насущных дел, с которыми я едва справлялся. Но, куда важнее, я мог сильно подставить Бюро. К счастью для всех, профиль совпал идеально. Как я объяснил директору и ОСА в Атланте, окажись он не столь точным, ловкий адвокат запросто мог вызвать меня свидетелем защиты и вынудить сказать, что по определенным пунктам подозреваемый не вписывается в мой «экспертный» профиль. С этого момента я всегда спрашивал полицейских, подозревают ли они кого-либо, пусть даже не собирался узнавать заранее, кого именно.

По крайней мере, в этом деле осуществилось правосудие: 3 сентября 1981 года Ларри Брюс Дувр был признан виновным в убийстве Линды Хэни Дувр и приговорен к пожизненному заключению.

Вариацией на тему инсценировки в домашних условиях является и убийство Элизабет Джейн Вольсиффер, или Бетти, в 1986-м.

В семь часов утра в субботу, 30 августа, полицию Уилкс-Барре, Пенсильвания, вызвали по адресу Берч-стрит, 75 в дом востребованного дантиста и его семьи. Прибыв на место пять минут спустя, офицеры Дейл Минник и Энтони Джордж увидели тридцатитрехлетнего доктора Эдварда Глена Вольсиффера лежащим на полу – якобы в результате удара по голове и попытки задушить. Его брат Нил находился с ним рядом. Нил объяснил, что живет через дорогу и что брат ему позвонил, так что он тут же бросился на выручку. Глен был в шоке и выглядел полностью дезориентированным; он сказал, что номер Нила оказался единственным, который он смог вспомнить. Нил, как только пришел, сразу же вызвал полицию.

Мужчины говорили, что тридцатидвухлетняя жена Глена Бетти и их пятилетняя дочь Даниель находятся наверху. Каждый раз, когда Нил порывался пойти проверить, что с ними, Глен терял сознание или начинал стонать, так что пока ни один из мужчин наверх не поднимался. Глен боялся, что преступник все еще в доме.

Офицеры Минник и Джордж обыскали дом. Злодея они не нашли, но в спальне наткнулись на труп Бетти. Она лежала на боку рядом с кроватью головой к изножью. Судя по синякам на шее, высохшей пене на губах и голубоватому оттенку лица с синяками, ее задушили руками. Простыни были испачканы кровью, но с лица жертвы кровь как будто стерли. На ней была только ночная рубашка, задранная до пояса.

Даниель спала, целая и невредимая, у себя в детской. Когда она проснулась, то сказала полиции, что ничего не слышала – ни взлома, ни звуков борьбы, вообще никакого шума.

Не описывая сцену наверху, Минник и Джордж спустились обратно и спросили доктора Вольсиффера, что произошло. Он ответил, что проснулся, когда уже светало, от неожиданного звука – как будто кто-то лезет в дом. Доктор достал из тумбочки пистолет и, не будя Бетти, пошел посмотреть, что происходит.

Стоя на пороге спальни, он увидел наверху лестницы крупного мужчину. Тот его не заметил, и доктор последовал за ним вниз, но потом потерял из виду и начал осматривать первый этаж в попытке его найти.

Внезапно ему на шею сзади накинули какую-то веревку или шнур, но он успел бросить пистолет и просунуть руку под удавку, затягивавшуюся у него на горле. Глен лягнул нападавшего, попав ему в пах, отчего тот ослабил хватку. Но, прежде чем Глен смог развернуться, его ударили сзади по голове, и он потерял сознание. Очнувшись некоторое время спустя, он позвонил брату.

Травмы, полученные доктором Вольсиффером, не показались серьезными ни полиции, ни парамедикам, которых они вызвали, – у него был синяк на затылке, розовые царапины на шее сзади, а также мелкие повреждения кожи на грудной клетке и ребрах слева. Тем не менее его на всякий случай доставили в отделение скорой помощи. Тамошние врачи тоже ничего у него не нашли, но, поскольку он утверждал, что терял сознание, Глена оставили для наблюдения в палате.

С самого начала история Вольсиффера показалась полиции подозрительной. С какой стати преступнику проникать в дом через второй этаж при свете дня? На улице они нашли старенькую приставную лестницу, ведущую к открытому окну задней спальни, в которое злоумышленник предположительно забрался. Однако лесенка была хлипкой и вряд ли выдержала бы вес даже человека средних габаритов. Ее прислонили к задней стене дома, но ступеньками в неверном направлении. Она не оставила вмятин на мягкой земле в том месте, где стояла, и на алюминиевой водосточной трубе, к которой была прислонена. А на ступеньках и крыше возле окна не осталось следов росы или травинок, которые указывали бы, что кто-то тем утром по ней поднимался.

Картина внутри дома тоже была противоречивой. Ничего ценного не пропало – даже украшения, лежавшие на виду в спальне. Если преступник проник в дом с целью убийства, то почему он оставил мужчину с пистолетом лежать внизу, а сам поднялся и убил – не изнасиловав – его жену?

Особенно смущали полицейских две вещи. Если Глена душили настолько, что он отключился, почему у него на шее спереди не осталось следов? И само невероятное: ни Глен, ни его брат Нил не поднялись проверить, как там Бетти и Даниель.

С течением времени история доктора Вольсиффера изменилась, что внесло в дело еще больше путаницы. Он стал припоминать

подробности касательно убийцы. Это был мужчина в темном свитере, маске из чулка и с усами, говорил Вольсиффер. По многим пунктам он противоречил сам себе. Членам семьи он сказал, что в пятницу вечером задержался на работе, но, прежде чем лечь спать, разговаривал с женой. Полицейским же он говорил, что не будил Бетти. Изначально он утверждал, что из ящика стола украли 1300 долларов, но отозвал свои показания, когда полиция нашла чек на депозит с такой же суммой. Полицейские, прибывшие на вызов, пробовали его опрашивать, но он ничего не мог сказать, находясь практически в забытьи, тем не менее в больнице, когда ему сообщили о смерти жены, упомянул, что слышал разговор полиции с коронером.

В ходе расследования Глен Вольсиффер придумывал все новые и с каждым разом более невероятные сценарии нападения. Со временем количество преступников выросло до двух. Он признался, что у него был роман с бывшей ассистенткой, но заявил полиции, что порвал с ней год назад. Однако позже он подтвердил, что виделся с ней – и занимался сексом – за несколько дней до убийства. А еще забыл сообщить полиции о другом романе, который был у него тогда же, с замужней женщиной.

Друзья Бетти Вольсиффер утверждали, что она, хоть и любила мужа, устала от его измен и поздних возвращений, особенно по пятницам, которые вошли у Глена в привычку. За несколько дней до того, как ее убили, она сказала подруге, что собирается «поставить вопрос ребром», если он опять задержится в эту пятницу.

После первых опросов у себя дома и в госпитале Глен отказался разговаривать с полицейскими по рекомендации своего адвоката. Поэтому копы сосредоточились на его брате Ниле. Его рассказ о том утре выглядел не менее странным, чем у брата, а от полиграфа он отказался, заявив, что они часто ошибаются и он боится, как бы результат ему не навредил. Под давлением полиции, семьи Бетти и СМИ Нил согласился явиться на допрос в здание суда в октябре.

Около 10:15, через пятнадцать минут после запланированного времени, Нил погиб при лобовом столкновении его «Хонды» с грузовиком «Мак». Двигался он при этом в противоположную от суда сторону. Расследование коронера показало, что он покончил с собой, хотя позднее полиция пришла к выводу, что он проехал перекресток и,

разнервничавшись, пытался вернуться. Наверняка мы этого уже не узнаем.

За год, прошедший с момента убийства, полиция Уилкс-Барре собрала массив косвенных доказательств, указывающих на Глена, но прямых улик, позволяющих выдвинуть обвинение в убийстве, у них по-прежнему не было. Его отпечатки пальцев и волосы нашли на месте преступления, но, поскольку оно произошло в его собственной спальне, тут не было ничего удивительного. Полиция выдвигала предположения, что удавку или окровавленную одежду, которая была на нем, он мог выбросить в протекавшую поблизости реку, прежде чем звонить брату. Их единственная надежда на арест и приговор заключалась в подкреплении дела заключением эксперта, который подтвердил бы, что убийца знал жертву лично и устроил инсценировку на месте преступления.

В январе 1988 года полиция Уилкс-Барре попросила меня проанализировать материалы дела. Просмотрев объемистые папки, я пришел к выводу, что убийство действительно совершил человек, хорошо знавший жертву, а потом устроил инсценировку, чтобы отвести от себя подозрения. Поскольку у полиции уже был подозреваемый, составлять традиционный профиль или указывать пальцем на мужа не имело смысла; я просто попытался вооружить полицию сведениями, которые способствовали бы аресту.

Проникновение в дом в таком районе, когда перед ним припаркованы две машины, да еще при свете дня, было высокорискованным преступлением против низкорисковой жертвы. Сценарий с ограблением выглядел крайне неубедительно.

То, что убийца проник в дом через окно второго этажа и сразу двинулся вниз по лестнице, не проверив спальни, шло вразрез с нашими многолетними исследованиями и консультациями по уголовным делам.

Не было никаких доказательств, что преступник принес с собой оружие, что опровергало предположения о проникновении с целью убийства. Миссис Вольсиффер не подверглась никаким действиям сексуального характера, что отметало версию о неудавшемся изнасиловании. Не было также следов попытки что-нибудь украсть – еще одна причина отказаться от сценария с ограблением. Это сужало спектр потенциальных мотивов.

Метод убийства – мануальная странгуляция – указывал на личный характер преступления. Незнакомец не выберет его – особенно тот, кто спланировал преступление и приложил достаточно усилий, чтобы проникнуть в дом.

Полиция продолжала методически и скрупулезно выстраивать дело. Хотя они были убеждены, что знают, кто убийца, доказательств по-прежнему не хватало для суда. Тем временем Глен Вольсиффер переехал в Фоллз-Черч, Вирджиния, за пределами Вашингтона, округ Колумбия, и начал там новую стоматологическую практику. В конце 1989 года на основании моего отчета полиция составила запрос на выдачу ордера на арест. Третьего ноября 1989 года, тридцать восемь месяцев спустя после убийства, команда из представителей полиции штата, округа и города приехала в Вирджинию и арестовала Вольсиффера в его стоматологическом кабинете.

Одному из офицеров, арестовывавших его, Вольсиффер сказал:

– Все произошло слишком быстро. Так получилось. Все было как в тумане.

Позднее он утверждал, что говорил о нападении на него, а не об убийстве жены.

Хотя я в то время уже подтвердил свои компетенции эксперта по криминальному анализу во многих штатах, защита выставила меня «колдуном вуду», делающим заключения безосновательно, и судья постановил, что показаний я давать не могу. Тем не менее обвинение смогло использовать сведения, которые я предоставил, и в сочетании со скрупулезной полицейской работой они помогли добиться обвинительного приговора за убийство третьей степени.

В деле Вольсиффера имелось немало красных флажков – шаткая лестница, стоящая не в том месте, инсценирование места преступления без признаков сексуального насилия, неубедительные следы удавки на шее, очевидное отсутствие тревоги, выразившееся в нежелании проверить, что с женой и дочерью, а также тот факт, что ребенок не слышал никакого шума. Но главным красным флажком было отсутствие логики в действиях и поведении предполагаемого злоумышленника. Любой, кто вламывается в дом, чтобы совершить преступление – тоже любое, – первым делом постарается устранить наибольшую угрозу – в данном случае девяностокилограммового

двухметрового вооруженного хозяина – и только потом займется меньшей угрозой, невооруженной женщиной.

Следователю надо всегда фиксировать подобные несоответствия. Возможно, из-за того, что мы повидали немало таких дел, мы всегда заглядываем дальше, чем говорят свидетели, и обращаем внимание на то, что в действительности показывает поведение.

В каком-то смысле мы словно актеры, готовящиеся к роли. Актер видит слова на страницах сценария, но ему нужно сыграть подтекст – то, о чем в действительности эта сцена.

Одним из наиболее показательных примеров тому является убийство Кэрол Стюарт и причинение тяжких телесных повреждений ее мужу Чарльзу в 1989-м в Бостоне. Дело было громким и грозило массовыми беспорядками, если его быстро не раскрыть.

Поздно вечером, когда пара возвращалась домой через Роксбери – супруги ехали с занятий по естественным родам, – на их машину, остановившуюся на светофоре, якобы напал крупный чернокожий мужчина. Он застрелил тридцатилетнюю Кэрол, а потом взялся за двадцатидевятилетнего Чарльза, который получил несколько тяжелых ранений в живот, потребовавших шестнадцатичасовой операции. Хотя врачи в больнице Бригема и Женском госпитале сделали все, чтобы спасти Кэрол, она скончалась через несколько часов. Их ребенок, мальчик Кристофер, появился на свет путем кесарева сечения, но умер спустя несколько недель. Чарльз еще поправлялся, когда состоялись пышные и широко освещавшиеся в прессе похороны Кэрол.

Бостонская полиция взялась за дело и перетрясла всех чернокожих, кто хотя бы немного подходил под данное Чарльзом описание преступника. В конце концов он опознал одного из них.

Однако довольно скоро его история оказалась под сомнением. Брат Чарльза Мэтью не поверил в версию с ограблением, когда тот призвал его на помощь, чтобы избавиться от мешка с предположительно украденными вещами. На следующий день окружной прокурор объявил, что Чарльз Стюарт обвиняется в убийстве. Чарльз покончил с собой, спрыгнув с моста.

Чернокожее сообщество было возмущено обвинениями, которые выдвигал Чарльз, – как и шесть лет спустя, когда Сьюзан Смит ложно обвинила чернокожего мужчину в похищении двоих ее детей. В случае Смит шериф в Южной Каролине приложил максимум усилий, чтобы

разобраться с проблемой. В сотрудничестве с прессой и федеральными властями (в том числе нашим агентом Джимом Райтом) он за несколько дней докопался до истины.

В деле Стюарт все вышло не так четко, хотя я считаю, что полиции следовало тщательней сличать показания Стюарта с картиной на месте преступления. Не каждый зайдет так далеко, устраивая инсценировку, – я имею в виду, так тяжело ранит сам себя. Но, как и в деле Вольсиффера, если предполагаемый злодей первой устраняет наименьшую угрозу – в большинстве случаев женщину, – на то должна быть причина. При ограблениях преступник *всегда* пытается первым ликвидировать наиболее опасного соперника. Если наибольшую угрозу не устраняют первой, надо искать другой мотив. Сын Сэма, Дэвид Берковиц, сперва стрелял в женщин, потому что они были его главной мишенью. Мужчины просто оказывались не в том месте не в то время.

Проблема с инсценированными преступлениями для всех сотрудников правоохранительных органов заключается в том, что эмоционально очень легко начать сочувствовать жертве. Человеку, только что пережившему тяжелое потрясение, хочется верить. И если он хоть немного актер, если преступление выглядит убедительно, многие могут не захотеть заглянуть глубже. Как врачи, мы становимся на сторону жертв, но мы никому не сможем помочь, если утратим объективность.

Какой человек мог совершить такое преступление?

Сколь бы болезненным ни был порой ответ, именно это мы обязаны выяснить.

Глава 16
«Господь призвал тебя к Шери Фэй»

Шери Фэй Смит, задорную и обаятельную ученицу старшей школы, похитили, когда она притормозила у почтового ящика перед домом своей семьи близ Колумбии, Южная Каролина. Она возвращалась домой из расположенного неподалеку торгового центра, где встречалась со своим постоянным парнем Ричардом. Был май 1985 года, тридцать первое число, погода теплая и солнечная. Через два дня Шери предстояло спеть национальный гимн на выпускном в Лексингтон-Хай.

Буквально через несколько минут ее отец Роберт обнаружил машину Шери в конце подъездной дорожки. Дверь была открыта, двигатель работал, сумочка дочери лежала на сиденье. В панике он бросился звонить в Департамент шерифа округа Лексингтон.

Такие вещи по определению не случаются в Колумбии – мирном и дружном городке, воплощающем само понятие «семейные ценности». Как могла хорошенькая бойкая блондинка пропасть буквально с собственного двора и что за человек мог сделать такое? Шериф Джим Меттс понятия не имел. Однако ему было ясно, что это – катастрофа. Первое, что он сделал, – организовал самую крупную облаву в истории Южной Каролины. Сотрудники правоохранительных органов из соседних округов примчались на помощь, к ним присоединилось больше тысячи гражданских волонтеров. Второе, что сделал Меттс, – потихоньку проверил Роберта Смита, публично умолявшего вернуть ему дочь. Во всех случаях исчезновений или подозрений на преступление против низкорисковой жертвы первым делом проверяют близких родственников и членов семьи.

В тревоге семья Смит ожидала хоть какого-нибудь сообщения – пусть даже с требованием выкупа. Им поступил телефонный звонок. Мужчина со странным искаженным голосом утверждал, что Шери у него.

– Чтоб вы знали, что я не придумываю, на Шери под шортами и майкой был купальник, черно-желтый.

Мать Шери Хильда взмолилась, чтобы он отпустил ее дочь – у Шери диабет, ей нужно регулярно питаться, пить воду и делать уколы. Звонивший не предъявил требования выкупа, сказав только: «Сегодня позже вы получите письмо».

Это лишь усилило тревогу полиции и семьи.

Следующий шаг Меттса соответствовал его профессиональной подготовке: вместе с заместителем шерифа Льюисом Маккарти они были выпускниками Национальной академии ФБР и поддерживали теплые отношения с Бюро. Без колебаний Меттс позвонил Роберту Айви, ОСА отделения в Колумбии, Южная Каролина, и в мой отдел в Куантико. Меня не было на месте, но ему сразу же и со всей готовностью пришли на помощь агенты Джим Райт и Джон Уокер. Проанализировав обстоятельства похищения, фотографии с места преступления и отчет о телефонном звонке, двое агентов сошлись на том, что тут действует искушенный и крайне опасный человек и что жизнь Шери под угрозой. Они боялись, что девушка уже мертва и скоро преступник снова почувствует навязчивую тягу убивать. Они предполагали, что похититель, скорее всего, увидел, как Шери поцеловала на прощание своего парня Ричарда в торговом центре, и проследил за ней до дома. Ей не повезло остановиться у почтового ящика: если бы она не притормозила или если бы на дороге были другие машины, ее не похитили бы. Департамент шерифа установил записывающее оборудование в доме Смитов в надежде, что преступник опять позвонит.

А потом поступила важнейшая и крайне печальная улика по этому делу. За все годы работы из всех жутких, почти невероятных вещей, которые мне пришлось повидать, эта была самой душераздирающей: письмо на двойном тетрадном листе от руки, написанное Шери членам семьи. Слева печатными буквами была проштампована фраза «Бог есть любовь».

Как бы мучительно для меня ни было перечитывать это письмо, оно свидетельствует об удивительной силе характера и о мужестве девушки, поэтому я хочу воспроизвести его тут полностью:

> 01.06.85 15:10. Я всех вас люблю.
> Последняя воля и завещание.

Я люблю вас, мамочка, папочка, Роберт, Доун и Ричард, и всех-всех наших друзей и родных. Я отправляюсь к Отцу нашему, поэтому, пожалуйста, пожалуйста, не переживайте! Просто помните, какая я была забавная и как мы здорово проводили время. Пожалуйста, не дайте этому разрушить вашу жизнь, просто продолжайте жить день за днем во имя Иисуса. Из этого обязательно выйдет что-то хорошее. Мыслями я всегда буду с вами и *в вас* (под крышкой гроба). Я всех вас *чертовски* люблю. Прости, пап, что мы тогда поругались. Иисус простит меня. Ричард, милый, я правда любила *и буду всегда* любить тебя и помнить наши лучшие моменты. Я хочу кое о чем попросить. Прими Иисуса как твоего спасителя. Моя семья была лучшим в моей жизни. Простите за деньги на поездку. Пожалуйста, когда-нибудь съездите вместо меня.

Мне жаль, если я когда-нибудь как-нибудь вас разочаровала, я только хотела, чтобы вы мной гордились, потому что я всегда гордилась мой семьей. Мам, пап, Роберт и Доун, я столько всего хотела бы вам сказать! Я очень вас люблю!

Я знаю, вы все меня любите и будете по мне скучать, но вы держитесь вместе, как всегда держались, – и вы *обязательно* справитесь.

Пожалуйста, только не горюйте слишком сильно. Все к лучшему для тех, у кого есть любовь к Господу.

С вечной любовью,

люблю вас всем сердцем,

Шерон (Шери) Смит.

P. S. Бабуля, я так тебя люблю! Мне всегда казалось, что я твоя любимица. А ты моя!

Люблю тебя сильно.

Шериф Меттс отправил письмо в криминальную лабораторию Южной Калифорнии для анализа бумаги и отпечатков пальцев. Получив копию письма в Куантико, мы пришли к выводу, что похищение, скорее всего, закончилось убийством. Однако в любящей семье Смит, чья религиозность так трогательно отразилась в словах

Шери, продолжали цепляться за соломинку. После полудня 3 июня Хильде Смит поступил короткий звонок с вопросом, получила ли она письмо.

– Теперь вы мне верите?

– Честно говоря, я не знаю, верить ли вам, потому что я не могу поговорить с Шери, а я должна знать, что с ней все хорошо.

– Узнаете дня через два или три, – загадочно сказал звонивший.

Ближе к вечеру он позвонил опять, сказал, что Шери жива, и намекнул, что скоро ее отпустит. Однако некоторые его заявления подсказывали нам обратное:

– Я хочу сказать вам одно. Шери теперь часть меня. Физически, психически и духовно. Наши души – единое целое.

Когда миссис Смит попросила доказательств того, что с ее дочерью все в порядке, он ответил:

– Шери под защитой и… она теперь часть меня, и Господь заботится обо всех нас.

Со временем все звонки удалось проследить до телефонов-автоматов в округе, но в те дни непосредственное отслеживание требовало удерживать звонящего на линии около четверти часа, а это никогда не удавалось. Но благодаря системе прослушивания, установленной у Смитов, пленки с записями сразу были доставлены в полевой офис ФБР. Когда мы с Уокером и Райтом слушали их, нас всех поразила сила духа и выдержка миссис Смит в разговоре с этим чудовищем. Теперь мы понимали, от кого их унаследовала Шери.

Надеясь, что будут еще звонки, Меттс спросил нас, как проинструктировать семью на их случай. Джим Райт ответил, что на звонки им надо реагировать как полицейским переговорщикам на захвате заложников: внимательно слушать, все мало-мальски важное, что скажет звонящий, повторять еще раз, чтобы не допустить недопонимания, стараться заставить его реагировать и больше открывать что-то о себе и своих планах. Такая тактика имеет несколько преимуществ. Во-первых, может продержать звонящего на линии дольше, что позволит его отследить. И второе: может убедить звонящего, что ему сочувствуют, и подтолкнуть его к новым контактам.

Такая степень контроля над собой была невероятной для потрясенной горем семьи. Но Смиты были просто потрясающими в

своей способности вытягивать для нас важную информацию.

Похититель позвонил на следующий вечер и на этот раз попал на двадцатиоднолетнюю сестру Шери Доун. С момента исчезновения девушки прошло четыре дня. Он сообщил детали похищения, сказав, что притормозил рядом, когда она остановила машину у почтового ящика, дружески с ней заговорил, сделал несколько ее фотографий, а потом под дулом пистолета затолкал ее к себе в салон. В ходе этой и другой бесед его поведение менялось от внешне дружелюбного до жестокого, а временами он вроде как сожалел, что «все вышло из-под контроля».

Он продолжал:

– Значит, в четыре пятьдесят восемь… Нет, подождите. В три десять в субботу первого июня, да, она написала то, что вы получили. В четыре пятьдесят восемь в субботу первого июня мы стали одной душой.

– Стали одной душой, – повторила Доун.

– Что это означает? – спросила Хильда, стоявшая рядом.

– Пока никаких вопросов, – отрезал он.

Но мы знали, что он имел в виду, несмотря на его заверения, что «благословение совсем близко» и что Шери вернется на следующий вечер. Он даже сказал Доун вызвать скорую, чтобы та была наготове.

– Вы получите инструкции, как нас найти.

Мы в Куантико считали самой важной частью этого разговора его замечание о времени: 16:58, потом 15:10. Наши предположения подтвердились, когда в полдень следующего дня Хильде поступил новый звонок:

– Слушайте внимательно. Поезжайте по шоссе 378 до развязки. Оттуда – на съезд на Просперити, полторы мили прямо и потом направо по указателю «Муз-Лодж 103», еще четверть мили, и поворот к домику с белой отделкой. Сверните на задний двор, мы будем в шести футах оттуда. Бог избрал нас.

С этими словами он повесил трубку.

Шериф Меттс прослушал запись; инструкции вывели его прямо к трупу Шери Смит в восемнадцати милях от Колумбии в соседнем округе Салуда. На трупе была желтая футболка и белые шорты, в которых девушку видели в последний раз. Сильная степень разложения подсказала шерифу и коронеру, что она мертва уже

несколько дней – наверняка с 16:58 1 июня. Состояние тела не позволяло установить ни причину смерти, ни факт сексуального насилия.

Однако Джим Райт, Джон Уокер и я были убеждены, что убийца поддерживал в родных девушки надежду на ее возвращение специально, чтобы выиграть время и дать уничтожиться важнейшим криминалистическим уликам. На лице и волосах Шери остались следы от скотча, но саму ленту сняли – еще одно указание на планирование и организованность. Такими организованными преступники не начинают, а это говорило, что мы имеем дело с человеком искушенным и уже взрослым, который возвращался на место, где оставил труп, ради получения сексуального удовлетворения. Только когда тело разложилось до такой степени, что любого вида «отношения» стали невозможны, он перестал к нему приезжать.

Само по себе похищение средь бела дня в тихом жилом районе требовало немалой ловкости и опытности. Мы примерно определили его возраст в диапазоне от 28 до 33 лет, причем я склонялся к верхнему пределу. Из-за жестоких «игр разума», которые он вел с семьей, мы решили, что он, скорее всего, был женат – недолго и неудачно. В настоящее время он живет либо один, либо с родителями. У него могла быть история предыдущих правонарушений – нападений на женщин или по меньшей мере телефонных звонков с домогательствами. Если он раньше убивал, то детей или маленьких девочек. В отличие от большинства серийных убийц, этот не стал бы охотиться на проституток, потому что они его пугали.

Точные инструкции и поправка относительно времени дали нам еще несколько важных подсказок. Он тщательно проследил и записал маршрут. Убийца возвращался к трупу несколько раз и сделал точные измерения. Когда он позвонил семье, то читал инструкции с листа. Он понимал, что ему надо как можно скорее закончить и повесить трубку. Несколько раз во время телефонных переговоров он, если его перебивали, терял мысль и начинал все сначала. Кем бы он ни был, этот человек имел ригидную психику, отличался крайней скрупулезностью и навязчивым стремлением к порядку. Он постоянно делал записи, на все составлял списки и если сбивался, то терял нить размышлений. Мы знали, что к месту похищения Шери он подъехал на машине. Судя по типу личности, я предположил, что его машина

должна быть чистой, в хорошем состоянии, трехлетней или новее. В общем и целом это был человек, чье недовольство окружающим миром постоянно конфликтовало с глубинной неуверенностью в себе и ощущением собственной неадекватности.

В подобных случаях место преступления является частью психологической картины убийства. География преступления указывала, что убийца местный и провел здесь большую часть жизни. Для тех вещей, которые он хотел сделать с Шери, а потом с ее телом, ему нужно было достаточно времени в укромном месте, где он мог быть уверен, что его не потревожат. Только местный мог знать, где найти такие места.

Отдел анализа сигнала в Инженерном департаменте ФБР сообщил нам, что искажение голоса преступнику обеспечивало устройство под названием «контроллер варьирования скорости». В полевые офисы по всей стране полетели телетайпные запросы: требуется помощь в отслеживании производителей и продавцов таких контроллеров. Мы предполагали, что у НС может быть образование в сфере электрики, а работать он может в строительстве или ремонте.

На следующий день, когда Боб Смит в похоронной конторе договаривался о последних деталях погребальной церемонии для своей дочери, убийца опять позвонил, на этот раз за счет абонента, и попросил к телефону Доун. Он сказал, что собирается сдаться властям завтра утром и что фотографии Шери возле почтового ящика, которые он сделал, будут пересланы семье Смит. Убийца жалобно попросил у Доун и всей семьи прощения и сказал помолиться за него. Кроме того, он намекнул, что вместо того, чтобы сдаться полиции, может покончить с собой, плаксиво пожаловавшись:

– Все это вышло из-под контроля, а я только хотел заняться любовью с Доун. Я следил за ней…

– С кем? – перебила его Доун.

– С… о, прошу прощения, с Шери, – поправился он. – Я следил за ней пару недель, и вот, да, все вышло из-под контроля.

Это был первый из нескольких случаев, когда он перепутал сестер, и немудрено: хорошенькие бойкие блондинки, они были похожи как две капли воды. Фотография Доун в последние дни постоянно мелькала в газетах и на телевидении, и то, что привлекло его в Шери, очевидно, относилось и к Доун. Помню, как тошно было

слушать эту садистскую, полную жалости к себе речь убийцы. Но тогда мне стало ясно – как бы холодно и расчетливо это ни звучало, – что Доун можно использовать как наживку для поимки преступника.

В тот же день он позвонил ведущему местного телевидения Чарли Кейсу и повторил, что хочет сдаться, а популярному Кейсу предложил выступить своим «посредником» и пообещал дать эксклюзивное интервью. Кейс его выслушал, но, проявив разумность, ничего не обещал.

В первую очередь, сказал я Льюису Маккарти по телефону, сдаваться он не собирается. И кончать с собой тоже. Он сказал Доун, что является «другом семьи», потому что в своем психопатическом помрачении хочет, чтобы Смиты его понимали и сочувствовали ему. Мы не верили, что он знаком с семьей; это была лишь часть его фантазии, что он близок к Шери и любим ею. Он абсолютный нарцисс, и чем дольше это будет продолжаться, сказал я Маккарти, чем больше реакции он будет получать от семьи, тем более спокойным и переносимым станет для него весь этот опыт. И он опять убьет – кого-то, похожего на Шери, если сможет найти, или просто случайную жертву, если не сможет. Главное во всех его поступках сейчас – это власть: манипулирование, доминирование и контроль.

Вечером того дня, когда состоялись похороны Шери, он опять позвонил и разговаривал с Доун. Извращенный садист, он попросил оператора сказать Доун, что звонок за счет абонента – от Шери. И снова он заявлял, что собирается сдаться, а потом перешел к жутко прямолинейному и банальному описанию ее смерти:

– В общем, с часов двух до момента, когда она умерла в четыре пятьдесят восемь, мы много говорили, и она сама выбрала время. Она сказала, что готова отправляться, а Господь готов принять ее своим ангелом.

Он описал, как занимался с ней сексом, и сказал, что позволил ей выбрать способ умереть: пуля, передозировка или удушение. По его словам, она выбрала последнее, и он ее задушил, замотав скотчем нос и рот.

– Зачем вам надо было ее убивать? – в слезах спросила Доун.

– Все вышло из-под контроля. И испугался, потому что… о, бог его знает, Доун. Я сам не знаю почему. Да простит меня за это Господь. Я надеюсь, что смогу все это исправить или Он пошлет меня в ад и я

буду там остаток моей жизни, но я не сяду в тюрьму или на электрический стул.

И Доун, и ее мать просили этого человека предаться в руки Господа и не убивать себя. Мы в моем отделе были чертовски уверены, что он не сделает ни того ни другого.

Спустя две недели после исчезновения Шери Смит Дебра Мей Хлемик была похищена из дворика перед родительским домом на колесах в округе Ричленд в двадцати четырех милях от дома Смитов. Ее отец находился в доме, в нескольких метрах от нее. Сосед сказал, что видел, как подъехала машина, оттуда вылез человек и заговорил с Деброй, а потом внезапно схватил ее, затолкал в салон и сорвался с места. Сосед и мистер Хелмик тут же бросились в погоню, но машина уже скрылась. Как Шери, Дебра была хорошенькой голубоглазой блондинкой. В отличие от Шери, ей было всего девять лет.

Шериф Меттс организовал еще одну облаву в попытке найти ее. Тем временем я понял, что меня все это достало. Когда занимаешься тем, чем занимались мы в моем отделе, приходится сохранять дистанцию и объективность, чтобы не сойти с ума. И как ни тяжело было сделать это в случае со Смит, последнее кошмарное похищение сделало такую дистанцированность практически невозможной. Маленькой Дебре Хелмик было всего девять – ровесница моей дочери Эрики, тоже голубоглазой блондинки. Моей второй дочке, Лорен, едва исполнилось пять. Помимо гнетущего, жуткого ощущения «это мог быть мой ребенок», мне приходилось бороться еще и с вполне оправданным желанием приковать детей к себе наручниками и ни на секунду не выпускать их из виду. Когда повидал то, что я, приходится постоянно подавлять в себе это желание, чтобы все-таки давать детям жизненно необходимую свободу.

Несмотря на разницу в возрасте между Смит и Хелмик, время, обстоятельства похищений и модус операнди указывали, что мы, скорее всего, имеем дело с тем же преступником. Я знал, что и департамент шерифа, и мой отдел согласны со мной. Поэтому, вынужденно признавая вероятность того, что у них появился настоящий серийный убийца, Льюис Маккарти прилетел в Куантико и привез с собой все материалы дела.

Уолкер и Райт пересмотрели ранее составленный ими профиль и рекомендации. Но и с информацией о новом преступлении они не

видели причин что-то в них менять.

Несмотря на маскировку голоса, наш НС был практически наверняка белым. Оба преступления совершались на почве секса неуверенным в себе и неадекватным взрослым мужчиной. Обе жертвы были белыми, а преступники такого типа крайне редко выходят за расовые границы. Внешне он наверняка казался застенчивым и вежливым, имел низкую самооценку, мог быть излишне плотным, даже толстым, и непривлекательным для женщин. Мы сказал Маккарти, что к данному моменту его поведение могло стать еще более причудливым. Знакомые могли заметить потерю веса, он мог сильнее пить, перестать регулярно бриться, а еще охотно разговаривать об убийстве. Будучи скрупулезен, он наверняка следит за всеми новостями по телевидению и собирает газетные вырезки. Кроме того, у него должна быть большая коллекция порнографии, преимущественно БДСМ. Сейчас он наслаждается внезапной славой, ощущением власти над жертвами и общественностью, своей способностью манипулировать скорбящей семьей Смит. Как я и боялся, когда он не смог заполучить жертву, вписывавшуюся в его фантазии и мечты, то схватил случайную – наиболее уязвимую. Из-за возраста Шери к ней можно было хоть как-то легально подступиться. Но если в предыдущем случае он мог оправдываться этим, то в отношении Дебры Хельмик такого оправдания у него не было, и мы не ожидали звонков от него ее родным.

Маккарти улетел домой со списком характеристик преступника из двадцати двух пунктов. По возвращении он сказал Меттсу:

– Я знаю этого человека. Осталось только выяснить его имя.

Однако, пускай его вера в нас обнадеживала, такие вещи просто не делаются. Все правоохранительные органы штата и полевой офис в Колумбии прочесывали округ, выискивая следы Дебры. Но преступник не связывался с семьей, не выдвигал требований и не оставлял улик. В Куантико мы ждали новостей, стараясь подготовиться к любому исходу. Сочувствие, которое испытываешь к семье пропавшего ребенка, почти невыносимо. По запросу ОСА Айви и шерифа Меттса я собрал вещички и полетел в Колумбию, чтобы на месте помочь с этим делом. С собой я захватил Рона Уокера. Это была первая командировка, в которую мы отправились вместе, с тех пор как они с Блейном Макилвейном спасли мне жизнь в Сиэтле.

Лью Маккарти встретил нас в аэропорту, и мы, не теряя времени, поехали осматривать локации, связанные с делом. Было жарко и влажно даже по нашим виргинским стандартам. Перед обоими домами не осталось никаких следов борьбы. То же самое касалось места, где нашли труп Смит – очевидно, ее убили где-то еще. Но, осмотрев все, я еще больше уверился, что наш НС отлично знает местность и, хотя некоторые его звонки Смитам были междугородными, сам он отсюда.

Дальше состоялось совещание в офисе шерифа – со всеми, кто вел дело. Офис шерифа оказался внушительным – метров десять в длину, с четырехметровыми потолками и стенами, доверху покрытыми грамотами и сертификатами: казалось, на них была вся его жизнь, от правительственных наград за раскрытие убийства до благодарностей от герлскаутов. Он уселся за свой массивный письменный стол, а мы – Рон и я, Боб Айви и Лью Маккарти – расположились перед ним полукругом.

– Он перестал звонить Смитам, – пожаловался Меттс.

– Я его заставлю позвонить опять, – пообещал я.

Я сказал им, что профиль может значительно помочь в расследовании, но, по моему мнению, надо как можно скорей его подтолкнуть к действию, и у меня есть для этого проактивные техники. Я спросил, есть ли у них на примете кто-нибудь из местных репортеров, готовый с нами сотрудничать. Речь не шла о цензуре или прямом приказе, что писать, – нам был нужен кто-то сочувствующий, а не стремящийся вцепиться полиции в горло, как обычно делают журналисты.

Меттс предложил Маргарет О’Ши из газеты «Колумбия стейт». Она согласилась прийти в офис, где мы с Роном попытались объяснить ей особенности личности преступника и его возможную реакцию.

Он наверняка следит за публикациями в прессе, сказали мы ей, особенно за любыми историями, связанными с Доун. Мы знали из своих исследований, что такие преступники часто возвращаются на места убийства или туда, где избавились от трупа. Я сказал, что правильная статья поможет нам выманить его и отловить. По крайней мере, мы надеялись заставить его начать звонить снова. Я сообщил ей, что мы тесно сотрудничали с представителями прессы в деле об отравлениях тайленолом и примерно такую же тактику собираемся применить сейчас.

О’Ши согласилась описать дело так, как мы просили. Далее Маккарти повез меня познакомиться со Смитами и объяснить, чего я от них хочу. А я хотел использовать Доун, чтобы расставить для убийцы капкан. Роберт Смит сильно разнервничался по этому поводу, не желая ставить единственную оставшуюся дочь под угрозу. Насколько бы я ни был встревожен, я считал, что это – наша лучшая возможность, поэтому постарался успокоить мистера Смита, сказав, что убийца Шери – трус и даже близко не подойдет к Доун при такой активности вокруг нее и под нашим присмотром. Изучив записи телефонных переговоров, я убедился, что Доун достаточно храбрая и сообразительная, чтобы исполнить то, чего я от нее хочу.

Доун отвела меня в комнату Шери, которую они держали нетронутой с тех пор, как она пропала. Так часто поступают семьи, трагическим образом внезапно лишившиеся ребенка. Первым, что бросилось мне в глаза, была коллекция мягких игрушек, коал всех размеров и цветов. Доун сказала, что коллекция имела для Шери большое значение и все ее друзья об этом знали.

Я провел в комнате немало времени, пытаясь представить, какой была Шери. Мы определенно могли поймать ее убийцу, надо было только все сделать правильно. Я выбрал из коллекции маленькую коалу – игрушку, распахивавшую и схлопывавшую передние лапы, если нажать ей на лопатки. Я объяснил семье, что через несколько дней – их мы оставляли на кампанию в прессе – мы проведем мемориальную службу на могиле Шери, во время которой Доун прикрепит мягкую игрушку к букету цветов. Мне казалось, велики шансы, что убийца явится на службу; еще вероятнее, он вернется на кладбище Лексингтон потом, чтобы забрать коалу в качестве сувенира.

Маргарет О’Ши понимала, какого рода освещение в прессе нам нужно, и договорилась, чтобы от газеты на кладбище прислали фотографа. Поскольку памятника на могиле еще не было, там поставили белую деревянную трибуну с ламинированной фотографией Шери. Члены семьи по очереди подходили к могиле и возносили молитвы за Шери и Дебру. Потом Доун взяла маленькую коалу и прикрепила ее лапками к стеблю розы в одном из букетов. Сцена была крайне пронзительной и трогательной. Пока Смиты говорили, а фотографы делали снимки для местной прессы, люди Меттса потихоньку фотографировали номера всех проезжающих машин.

Единственное, что меня смущало, – это близость могилы к дороге. Я боялся, что из-за такой оживленности преступник не решится подойти ближе, тем более что он мог увидеть все, что хотел, просто проехав мимо. Однако с этим мы ничего поделать не могли.

Фотографии появились в газетах на следующий день. Убийца Шери не пришел за коалой ночью, как мы надеялись. Я думаю, его отпугнула близость к дороге. Но он опять позвонил. Вскоре после полуночи Доун ответила на очередной звонок за счет абонента «от Шери Фэй Смит». Убедившись, что с ним действительно говорит Доун, и спросив: «Ты же понимаешь, что это не шутка, да?» – убийца сделал самое жуткое из всех до сих пор прозвучавших заявлений:

– Ладно. Знаешь, Господь призвал тебя к Шери Фэй. Это лишь вопрос времени. В этом месяце, в следующем, в этом году или в следующем. Тебя же не будут охранять вечно.

Потом он спросил, слышала ли она о Дебре Мей Хелмик.

– Хм… нет.

– Десятилетнюю? Х-Е-Л-М-И-К?

– Это в округе Ричленд?

– Ага.

– Ну да.

– Ладно, слушай внимательно. Поезжай по шоссе 1 на север… нет, шоссе 1, на запад, на Пич-Фестиваль-роуд налево, дальше три с половиной мили через Гилберт, направо, последний проселок до знака «Ту-Нотч-роуд», мимо цепи и знака «Проход запрещен», еще пятьдесят ярдов, налево, еще десять ярдов. Дебра Мей ждет. Господь да простит нас всех.

Он становился более решительным и дерзким и даже не использовал устройства для искажения голоса. Несмотря на открытую угрозу своей жизни, Доун сделала все, чтобы как можно дольше удерживать его на линии, блестяще продемонстрировав свою сообразительность и потребовав от него фотографии сестры, которые он обещал прислать, но так и не прислал.

– Ясно, они у ФБР, – неохотно ответил он, признавая, что в курсе нашего участия в этом деле.

– Нет, сэр, – резко бросила Доун, – потому что когда они что-нибудь получают, то показывают нам, чтоб вы знали. Вы собираетесь их отправить?

– О да, – беззаботно ответил он.

– А я думаю, вы меня обманываете, потому что говорили, будто они уже в пути, а их до сих пор нет.

Мы подбирались все ближе к нему, но ответственность за то, что в дело втянута Доун, лежала на мне тяжким грузом. Пока мы с Роном помогали местным властям, криминалисты из лаборатории в Колумбии изучали единственное вещественное доказательство, которое у нас было, – последнее письмо Шери, – подвергая его всем возможным тестам. Оно было написано на линованной бумаге из блокнота, и специалистам пришла в голову идея.

С помощью устройства, называемого «Эста-машин», способного различать микроскопические вдавленности на бумаге от записей на листах, находившихся в блокноте поверх нашего, они обнаружили частичный список покупок и нечто, похожее на последовательность цифр. Из десятизначной последовательности удалось точно определить девять чисел: 205–837–13_8.

Код Алабамы – 205, а 837 – это узел в Хантсвилле. В сотрудничестве с отделом безопасности компании «Саутерн белл» эксперты прошлись по всем десяти возможным номерам в Хантсвилле, а потом перепроверили их на связи с регионом Колумбия – Лексингтон. На один поступали многочисленные звонки из дома всего в пятнадцати милях от Смитов за несколько недель до похищения Шери. Это пока что была наша самая многообещающая зацепка. Информация из муниципалитета гласила, что дом принадлежит супружеской паре средних лет Эллису и Шерон Шеппард.

Вооруженный этими сведениями, Маккарти захватил нескольких заместителей и помчался к Шеппардам. Супруги оказались очень симпатичными и дружелюбными, но, помимо того, что пятидесяти-с-чем-то-летний Эллис работал электриком, ничто в нем не соответствовало нашему профилю. Шеппарды были счастливо женаты уже много лет, и под характеристики убийцы Эллис нисколько не подходил. Супруги признавали, что звонили в Хантсвилл, где их сын служил в армии, но объясняли, что их не было в городе, когда произошли оба страшных убийства. После стольких надежд мы были сильно разочарованы результатом.

Однако Маккарти достаточно проработал с нами и был убежден, что профиль точен. Он изложил его Шеппардам, а потом спросил, не

знают ли они кого, подходящего под описание.

Они переглянулись, мгновенно все поняв. И в один голос сказали – Ларри Джин Белл.

Отвечая на осторожные вопросы Маккарти, они рассказали заместителю шерифа о Белле все, что знали: слегка за тридцать, разведен, сын остался с бывшей женой, застенчивый, полный, работает на Эллиса – занимается электропроводкой. Скрупулезный и организованный, присматривал за домом полтора месяца, пока Шеппарды уезжали, после чего вернулся к родителям, у которых сейчас живет. Шерон Шеппард вспомнила, что записала телефонный номер сына в блокноте для Джина, как они его называли, на случай, если с домом что-то случится в отсутствие хозяев. Теперь, оглядываясь назад, они вспоминают, как он встречал их в аэропорту: Джин только и говорил, что о похищении и об убийстве девочки Смит. А еще их удивила его внешность: он явно похудел, был небрит и выглядел крайне возбужденным.

Маккарти спросил мистера Шеппарда, есть ли у него пистолет. Он хранил дома 38-й калибр – в целях обороны, как выразился сам. Маккарти попросил посмотреть оружие, и Эллис покладисто отвел его туда, где хранил пистолет. Но на месте его не оказалось. Двое мужчин обыскали весь дом и наконец нашли оружие – под матрасом на кровати, где спал Джин. Пистолет был заряжен, и его недавно заклинило. Также под матрасом лежал журнал «Хастлер» с красивой блондинкой, связанной веревками и растянутой в позе морской звезды. Когда Маккарти проиграл супругам фрагмент телефонного разговора убийцы с Доун, Эллис сразу же ответил, что это голос Ларри Джина Белла: «Никаких сомнений, это он».

Около двух часов ночи Рон Уокер постучался в мою дверь и поднял меня с постели. Ему только что позвонил Маккарти, сказал о Ларри Джине Белле и просил нас немедленно ехать к нему в офис. Мы сопоставили показания супругов и профиль. Удивительно, насколько они совпадали. На фотографиях шерифа легко отыскалась машина Белла, проезжавшая мимо кладбища и могилы Шери; водитель из нее не выходил.

Меттс планировал арестовать Белла, когда тот поутру отправится на работу, и хотел посоветоваться со мной насчет ведения допроса. За офисом стоял трейлер департамента шерифа, который на выездных

операциях использовали как мобильный штаб. Я предложил быстро превратить его в штаб-квартиру «оперативно-следственной группы» по этому делу. На стены прилепили фотографии и карты с местами преступлений, а столы завалили кучами папок и материалов дела. Я порекомендовал рассадить в трейлере суровых полицейских, чтобы те с занятым видом копались в бумагах, создавая у преступника ощущение, что против него собрана целая куча доказательств.

Мы сразу предупредили, что добиться признания будет нелегко. В Южной Каролине действовала смертная казнь, и в любом случае этого парня ожидал долгий тюремный срок за растление малолетних и убийство – не лучшая статья для того, кто ценит свою жизнь и телесную неприкосновенность. Мне казалось, стоит предложить ему какую-то возможность сохранить лицо: либо переложив часть вины на самих жертв, каким бы возмутительным это ни казалось следователям, либо позволив ему избрать невменяемость стратегией защиты. Обычно обвиняемые, не видя другого выхода, цепляются за такую возможность, хотя присяжные редко на это ведутся.

Заместители шерифа арестовали Ларри Джина Белла рано утром, когда он выходил из родительского дома, отправляясь на работу. Джим Меттс внимательно следил за его лицом, когда его вводили в трейлер «оперативной группы».

– Он стал белым как полотно, – отчитался шериф. – С точки зрения психологии мы указали ему перспективу.

Беллу зачитали права, и он дал согласие поговорить со следователями.

Его допрашивали большую часть дня, пока мы с Роном ждали в офисе Меттса, получая сводки о ходе допроса и советуя, что делать дальше. Тем временем заместители шерифа, вооруженные ордером на обыск, перекапывали дом Белла. Как мы и предсказывали, его обувь была выстроена в рядок под кроватью, стол тщательно прибран, даже инструменты в багажнике трехлетней, содержавшейся в отличном состоянии машины лежали в строгом порядке. На столе мы нашли инструкции, как доехать до дома родителей, написанные ровно в той же манере, что те, которые он давал, когда описывал, где искать тела Смит и Хелмик. Как ожидалось, у него нашли кучу БДСМ-порнографии. Криминалисты обнаружили на кровати Белла волосы, совпадавшие с волосами Шери, а штамп с девизом, стоявший на

последнем письме Шери, совпадал с тем, что нашли в ящике стола. Когда его фотографию показали в теленовостях, свидетель похищения Дебры Хелмик сразу же его узнал.

Мы быстро выяснили биографию преступника. Как мы и предсказывали, он с детства участвовал в инцидентах сексуального характера, а в двадцать шесть лет пытался затолкать в свою машину девятнадцатилетнюю замужнюю женщину, угрожая ножом. Чтобы не сесть в тюрьму, он согласился на курс психотерапии, но бросил его после двух сессий. Пять месяцев спустя он снова пытался посадить в машину девушку, студентку колледжа, угрожая пистолетом. За это Белл получил пятилетний срок и вышел по УДО через двадцать один месяц. Находясь на УДО, он сделал около восьмидесяти звонков с сексуальными домогательствами десятилетней девочке. Белл признал себя виновным и получил лишь продление испытательного срока.

Но у нас в трейлере Белл не заговорил. Он отрицал причастность к преступлениям, признавая только, что интересовался ими. Даже после того, как ему проиграли пленки, он не изменил свою позицию. Примерно через шесть часов Белл сказал, что хотел бы поговорить с шерифом Меттсом лично. Меттс вошел и снова напомнил ему о правах, но сознаваться Белл не собирался.

И вот ближе к вечеру мы с Роном сидим в офисе шерифа, когда входят Меттс и окружной прокурор Дон Майерс (в Южной Каролине его должность называется «окружной обвинитель») вместе с Беллом. Белл – толстый, рыхлый – сильно смахивает на человечка из теста из рекламы «Пиллсбери». Мы с Роном оба удивлены; Майерс обращается к Беллу с каролинским акцентом:

– Знаете, кто эти парни? Эти парни из Ф-Б-Р. Понимаете ли, они составили профиль, и вы к нему подходите тютелька в тютельку! И вот теперь они хотят с вами немного поговорить.

Они усадили его на белый диван у стены, сами вышли, а нас оставили с Беллом наедине.

Я присаживаюсь на край стола прямо напротив Белла, Рон встает за мной. На мне та же одежда, в которой я поутру вышел из мотеля: белая рубашка и почти такие же белые брюки. Я называю это моим костюмом Гарри Белафонте[17], но в том контексте, в белой комнате с белым диваном, я выглядел как в больнице – а может, и на том свете.

Я начинаю излагать Беллу кое-какие детали из нашего исследования серийных убийц и ясно даю понять, что хорошо знаком с мотивацией тех, кто совершает подобные преступления. Я говорю ему, что он может отрицать совершенные убийства, потому что пытается подавить мысли, не дающие ему покоя.

Я говорю:

– Ходя по тюрьмам и расспрашивая всех этих людей, мы выяснили, что никто не знает о них правды. Когда совершается преступление вроде такого, для человека, который его совершил, начинается настоящий кошмар. У него ведь и так куча стрессов – финансовые проблемы, проблемы в браке или с девушкой…

Я говорю, а он кивает, как будто у него эти проблемы и правда есть.

Я продолжаю:

– Дело в том, Ларри, что, когда ты попадешь в суд, адвокат вряд ли захочет вызывать тебя для дачи показаний и у тебя не будет возможности все объяснить. Все, что они будут знать, – это плохая сторона тебя. Только плохое. Только тот факт, что ты – хладнокровный убийца. А мы, повторяю, узнали, что очень часто для людей, совершающих преступления, это что-то вроде ночного кошмара и когда они просыпаются утром, то сами не могут поверить, что и правда это сделали.

И опять, пока я говорю, Белл утвердительно кивает.

Я не спрашиваю его напрямую, убивал он или нет, потому что знаю: если спрошу, он будет все отрицать. Поэтому я наклоняюсь к нему и говорю:

– Когда ты впервые пожалел о том, что сделал, Ларри?

А он отвечает:

– Когда я увидел фотографию и прочел в газете статью, как семья молилась на кладбище.

Тогда я говорю:

– Ларри, сейчас, когда ты здесь сидишь, ты можешь сказать, что сделал это? Ты мог это сделать?

В подобной обстановке мы стараемся не употреблять обвинительных или резких формулировок вроде *убил, преступление* и *убийство*.

Он смотрит на меня со слезами на глазах и отвечает:

– Все, что я знаю, что Ларри Джин Белл, сидящий здесь, не мог этого сделать, но плохой Ларри Джин Белл мог.

Я знал, что это максимум, к которому мы можем приблизиться, если говорить о признании. Но Дон Мейерс хочет, чтобы мы попробовали еще кое-что, и я соглашаюсь. Он считает, если Белл встретится лицом к лицу с матерью и сестрой Шери, признание может вырваться спон-танно.

Хильда и Доун соглашаются, и я готовлю их к тому, что надо говорить и как себя вести. И вот мы в офисе Меттса. Он сидит за своим громадным столом, мы с Роном Уокером – по углам, образуя треугольник. Белла вводят и усаживают посередине, лицом к двери. Потом приглашают Хильду и Доун – Беллу предлагается что-нибудь им сказать. Он не поднимает головы, как будто не может заставить себя посмотреть им в глаза.

Доун, как я ее проинструктировал, смотрит прямо на него и говорит:

– Это вы. Я знаю, это вы. Я узнала ваш голос.

Он этого не отрицает, но и не признает. Начинает выкладывать им то же самое, что я ему, когда пытался разговорить. Бормочет, что Ларри Джин Белл, сидящий здесь, не мог этого сделать, и прочую чушь. Я все еще надеюсь, что он решит сослаться на невменяемость и сейчас откроется перед ними.

Так продолжается некоторое время. Миссис Смит продолжает задавать ему вопросы, пытаясь добиться ответов. Я уверен, всем в комнате тошно его слушать.

И тут внезапно меня словно током бьет. Я не знаю, не принесли ли Доун или Хильда с собой оружие. Их вообще проверяли? Я этого не помню. Я ерзаю на краешке стула, готовый в любой момент вскочить и вырвать пистолет у одной из них, едва только она потянется к сумочке. Я знаю, что захотел бы сделать в подобной ситуации, будь это мой ребенок, и большинство родителей чувствовали бы то же самое. Это идеальная возможность прикончить гада, и никакие присяжные в мире их не осудят.

К счастью, Доун и Хильда не попытались пронести оружие. У них оказалось больше выдержки и веры в систему, чем, возможно, проявил бы я, но Рон потом проверил – их действительно не обыскивали.

Ларри Джина Белла судили за убийство Шери Фэй Смит в конце следующего января. Из-за широкого освещения дела в прессе суд перенесли в округ Беркли, близ Чарльстона. Дон Майерс пригласил меня в качестве эксперта – рассказать о психологическом профиле и его составлении, а также допросе обвиняемого.

Белл показаний не давал и своей вины не признавал. То, что он сказал в офисе шерифа Меттса, было самым близким подобием признания, какого от него удалось добиться. Большую часть процесса он провел, делая подробные длинные записи в таком же блокноте, как тот, из которого вырвали страницу для завещания Шери Смит. Тем не менее доказательства, предъявленные обвинением, сочли убедительными. После почти месяца заседаний присяжным понадобилось всего сорок семь минут, чтобы признать Белла виновным в похищении и убийстве первой степени. Четыре дня спустя, после дальнейших обсуждений и по рекомендации присяжных, его приговорили к смертной казни на электрическом стуле. За похищение и убийство Дебры Мей Хелмик Белла судили отдельно. Присяжным понадобилось немногим больше времени, чтобы вынести тот же вердикт и назначить то же наказание.

С моей точки зрения, дело Ларри Джина Белла – пример наилучшей работы наших правоохранительных органов: сотрудничества на уровне округа, штата и всей страны, чуткого и энергичного руководства на месте, героического отношения обеих семей и идеального симбиоза профилирования и криминального анализа с традиционными полицейскими и криминологическими техниками. Объединенные, все эти факторы помогли остановить серийного убийцу, грозившего стать крайне опасным, на раннем этапе его «карьеры». Это расследование должно стать образцом для всех будущих.

Доун Смит добилась невероятных вещей: через год после процесса завоевала титул «Мисс Южная Каролина» и стала финалисткой конкурса «Мисс Америка». Она вышла замуж, продолжила заниматься музыкой и теперь является певицей в стиле кантри и госпел. Время от времени я вижу ее по телевизору.

На момент издания книги Ларри Джин Белл продолжает находиться в камере смертников в Центральной тюрьме Южной Каролины, причем камеру эту содержит в идеальном порядке.

Полицейские считают, что на нем лежит вина и за другие убийства девушек и молодых женщин в Южной и Северной Каролине. Основываясь на своем опыте и исследованиях, могу сказать, что реабилитация такого типа преступников невозможна. Если он окажется на свободе, то начнет убивать опять. Тем же, кто утверждает, что такое длительное заключение в ожидании смертной казни является жестоким наказанием, не предусмотренным законом, хочу сказать: отчасти я с вами согласен. Оттягивание смертной казни – жестокое, не предусмотренное законом наказание для семей Смит и Хелмик, тех, кто знал и любил двух этих девочек, и всех нас, кто хочет, чтобы свершилось правосудие.

Глава 17
Жертвой может стать кто угодно

Первого июня 1989 года рыбак со своей лодки заметил трех утопленников на поверхности воды в бухте Тампа во Флориде. Он связался с береговой охраной и полицией Сент-Питерсберга, и те вытащили из воды сильно разложившиеся трупы: все женские, накрепко перемотанные желтой нейлоновой и обычной белой веревками. За шеи их привязали к пятидесятифунтовым шлакоблокам. Шлакоблоки были не совсем обычными – с двумя отверстиями вместо трех. Рты трупов закрывал серебристый сантехнический скотч; судя по следам клея, глаза у них тоже были замотаны скотчем, когда трупы сбрасывали в воду. На всех троих были футболки и бюстгальтеры от купальников. Трусики исчезли, что указывало на сексуальный характер преступления, хотя состояние тел после длительного пребывания в воде не позволяло установить, были они изнасилованы или нет.

По машине, найденной неподалеку от берега, тела опознали как Джоан Роджерс, тридцати восьми лет, и двух ее дочерей: семнадцатилетнюю Мишель и пятнадцатилетнюю Кристи. Они жили на ферме в Огайо, и это был их первый настоящий отпуск. Они уже побывали в Диснейуорлде, а теперь остановились в мотеле «Дейз-Инн» в Сент-Питерсберге, прежде чем вернуться домой. Мистер Роджерс не смог отлучиться с фермы и не сопровождал жену и дочерей.

Исследование содержимого желудков мертвых женщин, сопоставленное с показаниями сотрудников ресторана в «Дейз-Инн», позволило установить время смерти: примерно сорок восемь часов назад. Единственной зацепкой была записка, найденная в машине: там указывалось, как проехать от «Дейз-Инн» до того места, где нашли машину. На другой стороне были инструкции и схема проезда от Дейл-Мэбри, оживленной торговой улицы в Сент-Питерсберге, до мотеля.

Об убийстве немедленно сообщили в новостях, и за расследование взялись департаменты полиции Сент-Питерсберга и Тампы, а также Департамент шерифа округа Хиллсборо. Люди были

напуганы: если троих ни в чем не повинных туристок из Огайо могли убить вот так, рассуждали все, то жертвой может стать кто угодно.

Полиция постаралась отследить записку, взяв образцы почерка у сотрудников отеля, а также магазинов на Дейл-Мэбри, откуда начинался маршрут. Но результатов не было. Жестокий сексуальный характер преступления вызывал большую тревогу и о многом говорил. Офис шерифа Хиллсборо обратился в полевой офис ФБР в Тампе, предупредив: «Возможно, это серия». Тем не менее совместная работа трех полицейских юрисдикций и ФБР значительного прогресса не дала.

Джейна Монро работала агентом в полевом офисе в Тампе. До перехода в Бюро она была офицером полиции и сотрудником убойного отдела в Калифорнии. В сентябре 1990 года после собеседования со мной и Джимом Райтом по поводу открывшейся у нас вакансии мы затребовали ее перевода в Куантико. Джейна была координатором по профилированию у себя в полевом офисе и только перевелась к нам, поэтому дело Роджерс стало для нее первым в рамках нашей программы.

Работники полиции Сент-Пита прилетели в Куантико и представили дело Джейне, Ларри Энкорму, Стиву Эттеру, Биллу Хэгмайеру и Стиву Мардиджану. Потом они разработали профиль: белый мужчина, 35–45 лет, техническая специальность, занимается строительством или ремонтом, необразованный, с историей сексуального и физического насилия и предшествующим стрессом незадолго до убийства. Как только ситуация уляжется, может уехать из округа, но, как Джон Пранте в деле Карлы Браун, может позднее вернуться.

Агенты были уверены в составленном профиле, но к аресту он не привел. Прогресса опять не было. Требовался более проактивный подход, поэтому Джейна выступила в программе «Нераскрытые загадки», одном из телешоу, транслировавшихся по всей стране, которое часто давало хорошие результаты по обнаружению и опознанию НС. После ее выступления на горячую линию поступили тысячи наводок, но расследование так и не сдвинулось с мертвой точки.

Я всегда говорю своим людям: раз одна тактика не сработала, пробуйте другую, даже если ее еще не применяли никогда раньше. Так

Джейна и поступила. Записка с инструкциями по проезду была единственной уликой, связывавшей жертв с убийцей, но пока она пользы не принесла. Поскольку о деле говорили по всей Тампе и Сент-Питерсбергу, Джейна придумала разместить записку на билбордах, чтобы посмотреть, не узнает ли кто почерк. В правоохранительной сфере считается, что люди плохо узнают даже почерк членов семьи и ближайших друзей, но Джейна подумала: вдруг кто-нибудь все-таки объявится, особенно если НС жестоко обращался с женой или партнершей и та искала причину его сдать.

Несколько местных бизнесменов предоставили свое пространство на билбордах, записку увеличили и выставили на всеобщее обозрение. В следующие пару дней трое людей, незнакомых друг с другом, позвонили в полицию и сказали, что почерк принадлежит Обе Чендлеру, белому мужчине за сорок. Он неофициально подрабатывал установщиком сайдинга, и все трое предъявили ему претензии, когда их сайдинг, только что установленный, начал отваливаться при первом же дожде. Они были уверены, что опознали почерк верно, потому что на их претензии он отвечал письмами от руки.

Помимо возраста и профессии, он вписывался в профиль и по другим пунктам. Ранее он совершал преступления, связанные с нарушением границ частной собственности, нападениями и побоями, а также сексуальными домогательствами. Когда первая шумиха после убийства утихла, переехал, но совсем покидать город не счел нужным. Стрессовым фактором для него могло стать появление на свет нежеланного ребенка, которого только что родила жена Чендлера.

И как часто бывает, когда дело уже почти раскрыто, узнав детали убийства, объявилась еще одна жертва. Женщина с подругой познакомились с мужчиной, подходящим под описание Чендлера, который предложил им прокатиться на его лодке по Тампа-Бэй. Подруга почуяла неладное и отказалась, поэтому та женщина поехала одна.

Когда они отошли на достаточное расстояние от берега, он попытался ее изнасиловать. Она стала сопротивляться, но он пригрозил:

– Не ори, а то замотаю рот скотчем, привяжу шлакоблок на шею и утоплю!

Оба Чендлер был арестован, осужден и признан виновным в убийстве Джоан, Мишель и Кристи Роджерс. Ему вынесли смертный приговор.

Его жертвы были обычными доверчивыми людьми, и он выбрал их практически случайно. Иногда выбор и правда полностью случаен, и это доказывает, что любой человек *действительно* может стать жертвой. В ситуациях, подобных этой, как в деле Роджерс, проактивные техники играют огромную роль.

В конце 1982 года в Чикаго и окрестностях стали загадочным образом скоропостижно умирать люди. Полиция довольно быстро установила связь между этими смертями и их причину: все жертвы принимали капсулы тайленола, отравленные цианидом. Как только капсула растворялась в желудке, наступала смерть.

Эд Хэгарти, ОСА Чикаго, попросил меня включиться в расследование. Раньше я не занимался отравлениями продуктов, но полагал, основываясь на тюремных интервью и поисках других преступников, что к отравителю применяются те же правила. В ФБР то дело окрестили тайленоловыми убийствами.

Первой проблемой, стоявшей перед следователями, был случайный характер отравлений. Поскольку преступник не нацеливался на конкретную жертву и не присутствовал на месте преступления, тот тип анализа, которым мы обычно занимаемся, был здесь неприменим.

Убийства как будто не имели мотива – точнее, не мотивировались традиционными, хорошо всем знакомыми причинами вроде любви, ревности, алчности или мести. Отравитель мог иметь зуб на компанию «Джонсон и Джонсон», любую из аптек, торгующих продуктом, или общество в целом.

Я ставил эти отравления в один ряд с закладкой взрывных устройств или бросанием камней с моста по машинам, проезжающим внизу. Во всех этих преступлениях убийца не видит лица жертвы. Мне представлялось, что наш преступник – как Дэвид Берковиц, стрелявший по темным машинам, – стремится скорее выплеснуть гнев, чем убить конкретную жертву. Если бы он увидел лица жертв, в нем могла бы пробудиться совесть.

С учетом схожести с другими трусливыми преступлениями, направленными против случайных жертв, я считал, что и НС будет того же типа. Хотя он и выбрал отравление – нетипичный способ убийства, – его профиль был нам хорошо знаком. Наши исследования показали, что людьми, убивающими тайно и не стремящимися к огласке, обычно движет гнев. Я полагал, что у этого человека случаются периоды тяжелой депрессии и он – неадекватная, потерявшая всякую надежду личность, пережившая множество поражений в учебе, на работе и в отношениях.

Статистически он вписывался в категорию «ассасинов», или убийц-фанатиков: это белый мужчина около тридцати лет, одиночка, ведущий ночной образ жизни. Он мог посещать дома жертв или их могилы и оставлять там что-нибудь от себя. Я ожидал, что работа у него такая, в которой он, насколько это возможно, чувствует свою власть и влияние: например, он водитель скорой помощи, охранник или помощник полицейского. У него мог быть и опыт военной службы в сухопутных или десантных войсках.

Я предполагал, что в прошлом он мог проходить психиатрическое лечение и с тех пор принимать лекарства, выдающиеся по рецепту, чтобы контролировать свою проблему. Его машине по меньшей мере лет пять, она не в лучшем состоянии, но олицетворяет власть и влияние – например, это те модели «Форда», которые закупают полицейские департаменты. Примерно в период первого отравления – 28 или 29 сентября – он испытал сильный стресс, за который мог обвинять общество в целом, отчего его гнев стал еще сильнее. Как только об отравлениях узнали, он мог начать обсуждать их со случайными собеседниками в барах и аптеках, а то и с полицией. Власть, которую он чувствовал, совершая преступления, льстила его эго, соответственно, он мог вести дневник или хранить вырезки из газет.

Я сказал полиции, что он, скорее всего, писал людям у власти – президенту, директору ФБР, правительству, мэру, – жалуясь на некую несправедливость в его адрес. Поначалу он подписывался собственным именем. Время шло, ожидаемой реакции на свои жалобы он не получил и оскорбился от такого игнорирования. Убийства случайных жертв являются для него местью всем, кто не воспринял его всерьез.

Наконец, я предупреждал не сильно упираться в конкретно тайленол – на дело следовало смотреть шире. Тайленол – популярное лекарство, и капсулы с ним легко открываются. Возможно, убийца выбрал его, потому что ему понравилась упаковка, а не из-за какой-то особой ненависти к компании «Джонсон и Джонсон».

Как всегда бывает с серийными подрывниками, поджигателями и прочими подобными преступниками, в таком большом городе, как Чикаго, множество людей вписывались в профиль. Поэтому, как в деле Роджерс, лучше было сосредоточиться на проактивных техниках. Полиции следовало продолжать давить на НС, не давая ему прийти в себя. Для этого я предлагал публиковать только оптимистические заявления. Одновременно я предупредил, чтобы его не называли сумасшедшим – к сожалению, эта ошибка уже была допущена.

Но еще важнее было сориентировать прессу так, чтобы она публиковала больше статей, рассказывающих о жертвах, ведь сама природа преступлений свидетельствовала, что для НС они обычные пешки. В частности, я подумал, что мы внушим ему чувство вины, опубликовав статью с портретом двенадцатилетней девочки, жертвы отравления, и так доберемся до него.

Вспомнив о приеме, уже опробованном в Атланте и деле Шери Смит, я предложил устроить ночное дежурство на могилах некоторых жертв, которые, по моему мнению, НС мог посетить. Я полагал, что преступник может испытывать муки совести, и советовал упирать в прессе на разные даты и годовщины, связанные с убийст-вами.

Я предлагал подтолкнуть его к посещению конкретных магазинов – точно так же мы в Милуоки и Детройте «направляли» грабителей в конкретные отделения банков, где их уже поджидали. Например, из полиции могла «просочиться» информация, что в одном из магазинов принимают особые меры для защиты покупателей. Я считал, что наш убийца наверняка захочет посетить этот магазин, чтобы воочию увидеть последствия своих действий. Вариантом той же тактики могла стать статья о заносчивом управляющем аптекой, который самоуверенно заявлял всем и каждому: он обеспечил своему заведению такую степень защиты, что Тайленоловый отравитель не испортит ни одного товара на его полках. Можно было также отправить полицию и агентов ФБР «по наводке» осмотреть какую-нибудь аптеку, широко осветив это в прессе. Пускай тревога окажется

ложной, но потом полицейское начальство на камеру заявит, что предотвратило очередное отравление тайленолом – все благодаря своим разведывательным способностям. Преступник воспримет это как вызов, который вряд ли сможет обойти стороной.

Хорошо будет найти какого-нибудь сердобольного психиатра, который даст интервью, где выразит сочувствие к НС, провозгласит его жертвой общественного строя и тем самым предоставит ему сценарий, позволяющий сохранить лицо. НС может позвонить ему в офис или проехать мимо на машине, попав в нашу ловушку.

Кроме того, я думал, что, если призвать на помощь полиции добровольцев для обработки поступающих на горячую линию звонков, убийца, скорее всего, вызовется помогать. Устрой мы что-то подобное в Атланте, мне думается, мы увидели бы там Уэйна Уильямса. Тед Банди в свое время был волонтером в центре помощи жертвам изнасилований в Сиэтле.

Полиция всегда с настороженностью относилась к слишком тесным связям со СМИ – будь то сотрудничество или использование их в своих целях. В начале 1980-х, когда профилирование было еще в новинку, меня вызвали в штаб-квартиру на заседание с юристами отдела криминальных расследований – отчитаться о моих проактивных техниках.

– Джон, ты же не врешь прессе, да?

Я привел им в пример то, как недавно сработал мой проактивный подход в работе с прессой. В Сан-Диего в горах нашли тело девушки, изнасилованной и задушенной, с собачьим ошейником и поводком на шее. Ее машина была обнаружена поблизости на шоссе. Судя по всему, у нее закончился бензин и убийца подобрал ее – прикинувшись добрым самаритянином или насильно, – после чего увез на то место, где труп и нашли.

Я предложил полиции выдавать информацию прессе в особом порядке. Во-первых, они должны описать преступление и сделанный нами анализ. Во-вторых, подчеркнуть, что к расследованию привлечено ФБР, а не только местные власти, и заявить: «Даже если потребуется двадцать лет, мы все равно найдем этого парня!» В-третьих, на такой оживленной дороге, как та, где у девушки закончился бензин, кто-нибудь обязательно должен был что-то видеть. Я хотел, чтобы в третьей истории говорилось: если вы видели кого-то или что-

то подозрительное примерно во время похищения, полиция просит немедленно сообщить эту информацию.

Я рассуждал так: если убийца подумает, что кто-нибудь мог его видеть (а его почти точно видели), он захочет обезопасить себя и объяснить свое присутствие на месте преступления. Он объявится и сочинит что-нибудь вроде: «Я проезжал мимо и увидел, что она застряла. Я притормозил и спросил, не помочь ли чем, но она сказала, что все в порядке, поэтому я поехал дальше».

Полиция регулярно обращается к СМИ за помощью, не задумываясь о проактивных техниках. Могу себе представить, скольких преступников она упускает, просто не зная, на что обратить внимание. Кстати, настоящим свидетелям не стоит бояться, что они окажутся под подозрением, рассказав свою историю. Подозревать вас никто не будет, но вы можете помочь остановить настоящего злодея.

В деле в Сан-Диего тактика сработала ровно так, как я думал. НС попал в поле зрения следователей и был пойман.

– Ладно, Дуглас, мы поняли, – ответили мне на заседании в штаб-квартире ФБР. – Только сообщай нам, когда снова соберешься применять этот свой подход.

Любое новаторство сильно пугает бюрократов.

Я наделся, что тем или иным образом пресса поможет найти Тайленолового убийцу. Боб Грин, популярный колумнист «Чикаго трибюн», встретился с представителями полиции и ФБР, а затем написал трогательную статью о двенадцатилетней Мэри Келлерман, самой младшей жертве отравителя и единственном ребенке супругов, у которых не могло быть больше детей. После выхода статьи полиция и ФБР установили наблюдение за домом девочки и ее могилой. Думаю, большинство участников операции считали, что это полная чушь, будто убийцы – из чувства вины или ради счастливых воспоминаний – и правда возвращаются на могилы и места преступлений. Но я уговорил их потерпеть хотя бы недельку.

Я все еще был в Чикаго, когда полиция установила слежку за кладбищем, и знал, что, если результата не будет, их гнев обрушится на меня. Наблюдение – крайне муторное занятие даже при самых благоприятных обстоятельствах, что уж говорить о торчании на кладбище по ночам.

В первую ночь ничего не произошло. Все было тихо и спокойно. Но на следующую команде наблюдения что-то послышалось, они подкрались к могиле, стараясь оставаться незамеченными, и услышали голос мужчины – примерно того возраста, как было указано в профиле.

Он всхлипывал, чуть не рыдая:

– Прости меня! Я не хотел! Это был несчастный случай!

Получалось, он умоляет мертвую девочку простить его.

«Черт подери, – подумали они, – этот Дуглас, похоже, прав». И схватили парня.

Но… погодите минутку! Он же произносил другое имя – не Мэри.

Бедолага перепугался до чертиков, но когда полицейские присмотрелись, то поняли, что он стоял на *соседней* от Мэри могиле.

Оказалось, что рядом с Мэри Келлерман была похоронена жертва нераскрытого автомобильного наезда и ее нечаянный убийца вернулся сознаться в совершенном преступлении.

Четыре или пять лет спустя Департамент полиции Чикаго использовал тот же прием с другим нераскрытым убийством. По инициативе координатора тренингов ФБР Боба Саговски они начали распространять в газетах информацию о приближении годовщины убийства. Когда преступника поймали на могиле, он только заметил:

– Интересно, чего вы так тянули?

Тайленолового убийцу выявить таким образом не удалось. Мы не поймали его вообще – один подозреваемый был арестован по обвинению в вымогательстве, связанном с убийствами, хотя доказательств, чтобы обвинить его в убийствах непосредственно, не набралось. Он вписывался в профиль, но уезжал из Чикаго, когда полиция держала кладбище под наблюдением. Однако после того, как его посадили, тайленоловые убийства прекратились.

Конечно, поскольку суда не было, мы не можем официально заявлять, что поймали того самого человека. Но совершенно ясно, что определенный процент непойманных серийных маньяков в действительности пойман – просто об этом не знают офицеры и детективы, ведущие следствие. Когда действующий убийца вдруг останавливается, этому может быть три объяснения, кроме простого желания «выйти на пенсию». Первое – самоубийство, что может быть верно в отношении определенного типа личности. Второе – отъезд; преступник покидает регион, где действовал ранее, и перемещается на

новое место. Благодаря компьютерной базе данных по поимке жестоких преступников ViCAP[18] мы стараемся препятствовать этому, предоставляя тысячам полицейских юрисдикций по всей стране возможность делиться информацией друг с другом. Третье объяснение – преступник арестован за другое правонарушение, обычно грабеж или нападение, и сидит по менее тяжкому обвинению.

Со времени тайленоловых убийств произошло еще немало инцидентов с отравлением продуктов, но большинство – по вполне традиционным мотивам. Во внутрисемейных преступлениях супруг может инсценировать убийство, придав ему сходство с отравлением продукта. Работая над таким делом, полиция должна учитывать количество схожих инцидентов, их географию, место, где произошло заражение продукта и где человек был отравлен, а также отношения между жертвой и тем, кто заявил о преступлении. Как во всех случаях подозреваемого убийства по личным причинам, надо изучить историю конфликта и собрать максимум информации о пред- и постпреступном поведении.

Преступление может выглядеть так, будто не было нацелено на какую-то конкретную жертву, в то время как в действительности конкретная жертва имелась. То, что преподносится как преступление гнева и фрустрации, может иметь такой традиционный мотив, как избавиться от неугодного супруга или получить страховку либо наследство. После статей о тайленоловых убийствах женщина отравила мужа тайленолом, решив, что убийство припишут маньяку; инсценировка была очевидна, а детали преступления различались достаточно, чтобы имитацию раскрыли. В подобных случаях улики довольно четко указывают на преступника. Например, лаборатории могут установить производителя цианида и других ядов.

Такой же анализ позволяет относительно легко распознать, не испортил ли кто-нибудь продукт с целью отсудить деньги – например, подкинул дохлую мышь в банку с соусом для спагетти, крысу в банку с газировкой или иголку в пакет чипсов. Компании, как правило, стараются все замять, чтобы избежать плохой рекламы и судебного иска. Однако криминалистика в наше время так продвинулась, что, если компания всерьез подозревает намеренную порчу продукта, отказывается от сделки и привлекает к делу ФБР, велик шанс, что злоумышленника разоблачат и накажут. Точно так же хороший

следователь распознает «постановочный героизм» – сценарий, специально придуманный так, чтобы его главный герой добился признания со стороны товарищей или общественности.

Тайленоловые убийства, хотя и вопиющие, были скорее аномалией. Их целью не являлось вымогательство. Вымогателю, чтобы преуспеть, надо сначала подтвердить, что он способен исполнить свою угрозу. Вымогатели, угрожающие отравлением продуктов, обычно подменяют один флакон или одну упаковку, каким-то образом ее помечают и делают предупреждение – в письменной форме или по телефону. Тайленоловый отравитель же начал не с угроз. Он сразу приступил к убийствам.

По стандартам вымогателей он был не очень подкованным. Основываясь на жестокой природе преступления (после тех убийств компания «Джонсон и Джонсон» потратила целое состояние на разработку упаковок, устойчивых к вскрытию с целью порчи), я пришел к выводу, что этот человек не особо организован. Но к тем, кто начинает с угроз, можно применить те же приемы, что и против политического шантажа, то есть в первую очередь выяснить, насколько шантажист действительно опасен и способен исполнить обещанное.

То же самое касается подрывников. Если поступает сообщение о закладке взрывного устройства, его всегда воспринимают всерьез. Но властям надо первым делом решить, насколько угроза реальна. Подрывники и вымогатели обычно используют при переговорах слово *мы*, намекая на многочисленную группу, наблюдающую из тени. На самом деле большинство этих людей – замкнутые одиночки, предпочитающие никому не доверять.

Подрывники разделяются на три категории. Тех, кто стремится к власти, привлекает разрушение. Тех, кто заинтересован в достижении цели, интересует сам процесс разработки и закладки взрывного устройства. Третий тип – техники, которых приводит в восторг совершенство и хитроумность их конструкции. Что касается мотива, он может быть любым – от вымогательства до рабочих споров, мести и даже самоубийства.

Наше исследование подрывников показывает повторяющийся общий профиль. Обычно это белые мужчины; возраст определяется жертвой или мишенью. Среднего интеллектуального уровня, обычно даже выше, но не достигшие успеха в жизни. Аккуратные,

скрупулезные, тщательно планирующие, несклонные к конфронтации, неспортивные, трусоватые, неадекватные личности. Профиль составляется на основании выбора жертвы и типа устройства (оно скорее взрывное или поджигающее), как профиль серийного убийцы – на основании места преступления. Мы оцениваем факторы риска, связанные с убийцей и жертвой, была она случайной или конкретной, доступной или нет, в какое время дня было совершено нападение, метод доставки (например, почтой), а также уникальные факторы или идиосинкразии, связанные с компонентами состава и конструкции взрывного устройства.

В начале своей карьеры профайлера я составлял первый профиль ныне широко известного Унабомбера («Унабомба» по кодировке ФБР), получившего такое прозвище потому, что метил он в университеты и профессоров.

Информацию о подрывниках мы получаем из их сообщений. К моменту, когда Унабомбер начал общаться с публикой путем писем в газеты и многостраничного манифеста, у него на счету было уже трое убитых и двадцать три раненых за семнадцатилетнюю «карьеру». Среди прочего, он на время почти остановил полеты одной коммерческой авиалинии, пригрозив заложить бомбу в самолет, вылетающий из международного аэропорта Лос-Анджелеса.

Как большинство подрывников, он говорил о некоей группе (КС, или «Клуб свободы»), якобы ответственной за совершенные им теракты. Тем не менее у меня не было сомнений, что это одиночка.

Профиль с тех пор неоднократно публиковался, и я не видел причин менять мои предположения насчет Унабомбера. К сожалению, несмотря на прорыв, сделанный доктором Брасселом в деле Сумасшедшего подрывника Метески, когда Унабомбер нанес первый удар, правоохранительные органы не были в той же мере готовы к использованию анализа того типа, которым мы занимаемся, как сейчас. Большинство этих парней можно поймать в начале их «карьеры». Первое и второе преступления – самые значимые с точки зрения поведения, локации и мишени; совершив их, подрывник начинает совершенствовать свои методы и перемещаться по стране. С годами он формирует и свою идеологию, хотя поначалу им движет элементарное возмущение общественным устройством. Я думаю, будь у нас в 1979

году такое эффективное профилирование, как ныне, Унабомбера поймали бы на много лет раньше.

Как правило, угрозы о заложенной бомбе оказываются обычным вымогательством, направленным против конкретного человека или группы людей. В середине 1970 года с угрозой о заложенной бомбе позвонили президенту одного банка в Техасе.

В длинной, путаной расшифровке звонка вымогатель говорил, что, когда за несколько дней до того в банк приходили техники из компании «Саутвест белл», это были на самом деле его люди. Они заложили бомбу, которую он может активировать с помощью микроволнового устройства, но не сделает этого, если президент выполнит его требования.

Дальше начинается самая жуткая часть. Он заговаривает о жене президента Луизе. Она ездит на кадиллаке, утром отправляется туда, потом сюда и так далее. В панике президент велит своей секретарше позвонить по другой линии ему домой: он знает, что жена должна быть там. Никто не отвечает. Теперь он верит вымогателю по-настоящему.

Далее шантажист выдвигает денежные требования: использованные купюры, от десятки до сотни. Никакой полиции, мы легко опознаем их машины, даже без символики. Скажите секретарше, что отъедете с работы минут на сорок пять. Ни с кем не связывайтесь. Перед отъездом мигните светом в своем кабинете три раза. Мои люди будут ждать этот сигнал. Деньги оставьте в машине, припаркуйте ее на обочине в указанном месте – там оживленное движение, – не глушите мотор и не гасите фары.

В данном конкретном случае не было никакой бомбы и никакого похищения – просто сообразительный мошенник выбрал подходящую жертву. Каждая деталь в его сценарии имела свою цель. Время он выбрал, потому что телефонная компания недавно работала в банке – он мог с легкостью выдать их за своих сообщников. Всем известно, что, когда телефонная компания занимается техническими работами, никто не понимает, что они делают, и не смотрит за ними, поэтому вполне можно поверить, что они заложили бомбу.

Зная, что президент банка позвонит жене, вымогатель сам позвонил ей с утра, сказал, что он из «Саутвест белл» и что к ним поступают жалобы о телефонных звонках с домогательствами из ее района, так что сейчас они пытаются отследить хулигана и просят в

промежутке с полудня до двенадцати сорока пяти не брать трубку, если телефон зазвонит, потому что проводится операция по отслеживанию и поимке.

Требование оставить деньги в машине с включенными фарами и работающим двигателем было, пожалуй, самой изобретательной частью плана. Президент подумал, что фары – это часть сигнала, но на самом деле они обеспечивали вымогателю возможность выкрутиться. Несмотря на предупреждение не обращаться в полицию, вымогатель знал, что жертва, скорее всего, все равно туда позвонит, а самое опасное для шантажиста всегда получение денег, и он имел все основания предполагать, что его будут поджидать. При данном сценарии, если вымогателю не повезет и полицейские схватят его в машине, он сможет сказать, что шел по оживленной улице, увидел машину с горящими фарами и работающим мотором, решил побыть добрым самаритянином и заглушить автомобиль. Полиции нечего будет ему предъявить; даже если его схватят с деньгами, у него будет убедительное оправдание для нахождения в машине, и он сможет сказать, что нашел пакет там, на сиденье, и собирался отдать его полицейским.

Для вымогателя такая схема – выстрел наудачу. У него есть сценарий, в который остается добавить лишь несколько деталей. Если сегодняшняя жертва не купится, можно попробовать с другой на следующий день. Однажды кто-нибудь из них заглотит наживку, и он получит приличный куш, не утруждаясь похищением или закладкой бомбы. В подобных случаях сам сценарий – уже неплохая улика, потому что преступник будет использовать его и дальше, при следующих попытках. Ему хорошо известно, что при соблюдении нескольких простых условий его жертвой может стать кто угодно.

Того человека в конце концов удалось выследить и отправить под суд. Он оказался бывшим диск-жокеем, сообразившим в поисках легких денег пустить в ход свой дар убалтывать людей.

Какая разница между таким типом личности и тем, кто действительно идет на похищение? Оба гонятся за наживой, поэтому ни один не станет открывать жертве свою личность без крайней необходимости, ведь убийство не входит в его планы. Принципиальная разница в том, что настоящему похитителю обычно нужен тот, кто поможет эти планы осуществить, и если простой вымогатель – это

ловкий мошенник, то похититель – настоящий социопат. Убийство жертвы не входит в его намерения, но он готов на это пойти ради своей цели.

Стив Мардиджан участвовал в деле вице-президента корпорации «Эксон», похищенного со двора его дома в Нью-Джерси с целью выкупа. При похищении его случайно ранили в руку. Похитители – бывший охранник компании с женой – все равно его увезли и держали раненого (да еще и с больным сердцем) в ящике, где он и умер. Причина использования ящика – или его эквивалента – в том, что похитители стараются как можно меньше вступать в контакт с жертвой, чтобы не видеть в ней человека. В данном случае похитители выразили свои сожаления в связи с исходом дела; они напирали на то, что на преступление их толкнуло отчаянное положение. Однако они не колеблясь осуществили свой план. Оба были готовы рискнуть жизнью другого человека для реализации своего эгоистичного замысла, а это и есть одно из свойств социопатического поведения.

Как бы ужасно это ни звучало, в отличие от некоторых других тяжких преступлений, похищение крайне трудно совершить, оставшись непойманным; следователю в данном случае важно сохранять здоровый скепсис и тщательно изучить виктимологию и предпреступное поведение. Признавая тот факт, что жертвой может стать любой, следователь должен поставить перед собой вопрос: почему именно эта конкретная жертва?

Несколько лет назад мне домой позвонили среди ночи. Детектив из Орегона рассказал мне о молодой женщине, оканчивавшей школу в его округе. Ее кто-то преследовал, но ни ей, ни кому-либо другому не удалось установить личность сталкера. Она видела его в лесу, но, когда ее отец и бойфренд пошли его искать, того уже не было. Он звонил ей домой, но только когда она находилась там одна. Девушка была вся на нервах. После нескольких напряженных недель она отправилась со своим парнем в ресторан. Там, когда она отошла в дамскую комнату, кто-то ее схватил и выволок на парковку. Нападавший сунул ей во влагалище ствол пистолета и пригрозил убить, если она обратится в полицию, но потом отпустил. Она пережила серьезную эмоциональную травму и потому толком не смогла его описать.

И вот теперь ее, судя по всему, похитили, когда она вечером выходила из библиотеки. Ее машина осталась на парковке. Требований

выкупа не поступало, и в целом ситуация выглядела очень тревожно.

Я попросил детектива рассказать мне о жертве. Это была красивая девушка, которая всегда хорошо училась. Но в прошлом году она родила ребенка, и у нее начались проблемы с семьей – в первую очередь с отцом, не желавшим и дальше ее содержать. Ее успеваемость в школе снизилась, особенно после того, как начались преследования.

Я сказал ничего не говорить отцу на случай, если я ошибаюсь и девушку вскоре найдут мертвой, но мне казалось, что все это подстава. Кому понадобилось за ней следить? У нее был постоянный бойфренд, и она ни с кем в последнее время не расставалась. Обычно, когда преследуют простых людей, не знаменитостей, это делает кто-то знакомый. Сталкеры не особо хороши и ловки в своем деле. Если она его видела, почему не видели парень и отец? Никому больше не поступало телефонных звонков. А когда полиция поставила на линию прослушку, звонки внезапно прекратились. Мало того, похищение произошло накануне экзаменов – и это вряд ли было совпадением.

Я предложил проактивную стратегию: отцу следует дать прессе интервью, подчеркнув в нем позитивную сторону их отношений. Пусть скажет, как он ее любит и хочет, чтобы она вернулась, пусть попросит похитителя ее отпустить. Если я прав, через день-два она объявится: побитая и грязная, с историей о том, как ее похитили, всячески измывались, а потом выбросили из машины на обочине дороги.

Именно так и произошло. Она вернулась побитой и растерзанной, с историей о похищении. Я сказал, что допрос – в данном случае опрос – следует вести, исходя из того, как мы в действительности видим это дело. Не обвинять девушку, а признать, что у нее было много проблем с родителями, стресса, травм и боли, что она боялась экзаменов – в общем, позволить ей сохранить лицо. Надо сказать, что наказание ей не грозит, ей нужны психотерапия и понимание и она их получит. Как только ей дали это понять, она призналась в обмане.

Тем не менее такие дела держат тебя в немалом напряжении. Последствия ошибки могут быть ужасны, потому что, если преследование настоящее, оно может превратиться в тяжкое, чреватое смертью преступление.

Чаще всего, говорим ли мы о преследовании знаменитости или обычного человека, все начинается с любви и восхищения. Джон

Хинкли «любил» Джоди Фостер и хотел от нее ответной любви. Однако она была красавицей-кинозвездой и студенткой Йеля, а он – неадекватным одиночкой. Он считал, что должен что-то сделать, чтобы уравнять их положение и впечатлить ее. А что может быть более «впечатляющим», чем исторический акт – убийство президента США? В моменты просветления он должен был понимать, что его мечты об их счастливой семейной жизни вряд ли когда-нибудь осуществятся. Но своим поступком он добился хотя бы одной из поставленных целей – стал известным, хоть и не так, как хотел, и теперь будет навсегда связан с Джоди Фостер в информационном поле.

Как в большинстве подобных случаев, на Хинкли воздействовал предшествующий стрессор. Примерно в тот период, когда он решился застрелить Рейгана, отец поставил ему ультиматум – пусть найдет работу и кормит себя сам.

Агент секретной службы Кен Бейкер проводил в тюрьме интервью с Марком Дэвидом Чепменом, убийцей Джона Леннона. Чемпен ощущал свою связь с бывшим «битлом» на уровне тонких материй и старался ему подражать. Он коллекционировал альбомы Леннона и заводил девушек-азиаток, копируя его брак с Йоко Оно. Однако, как часто случается с подобными личностями, постепенно он дошел до точки, когда наваждение взяло над ним верх. Он больше не мог не замечать разницу между собой и своим героем, поэтому решил его убить. Жутковато, но факт: к совершению преступления и славе (в данном случае печальной) его подтолкнул пример Чепмена.

Я опрашивал Артура Бреммера, который преследовал и пытался убить губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса в Мэриленде во время избирательной кампании. Уоллес в результате на всю жизнь остался инвалидом и страдал от хронических болей. Бреммер не питал к Уоллесу ненависти. До того покушения он несколько недель выслеживал президента Никсона, но не смог подобраться к нему достаточно близко. Отчаянно желая доказать миру, что чего-то стоит, он выстрелил в Уоллеса, оказавшегося, по сути, не в том месте не в то время.

Преследование заканчивается убийством довольно часто, что само по себе внушает тревогу. В случаях, когда преследуют политиков, обычно имеется внешняя «причина» убийства, хотя практически всегда ею прикрывается глубоко неадекватная личность, стремящаяся

почувствовать свою важность. В случаях с кинозвездами и знаменитостями вроде Джона Леннона даже это объяснение бессмысленно. Среди самых трагических дел о преследованиях – убийство двадцатиоднолетней Ребекки Шеффер на пороге ее квартиры в Лос-Анджелесе в 1989-м. Красивая и талантливая юная актриса, она прославилась в роли младшей сестры Пэм Доубер в сериале «Моя сестра Сэм». Ее застрелил Роберт Джон Бардо, девятнадцатилетний безработный из Таксона, в последний раз подрабатывавший уборщиком в закусочной «Джек-ин-зе-бокс». Как Чепмен, Бардо начал с обожания, которое переросло у него в манию, и раз уж он не мог иметь с ней «нормальные» отношения, то решил «завладеть» ею иным способом.

Как всем уже известно, сталкеры преследуют не только знаменитостей. Один из распространенных вариантов – преследования бывшими супругами и любовниками. Последняя стадия наступает, когда сталкер решает: «Если я не могу быть с ней (с ним), то и никто не будет». Но Джим Райт, наш самый опытный специалист по преследованиям и один из ведущих экспертов по этому вопросу в правоохранительной сфере, утверждает, что любой человек, у кого есть круг общения (особенно это касается женщин), может стать жертвой сталкера. Иными словами, чтобы привлечь внимание сталкера, не обязательно мелькать на теле- или киноэкране. Достаточно быть официанткой в ресторанчике по соседству или кассиршей в ближайшем банке, а то и просто работать со сталкером в одном магазине или офисе.

Именно это случилось с Крис Уэллес, молоденькой сотрудницей мебельной компании «Конленс» в Миссуле, Монтана. Крис была успешной и уважаемой и сделала карьеру, поднявшись сначала до менеджера по продажам, а потом, в 1985-м, до управляющей офисом.

Пока она сидела в своем кабинете, мужчина по имени Уэйн Нэнс впахивал на складе. Он был замкнутым, но, похоже, ему нравилась Крис, а она всегда держалась с ним сердечно и дружелюбно. Тем не менее у Уэйна случались перепады настроения, и она его немного побаивалась. Однако по работе на него никто не жаловался, и он считался на складе одним из самых трудолюбивых.

Ни Крис, ни ее муж Даг, владевший магазином оружия, не подозревали, что Уэйн Нэнс одержим ею. Он постоянно следил за

Крис и собирал в картонную коробку все, имевшее к ней хоть малейшее отношение: полароидные снимки, записки от руки – что угодно.

Точно так же ни Уэллесы, ни полиция Миссулы не знали, что Уэйн Нэнс – убийца. В 1974 году он сексуально развратил и зарезал ножом пятилетнюю девочку. Позднее было установлено, что он также связал нескольких взрослых женщин, заткнул им кляпом рот и застрелил их, включая мать своего друга. Все это происходило в округах по соседству с тем, в котором он жил ныне. Даже в малонаселенной Монтане одна полицейская юрисдикция не знала, что происходит в другой.

Крис Уэллес не имела обо всем этом понятия до той ночи, когда Нэнс проник в их с Дагом дом в пригороде. У супругов была собака, золотистый ретривер, но она даже не залаяла. Вооруженный пистолетом, Нэнс выстрелил в Дага, связал его и затащил в подвал, а Крис затолкал в спальню, где привязал к кровати, собираясь изнасиловать. Она, конечно, узнала его, да и он не делал попыток скрыть свою личность.

Даг в подвале смог освободиться от веревок. Ослабевший от потери крови, почти теряя сознание, он подобрался к столу, на котором стояло зарядное устройство из его магазина, и зарядил свою винтовку. Потом, собрав последние силы, медленно и тяжело поднялся по ступеням из подвала. Стараясь действовать как можно тише, он прокрался на второй этаж. Проморгавшись, чтобы восстановить мутящееся зрение, Даг прицелился в Нэнса.

Ему надо было выстрелить первым, прежде чем Нэнс увидит его и схватится за пистолет. Нэнс не был ранен, и у него было больше пуль. Даг понимал, что не справится с ним.

Он нажал на курок. Пуля попала в Нэнса, и тот опрокинулся на спину, но потом поднялся и пошел на Дага. Выстрел его не убил. Нэнс крался к Дагу, тесня его в сторону лестницы. Отступать было некуда, оставить Крис одну Даг не мог, поэтому сделал единственное, что ему оставалось: бросился на Нэнса и ударил прикладом винтовки. Он наносил удар за ударом, пока Крис не освободилась от пут и не пришла ему на помощь.

До сего дня дело Уэллесов остается одним из немногих в истории, когда жертвам удалось оказать сопротивление серийному убийце и

самим его убить в рамках самообороны. Их история – настоящее чудо, и мы неоднократно приглашали супругов выступить перед нашими студентами в Куантико. Благодаря этой симпатичной паре мы смогли взглянуть на ситуацию изнутри, глазами жертв, ставших героями. Побывав в ту ночь в аду, они сохранили душевную теплоту, обаяние и открытость.

В конце одного их выступления в Куантико офицер из аудитории спросил:

– Если бы Уэйн Нэнс был еще жив и у нас не было бы смертной казни – если бы он продолжал ходить по одной с вами земле, – вы смогли бы жить спокойно?

Они переглянулись, словно мысленно согласовывая ответ.

– Вряд ли, – сказал Даг Уэллес.

Глава 18
Битва психотерапевтов

Какой человек мог сделать такое?

Во время нашего исследования серийных убийц мы с Бобом Ресслером как-то приехали в Джолиет, Иллинойс, где опрашивали Ричарда Спека. Вечером я сидел у себя в номере отеля и смотрел новости по CBS: там показывали интервью Дэна Разера с другим убийцей, Томасом Вандой, тоже сидевшим в тюрьме Джолиета. Ванду посадили за убийство женщины – он нанес ей множество ножевых ранений. Большую часть жизни Ванда кочевал из одной психлечебницы в другую и каждый раз, когда его «вылечивали» и отпускали на свободу, совершал новое преступление. До убийства, за которое он сидел сейчас, он однажды уже убивал.

Я позвонил Ресслеру и сказал, что мы должны побеседовать с ним, пока не уехали. Из телевизионного интервью мне стало ясно, что Ванда – полностью неадекватный тип. С тем же успехом, что и убийцей, он мог стать поджигателем либо, будь у него навык, подрывником.

На следующий день мы вернулись в тюрьму, и Ванда согласился с нами поговорить. Ему было любопытно, чем мы занимаемся, да и посетителей к нему приходило немного. Перед интервью мы как следует изучили материалы его дела.

Ванда был белый, ростом 179 сантиметров, около двадцати пяти лет. Он казался мягким, незлобивым и много улыбался. Но, даже улыбаясь, выглядел подозрительно: его глаза бегали туда-сюда, он нервно подергивался и потирал руки. К такому человеку не захочется поворачиваться спиной. Первое, что он захотел узнать: как, по моему мнению, он смотрелся по телику. Когда я ответил, что хорошо, он рассмеялся и немного расслабился. Среди прочего он сообщил нам, что в тюрьме вступил в группу изучения Библии и считает, группа очень ему помогла. Возможно, так и было. Но я повидал немало заключенных, вступавших в религиозные группы, когда приближалось заседание совета по условно-досрочному освобождению, в надежде выйти из тюрьмы.

Вы можете возразить, что этому человеку следовало находиться не в тюрьме, а в психиатрической лечебнице строгого режима, но я сходил повидаться со штатным психиатром, который его лечил, – спросить, как у Ванды дела.

Психиатр, мужчина лет пятидесяти, отвечал в позитивном ключе: мол, Ванда «отлично реагирует на медикаментозное лечение и психотерапию». Он упомянул и группу изучения Библии в качестве примера, а также добавил, что Ванда может рассчитывать на УДО, если прогресс в лечении сохранится.

Я спросил его, знает ли он, что Ванда натворил.

– Нет, и не хочу знать, – ответил он. – У меня нет времени изучать дела всех, кого я лечу.

Кроме того, заявил психиатр, ему не хотелось бы, чтобы это оказало влияние на его отношения с пациентом.

– Ладно, док, тогда я вам скажу, что сделал Томас Ванда, – вмешался я. Несмотря на его протесты, я поведал, как этот асоциальный, замкнутый тип вступил в церковный кружок, а после собрания, когда все разошлись, предложил секс девушке, у которой проходила встреча. Она отказала, и Ванда воспринял отказ не очень хорошо: парни вроде него почти всегда так реагируют. Он повалил ее на пол, сбегал на кухню, притащил нож и нанес ей множественные ранения. Потом, пока она лежала, истекая кровью, на полу, сунул ей член в открытую рану на животе и кончил.

Должен сказать, это кажется мне невероятным. Она лежит как тряпичная кукла. Ее тело теплое, кровь хлещет во все стороны, он сам наверняка в крови. Он никак не мог увидеть в ней неживой предмет. Тем не менее он сумел добиться эрекции и эякулировать. Теперь вы понимаете, почему я настаиваю, что это было преступление гнева, а не сексуальное. У него в голове был не секс, а гнев и ярость.

Именно поэтому, кстати, не имеет смысла кастрировать серийных насильников, сколь бы привлекательной эта идея ни казалась многим из нас. Проблема в том, что кастрация их не остановит – ни физически, ни эмоционально. Изнасилование – совершенно точно преступление гнева. Можно отрезать насильнику яйца, но разгневанный мужчина никуда не денется.

Я закончил свою историю о Ванде.

– Вы отвратительны, Дуглас! – вскричал психиатр. – Убирайтесь из моего кабинета!

– Отвратителен? – возразил я. – Да вы же будете принимать решение, рекомендовать ли Томаса Ванду для УДО, и при этом вам даже неизвестно, с кем вы имеете дело! Как вы можете понять всех этих заключенных, если не удосужились посмотреть фотографии с мест преступлений или материалы дел, изучить протоколы вскрытий? Вы знаете, как было совершено преступление? Знаете, было оно запланированным или нет? Понимаете, какое поведение привело к нему? Знаете, как он сбежал с места преступления? Знаете, пытался ли он избежать наказания? Придумывал ли алиби? *Да как, черт возьми, вы вообще можете знать, опасен он или нет?*

Он не ответил, и я не думаю, что в тот день у меня появился еще один новообращенный, но в том, что мы делаем, я остался полностью уверен. Это основа работы моего отдела. Дилемма, как я уже неоднократно упоминал, в том, что психотерапия базируется в первую очередь на наблюдениях пациента за самим собой. В нормальных обстоятельствах, приходя к психотерапевту, он искренне заинтересован в том, чтобы докопаться до своих истинных мыслей и чувств. Осужденный, нацеленный на УДО, искренне заинтересован только в том, чтобы сказать терапевту, что он хочет услышать. И если терапевт принимает его слова за чистую монету, не сопоставляя их с прочей информацией о пациенте, это может стать полным провалом. Эд Кемпер и Монте Рисселл – в числе многих других – продолжали убивать, когда проходили психотерапию, и обоих не разоблачили. Собственно, их терапевты считали, что они «поправляются».

Проблема, на мой взгляд, в том, что университеты выпускают множество юных психиатров, психологов и социальных работников с идеалистическими убеждениями, внушенными в аудиториях, что они могут что-то по-настоящему изменить. Потом они сталкиваются с этими парнями в тюрьме и хотят верить, что меняют их. Зачастую они не понимают, что, пока они оценивают осужденных, те в действительности оценивают их, а в этом деле преступники – настоящие эксперты! Осужденный очень быстро понимает, насколько хорошо учился его доктор, и начинает внушать ему, что и преступление совершил не особо серьезное, и жертва не сильно-то пострадала. Очень немногие преступники раскрывают подробности

своих преступлений тем, кто не знает их и так. Вот почему для наших тюремных интервью так важна была тщательная подготовка.

Как и психиатр Томаса Ванды, многие представители помогающих профессий не хотят оказаться жертвами предубежденности, узнав отвратительные детали преступлений, совершенных их подопечными. Но на своих лекциях я всегда говорю: хотите понять Пикассо – изучите его картины. Если вы хотите понять личность преступника, изучите его преступление.

Разница тут следующая. В психиатрии отталкиваются от особенностей личности и рассматривают поведение через их призму. Мы с моими людьми отталкиваемся от поведения и по нему судим о личности.

Естественно, на вопрос об ответственности преступника существует несколько взглядов. Доктор Стэнтон Саменоу, психолог, в сотрудничестве с ныне покойным психиатром доктором Сэмюэлем Йохельсоном написал новаторское исследование о преступном поведении, работая совместно в госпитале Святой Елизаветы в Вашингтоне, округ Колумбия. После многих лет самостоятельных исследований, развеявших его изначальные убеждения, Саменоу пришел к выводу, изложенному в его убедительной и познавательной книге «В голове убийцы»: «Преступники ведут себя не так, как законопослушные граждане». Криминальное поведение, считает Саменоу, обусловливается не психической болезнью, а свойствами характера.

Доктор Парк Дитц, часто сотрудничающий с нами, как-то сказал: «Ни один из серийных убийц, которых мне довелось изучать или обследовать, не был невменяемым по юридическим критериям, но и нормальным не был тоже. Все это люди с психическими расстройствами. Но, несмотря на свои психические расстройства, выражающиеся в сексуальной сфере и особенностях характера, эти люди знали, что делают, могли отличать добро от зла и все равно совершали преступления».

Здесь важно помнить, что невменяемость – юридический, а не медицинский термин. Он не означает, что какой-то человек «болен». Речь о том, может ли этот человек отвечать за свои действия.

Теперь: если вы считаете людей вроде Томаса Ванды невменяемыми – ради бога. Такое мнение тоже имеет право на

существование. Но по тщательном изучении вопроса, я полагаю, мы все должны признать: то, чем страдают такие Томасы Ванды, неизлечимо. Если мы с этим согласимся, то не станем выпускать их на свободу так быстро, чтобы они снова брались за старое. Вы же помните: то убийство было у него не первым.

В последнее время концепция недееспособности широко обсуждается, но вопрос этот не нов. Он восходит к истокам англо-американской юриспруденции, в том числе к труду Уильяма Лэмбарда «Иринарх, или О долге мировых судей», написанному еще в XVI веке.

О невменяемости как смягчающем обстоятельстве в уголовном преследовании впервые упоминается в правиле Макнотена 1843 года. Дэниел Макнотен покушался на премьер-министра Британии сэра Роберта Пиля, однако сумел лишь подстрелить его личного секретаря. Пиль, между прочим, создал лондонскую полицию – в его честь английских полицейских до сих пор называют бобби.

Суд оправдал Макнотена, что спровоцировало взрыв общественного возмущения. В какой-то момент оно выросло настолько, что верховного судью вызвали для разбирательства в палату лордов. По правилу Макнотена, обвиняемый признавался невиновным в том случае, если психическое состояние не позволяло ему отдавать себе отчет в своих действиях, осознавать их противозаконность, природу и степень тяжести; иными словами, если он не понимал, что хорошо, а что плохо.

Юридическая концепция невменяемости эволюционировала со временем в понятие «состояние аффекта», согласно которому обвиняемый признается невиновным, если из-за психического расстройства не может контролировать свои действия или не соотносит их с законом.

В 1954 году данное понятие кардинально пересмотрел судья апелляционного суда США Дэвид Бэзилон. В постановлении «Дарем против США» он заключил, что обвиняемый не несет уголовной ответственности, если его преступление признано следствием психического заболевания или умственного дефекта и если бы он не совершил преступления без оного.

Правило Дарема звучало довольно расплывчато и оставляло немало пространства для юридического маневра. Там не уточнялась разница между правомерным и неправомерным, поэтому у

сотрудников правоохранительных органов, судей и прокуроров оно одобрения не снискало. В 1972-м по другому постановлению апелляционного суда, так называемому делу «США против Браунера», от него отказались в пользу правила Американского института права (АИП), основанного на предложенном АИП в 1962 году проекте уголовного кодекса. Правило АИП отталкивалось от концепции невменяемости, заложенной в правиле Макнотена: когда умственный дефект не позволяет обвиняемому адекватно оценивать законность своих действий или приводить их в соответствие с законом. Со временем правило АИП стало применяться в судах все чаще.

На мой взгляд, вместо бесконечных дискуссий – неизбежно скатывающихся к рассуждениям о том, сколько ангелов может танцевать на булавочной головке, – лучше обратить внимание на другую базовую концепцию, а именно *степень опасности*.

Примером классической конфронтации в бесконечной битве психиатров является процесс Артура Дж. Шоукросса в Рочестере, Нью-Йорк, в 1990 году. Шоукросс обвинялся в череде убийств местных проституток и бездомных, тела которых впоследствии находили в лесах близ ущелья реки Дженеси. Убийства продолжались около года. Последние трупы были еще и посмертно изувечены.

Составив подробный – и, как выяснилось позже, весьма точный – профиль, Грег Маккрэри изучил эволюцию поведения НС. Когда полицейские нашли изуродованный труп, Грег понял, что убийца возвращается к выброшенным телам жертв, чтобы провести еще немного времени со своей добычей. Он предложил полиции прочесать леса в поисках трупа еще одной женщины, считавшейся пропавшей, и, если таковой найдется, установить за локацией тайное наблюдение. Грег был уверен, что так они поймают убийцу.

После нескольких дней поисков с воздуха полиция штата Нью-Йорк действительно обнаружила труп в Салмон-Крик, близ шоссе 31. Одновременно инспектор Джон Маккэфри заметил мужчину в машине, припаркованной на низком мостике над ручьем. Мужчину задержали – им оказался Артур Шоукросс.

На допросе, который проводила команда под руководством Денниса Блиса из полиции штата и Леонарда Борьелло из Департамента полиции Рочестера, Шоукросс сознался в совершенных преступлениях. Ключевым вопросом на его широко освещавшемся

процессе за десять убийств была вменяемость преступника в момент убийств.

Защита пригласила доктора Дороти Льюис, известного психиатра из госпиталя Бельвью в Нью-Йорке, занимавшуюся влиянием на психику насилия, пережитого в детстве. Льюис была убеждена, что преступное поведение в основном, если не целиком и полностью, является результатом сочетанного воздействия насилия в детстве и травмы либо какого-то физического или органического заболевания: эпилепсии или опухоли, злокачественной или доброкачественной. В ее пользу говорил случай Чарльза Уитмена, двадцатипятилетнего студента-инженера, который в 1966 году забрался на вершину часовой башни в Техасском университете в Остине и открыл огонь по людям внизу. Прежде чем полиция спустя девятнадцать минут окружила башню и застрелила Уитмена, было убито шестнадцать человек и еще тридцать ранено. Ранее Уитмен жаловался на приступы гнева и желание убивать. Вскрытие показало, что у него была опухоль в височной доле мозга.

Являлась ли эта опухоль причиной преступного поведения Уитмена? Этого мы не знаем. Но Льюис хотела убедить присяжных, что в результате небольшой кисты в височной доле, выявленной у Шоукросса на МРТ, некоей формы эпилепсии, которую она называла «судорожными припадками», посттравматического стресса после Вьетнама и насилия, физического и сексуального, пережитого, по его словам, в детстве от рук матери, Артур Шоукросс не отвечал за свои жестокие насильственные действия. Собственно, доктор Льюис утверждала, что он находился в «состоянии помрачения», когда убивал тех женщин, и почти ничего не помнил об убийствах.

Одной из проблем в ее рассуждениях было то, что спустя недели и даже месяцы после убийств Шоукросс рассказывал о них Борьелло и Блису в мельчайших деталях. В нескольких случаях он указал полиции места, где оставил трупы, которые сами полицейские найти не смогли. Вероятно, ему это удалось, потому что он неоднократно фантазировал о каждом из них – столько раз, что воспоминания у него в голове были очень даже свежи.

Он предпринимал действия для уничтожения улик с целью избежать поимки. После ареста написал вполне осмысленное письмо своей девушке (кстати, жена у него тоже была), где выражал надежду,

что его признают невменяемым и отправят в психиатрический госпиталь – отбывать срок там куда легче, чем в тюрьме.

Шоукросс рассуждал об этом не понаслышке. Его проблемы с законом начались в 1969-м, когда он был признан виновным в краже и поджоге в Уотертауне, к северу от Сиракьюса. Менее года спустя он снова оказался под арестом и признался, что задушил мальчика и девочку, а последнюю еще и подверг сексуальному насилию. За эти два преступления Шоукросса приговорили к двадцати пяти годам тюрьмы. Через пятнадцать лет он вышел по УДО. Вот почему – как вы помните из предыдущих глав – в профиль, составленный Грегом Маккрэри, вкралась ошибка: Шоукросс «отстал в развитии» на пятнадцать лет из-за отсидки.

Теперь по порядку. Во-первых, если вы спросите меня или любого из тысяч копов, прокуроров и федеральных агентов, с которыми я работал за всю мою карьеру, они в один голос скажут вам, что двадцать пять лет за убийство двоих детей – это смехотворный приговор. Во-вторых, если его выпустили на свободу, тому могло быть только два объяснения.

Первое: несмотря на его тяжелое детство, неблагополучную семью, перенесенное – якобы – насилие, отсутствие образования, совершенные преступления и все прочее, тюремная жизнь оказалась таким окрыляющим, духоподъемным, вдохновляющим и исцеляющим опытом, что Шоукросс прозрел, осознал свои ошибки и благодаря положительному влиянию отсидки решил начать с чистого листа и стать образцовым, законопослушным гражданином с этого момента и навсегда.

Так себе объяснение? Тогда попробуем другое: жизнь в тюрьме была такой жуткой, неприятной и мучительной, гнетущей во всех смыслах, что, несмотря на свою биографию и навязчивое стремление насиловать и убивать детей, ему настолько не хотелось туда возвращаться, что он решил побороть себя, лишь бы снова не сесть.

Согласен, тоже неубедительно. Но если оба объяснения не годятся, какого черта вы выпускаете такого вот человека и думаете, что он больше не убьет?

Конечно, некоторые типы преступников более склонны к рецидиву, чем другие. Но в случае с жестокими серийными убийцами я согласен с доктором Парком Дитцем, утверждающим: «Сложно

представить себе обстоятельства, при которых их можно было бы снова выпустить на свободу». Эд Кемпер, бывший куда умнее и осознаннее, чем большинство убийц, с которыми мне выдалось пообщаться, честно признавал, что выпускать его нельзя.

Слишком уж много можно вспомнить страшных примеров. Ричард Маркетт, которого я опрашивал, двадцатилетним юнцом в Орегоне начал с хулиганства, попыток изнасилования, нападений и побоев, а закончил изнасилованием, убийством и расчленением трупа после неудачного сексуального опыта с женщиной, которую подцепил в баре в Портленде. Он сбежал из штата, попал в список самых разыскиваемых преступников ФБР и был арестован в Калифорнии. Его осудили за убийство первой степени и приговорили к пожизненному заключению. Выйдя условно-досрочно через двенадцать лет, он убил и расчленил еще двух женщин, прежде чем его поймали. Каким образом, во имя всего святого, люди в совете по УДО решили, что он больше не представляет опасности?

Я не могу говорить от лица всего ФБР, Департамента юстиции или еще кого-то, но от себя скажу, что предпочту держать убийцу в тюрьме вне зависимости от того, готов он снова убивать или нет, чем рисковать жизнью невинных мужчин, женщин и детей в случае его освобождения.

Типично американская черта – считать, что все обязательно наладится, все можно исправить, человек способен добиться всего, чего захочет. Но мое отношение к идее реабилитации определенных типов преступников с каждым годом становится все более пессимистичным. Да, в детстве многие из них прошли через ужасные вещи. Но это не обязательно означает, что со временем они исправятся. И хотя судьям, адвокатам и психиатрам хотелось бы верить в обратное, хорошее поведение в тюрьме отнюдь не гарантирует приемлемого поведения во внешнем мире.

Шоукросс практически во всех смыслах был образцовым заключенным. Вел себя тихо, больше помалкивал, делал, что ему велели, и никого не трогал. Но мы с коллегами давно поняли – и с тех пор отчаянно пытаемся донести это до службы исполнения наказаний и тюремных психологов, – что *опасность преступника обусловливается ситуацией*. Если поместить такого человека в упорядоченную среду, где перед ним не стоит выбор, он, может, и

будет держать себя в руках. Но верните его туда, где он раньше совершал преступления, и его поведение может перемениться в мгновение ока.

Возьмем, к примеру, Джека Генри Эббота, убийцу, написавшего «Во чреве зверя» – трогательные и пронзительные мемуары о жизни в тюрьме. Признав за ним исключительный литературный талант и веря, что человека столь тонкого и склонного к рефлексии можно исправить, такие светила литературы, как сам Норман Мейлер, выступили за досрочное освобождение Эббота. Об Эбботе говорил весь Нью-Йорк. Но спустя несколько месяцев после выхода на свободу тот поругался с официантом в Гринвич-Виллидже и убил его.

Как Эл Брантли, бывший инструктор поведенческого отдела, а ныне сотрудник отдела содействия расследованиям, выразился в одной из своих лекций в Национальной академии, «лучшим предиктором будущего поведения – или будущих проявлений насилия – является прошлое».

Никому не придет в голову сравнивать Артура Шоукросса с таким талантом и светлой головой, как Джек Генри Эббот. Однако он тоже сумел убедить совет по УДО, что его следует выпустить. Выйдя на свободу, Шоукросс сначала поселился в Бингемтоне, но возмущенные местные жители вынудили его через два месяца уехать. Он перебрался в более крупный и густонаселенный Рочестер, где устроился в кулинарию готовить салаты. Год спустя он снова начал убивать – жертв другого типа, но таких же уязвимых.

Обследуя Шоукросса, Дороти Льюис несколько раз подвергала его гипнозу, в ходе которого он «регрессировал» во времена своего детства и припоминал такие эпизоды, как изнасилование ручкой метлы в анальное отверстие, которому его подвергла мать. Во время таких сессий он «становился» другими людьми, в том числе своей матерью, – сцена, отчасти напоминающая «Психо». (Мать Шоукросса, однако, отрицала насилие над сыном и настаивала, что он лжет.)

В своих исследованиях, проведенных в Бельвью, Льюис зафиксировала убедительные случаи расщепления личности у детей, подвергшихся насилию. Ее пациенты были слишком маленькими, чтобы такое изобразить. Но, как показала Льюис, эти редкие расстройства множественной личности начинались в раннем детстве – зачастую до освоения речи. У взрослых же диссоциативные

расстройства возникают почему-то, только когда им грозит суд за убийство. А до того на них нет и намека. Кеннет Бьянки, один из Хиллсайдских душителей, орудовавших в Лос-Анджелесе в 1970-х, после ареста заявил, что у него раздвоение личности. Ту же тактику использовал Джон Уэйн Гейси[19].

(Я частенько шучу, что если мы имеем дело с преступником, у которого несколько личностей, то невиновных надо отпустить – пусть останется только виновная.)

На процесс Шоукросса ведущий обвинитель Чарльз Сирагуза, проделавший великолепную работу, вызвал Парка Дитца для представления другой стороны. Дитц обследовал Шоукросса так же тщательно, как Льюис, и Шоукросс поведал ему немало деталей об убийствах. Хотя Дитц не брался с точностью сказать, правдивы ли его истории о насилии в детстве, он считал, что это по меньшей мере вероятно. Тем не менее он пришел к выводу, что Шоукросс не находился во власти галлюцинаций, не страдал от приступов временного помрачения и не утратил памяти. Он не выявил корреляции между его поведением и какими-либо органическими неврологическими феноменами и заключил, что, каковы бы ни были психические или эмоциональные проблемы Артура Шоукросса, тот отличал добро от зла и мог сделать выбор, убивать или нет. И по меньшей мере в десяти случаях – возможно, и больше – выбрал убить.

Когда Лен Борьелло спросил Шоукросса, почему он убил этих женщин, тот ответил просто:

– Делал свое дело.

Настоящие сумасшедшие – люди, утратившие связь с реальностью, – очень редко совершают серьезные преступления. А когда совершают, то обычно бывают столь дезорганизованы и так мало усилий прилагают к тому, чтобы их не поймали, что очень быстро оказываются под арестом. Ричард Трентон Чейз, убивавший женщин в убеждении, что ему нужна их кровь, чтобы оставаться в живых, был сумасшедшим. Если он не мог добраться до человеческой крови, то использовал другую – какая попадется. Когда Чейза заперли в психиатрическом госпитале, он продолжал ловить кроликов, пускать им кровь и колоть ее себе в руку. Он ловил птичек, отрывал им головы и пил их кровь. Вот это настоящее безумие. Но чтобы совершить

десять убийств и остаться непойманным, надо быть куда изворотливее. Не делайте ошибку – не путайте психопата с сумасшедшим.

На процессе Шоукросс сидел замерший, неподвижный – как в кататонии, – чтобы произвести впечатление на присяжных. Он изображал транс и делал вид, будто не понимает, что происходит вокруг. Однако полицейские и приставы, охранявшие и сопровождавшие его, говорили, что, как только его выводили из зала суда, Шоукросс сразу же расслаблялся, становился разговорчивым и даже шутил. Он понимал, что на карту поставлена стратегия его защиты и он должен прикидываться невменяемым.

Одним из самых сообразительных, ловких и, должен признаться, обаятельных преступников, которых мне пришлось изучать и опрашивать, был Гэри Трэпнелл. Большую часть взрослой жизни он кочевал со свободы за решетку и обратно, а однажды даже умудрился убедить одну девушку раздобыть вертолет, приземлиться на нем в тюремном дворе и увезти его. Во время одного из своих знаменитых преступлений – угона самолета в начале 1970-х – Трэпнелл сидел в кабине пилота, еще на земле, и обсуждал условия своего бегства. Посреди переговоров он поднял вверх кулак и выкрикнул:

– Свободу Анджеле Дэвис!

– Свободу Анджеле Дэвис? Что за «свободу Анджеле Дэвис»?

Его требование стало шоком для большинства сотрудников правоохранительных органов, работавших над тем делом. В прошлом Трэпнелла не было ничего, указывающего хоть на малейшую связь с радикальными воззрениями молодой чернокожей преподавательницы из Калифорнии. Он вообще не интересовался политикой, а теперь – нате вам! – хотел, чтобы Анджелу Дэвис освободили из тюрьмы. Наверняка парень съехал с катушек. Это было единственным логическим объяснением.

Позднее, когда он уже сдался и был осужден, я опрашивал его в федеральной тюрьме в Мэрионе, Иллинойс, и задал вопрос о том требовании.

Он ответил что-то вроде: «Когда стало ясно, что сбежать не получится, я подумал: в тюрьме мне придется несладко. Ну и решил: если показать большим черным парням, что я – политзаключенный, можно будет чуть меньше бояться за свою задницу в душевой».

Трэпнелл не только пребывал в здравом рассудке, но еще и планировал наперед – полная противоположность сумасшествию. Мало того, он даже написал мемуары под названием «Лис тоже сумасшедший». Эта крупица информации позволила нам значительно усовершенствовать стратегию переговоров. Если преступник выдвигает какое-то совершенно безумное требование, это означает, что у себя в голове он уже признал, что поимки не избежать, и переговорщик может действовать соответственно.

Трэпнелл сказал кое-что еще, показавшееся мне очень, очень интересным. Он заявил, что, если я ему дам текущее издание ДСР, «Диагностического и статистического руководства по психическим заболеваниям», и ткну пальцем в любое указанное там заболевание, на следующий день он убедит какого угодно психиатра, что страдает от этого самого заболевания. Конечно, Трэпнелл был куда сообразительнее Шоукросса. Тем не менее тот прекрасно понимал, что, претендуя на УДО, лучше бы убедить мозгоправа, что ты полностью исцелился и нисколько не интересуешься растлением маленьких мальчиков, а чтобы присяжные признали тебя невменяемым, стоит изобразить перед ними кататонический ступор.

Долгое время правоохранительные органы полагались на ДСР в определении того, что является серьезным психическим расстройством, а что нет. Но большинство из нас считали это руководство не подходящим для своей деятельности. Вот почему мы приняли решение разработать «Руководство по классификации преступлений» (РКП), опубликованное в 1992 году. В основу этой книги легла моя докторская диссертация. Ресслер, Энн Берджесс и ее муж Аллен, профессор менеджмента из Бостона, стали моими соавторами. Свой вклад внесли и другие сотрудники отдела содействия расследованиям, включая Грега Купера, Роя Хейзелвуда, Кена Лэннинга, Грега Маккрэри, Джуда Рея, Пита Смерика и Джима Райта.

В РКП мы постарались организовать и классифицировать тяжкие преступления по их поведенческим характеристикам и объяснить их с точки зрения, недоступной для классического психологического подхода ДСР. Например, в ДСР вы не найдете сценария убийства, в котором обвиняли О. Дж. Симпсона. А в РКП он есть. В целом мы постарались отделить зерна от плевел в том, что касается поведенческих паттернов, и помочь следователям и

правоохранительному сообществу разобраться, какие из них принимать в расчет, а какие нет.

Естественно, подсудимые и их адвокаты сошлются на что угодно, лишь бы избежать ответственности за свои поступки. В составленном командой защиты Шоукросса длинном списке факторов, сделавших его невменяемым, было посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) после Вьетнама – однако разбирательство показало, что Шоукросс даже не участвовал в боях. Собственно, этот прием был не нов; его неоднократно использовали ранее. Дуэйн Сэмплз, вскрывший животы двум женщинам в Сильвертоне, Орегон, ночью 9 декабря 1975 года, тоже ссылался на ПТСР в рамках защиты. Из двух его жертв одна осталась в живых, но я видел фотографии с места преступления. Обе выглядели как трупы после вскрытия. Роберт Ресслер установил, что Сэмплз тоже не видел боев, несмотря на его заявления. Зато за день до нападения он написал длинное письмо о своей давней фантазии вскрыть и выпотрошить красивую обнаженную женщину.

В 1981 году Ресслер ездил в Орегон помочь обвинению объяснить, почему губернатору не стоит разрешать выпустить Сэмплза по УДО. Его аргументы сработали, хотя десять лет спустя Сэмплза все же освободили.

Был ли Сэмплз невменяем? Может, он впал во временное помешательство, когда резал тех двух женщин? Естественной тенденцией будет считать, что любой, кто совершает столь жуткие, извращенные преступления, просто-напросто «больной». И я не стану с этим спорить. Вопрос в том, сознавал ли он, что поступает плохо. И сделал ли выбор в пользу этого «плохо»? Вот что я считаю наиболее важным.

Суд над Артуром Шоукроссом в окружном суде Рочестера продолжался больше пяти недель, за которые прокурор Сирагуза продемонстрировал куда более глубокие и полные представления о судебной психиатрии, чем я видел даже у врачей. В ходе процесса, транслировавшегося по телевидению, он стал местным героем. Присяжным понадобилось менее одного дня, чтобы признать Шоукросса виновным в убийстве второй степени по всем обвинениям. Судья постарался сделать так, чтобы Шоукроссу больше никогда не предоставилась возможность повторить свои преступления: отправил его в тюрьму на двести пятьдесят лет.

Это подводит нас к еще одному аспекту защиты со ссылкой на невменяемость, о котором обычные люди мало задумываются: присяжным она не нравится, и они на нее не покупаются.

А не покупаются они на нее, на мой взгляд, по двум причинам. Во-первых, чтобы не подкреплять убеждение, будто убийцу настолько тянуло совершить преступление, что у него просто не осталось выбора. Здесь я бы напомнил, что на моем веку еще ни у одного серийного убийцы эта тяга не была настолько сильна, чтобы убить кого-нибудь на глазах у офицера полиции в форме.

Во-вторых, присяжные не покупаются на невменяемость подсудимого по еще более очевидной причине: после всех юридических, психиатрических и академических споров, когда наконец решается его судьба, присяжные инстинктивно понимают: этот человек *опасен*. Что бы достойные мужчины и женщины, граждане Милуоки, ни думали о Джеффри Дамере – был он в здравом уме или нет, – они не собирались доверять свое будущее (и будущее их сообщества) какому-то психиатрическому учреждению, предоставив ему самому определять, какой строгости режим выбрать для осужденного и когда отпустить его на свободу. Если они посадят его в тюрьму, там за ним присмотрят гораздо лучше.

Я не хочу сказать, что психиатры и другие специалисты по психическому здоровью только и делают, что отпускают опасных преступников на свободу и возвращают в общество, чтобы те продолжали бесчинствовать в нем. Но я считаю, что в большинстве случаев – по моему опыту – эти люди не видят достаточно того, что видим мы, чтобы выносить обоснованные суждения. Даже если у них есть судебный опыт, он ограничен какой-нибудь определенной областью, на которую они и полагаются.

Одним из моих первых дел как профайлера было убийство пожилой женщины Анны Берлинер в ее доме в Орегоне. Местная полиция проконсультировалась с клиническим психологом насчет типа НС, который им следовало искать. Среди прочих травм у нее было обнаружено четыре проникающих ранения в грудную клетку остро заточенным карандашом. Психолог до этого опрашивал более пятидесяти человек, обвиненных или признанных виновными в убийствах. Большинство этих опросов проходило в тюрьме. Основываясь на своем опыте, он предсказал, что убийцей окажется

человек, уже отбывавший наказание, возможно наркодилер, потому что только в тюрьме заточенный карандаш считается смертельным оружием. Обычному человеку, рассуждал он, не придет в голову использовать карандаш для нападения на кого-либо.

Когда полицейские обратились ко мне, я выразил прямо противоположное мнение. Судя по возрасту и уязвимости жертвы, чрезмерной жестокости убийства, совершенного в дневное время, и отсутствию признаков ограбления, я решил, что тут действовал неопытный малолетний правонарушитель. На мой взгляд, он вряд ли обдумал применение карандаша в качестве оружия – тот просто оказался под рукой. Убийцу поймали – это был шестнадцатилетний мальчишка, явившийся к жертве с целью сбора средств на пеший марафон, в котором на самом деле он не собирался участвовать.

Ключевым моментом в этом преступлении стало для меня то, что все поведенческие улики указывали на неуверенность убийцы в себе. Бывший зэк, нападая на пожилую женщину в ее доме, держался бы куда уверенней. По какому-то одному вещественному доказательству (вроде афроамериканского волоса в деле Франсин Элвисон) нельзя составить цельную картину. В случае с убийством Анны Берлинер карандаш мог завести следствие в направлении, противоположном истине.

Наиболее сложным для меня и моих сотрудников вопросом всегда является то, опасен ли какой-то конкретный человек или станет ли он опасен в будущем. В формулировке психиатров – «представляет ли он опасность для себя или других».

Около 1986 года в ФБР обратились насчет пленки, отправленной из Колорадо в фотолабораторию для проявки. На фотографиях был мужчина около тридцати лет, в камуфляже, позировавший на заднем бампере своего пикапа с винтовкой, и кукла Барби, которую он подвергал разным пыткам и увечьям. Само по себе это не было нарушением закона, и я предполагал, что криминальной истории у мужчины нет. Но я также предупредил, что в его возрасте фантазии, которые он разыгрывал с куклой, скоро перестанут его удовлетворять. Они будут развиваться. По фотографиям нельзя было сказать, насколько большую роль они играют в его жизни, но, раз он пошел ради них на определенные усилия, некоторое значение они имели. Я сказал, что за этим парнем стоит последить и допросить его, потому

что его случай может быть опасным. Вряд ли психиатр взглянул бы на него под тем же ракурсом.

Каким бы странным ни выглядел тот инцидент, я могу перечислить немало таких «случаев с Барби» за свою карьеру – все с участием взрослых мужчин. Один парень на Среднем Западе утыкивал кукол целиком иголками и бросал на территории местного психиатрического госпиталя. Обычно подобные проявления связывают с сатанинскими культами, вуду или колдовством, но тут не было ничего подобного. Он не прикрепил к кукле бумажку с именем, что указывало бы на конкретного человека. Речь шла об общей склонности к садизму, характерной для тех, кто испытывает проблемы с женщинами.

Что еще можно сказать о том индивиде? Скорее всего, он экспериментировал с пытками мелких животных, причем регулярно. Испытывал проблемы в общении с ровесниками, как мужчинами, так и женщинами. В детстве подвергался травле или жестоко обращался с младшими детьми. И уже достиг – или обещал скоро достигнуть – той стадии, на которой фантазии с куклами перестанут его удовлетворять. Можно спорить о том, был он «психом» или нет, но я бы всерьез озаботился степенью его опасности.

Когда же такое опасное поведение может проявиться? Этот человек – неадекватный неудачник. Ему кажется, что весь мир против него и никто не признает его талантов. Если стресс в его жизни станет невыносимым, он может сделать следующий шаг в разыгрывании своих фантазий. И таким следующим шагом для расчленителя кукол станет не нападение на ровесника. Он выберет жертву моложе себя, слабее и наивнее. Он трус. Напасть на равного он не посмеет.

Это не означает, что он будет преследовать детей. Барби ведь зрелая, развитая женщина, а не девочка-подросток. Неважно, насколько извращен этот парень, но ему нужен контакт со взрослой женщиной. Если он издевается над куклой-младенцем, у нас совсем другой набор проблем.

В любом случае человек, утыкающий куклу иголками и бросающий ее на больничном дворе, страдает расстройством психики, поэтому у него не будет водительских прав, и в обычной среде он будет выделяться своими странностями. Парень в камуфляже гораздо опаснее. У него есть работа, потому что есть деньги на винтовку, пикап

и камеру. Он может «нормально» функционировать в обществе. Когда он решит нанести удар, жертва окажется в реальной опасности. Доверю ли я большинству психиатров и специалистов по психическому здоровью провести это различие? Нет. У них нет для этого достаточной подготовки. Они не проверяли свои предположения.

Одним из ключевых моментов нашего исследования серийных убийц была проверка того, что люди нам говорили, путем изучения реальных доказательств. В противном случае приходится полагаться на самоотчеты, которые в лучшем случае неполны, а в худшем – не имеют научной ценности.

Оценка опасности преступника может иметь множество полезных применений. В пятницу 16 апреля 1982 года агенты секретной службы США обратились ко мне насчет серии писем, написанных одним и тем же человеком. Серия началась в 1979-м с угроз жизни президента (сначала Джимми Картера, потом Рональда Рейгана) и других политических фигур.

Первое письмо было отправлено в секретную службу в Нью-Йорке от некоего Одинокого и грустного. Оно занимало две страницы, вырванные из блокнота, и его автор грозил «застрелить президента Картера или еще кого-нибудь у власти».

С июля 1981 по февраль 1982 года было получено еще восемь писем. Три были отправлены в секретную службу в Нью-Йорке, одно – в ФБР в Нью-Йорке, одно – в ФБР в Вашингтоне, одно – в «Филадельфия дейли ньюс» и два – напрямую в Белый дом. Все были написаны от руки, тем же почерком, что у Одинокого и грустного, но теперь подписаны К. О. Т. Их отправили из Нью-Йорка, Филадельфии и Вашингтона. В письмах выражалось намерение К.О.Т. убить президента Рейгана, которого автор называл «дьявол Божий» или «Дьявол». Угрожал он и другим политикам, поддерживавшим Рейгана. Автор упоминал Джона Хинкли, обещая продолжить его прерванную миссию.

Поступали еще письма, в том числе конгрессмену Джеку Кемпу и сенатору Альфонсу Д’Амато. Больше всего секретную службу обеспокоили приложенные к ним фотографии сенатора Д’Амато и конгрессмена Реймонда Макграфа из Нью-Йорк-Сити. Сделанные с

очень близкого расстояния, они подтверждали способность К.О.Т. подбираться к цели достаточно близко, чтобы исполнить свои угрозы.

Наконец, 14 июня 1982 года четырнадцатое письмо было доставлено редактору «Нью-Йорк пост». Оно гласило, что все узнают, кто такой автор, когда он разделается с президентом – «Дьяволом». Он заявлял, что его никто не услышал и все посмеялись над ним, что меня не удивило.

Но, кроме того, в письме он давал газете «позволение» поговорить с ним по завершении его исторической миссии. Это была подвижка, которой мы долго ждали. К.О.Т. хотел – может, даже очень – вступить в диалог с редактором газеты. Мы решили предоставить ему такую возможность.

Судя по языку письма, а также тому, откуда и кому они были отправлены, я был уверен, что наш парень – из Нью-Йорка. Я составил профиль: белый мужчина, холост, от 25 до 30 лет, коренной житель Нью-Йорка, живущий на окраине, вероятно в одиночку. Среднего интеллектуального уровня, окончил старшую школу и, возможно, еще какие-нибудь курсы политологии или литературы. Вероятно, младший или единственный сын в семье. Я подозревал, что в прошлом он крепко сидел на наркотиках и/или алкоголе, но теперь употребляет лишь эпизодически. Считает себя неудачником, не оправдавшим надежд, которые возлагали на него родители или другие люди, имеет за спиной множество незаконченных начинаний. Вероятно, в возрасте около двадцати пяти лет подвергся сильному стрессу, связанному, например, с военной службой, разводом, болезнью или утратой члена семьи.

Секретная служба делала большой упор на то, что может символизировать или означать аббревиатура К.О.Т. Я сказал, что об этом не стоит особо волноваться, потому что она может не значить ровным счетом ничего. Не имеет смысла копаться в мелких деталях – НС может просто нравиться, как это звучит или выглядит в написанном виде.

Вопрос секретной службы, как всегда, заключался в том, насколько этот человек действительно опасен – ведь большинство тех, кто отправляет письма с угрозами, не приводят их в исполнение. Но я сказал им, что личности вроде этой всегда чего-то ищут. Они присоединяются к политическим группам, вступают в секты, но

искомого не находят. Другие считают их странными и не принимают всерьез, поэтому со временем проблема только обостряется. Они сосредоточиваются на миссии, якобы придающей их жизни смысл. Это первый раз, когда он чувствует свою власть, и это ощущение очень ему нравится. Поэтому он и дальше будет испытывать удачу. А люди, испытывающие удачу, всегда опасны.

Я считал, он умеет обращаться с оружием и предпочтет нападение с близкого расстояния, пусть это даже означает, что сбежать ему не удастся. Поскольку его миссия, по сути, самоубийство, он может вести дневник, чтобы впоследствии мир узнал его историю. По контрасту с типом личности Тайленолового убийцы, К.О.Т. не хочет сохранить инкогнито. Когда страх жизни станет у него сильнее страха смерти, он приведет свою угрозу в исполнение. Перед преступлением он будет полностью спокоен. Он хорошо замаскируется и смешается с окружением. Будет болтать с полицией или агентами секретной службы поблизости, выглядя при этом самым обычным парнем, не представляющим угрозы.

В определенном смысле он был похож на Джона Хинкли, чье дело тогда обсуждали во всех новостях. Он был одержим Хинкли, о котором достаточно много знал; я подумал, он может прийти на суд, чтобы услышать вердикт присяжных или приговор, и предложил секретной службе в этот период последить за театром Форда в Вашингтоне, где застрелили Авраама Линкольна и куда Хинкли заезжал, прежде чем выстрелить в президента Рейгана. Еще я сказал проверить отель по соседству, где Хинкли останавливался. Если кто-то спрашивал номер Хинкли, это мог быть наш парень.

В отеле подтвердили, что поступал запрос на ту самую комнату. Агенты секретной службы вломились туда и обнаружили пожилую супружескую пару: в свое время они провели там первую брачную ночь и с тех пор неоднократно туда возвращались.

В августе секретная служба получила еще два письма за подписью К.О.Т., адресованные «в кабинет президента, Вашингтон, округ Колумбия». Оба были отправлены из Бейкерсфилда, Калифорния. Поскольку многие убийцы ездят по стране, выслеживая добычу, имелась веская причина опасаться, что он готовится нанести удар. В своих письмах он предупреждал: «Пребывая в здравом уме и твердой памяти, [я] считаю своим долгом собрать как можно больше граждан

США и вооружить их для устранения внутренних врагов нашей страны».

В своей длинной параноидной болтовне он рассуждал о «пытках и об аде», через которые прошел, и признавал вероятность того, что может быть убит «в попытке осуществить справедливое возмездие над тварью на самом верху».

Я тщательно изучил эти письма и пришел к выводу, что мы имеем дело с подражателем. Во-первых, они были написаны строчными, а не заглавными буквами, как предыдущие. Президента Рейгана их автор называл «Рон», а не «Дьявол» или «Старик». Мне показалось, что автором может быть женщина; несмотря на дерзость угроз и предупреждений, автор вряд ли представлял серьезную опасность.

С настоящим К.О.Т. было совсем по-другому. Я считал, что лучше всего будет устроить ему ловушку, втянув в диалог, в ходе которого мы сумеем его отследить. Мы посадили агента секретной службы на место редактора в газете и проинструктировали насчет того, как действовать и что говорить. Я предложил ему давить на то, что К.О.Т. может быть с ним откровенен и рассказать «всю историю целиком». Как только между ними возникнет доверие, редактору надо предложить личную встречу – обязательно поздно вечером где-нибудь в тихом месте, потому что редактор еще больше К.О.Т. заинтересован в сохранении их тайны.

Мы поместили детально продуманное объявление в «Нью-Йорк пост», на которое К.О.Т. откликнулся. Он начал регулярно звонить нашему человеку. Я предполагал, что он звонит из какого-нибудь большого общественного места вроде Центрального или Пенсильванского вокзала, а может из библиотеки или музея.

Примерно в это же время ФБР получило еще одну его оценку от доктора Мюррея Майрона, знаменитого эксперта по психолингвистике из Сиракузского университета. Мы с Мюрреем неоднократно сотрудничали над делами и статьями, связанными с оценкой угроз, и я считал его одним из лучших. После начала телефонного диалога Мюррей написал для ФБР отчет, где утверждал, что больше не считает К.О.Т. опасным – скорее это неудачник, стремящийся привлечь к себе внимание, который наслаждается тем, что манипулирует столькими влиятельными людьми. Мюррей говорил, что его, конечно, необходимо

поймать, но серьезной опасности он не представляет. Я был другого мнения.

В конце концов нам удалось продержать его на телефоне достаточно долго, чтобы отследить и арестовать. Двадцать первого октября 1982 года команда из сотрудников секретной службы и ФБР поймала его в телефонной будке на Пенсильванском вокзале, пока он разговаривал с «редактором». Его звали Альфонс Амодио – младший, двадцати семи лет, белый, коренной житель Нью-Йорка с законченным школьным образованием.

Агенты ФБР и секретной службы обыскали его тесную, кишащую тараканами квартирку во Флорал-Парке. Семья была неблагополучной; миссис Амодио допросили, и ее описание сына полностью совпало с профилем. «Он ненавидит [весь мир] и думает, что мир ненавидит его», – сказала она агентам. Она описала резкие перепады настроения сына. Он годами делал вырезки из газет и забил два стеллажа для документов папками с именами разных политиков. В детстве он так сильно заикался, что пошел в школу позже ровесников. Поступил в армию, но сбежал в самоволку после учебной части. Помимо нескольких дневниковых записей, где он называл себя «уличным котом», агенты не нашли никакого логического объяснения прозвищу K.O.T.

Амодио поместили в закрытую психиатрическую лечебницу в Бельвью. Перед судом окружной судья Дэвид Эдельштейн запросил оценку его психического состояния от социального работника, который нашел подсудимого серьезно больным, а потому представляющим реальную опасность для президента и других представителей власти.

Амодио признался в том, что он K. O. T. Агенты, которые его допрашивали, не выявили в угрозах политического подтекста – он рассылал их ради привлечения внимания.

Сейчас он на свободе. Представляет ли такой человек по-прежнему опасность? Я считаю, непосредственной угрозы нет, но если у него снова накопится стресс, а способа справляться он не найдет, то опять начнет нервничать.

На что я обращаю внимание? Один из ключевых моментов – тон. Если я вижу серию писем к политику, кинозвезде, спортсмену или любой другой знаменитости, тон которых становится все более

жестким и настойчивым («Ты не отвечаешь на мои письма!»), я принимаю их всерьез. Поддерживать такую навязчивую одержимость тяжело физически и эмоционально. Рано или поздно автор сломается. И снова – можете называть поведение формой психического заболевания, но меня в первую очередь интересует, *насколько опасным* оно может быть.

Хотя мы проводили интервью с женщинами – в частности, неудавшимися убийцами и участницами «Семьи Мэнсона» Линетт Писклей Фромм и Сарой Джейн Мур, – в опубликованную версию нашего исследования вошли только мужчины. Хотя женщины иногда и становятся убийцами-фанатиками, вы, думаю, заметили, что во всех случаях серийных убийств, о которых я упоминал, фигурировал преступник-мужчина. Наше исследование показало, что практически все серийные убийцы происходят из неблагополучной среды с физическим или сексуальным насилием, наркотиками и алкоголизмом и со всеми связанными с этим проблемами. Женщины растут в той же среде, и девочки при этом чаще становятся объектами насилия и растления, чем мальчики. Так почему лишь немногие из них, повзрослев, совершают преступления того же типа, что и мужчины? Женщина – серийная убийца, вроде Эйлин Уорнос, которую обвиняли в убийствах мужчин на шоссе во Флориде, – это настолько редкий случай, что сразу бросается в глаза.

В данном вопросе мы ступаем на шаткую почву просто потому, что у нас нет исследований, позволяющих дать на него однозначный ответ. Выдвигались предположения, что это может быть связано с уровнем тестостерона – иными словами, обусловлено гормонально и химически. Единственное, что мы можем сказать с уверенностью, – женщины склонны интернализовать свои стрессы. Вместо того чтобы бросаться на других, они наказывают сами себя – путем, в частности, алкоголизма, наркомании, проституции и суицида. Некоторые воспроизводят паттерны психологического или физического насилия в собственных семьях, как, похоже, делала мать Эда Кемпера. С точки зрения психического здоровья это крайне вредоносный вариант. Но факт остается фактом: женщины не убивают теми же способами и уж точно не в тех количествах, что мужчины.

Так что же можно сделать с потенциальной опасностью? Как скорректировать психическую нестабильность или особенности характера, пока не стало слишком поздно? К сожалению, тут нет быстрого или простого ответа. Во многих смыслах правоохранительные органы стали первой инстанцией поддержания порядка и дисциплины – вместо семьи. Для общества это опасная ситуация, потому что, когда мы вмешиваемся, исправлять что-то уже поздно. Лучшее, что мы можем, – не допустить, чтобы все стало еще хуже.

Если вам кажется, что ответ – школа, то вы слишком много от нее требуете. Ребенок из неблагополучной среды на семь часов в сутки попадает в руки и без того перегруженных учителей – как думаете, этого хватит, чтобы перевесить остальные семнадцать часов?

Люди часто спрашивают нас, можем ли мы, с нашим опытом исследований, предсказать, будет ли какой-то ребенок, повзрослев, представлять опасность для общества. Ответ Роя Хейзелвуда: «Безусловно. Равно как и любой хороший учитель начальной школы». Если бы мы могли вмешиваться достаточно рано и интенсивно, это, может, и сработало бы. Значимый взрослый, подающий хороший пример для подражания в годы формирования личности, может изменить кому-то всю жизнь.

Билл Тафойя, специальный агент, служащий нашим «футурологом» в Куантико, считает, что эффективна была бы минимум десятилетняя государственная программа с привлечением ресурсов не меньших, чем ушли на Войну в заливе. Он призывает к широкомасштабной акции вроде проекта Head Start, одной из самых эффективных долгосрочных антикриминальных программ в истории. Он считает, что увеличение количества полицейских – не ответ, что нужна «армия социальных работников» для обеспечения поддержки женщин, подвергшихся насилию, и бездомных с детьми, которым требуется приемная семья. Все это следует поддержать налоговыми льготами.

Я не уверен, что такая программа все решит, но она могла бы положить неплохое начало. Потому что, как бы это ни было печально, мозгоправы могут сколько угодно ломать копья, а мы с моими людьми – применять психологию и поведенческую науку для поимки

преступников, но к моменту, когда мы вступаем в дело, серьезный ущерб уже причинен.

Глава 19
Иногда побеждает дракон

Когда в июле 1982 года в Грин-Ривер близ Сиэтла было найдено тело шестнадцатилетней девушки, этому не придали особого значения. Река, связывающая гору Рейнир с заливом Пьюджет-Саунд, была обычным местом нелегального сброса отходов, а жертва – проституткой. Значение этой находки стало ясно полиции позднее тем же летом – 12 августа в реке нашли еще один труп, а потом, три дня спустя, еще три. Возраст и раса жертв разнились, но все были задушены. К некоторым привязали груз, чтобы тела не всплыли раньше времени. Все были раздеты, в двух случаях во влагалищах трупов нашли небольшие камни.

Серийный характер преступления был очевиден, и он сразу же напомнил о череде похищений и убийств как минимум восьми женщин в этих же местах в 1974 году неким Тедом. Дело не могли раскрыть четыре года, пока привлекательный и образованный молодой мужчина по имени Теодор Роберт Банди не был арестован за серию жестоких убийств в общежитии студенческого сестринства во Флориде. К тому времени он проехал через всю страну, убив как минимум двадцать три девушки и заслуженно заняв место в комнате ужасов нашего коллективного бессознательного.

За расследование на Грин-Ривер отвечал майор Ричард Краск из убойного отдела округа Кинг, и он, желая использовать то, чему в свое время обучился, обратился в ФБР за помощью в составлении психологического профиля Убийцы с Грин-Ривер. Хотя следователи в его недавно сформированной разыскной группе разделились во мнениях насчет того, правда ли эти дела связаны между собой, один фактор точно был общим: все жертвы работали проститутками на Си-Так, небольшом отрезке Тихоокеанского шоссе близ аэропорта Сиэтл – Такома. Девушки там продолжали пропадать.

В сентябре Аллен Уитакер, ОСА Сиэтла, приехал в Куантико и передал нам материалы по пяти исходным делам. Как я часто поступал, когда хотел сконцентрироваться и не отвлекаться на обращения персонала и входящие звонки, я укрылся на верхнем этаже

библиотеки, где мог остаться один, смотреть в окно (все, кто работает под землей, меня поймут) и погружаться в разум преступника и жертв. Целый рабочий день я изучал материалы: отчеты с мест преступления и фотографии, протоколы вскрытий и описания жертв. Несмотря на разницу в возрасте, расе и модус операнди, сходство было достаточно выраженным, чтобы утверждать: все убийства совершил один человек.

Я составил подробный профиль физически сильного белого мужчины, не имеющего постоянной работы, который хорошо знает реку. Он не испытывает угрызений совести за то, что сделал, – наоборот, уверен, что исполняет важную миссию. Когда-то у него был унизительный опыт с женщиной, и теперь он наказывает за него проституток, которых считает низшими представительницами женского пола. В то же время я предупредил полицию, что из-за характера преступлений и виктимологии множество людей будут вписываться в этот профиль. В отличие, скажем, от Эда Кемпера, наш преступник небольшого ума. Он совершает простые преступления высокого риска. Следует сделать упор на проактивные техники, попытавшись выманить НС и подтолкнуть его вступить в какого-либо рода контакт с полицией. Уезжая из Куантико, Уитакер увез профиль с собой.

В том же месяце сильно разложившееся тело еще одной молодой женщины нашли в жилом квартале, предназначенном на снос, близ аэропорта. Она была голой, с парой черных мужских носков, завязанных на шее. Патологоанатом установил, что ее убили примерно тогда же, когда и жертв из реки. Возможно, убийца изменил модус операнди, прослышав, что за рекой ведется наблюдение.

Согласно книге Карлтона Смита и Томаса Гиллена «В поисках убийцы с Грин-Ривер», основанной на их собственном расследовании, главным подозреваемым считался сорокачетырехлетний таксист, вписывавшийся в профиль практически по всем пунктам. Он еще на ранних стадиях попытался вмешаться в расследование, звонил в полицию с рекомендациями, как поймать убийцу, и советовал присмотреться к другим водителям такси. Он много времени проводил с проститутками и бездомными в районе развлечений, вел ночной образ жизни, постоянно колесил по округе, пил и курил, как предсказывал профиль, и выражал обеспокоенность безопасностью проституток на шоссе. Он был пять раз женат и разведен, вырос возле

реки, жил с овдовевшим отцом, ездил на старой традиционной американской машине, которую не очень хорошо содержал, и внимательно следил за сообщениями в прессе по этому делу.

Полицейские запланировали его допрос на сентябрь и обратились ко мне за советом по стратегии. Я тогда постоянно находился в командировках, мотаясь по стране чуть ли не каждую неделю, чтобы успевать со всеми делами, над которыми работал. Когда мне позвонили, меня не было в городе, но Роджер Депью, начальник отдела, сказал, что я вернусь через пару дней, и порекомендовал отложить допрос, чтобы до того непременно переговорить со мной. До сих пор подозреваемый охотно шел на сотрудничество и никуда не собирался уезжать из города.

Однако копы все-таки устроили допрос, который продолжался почти целый день и превратился в открытую конфронтацию. Проверка на полиграфе дала неоднозначный результат, и, хотя полиция установила за ним открытую круглосуточную слежку и продолжала сбор косвенных доказательств, для предъявления обвинения их не хватало.

Поскольку лично я в той части расследования не участвовал, не могу сказать, насколько потенциальным подозреваемым был этот человек. Но отсутствие координации сильно повредило расследованию на ранних стадиях – тех, когда преступника проще всего поймать. Он пока что сильно обеспокоен, не знает, чего ждать, то есть «прожарка задницы» идет по полной. С течением времени НС начинает думать, что ему все сошло с рук, успокаивается и совершенствует свой модус операнди.

В начале расследования у местной полиции не было даже компьютера. С учетом размаха, который оно приобрело, и скорости отработки зацепок ушло бы лет пятнадцать, чтобы проверить их все. Если бы расследование убийств на Грин-Ривер происходило сейчас, я очень надеюсь, организация на ранних стадиях была бы гораздо четче, а стратегия – конкретнее. Тем не менее грандиозность задачи никуда бы не делась. Те проститутки вели кочевой образ жизни; если бойфренд или сутенер обращался с заявлением о пропаже, почти в ста процентах случаев оказывалось, что девушка сама сбежала или переехала куда-то вверх или вниз по побережью. Многие из них использовали псевдонимы, отчего опознание трупов и ведение

следствия превращались в настоящий кошмар. Найти для опознания медицинские и стоматологические карты было крайне затруднительно. Ну и, естественно, отношения между полицией и проститутками были, мягко говоря, натянутыми.

В мае 1983 года молоденькую проститутку нашли полностью одетой в тщательно инсценированной обстановке: у нее на шее лежала рыбина, еще одна – на левой груди, а между ног – бутылка вина. Девушку задушили тонким шнуром или веревкой. Полиция приписала ее смерть Убийце с Грин-Ривер. Но хотя я считал, что она действительно может быть жертвой того же человека, это убийство отличалось более личным характером. Выбор жертвы не был случайным слишком много гнева убийца сюда вложил. Он хорошо знал жертву.

К концу 1983-го счет жертв возрос до двенадцати, еще семь считались пропавшими. Одна из мертвых женщин находилась на восьмом месяце беременности. Следственная группа попросила меня приехать и дать свои рекомендации на месте. Как я уже говорил, я тогда постоянно разъезжал по стране, работая одновременно над делом Уэйна Уильямса в Атланте, Убийцы с 22-м калибром в Баффало, Лесного убийцы в Сан-Франциско, Роберта Хансена в Анкоридже и антисемитскими серийными поджогами в Хартфорде – помимо еще примерно сотни других активных расследований. Единственным способом работать еще больше было бы разбирать дела во сне. Я понимал, что изматываю себя. Но не понимал, насколько и с какой скоростью. Поэтому, когда следователи по делу Убийцы с Грин-Ривер сказали, что я им нужен, я решил втиснуть и это в свое расписание.

Я был уверен, что убийца впишется в мой профиль, но знал также, что в него впишутся множество людей и к настоящему моменту у следствия уже имелись кандидаты. Мало того, чем дольше тянулось дело, тем больше был шанс, что появятся подражатели и просто другие убийцы, действующие на той же территории. Си-Так-Стрип был удобным местом для выбора жертвы. Если вам хочется убить, вы пойдете туда. Проститутки – легкая добыча, а поскольку многие из них курсировали по всему Западному побережью от Ванкувера до Сан-Диего, если одна исчезала, зачастую никто ее не искал.

Я подумал, что проактивные техники в данном случае будут эффективнее всего. Можно было устроить общегородское собрание по

вопросу убийств в какой-нибудь школе, пустить лист для переписи участников и записать номера машин всех, кто пришел; можно было использовать прессу, чтобы распустить слух о «суперкопе», который бросает убийце вызов, или опубликовать материал о беременной женщине, чтобы пробудить в убийце совесть и выманить его на ее могилу; можно было установить наблюдение за неофициальными свалками, выпустить на Стрип женщин-полицейских под прикрытием – в общем, попробовать разные варианты.

Я привез с собой Блейна Макилвейна и Рона Уокера, двух новых профайлеров, решив, что им будет полезно получить опыт на месте. И правильно сделал – как будто Господь или космический порядок руководили мной. Они спасли мою жизнь.

Когда они вломились в запертый на замок, засов и цепочку номер в отеле и нашли меня на полу без сознания, бьющегося в конвульсиях, я был близок к смерти от лихорадки, пожиравшей мой мозг.

К моменту, когда я наконец поправился и вернулся на работу в мае 1984 года, Убийца с Грин-Ривер продолжал разгуливать на свободе, как и на момент написания этой книги, более десятилетия спустя. Я продолжал консультировать следственную группу, проводившую одну из самых крупных организованных охот за преступником в американской истории. Расследование затягивалось, количество жертв продолжало расти, и я все больше уверялся в том, что тут работает несколько серийных убийц, обладающих некоторыми общими чертами, но действующих независимо. Полиция в Спокейне и Портленде ознакомила меня с убийствами нескольких проституток, и я не нашел в них связи с делом в Сиэтле. Полиция Сан-Диего считала, что произошедшие там убийства могут быть делом рук Убийцы с Грин-Ривер. В целом следственная группа по делу Грин-Ривер занималась более чем пятьюдесятью смертями. Список подозреваемых в количестве 1200 человек сократился до восьмидесяти. Кого там только не было: от бойфрендов и сутенеров жертв до клиента из Портленда, от которого проститутка сбежала из-за угроз пыток, и браконьера из Сиэтла. В какой-то момент подозревали даже нескольких полицейских. Однако до предъявления обвинения так и не дошло. Я был практически уверен, что там действовали минимум трое убийц – а может, и больше.

Последняя крупная проактивная акция состоялась в декабре 1988-го – это была двухчасовая телепрограмма, транслировавшаяся на всю страну, под названием «Облава. Прямой эфир». Ее вел звезда «Далласа» Патрик Даффи; шоу посвящалось поискам Убийцы с Грин-Ривер, и зрителям предлагали звонить по бесплатным телефонным линиям, если у них есть какая-либо информация или зацепки. Я прилетел в Сиэтл, чтобы выступить в шоу и проконсультировать полицейских, как сортировать телефонные звонки и правильно задавать наводящие вопросы.

За неделю после передачи, по оценкам телефонной компании, на бесплатные линии пытались дозвониться более ста тысяч человек, но удалось это примерно десяти тысячам. Спустя три недели исчерпались финансовые ресурсы – и силы волонтеров, работавших на телефоне. Это было весьма характерно для дела Грин-Ривер: множество преданных своей работе людей прилагали невероятные усилия, но их оказывалось недостаточно.

Много лет у Грега Маккрэри над рабочим столом висела картинка: огнедышащий дракон нависает над лежащим на земле рыцарем. Подпись простая: «Иногда побеждает дракон».

Это реальность, которой никому из нас не избежать. Мы ловим не всех, а те, кого ловим, уже изнасиловали, или убили, или взорвали, или сожгли, или расчленили – их поймали слишком поздно. Это верно в наше время точно так же, как было верно во времена, когда Джек-потрошитель стал первым серийным убийцей, захватившим человеческое воображение.

Хотя шоу «Облава» не привело к поимке Убийцы с Грин-Ривер, в том же году я появился в другом национальном телешоу, где должен был с помощью профилирования указать на предполагаемую личность самого знаменитого серийного убийцы всех времен и народов. Шоу совпало с сотой годовщиной убийств Джека-потрошителя в Уайтчепеле – иными словами, мой профиль опоздал всего на какую-то сотню лет.

Жестокие убийства проституток происходили на освещенных газовыми фонарями улицах густонаселенного бедного Ист-Энда в викторианском Лондоне с 31 августа по 9 ноября 1888 года. С каждым разом дерзость убийств и степень посмертного уродования трупов усиливалась. Ранним утром 30 сентября он убил двух женщин в

течение часа или двух – событие по тем временам неслыханное. В полицию поступило несколько писем, где убийца насмехался над сыщиками, их опубликовали в газетах, и преступление произвело настоящий фурор. Потрошителя так и не поймали, несмотря на отчаянные усилия Скотленд-Ярда, и его личность с тех пор оставалась предметом оживленных дискуссий. Как и в случае с личностью Уильяма Шекспира, выбор подозреваемых больше говорил об авторах предположений, чем об их предмете.

Среди наиболее популярных, обожаемых публикой подозреваемых фигурировали принц Альберт Виктор, герцог Кларенс, старший внук королевы Виктории, и названный по отцу Эдвардом принц Уэльский (ставший Эдуардом VII после смерти Виктории в 1901-м), наследник престола. Герцог Кларенс предположительно скончался во время эпидемии инфлюэнцы в 1892 году, но многие сторонники версии о том, что именно он был Джеком-потрошителем, выдвигали теории, что на самом деле он умер от сифилиса или был отравлен королевским медиком с целью уберечь от скандала правящую семью. Согласитесь, интригующая вероятность.

Другими кандидатами были Монтегю Джон Друит, преподаватель из школы для мальчиков, подходивший под описания свидетелей; доктор Уильям Галл, королевский врач; Аарон Космински, бедный польский эмигрант, побывавший в психлечебнице, который жил поблизости от места убийств; доктор Розлин Д’Онстан, журналист, увлекавшийся черной магией.

Многие предположения делались на основании того факта, что убийства Потрошителя внезапно прекратились: что он покончил с собой, что герцога Кларенса отослали из страны, что подозреваемый умер. Оглядываясь назад с наших современных позиций, я могу также предположить, что его арестовали за менее тяжкое преступление, как часто бывает, и это положило убийствам конец. Другим важным фактором является само по себе «потрошение». Одной из причин, по которым у убийцы подозревали медицинскую подготовку, было мастерство, с которым он обращался с внутренностями последних жертв.

Целью «Тайны личности Джека-потрошителя», транслировавшейся по телевидению в октябре 1988 года, было представить все имеющиеся доказательства по делу и дать экспертам

из разных сфер высказать свои предположения о том, кем он мог быть, тем самым разрешив загадку столетней давности «раз и навсегда». Нас с Роем Хейзелвудом тоже пригласили на программу, и ФБР сочло это хорошей возможностью продемонстрировать общественности, чем мы занимаемся, не скомпрометировав текущих расследований и судебных процессов. Двухчасовое шоу в прямом эфире вел британский актер, писатель и режиссер Питер Устинов, искренне увлекшийся ходом расследования по мере его продвижения.

Любое упражнение подобного рода подчиняется тем же правилам, что и наши текущие расследования, – результат будет настолько хорош, насколько подробные данные имеются в нашем распоряжении. Столетие назад следственные методы были, по нашим стандартам, примитивными. Но, базируясь на доступной информации об убийствах Потрошителя, я счел, что сегодня это дело считалось бы вполне раскрываемым, так что решил попробовать. Когда занимаешься работой вроде нашей, начинаешь воспринимать как развлечение любую деятельность, самым страшным исходом которой будет выставить себя на посмешище на всю страну, а не получить еще одну невинную жертву.

Перед съемками я составил профиль, как делаю обычно, с тем же заголовком:

НС, а. к.а. ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ
СЕРИЯ УБИЙСТВ
ЛОНДОН, АНГЛИЯ
1888
NCAVC – УБИЙСТВО (КРИМИНАЛЬНЫЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ)

Аббревиатура NCAVC означает Национальный центр анализа насильственных преступлений; это программа, организованная в Куантико в 1985 году и включающая отделы поведенческой науки и содействия расследованиям, ViCAP – базу данных по поимке преступников, а также подразделения быстрого реагирования.

В рамках реальной консультации, когда я составляю профиль, мне описывают потенциальных подозреваемых. Каким бы привлекательным вариантом ни казался герцог Кларенс со сценарной

точки зрения, мы с Роем независимо друг от друга сошлись на Аароне Космински как самом вероятном кандидате.

Как и в деле Йоркширского потрошителя девяносто лет спустя, мы были убеждены, что дерзкие письма в полицию писал самозванец, а не настоящий Джек, который, со своим типом личности, никогда не бросил бы полиции открытого вызова. Уродование трупов указывало на психически нестабильного, сексуально неудовлетворенного человека с накопившейся яростью против всех женщин. Блицнападения во всех случаях также говорили, что он личностно и социально неадекватен. Это не тот человек, который выражает свои мысли словами. Обстоятельства преступлений свидетельствовали, что он прекрасно вписывался в среду и не вызывал у проституток подозрений или страха. Без сомнения, полиция допрашивала его в ходе расследования. Из всех кандидатур, которые нам представили, Косминski вписывался в профиль гораздо лучше всех остальных. Что касается предполагаемой медицинской подготовки, необходимой для посмертного уродования тел и их вскрытия, я бы сказал, что тут хватило бы и мясника. К тому же мы давно поняли, что серийному преступнику не нужно ничего, кроме желания совершить над трупом злодейства, которые взбредут ему в голову. Эда Гина, Эда Кемпера, Джеффри Дамера, Ричарда Маркетта – в числе множества прочих – не остановило отсутствие медицинского образования.

Представив свой анализ, я должен теперь сделать шаг назад и объяснить, что, несмотря на мое заявление на телешоу, я не могу с уверенностью сказать, что Аарон Косминski действительно был Джеком-потрошителем. Он просто входил в число подозреваемых, которых представили нам. Однако я уверен, что Джеком-потрошителем был кто-то, *очень похожий* на Косминski. Если бы мы проводили такой криминальный следственный анализ сегодня, наш профиль помог бы полиции и Скотленд-Ярду сузить круг подозреваемых и вычислить убийцу. Вот почему я говорю, что по современным стандартам это дело вполне раскрываемое.

В некоторых случаях наши методы указывают на определенный тип подозреваемого, но мы не можем собрать достаточно улик для ареста и обвинения. Таким было дело Душителя BTK в Уичито, Канзас, в середине 1970-х.

Все началось 15 января 1974 года с убийства семьи Отеро. Тридцативосьмилетнего Джозефа Отеро и его жену Джулию связали и задушили шнурами от жалюзи. Их девятилетнего сына Джозефа-второго нашли связанным в его спальне с полиэтиленовым пакетом на голове. Одиннадцатилетнюю Жозефину повесили на трубе в подвале; на ней остались только футболка и носки. Все улики указывали, что преступление не было спонтанным. Убийца перерезал телефонный провод и принес с собой шнур, которым задушил жертвы.

Десять месяцев спустя редактору местной газеты поступил анонимный звонок с предложением заглянуть в одну книгу в публичной библиотеке. Там оказалось послание от НС: он брал на себя ответственность за убийства Отеро, обещал убивать и дальше и заявлял, что его девизом будет «Bind, torture, kill» («Связать, пытать, убить»), или BTK.

В следующие три года он совершил еще несколько убийств молодых женщин, после чего отправил письмо на местную телестанцию, которое многое поведало следствию о личности преступника, самого придумавшего себе прозвище: «Скольких еще мне придется убить, прежде чем мое имя появится в газетах и вообще получит признание?»

В одном из своих опубликованных посланий он сравнивал себя с Джеком-потрошителем, Сыном Сэма и Хиллсайдским душителем – все они были одиночками и неудачниками и прославились из-за преступлений. Он приписывал свои убийства действию «демона» или «фактора Х», что привело к пространным дискуссиям по поводу его личности в газетах.

Однако он приложил к посланию откровенные рисунки обнаженных женщин, связанных и подвергаемых пыткам. Эти рисунки не публиковались, зато они позволили мне понять, личность какого типа мы ищем. После этого оставалось только сузить круг подозреваемых.

Как и его кумир Джек-потрошитель, BTK прекратил убивать внезапно. В данном случае я считал, что полиция допросила его, он понял, что сильно рискует, и оказался достаточно сообразительным и искушенным, чтобы остановиться, прежде чем против него наберется больше улик. Надеюсь, мы по крайней мере нейтрализовали его, но иногда побеждает дракон[20].

Бывает, что дракон побеждает и в нашей жизни. Убивая одного человека, маньяк делает своими жертвами еще нескольких. Я далеко не единственный в моем отделе пострадал от последствий стресса – куда там! Проблемы в семье и браке у нас обычное дело, что не может не вызывать тревогу.

В 1993 году мы с Пэм развелись после двадцати двух лет супружеской жизни. Наверное, у каждого из нас своя история того, как это случилось, но есть вещи, которые невозможно отрицать. Я слишком часто отсутствовал, когда росли наши дочери, Эрика и Лорен. Находясь в городе, я все равно был слишком поглощен работой, так что Пэм чувствовала себя матерью-одиночкой. Ей приходилось вести хозяйство, оплачивать счета, возить детей в школу, встречаться с учителями, следить, чтобы домашние задания были сделаны, продолжая одновременно учительскую карьеру. К моменту, когда в январе 1987-го родился наш сын Джед, в моем отделе появились еще профайлеры, и я не так часто ездил в командировки. Но должен признаться, что, имея троих прекрасных, умных, очаровательных детей, я толком не знал их, пока не уволился из Бюро. Я слишком много времени потратил на изучение виктимологии детей мертвых, чтобы по-настоящему познакомиться с собственными, потрясающими и живыми.

Много раз Пэм обращалась ко мне с какими-нибудь обычными детскими проблемами вроде пореза или царапины от падения с велосипеда. Из-за стресса и давления на работе я мог сорваться на нее – мы оба это помним – и начать описывать изуродованные трупы детей того же возраста, которые повидал: она что, не понимает, что падать с велосипеда – нормально и это не повод поднимать шум?

Стать полностью нечувствительным к подобным ужасам невозможно, но со временем у тебя вырабатывается какой-никакой иммунитет. Однажды я ужинал с детьми, а Пэм открывала на кухне консервную банку. Нож соскользнул, и она сильно порезалась. Пэм закричала, и мы все бросились к ней. Но как только мне стало ясно, что рана не угрожает ее жизни и рука останется на месте, я обратил внимание на рисунок брызг крови и стал мысленно совмещать его с рисунками на местах преступлений. Я хотел пошутить, разрядить напряжение и начал объяснять ей и детям, как меняется этот рисунок, когда она шевелит рукой, – именно так мы устанавливаем, что

произошло между нападающим и жертвой. Вот только они восприняли это отнюдь не так легкомысленно.

Ты пытаешься выработать защитные механизмы, чтобы справляться с тем, что видишь на работе, но в результате запросто можешь превратиться в холодного, бесчувственного сукина сына. Если в семье у тебя все в порядке и брак твой крепок, работа на него, может, и не повлияет, но, если в нем есть трещина, стресс может ее углубить – в точности как у преступников, за которыми мы охотимся.

У нас с Пэм были разные друзья: я не мог говорить о том, чем занимаюсь, в ее кругу и потому нуждался в собственном. Когда мы общались с кем-то не из Бюро и правоохранительных органов, мне быстро надоедали банальные разговоры. Как бы отталкивающе это ни звучало, когда целыми днями копаешься в головах у убийц, тебе становится не очень важно, где сосед оставляет мусорный бак или в какой цвет красит свой забор.

Тем не менее я рад, что, пройдя через эмоциональные бури, мы с Пэм сумели остаться друзьями. Дети живут со мной (Эрика уже уехала в колледж), но мы с Пэм на равных участвуем в их воспитании. Хорошо, что Лорен и Джед еще достаточно маленькие, чтобы я мог насладиться их взрослением.

С начала 1980-х, когда я был единственным профайлером в ФБР – получая периодически помощь от Роя Хейзелвуда, Билла Хэгмайера и некоторых других, – наш отдел вырос до десятка сотрудников. Этого по-прежнему недостаточно, чтобы справляться с объемом дел, которые нам передают, зато не настолько много, чтобы мы потеряли личный контакт друг с другом и с местными полицейскими департаментами, ставший одной из характерных черт нашего модус операнди. Многие полицейские начальники и детективы, обращающиеся в наш отдел, впервые познакомились с нами на лекциях в Национальной академии. Шериф Джим Меттс обратился ко мне за помощью в расследованиях по Шери Смит и Дебре Хелмик, а капитан Линд Джонстон – к Грегу Маккрэри, чтобы понять, кто убивает проституток в Рочестере, потому что они оба были нашими выпускниками.

К середине 1980-х отдел поведенческих наук разделился на отдел преподавания и исследований поведенческих наук и группу, в которой я руководил программой по криминальному профилированию, – отдел

содействия расследованиям. Еще два ключевых подразделения, помимо моего, в этом отделе – ViCAP, которой после Боба Ресслера стал руководить Джим Райт, и инженерная служба. Роджер Депью встал во главе преподавания, а Аллен Смоки Берджесс – следственной поддержки. (Он никак не связан с Энн Берджесс, но ее муж Аллен Берджесс был нашим соавтором в «Руководстве классификации преступлений». Я ясно объясняю?)

Какой бы тяжелой и выматывающей ни была моя работа, я сделал на ней выдающуюся карьеру. К счастью, мне удалось избежать стадии, которой обычно не минуют те, кто движется вперед по иерархической лестнице, – руководства. Все изменилось весной 1990 года. На собрании отдела Смоки Берджесс объявил, что увольняется с поста начальника отдела. После этого новый заместитель директора, Дэйв Коль, бывший моим старшим по команде в Милуоки и сослуживцем по спецназу, вызвал меня к себе в офис и спросил, каковы мои планы.

Я сказал, что ужасно выгорел и утомился от всего, поэтому подумываю о бумажной работе в штаб-квартире, после которой, наверное, уйду в отставку.

– Тебе не это нужно, – сказал мне Коль. – Ты там потеряешь себя. Начальником отдела ты принесешь гораздо больше пользы.

– Не знаю, хочу ли я быть начальником отдела, – ответил я. Я уже и так исполнял часть обязанностей начальника и служил у нас чем-то вроде ходячей энциклопедии, потому что проработал в отделе так долго. Но на той стадии моей карьеры мне не хотелось заниматься управлением. Берджесс был великолепным начальником, и благодаря его руководству все мы отлично справлялись.

– Я хочу, чтобы ты стал начальником отдела, – провозгласил Коль. Он был очень напористым, резким и агрессивным парнем.

Я сказал, что хочу продолжать заниматься преподаванием, стратегией судебных процессов, давать показания на судах и выступать перед общественностью. Мне казалось, это я умею лучше всего. Коль заверил меня, что это я и буду делать, и назначил меня на должность.

Прежде всего, став начальником отдела, я постарался избавиться от пустой нудятины, удалив поведенческие науки из нашего названия и назвав подразделение просто отделом содействия расследованиям. Мне хотелось, чтобы полицейские департаменты на местах и остальные в ФБР четко понимали, чем мы занимаемся – и чем нет.

С неизменной помощью и поддержкой Роберты Бидль, отвечавшей за персонал, я довел количество сотрудников ViCAP с четырех до шестнадцати. Остальной отдел тоже разросся, и вскоре у нас насчитывалось сорок человек. Чтобы снять часть административного груза, легшего на меня с увеличением штата, я учредил программу регионального разделения, в соответствии с которой каждому агенту выделялся свой регион страны.

Я считал, что все эти люди достойны статуса эксперта, но штаб-квартира выделила нам только четырнадцать таких мест. Поэтому я добился от них согласия, что каждый мой сотрудник пройдет двухгодовое обучение, после чего будет «помазан» в эксперты и признан старшим специальным агентом с соответствующей оплатой. В программу входили прослушивание всех курсов Национальной академии, преподававшихся отделом поведенческих наук, два курса в Военном институте судебной патологии, стажировка по психиатрии и юриспруденции в Университете Вирджинии (там в то время преподавал Патрик Дитц), обучение в школе допросов Джона Рида, стажировка по процедуре вскрытия в офисе судмедэксперта Балтимора, работа в убойных отделах Департамента полиции Нью-Йорка и составление профилей под руководством одного из региональных специалистов.

Международное сотрудничество также расширилось: в последний год перед увольнением Грег Маккрэри, к примеру, работал над несколькими большими сериями убийств в Канаде и Австрии.

С функциональной точки зрения отдел работал как часы. С административной я понимал, что управляю хрупким суденышком. Когда я видел, что кто-то выгорает, то, обходя правила, отправлял этого человека в отпуск, чтобы тот передохнул. После этого сотрудники показывали лучшие результаты, чем если бы я заставил их следовать всем процедурам. Когда у тебя топовые сотрудники, а ты не можешь поощрить их финансово, приходится идти навстречу в чем-то еще.

Я всегда хорошо ладил со вспомогательным персоналом, и, когда увольнялся, все они очень об этом жалели. Вероятно, это было связано с моей давней службой в армии. Большинство начальников в Бюро раньше были военными офицерами (и многие, как мой последний ОСА Робин Монтгомери – героями войны), соответственно, они подходили к руководству с командных позиций. В этом нет ничего

плохого, и крупные организации не функционировали бы гладко, будь у них все начальство похоже на меня. Но я был вольнонаемным и потому хорошо понимал проблемы вспомогательного персонала. По этой причине я и помощи получал больше, чем другие руководители.

Многие представляют себе ФБР чем-то вроде компьютера: гигантской бюрократической организацией, состоящей из сообразительных и натренированных, но взаимозаменяемых, чересчур серьезных мужчин и женщин в белых рубашках и черных костюмах. Но мне повезло стать частью небольшой группы по-настоящему уникальных индивидуумов, каждый из которых был выдающимся специалистом в своей области. С течением времени – и с ростом роли поведенческой науки в правоохранительной сфере – у всех нас сформировались свои особые интересы и свое поле деятельности.

С первых дней нашего исследования Боб Ресслер больше тяготел к науке, в то время как я – к оперативной стороне. Рой Хейзелвуд – эксперт по изнасилованиям и убийствам на сексуальной почве. Кен Лэннинг – главный специалист по преступлениям против детей. Джим Риз начинал с профилирования, но впоследствии стал заниматься стресс-менеджментом в правоохранной деятельности. У него докторская степень в этой области, он много публикуется и считается одним из лучших консультантов в стране. Сразу по приходе в отдел Джим Райт не только взял на себя обучение новых профайлеров, но и стал ведущим специалистом по преследованиям, или сталкингу, – серьезному межличностному преступлению, которое в последнее время встречается все чаще. У каждого из нас сложились личные отношения со множеством полевых офисов, полицейских департаментов, офисов шерифа и с правоохранительными органами штатов по всей стране, поэтому, когда кто-то звонит с просьбой о помощи, он знает, к кому обращается, и доверяет ему.

Новым сотрудникам порой бывает страшновато переводиться в наш отдел – ко всем этим «звездам», – особенно после фильма «Молчание ягнят», вызвавшего громадный интерес к тому, чем мы занимаемся. Но мы объясняем, что выбрали их, потому что пришли к выводу: они смогут стать полноценными и равноправными членами команды. У них всех есть опыт расследований, а после перевода они проходят полный двухгодичный курс обучения. Добавьте сюда их ум, интуицию, преданность делу и уверенность плюс умение выслушать и

оценить точку зрения другого человека. Я убежден, что Академия ФБР стала ведущим образовательным заведением подобного рода в мире потому, что состоит из индивидуальностей, объединивших свои усилия и таланты ради общей цели. И каждая из этих индивидуальностей поддерживает те же качества в других. Я надеюсь и верю, что наши принципы коллегиальности и взаимной поддержки останутся неизменными и после того, как мое поколение сотрудников выйдет в отставку.

На ужине в честь моей отставки в Куантико в июне 1995 года множество людей наговорили мне кучу приятных вещей, что я счел одновременно неловким и крайне трогательным. Честно говоря, я готовился к реальной «прожарке» и думал, что мои сотрудники воспользуются шансом вывалить на меня все, чего они не могли сказать раньше. После ужина я столкнулся в мужском туалете с Джадом Реем – он уже жалел, что не высказал всего, что хотел. Но раз уж они упустили свой шанс и пришла моя очередь говорить, я решил, что не буду сдерживаться, и отпустил все шуточки в их адрес, которыми вооружился, готовясь к обороне. В тот вечер я не собирался делиться с ними мудростью или давать серьезные советы: я просто надеялся, что смог показать им достойный пример.

После отставки я продолжил приезжать в Куантико для консультаций и преподавания, и мои коллеги знают, что для них я всегда открыт. Я выступаю как раньше: рассказываю о моих двадцати пяти годах копания в разумах убийц. Я уволился из ФБР, но, думаю, никогда не прекращу заниматься тем, чем занимался всю жизнь. К несчастью, наш «бизнес» только растет и «клиентов» у нас не убавляется.

Люди часто спрашивают меня, что можно сделать для борьбы с ростом насильственных преступлений. Хотя, безусловно, существуют практические вещи, которые возможно и необходимо делать, я считаю, что решить проблему с преступностью человечество сможет, только когда этого захочет достаточное количество людей. Иметь больше полиции, судов и тюрем и лучшие следственные техники полезно, но снизить число преступлений мы сможем, лишь когда перестанем принимать и терпеть их в наших семьях, в дружеском кругу и на работе. Это урок других стран, где преступность гораздо ниже, чем у нас. Только такая – глубинная – стратегия, на мой взгляд, может быть

эффективна. Преступление – проблема морали. И решать ее следует на моральном уровне.

За все годы, что я изучал жестоких преступников и общался с ними, я не видел ни одного, который происходил бы из крепкой, благополучной, поддерживающей семьи. Конечно, я считаю, что подавляющее большинство преступников ответственны за свои действия, делают собственный выбор и должны сталкиваться с последствиями того, что натворили. Смехотворно утверждать, что человек не сознавал серьезности своих поступков, потому что ему было всего четырнадцать или пятнадцать. В восемь лет мой сын Джед прекрасно знал, что хорошо, а что плохо.

Но двадцать пять лет наблюдений также послужили для меня доказательством того, что преступниками все-таки становятся, а не рождаются, а это означает, что где-то на своем пути они столкнулись с глубоким негативным влиянием – а ведь могли столкнуться и с позитивным. Поэтому я искренне убежден, что – не отрицая необходимости наращивания финансирования и числа полицейских и тюрем – больше всего нам нужна любовь. Не подумайте, я не упрощаю – но именно тут таится корень проблемы.

Не так давно меня пригласили выступить перед нью-йоркской секцией Общества детективщиков Америки. Собрание было многолюдным, прием – теплым и сердечным. Мужчины и женщины, зарабатывающие на жизнь написанием историй об убийствах, горели желанием послушать человека, работавшего над тысячами реальных дел. Собственно, с тех самых пор, как Томас Харрис написал «Молчание ягнят» и по роману был снят фильм, писатели и сценаристы обращались к нам за реальными историями.

Но, рассказывая подробности моих самых интересных и показательных расследований, я заметил, что все больше людей встает и уходит. Даже им тяжело было слушать о том, с чем я со своими сотрудниками сталкивался ежедневно. Я понял, что их не интересуют детали, потому что они понимали: они не хотят писать о том, как все было на самом деле. Что ж, это хотя бы честно. «Клиентура» у нас с ними разная.

Дракон побеждает не всегда, и мы делаем все, что в наших силах, чтобы он побеждал как можно реже. Но зло, которое он олицетворяет,

с которым я борюсь, никуда не денется, и потому кто-то должен рассказать о нем. Вот что я попытался сделать в этой книге – показать зло таким, каким я его увидел.

---

notes

Примечания

1

Фастбол, слайдер – распространенные виды подачи мяча в бейсболе. *(Здесь и далее прим. ред.)*

2

Питчер – в бейсболе это игрок, который бросает мяч с питчерской горки к дому, где его ловит кетчер и пытается отбить бьющий.

З

Бэттер – игрок нападения с битой, бьющий.

4

Тустеп – американский бытовой танец быстрого темпа, популярный в 1920-х годах.

5

Чабби Чекер (р. 1941) – американский певец и автор песен, популяризатор твиста в 1960-х годах.

6

Джордж Рафт (1901–1980) – американский киноактер и танцор, известный в первую очередь ролями гангстеров в криминальных фильмах об организованной преступности 1930-х и 1940-х годов.

7

«Черные пантеры» – американская леворадикальная организация афроамериканцев, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения. Была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы.

8

Гросс-Пойнт – город в округе Уэйн штата Мичиган и восточный пригород Детройта.

9

Капитолийский холм – район, в котором расположен Капитолий – местопребывание Конгресса США.

10

Рейнджеры – пехотные подразделения глубинной разведки армии США.

11

Зеленые береты – отборные подразделения армии США, предназначенные для ведения партизанской войны и организации специальных операций, аналог десантников.

12

Одинокий рейнджер – персонаж американских вестернов, носящий маску непримиримый борец с беззаконием.

13

Эдвард Джозеф Фланаган (1886–1948) – ирландский священник католической церкви в США; основал приют для трудных подростков «Бойз-Таун» (Boys Town) в штате Небраска.

14

Прогремевший на всю страну процесс над американским футболистом и актером О. Джем Симпсоном, обвиненным в убийстве своей бывшей жены и ее друга.

15

«Кейстоунские копы» – вымышленные, комично некомпетентные полицейские, которых можно увидеть в немых фарсовых комедиях, снятых Маком Сеннеттом для его кинокомпании «Кейстоун» в период с 1912 по 1917 год. «Машина 54, где вы?» – американский 60-серийный комедийный полицейский ситком 1962–1963 годов канала NBC.

16

Серийный убийца Джеффри Дамер орудовал в Милуоки, штат Чикаго; практиковал некрофилию и каннибализм, а также пытался сделать из своих жертв послушных «зомби», проводя им лоботомию электродрелью.

17

Гарри Белафонте (1927–2023) – американский певец и активист за права чернокожих, прозванный королем музыки калипсо.

18

ViCAP (The Violent Criminal Apprehension Program) – программа по борьбе с насильственными преступлениями, подразделение ФБР.

19

Джон Уэйн Гейси, также известный как Клоун-убийца, – американский серийный преступник, в 1970-х годах убивший 33 молодых человека.

20

Первое издание книги относится к 1995 году. Гэри Леон Риджуэй, известный как Убийца с Грин-Ривер, был арестован в 2001 году.

This file was downloaded from Z-Library project

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.sk z-lib.gs z-lib.fm go-to-library.sk

Official Telegram channel

Z-Access

https://wikipedia.org/wiki/Z-Library